

ЗАПАД – ВОСТОК

№ 10. 2017

Основан в 2008 году

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

DOI: 10.30914/2227-6874

Научно-практический ежегодник посвящен актуальным вопросам зарубежной и российской истории, историческим и культурным параллелям Запада и Востока. Цель издания – распространение научного знания, информационное сопровождение достижений ученых в области гуманитарных наук, повышение авторитетности и влияния российского научно-информационного и научно-издательского сегмента в мировом сообществе. Каждый выпуск научного издания носит тематический характер. С 2012 года ежегодник выходит под грифом Российского общества интеллектуальной истории. Международный состав редколлегии представляют ученые академических и вузовских сообществ Австрии, Словакии, Беларуси и России. Значительный объем публикаций принадлежит авторам – членам международной комиссии при национальных комитетах историков Словацкой академии наук и РАН.

Включен и индексируется в: Академия Google, СОЦИОНЕТ, ePrints, РИНЦ, Ulrich's Periodicals Directory, «КиберЛенинка», EBSCO, Academic Resource Index

Тем. план 2017 г. № 101.
Подписано в печать 20.12.2017 г.
Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 29,88.
Уч.-изд. л. 21,73. Тираж 100. Заказ № 1697.

Оригинал-макет подготовлен к печати
в учебно-исследовательской лаборатории
этногендерных исследований и отпечатан
ООП ФГБОУ ВО «Марийский
государственный университет».
424001, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 1

Адрес редакции:
424000, г. Йошкар-Ола, ул. Пушкина, 30, к. 313

Web-страница:
<http://west-east.marsu.ru>

Электронная почта: galina@rokina.ru

Литературный редактор *О. С. Крылова*

Компьютерная верстка *С. А. Окишева*

Перевод *О. Б. Земцова*

Дизайн обложки *И. В. Шишкарёва*

Редакционная коллегия:

Галина Викторовна Рокина (главный редактор),
доктор исторических наук, профессор,
Марийский государственный университет,
г. Йошкар-Ола, galina@rokina.ru

- Шварц Искра** Институт истории Восточной Европы Венского университета, Австрийская Республика, iskra.schwarz@univie.ac.at
- Пушкарева
Наталья Львовна** доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра этногендерных исследований, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва, <http://www.pushkareva.info/>
- Даниш Мирослав** профессор кафедры всеобщей истории, Университет имени Я. А. Коменского, Словакия, г. Братислава, miroslav.danis@uniba.sk
- Серापionoва
Елена Павловна** доктор исторических наук, доцент, зав. отделом истории славянских народов периода мировых войн, Институт славяноведения РАН, г. Москва, serapionova@mail.ru
- Дмитриев
Михаил Владимирович** доктор исторических наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, mdmitriev@hse.ru
- Чикалова
Ирина Ромуальдовна** доктор исторических наук, профессор, Белорусский государственный педагогический университет, г. Минск, Республика Беларусь, irinachikalova@gmail.com
- Гарбульова
Любица** кандидат наук (CSc.), доцент, директор Института истории Прешовского университета, Словацкая Республика, harbulovalubica@gmail.com
- Обидина
Юлия Сергеевна** доктор философских наук, доцент, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, basiley@mail.ru
- Павленко
Ольга Вячеславовна** кандидат исторических наук, доцент, проректор по научной работе, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, olgapavlenko@mail.ru
-

WEST – EAST

No. 10. 2017

Founded in 2008

SCIENTIFIC JOURNAL

DOI: 10.30914/2227-6874

The scientific and practical yearbook is devoted to topical issues of foreign and Russian history, historical and cultural parallels between the West and the East. The purpose of the publication is the dissemination of scientific knowledge, information support of the achievements of scientists in the humanities, the enhancement of the authority and influence of the Russian scientific information and scientific publishing segment in the world community. Each issue of the scientific publication has a thematic character. Since 2012, the yearbook is published jointly with the Russian Society of Intellectual History. The international composition of the editorial board is represented by scholars from academic and university communities in Austria, Slovakia, Belarus and Russia. A significant volume of publications belongs to the authors – members of the international commission of the National committees of historians of the Slovak Academy of Sciences and the Russian Academy of Sciences.

The journal is indexed and archived by: Academy Google, SOCIONET, ePrints, RSCI, Ulrich's Periodicals Directory, "CyberLeninka", EBSCO, Academic Resource Index

Thematic plan 2017 r. No. 101.
Signed to print 20.12.2017.
Sheet size 60×84/8. Conventional printed sheets 29,88.
Number of copies 500. Order no. 1697.

The layout original was prepared for printing
in the Laboratory of ethnic and gender studies
and was issued in the Operative printing
department Mari State University,
1 Lenin Sq., 424001, Yoshkar-Ola

Editorial Office Address:
30 Pushkin St., office 313, Yoshkar-Ola,
424001, Mari El, Russia
<http://west-east.marsu.ru>
E-mail: galina@rokina.ru

Editor *O. S. Krylova*
Desktop publishing *S. A. Okisheva*
Translation *O. B. Zemtsova*
Cover design *I. V. Shishkareva*

Editorial Council:

Galina V. Rokina (main editor)

Dr. Sci. (History), full professor, Mari State University,
Yoshkar-Ola, galina@rokina.ru

- Iskra Schwarcz** Institute of history of Eastern Europe of Vienna University, Austrian Republic, iskra.schwarcz@univie.ac.at
- Nataliya L. Pushkareva** Dr. Sci (History), Professor, Center of Ethnic and Gender Research, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, <http://www.pushkareva.info/>
- Miroslav Danish** Full Professor, professor of the Department of General History, Comenius University, The Slovak Republic, Bratislava, miroslav.danis@uniba.sk
- Elena P. Serapionova** Dr. Sci. (History), Associate Professor, Institute of the Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, serapionova@mail.ru
- Mihail V. Dmitriev** Dr. Sci. (History), Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, mdmitriev@hse.ru
- Irina R. Chikalova** Dr. Sci. (Philosophy), Full Professor, Minsk, Republic of Belarus, irinachikalova@gmail.com
- Lyubitsa Garbuleva** Ph. D. (CSc.), Associate Professor, director of the Institute of History, Presov University, Slovak Republic, harbulovalubica@gmail.com
- Juliya S. Obidina** Dr. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, basiley@mail.ru
- Ol'ga V. Pavlenko** Ph. D. (History), Associate Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, olgapavlenko@mail.ru
-

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА.....	9
<i>Г. В. Рокина</i> Русские и словаки в исторической ретроспективе.....	9
СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ	13
<i>Л. П. Ретина</i> Память о событиях в контекстах национальной, перекрестной и глобальной истории (к постановке вопроса).....	13
<i>М. Даниш</i> Из истории словацко-русских связей в XVIII веке	20
<i>А. В. Рандин</i> Вторая мировая война глазами русского эмигранта. Публицистика Г. Н. Гарина-Михайловского в ежедневнике «Словак» (1939–1945).....	48
<i>Т. Ивантъшинова</i> «Орел» А. С. Хомякова и символы словацкого национального движения XIX века.....	65
<i>Е. П. Серапионова</i> Словаки в России в годы Первой мировой и Гражданской войн (состояние историографии и проблемы исследований)	79
<i>С. В. Стариков</i> Александр Котомкин (Савинский) и чехословацкие легионеры на Волге, Урале и в Сибири (1918–1920).....	87
<i>М. Кишнян</i> «В единстве сила!». Штефаник и борьба за единство чехословацкого движения сопротивления в России в 1916–1917 годы.....	104
<i>Л. Гарбульова</i> Падение царизма в России на страницах словацкой периодической печати за февраль – март 1917 года.....	119
<i>О. В. Павленко</i> Концепция «критического славянства» Т. Г. Масарика и чехословацкие исследования межвоенного периода	127
<i>Ю. Бенко</i> Изменения имиджа молодого Клемент Готвальда после 1948 года	136
<i>М. Завацка</i> Словацкие контакты Романа Якобсона.....	154

<i>Э. Г. Задорожнюк</i> Модификация социалистической идеи. К 95-летию со дня рождения Александра Дубчека	163
<i>Л. Ф. Широкова</i> Литература как зеркало истории (тема 1968 года в словацкой прозе)	180
<i>Й. Быстрички</i> О вступлении Словацкой республики (1939–1945) в войну против СССР через три четверти столетия.....	191
<i>М. Шмигель</i> Обмены населением СССР с Польшей и Чехословакией в 1944–1947 гг.: анalogии и различия эры политического переселения народов	214
ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ.....	231
<i>А. Е. Фоминых</i> Выставка «Исследования и разработки США» в Казани 1972 г. в американских источниках	231
<i>С. Мичев</i> Граждане Советского Союза в словацком движении Сопротивления	245
НАУЧНАЯ ХРОНИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.....	252
Международная летняя школа «1917 год: новые взгляды и новые подходы» для молодых ученых-историков стран СНГ, Балтии и Европы	252
Новое российско-сербское издание по истории и культуре Балкан.....	254

CONTENTS

EDITOR'S COLUMN	9
<i>G. V. Rokina</i> Russians and Slovaks in historical retrospect.....	9
ARTICLES AND POSTS	13
<i>L. P. Repina</i> The memory of events in the contexts of national, cross and global history (to the formulation of the question).....	13
<i>Miroslav Danish</i> From the Slovak-Russian ties in the 18th century	20
<i>A. V. Randin</i> The Second World War through the eyes of a Russian emigre. Publicism GN Garin-Mikhailovsky in the diary "Slovak" (1939–1945)	48
<i>T. Ivantyshinova</i> "Eagle" by A. S. Khomyakov and symbols of the Slovak national movement of the XIX century	65
<i>E. P. Serapionova</i> Slovaks in Russia during the First World War and the Civil War (state of historiography and research problems).....	79
<i>S. V. Starikov</i> Alexander Kotomkin (Savinsky) and Czechoslovak legionaries on the Volga, the Urals and Siberia (1918–1920).....	87
<i>M. Kchinan</i> "There is power in unity!". Stefanik and the struggle for the unity of the Czechoslovak resistance movement in Russia in 1916–1917.....	104
<i>L. Garbuleva</i> Fall of tsarism in Russia on the pages of the Slovak periodical press for February-March 1917.....	119
<i>O. V. Pavlenko</i> The concept of "critical slavicism" by T. G. Masaryk and Czechoslovak studies of the interwar period	127
<i>Ju. Benko</i> Changes in the image of the young Klement Gottwald after 1948	136
<i>M. Zavacká</i> Slovak contacts of Roman Jakobson	154

<i>E. G. Zadorozhnyuk</i>	
Modification of the socialist idea.	
On the 95th anniversary of the birth of Alexander Dubček.....	163
<i>L. F. Shirokova</i>	
Literature as a mirror of history (the theme of 1968 in Slovak prose)	180
<i>J. Bystriczki</i>	
On the accession of the Slovak Republic (1939–1945)	
in the war against the Soviet Union through three quarters of a century	191
<i>Michal Chmigel</i>	
Exchange of population of the USSR with Poland	
and Czechoslovakia in 1944–1947:	
analogies and differences of the era of political migration of peoples	214
PUBLICATION OF DOCUMENTS AND MATERIALS	231
<i>A. E. Fominykh</i>	
Exhibition “Research and development of USA” in Kazan, 1972,	
in American sources	231
<i>S. Mičev</i>	
Citizens of the Soviet Union in the Slovak resistance movement.....	245
CHRONICLES AND BIBLIOGRAPHY	252
International summer school “1917: new views and new approaches”	
for young scientists in CIS, Baltic and Europe.....	252
New Russian-Serbian yearbook of Balkan history and culture	254

КОЛОНКА РЕДАКТОРА
EDITOR'S COLUMN

УДК 94(4)(=16)

РУССКИЕ И СЛОВАКИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Г. В. Рокина

Для цитирования: Рокина Г. В. Русские и словаки в исторической ретроспективе // Запад – Восток. 2017. № 10. С. 9–12.

DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-9-12

Десятый, юбилейный, выпуск нашего ежегодника традиционно тематический. Главной темой журнала является история становления и развития русско-словацких взаимосвязей с XVIII века до современности.

Значительная часть публикуемых в издании научных статей подготовлена на основе докладов членов комиссии историков России и Словакии, которые были апробированы на международной конференции «Русские и словаки в исторической ретроспективе: культура, политика и историческая память» (Йошкар-Ола, октябрь 2016 года) [1]. Эта конференция продолжила серию научных мероприятий, проводимых с 2005 года одновременно с заседаниями Комиссии историков России и Словакии [2]. Организаторами конференции в 2016 году стали Институт славяноведения Российской академии наук, Марийский государственный университет и Российское общество интеллектуальной истории. То, что научной площадкой для очередной встречи историков России и Словакии и проведения международного научного форума стала Йошкар-Ола и Марийский государственный университет, неслучайно. В нашем университете на кафедре всеобщей истории долгие годы развивалось научное направление по изучению истории славянских народов и русско-славянских контактов; в течение многих лет проводились совместные с Институтом славяноведения РАН и Институтом истории Словацкой академии наук (САН) научные исследования по истории Словакии и русско-словацких контактов [5]. Материалы второго заседания Комиссии историков России и Словакии и конференции «Русские глазами словаков, словаки глазами русских: стереотипы восприятия в реалиях XIX века» были подготовлены к печати совместно с Институтом славяноведения РАН и опубликованы в 2007 году в Йошкар-Оле [4].

Организатором и вдохновителем международного форума в Йошкар-Оле стала председатель российской части Комиссии историков России и Словакии, член-корреспондент РАН, президент российского Общества интеллектуальной истории Л. П. Репина. В ее докладе «Память о событиях в контекстах национальной, перекрестной и глобальной истории» были представлены основные методологические траектории современных исследований по всеобщей истории. Этот доклад стал своеобразным камертоном для всех последующих выступлений, что и нашло отражение в подготовленных к публикации материалах. В русле современных методологических подходов подготовлена основная часть публикуемых в журнале статей российских и словацких историков: на его страницах в работах ученых пересекаются судьбы ученых Российской империи и Венгерского королевства; чехословацких легионеров и военной элиты Франции и России, российских и словацких государственных деятелей, русских и словацких писателей, а также уроженцев Марийского края. Хронологические рамки ретроспективного обзора русско-словацких контактов включают почти три столетия – от XVIII века до конца XX века.

Учитывая тематику данного номера ежегодника, в разделе «Публикация документов и материалов» опубликованы обширные сведения об участии советских граждан в словацком движении Сопротивления, представленные директором Музея словацкого восстания С. Мичевым.

Данный выпуск ежегодника – юбилейный, десятый. Начиная с первого номера, когда журнал стал продолжателем традиции издания кафедральных сборников «Социально-политические и культурные процессы в странах Европы и Америки в Средние века и Новое время», каждый очередной выпуск был посвящен актуальным темам всеобщей истории. Второй номер ежегодника стал мемориальным, подготовленным к 80-летию известного ученого-богемиста и словакиста, почетного профессора Марийского государственного университета И. Р. Фишер (1929–2009). Третий выпуск, 2010 года объединил исследователей Второй мировой войны и был приурочен к 65-летию ее окончания. В четвертом и пятом выпусках ежегодника, вышедших одновременно в 2012 году, были опубликованы результаты научных исследований ученых России, Украины, Беларуси, Словакии и Италии, объединенные темой истории и современности межнациональных и межконфессиональных отношений. Публикации шестого выпуска ежегодника за 2013 год посвящены проблеме международных контактов академических и университетских сообществ России и Запада. Ожидаемо, что выпуск ежегодника за 2014 год включил исследования о Первой мировой войне, когда Запад и Восток были погружены в многолетний хаос разрушительной кровавой бойни. Особую популярность среди читателей журнала получили восьмой, «крымский» номер, а также девятый за 2016 год, объединенный общей темой «Травелог как исторический источник». Редколлегия журнала выражает надежду, что и этот русско-словацкий выпуск ежегодника найдет своего читателя.

С десятого выпуска журнала изменилась структура редакционного совета и редколлегии, они объединены в единую международную редколлегию. Расширено участие профессиональных сообществ в подготовке издания: с этого номера издание выходит под эгидой международной Комиссии историков России и Словакии. В состав редколлегии дополнительно вошли авторитетные ученые в области

всеобщей истории – проректор по научной работе Российского государственного гуманитарного университета О. В. Павленко и профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова М. В. Дмитриев.

Список литературы

1. Дронов М. Ю., Рокина Г. В. Международная научная конференция «Русские и словаки в исторической ретроспективе: культура, политика и историческая память» (Йошкар-Ола, 20–22 сентября 2016 год) // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 1 (86). С. 164–167.
2. Заседания комиссии историков России и Словакии (2005–2014 гг.) / сост.: М. Ю. Дронов, Г. В. Рокина. М.; Йошкар-Ола, 2016. 32 с.
3. Новик В. М., Рокина Г. В. Проектная деятельность Российского общества интеллектуальной истории // Запад – Восток. 2015. № 8. С. 130–132.
4. Рокина Г. В. Русские глазами словаков, словаки глазами русских: стереотипы восприятия в реалиях XIX века // Русские и словаки в XIX–XX вв.: конфликты, взаимодействие, стереотипы: материалы Международной науч. конф., приуроченной ко Второму заседанию Комиссии историков России и Словакии / отв. ред. В. А. Тишков. М.; Йошкар-Ола, 2007. С. 53–64.
5. Рокина Г. В. Славистика в Марийском государственном университете // Историко-культурное наследие славянских народов Волго-Камского региона. Ижевск, 2017. С. 48–54.

Рокина Галина Викторовна, доктор исторических наук, профессор, Марийский государственный университет, Россия, г. Йошкар-Ола, galina@rokina.ru

RUSSIANS AND SLOVAKS IN HISTORICAL RETROSPECT

G. V. Rokina

Citation for an article: Rokina G. V. Russians and Slovaks in historical retrospect. West – East. 2017, no. 10, pp. 9–12. DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-9-12

References

1. Dronov M. Yu., Rokina G. V. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Russkie i slovaki v istoricheskoi retrospektive: kul'tura, politika i istoricheskaya pamyat'» (Ioshkar-Ola, 20–22 sentyabrya 2016 god) [International scientific conference “Russian and Slovaks in historical retrospect: culture, politics and historical memory” (Yoshkar-Ola, September 20–22, 2016)]. *Vestnik Rossiiskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* = Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. Humanities and social sciences, 2017, no. 1 (86), pp. 164–167. In Russ.).

2. Zasedaniya komissii istorikov Rossii i Slovakii (2005–2014 gg.) [Meetings of the Commission of Historians of Russia and Slovakia (2005-2014)]. Sost.: M. Yu. Dronov, G. V. Rokina. Moscow; Ioshkar-Ola, 2016, 32 p. (In Russ.).

3. Novik V. M. Rokina G. V. Proektnaya deyatelnost' Rossiiskogo obshchestva intellektual'noi istorii [Project activity of the Russian Society of Intellectual History]. *Zapad – Vostok = West – East*, 2015, no. 8, pp. 130–132. (In Russ.).

4. Rokina G. V. Russkie glazami slovakov, slovaki glazami russkikh: stereotipy vospriyatiya v realiyakh XIX veka [Russian through the eyes of Slovaks, Slovaks through the eyes of Russians: stereotypes of perception in the realities of the XIX century]. *Russkie i slovaki v XIX–XX vv.: konflikty, vzaimodeistvie, stereotipy: materialy Mezhdunarodnoi nauch. konf., priurochennoi ko Vtoromu zasedaniyu Komissii istorikov Rossii i Slovakii* = Russian and Slovaks in the XIX-XX centuries: conflicts, interaction, stereotypes: materials of the International scientific. conf., timed to the Second meeting of the Commission of Historians of Russia and Slovakia, ed. by V. A. Tishkov, Moscow; Ioshkar-Ola, 2007, pp. 53–64. (In Russ.).

5. Rokina G. V. Slavistika v Mariiskom gosudarstvennom universitete [Slavic Studies at the Mari State University]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie slavyanskikh narodov Volgo-Kamskogo regiona* = Historical and Cultural Heritage of the Slavic Peoples of the Volga-Kama Region, Izhevsk, 2017, pp. 48–54. (In Russ.).

Submitted 15.09.2017; revised 15.10.2017

Galina V. Rokina, Dr. Sci. (History), Full Professor, Mari State University, Russia,
Yoshkar-Ola, galina@rokina.ru

УДК 93

**ПАМЯТЬ О СОБЫТИЯХ В КОНТЕКСТАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ, ПЕРЕКРЕСТНОЙ
И ГЛОБАЛЬНОЙ ИСТОРИИ (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)**

Л. П. Репина

В статье рассматриваются некоторые аспекты последствий так называемого «мемориального поворота» в современном гуманитарном знании. Подробно представлены взгляды на такую аналитическую категорию, как *событие*. Историческая наука пережила «возвращение», или «возрождение события», еще в последней трети XX в., однако особый эпистемологический статус категория *событие* обрела именно с разворачиванием мемориальной парадигмы в общем контексте обновления исторической науки на рубеже XX и XXI веков. В последние годы все более заметно создание различных интерпретаций истории в угоду определенным политическим взглядам. Именно поэтому все больше места в современных исследованиях занимает так называемая «историческая политика», или *политика прошлого*. Одновременно происходит *пространственный поворот*, самым ярким проявлением которого, отразившим происходившие в мире и науке перемены, стало формирование междисциплинарного исследовательского поля глобальной или новой мировой истории (*global history, new world history*). Учеными разрабатываются модели *транснациональной* и *глобальной* истории, пополняется корпус исследований, преодолевающих ограниченные горизонты историй отдельных национальных государств. Такая история предстает сегодня не только как совокупность фундаментальных эмпирических исследований, но и как уникальное по своему многообразию пространство идей и подходов, определяемых по-разному – как история транснациональная, перекрестная, связанная (*transnational, histoire croisée, connected history; entangled, shared, integrated*). Лидером данного научного направления в России является Институт всеобщей истории РАН, который сохранил в своем названии наименование «всеобщая история», сложившееся в российской историографической традиции XIX столетия в широкой трактовке – как история всего человечества. Становление глобальной истории в ее современном варианте отражает развитие мыслительной традиции, в которой принцип целостности сочетается с учетом различий и многообразия. В последние годы заметно выросло число ученых, разрабатывающих модели *транснациональной* и *глобальной* истории, и, соответственно, пополнился корпус исследований, преодолевающих ограниченные горизонты историй отдельных национальных государств. «Связанная» и «перекрестная» истории, входящие

в поле транснациональных исследований, противопоставили национальной и классической универсальной истории историю *взаимосвязанных* процессов, объединяющих общества, культуры, цивилизации. В центре внимания связанной истории находятся сложные мультикультурные образования или различные формы международных сообществ, находящихся в более или менее тесных взаимоотношениях.

Ключевые слова: мемориальный поворот, историческое событие, глобальная история, политика прошлого, коммуникативные процессы, перекрестная история.

Благодарность: статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 16-01-14040.

Для цитирования: Репина Л. П. Память о событиях в контекстах национальной, перекрестной и глобальной истории (к постановке вопроса) // Запад – Восток. 2017. № 10. С. 13–19.

DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-13-19

«Мемориальный поворот» в современном гуманитарном знании актуализировал дискуссии вокруг ряда, казалось бы, давно устоявшихся в исторической науке понятий, в том числе такой аналитической категории, как *событие*. Стоит отметить, что историческая наука пережила «возвращение», или «возрождение события», еще в последней трети XX в., однако особый эпистемологический статус категория *событие* обрела именно с развертыванием мемориальной парадигмы в общем контексте обновления исторической науки на рубеже XX и XXI веков. Причем в данной парадигме в центре внимания оказываются как социальный контекст события, так и его субъективное восприятие активными участниками, свидетелями, потомками, историками разных поколений, а принципиальной познавательной установкой является учет вероятностного характера событий и субъективности действующих лиц.

В последние годы все больше внимания обращается на этико-аксиологические аспекты познания прошлого. С одной стороны, социальные группы разных масштабов и так называемые «воображаемые сообщества» (в терминологии Бенедикта Андерсона [1, с. 288]) испытывают потребность в различных формах исторического знания. Они могут жаждать ликвидации «черных дыр» и «белых пятен» своей национальной истории, но достаточно часто результатом становится лишь рождение очередного исторического мифа. Представления о базовых событиях прошлого часто являются результатом воображения, но используются с конкретными идентификационными целями. Их создатели при помощи образов придают устойчивость своей идентичности, чувству принадлежности к определенной культурной общности. Яркие исторические образы, разделяемые членами этой общности, исторические события, превращенные в значимые для ее представителей «места памяти», становятся основой ее консолидации. Проблема социально ориентированного исторического знания обостряется в условиях кризисного состояния общества и проявляется в создании различных интерпретаций истории в угоду определенным политическим взглядам и их популяризации в воспитательных целях. Именно поэтому все больше места в современных исследованиях занимает так называемая «историческая политика», или *политика прошлого*. При этом профессиональные историки (в том числе российские и, надеюсь,

словацкие) разделяют позицию о недопустимости сознательного искажения событий как недавнего, так и далекого прошлого.

Что касается пространственного поворота, то содержание этого понятия весьма широко, но, пожалуй, самым ярким его проявлением, отразившим происходившие в мире и науке перемены, стало формирование междисциплинарного исследовательского поля глобальной или новой мировой истории (*global history, new world history*). Родиной ее считают США и Великобританию, но в последние десять лет она интенсивно развивается в Европе (Германия, Италия, Голландия, Франция), а также в Канаде, Австралии, Японии, Китае и других странах мира. В центре внимания исследователей данного направления – *коммуникативные процессы*, связанные с процессом глобализации, но воспринимаемые в глубокой ретроспективе и охватывающие развитие взаимосвязей в мире по крайней мере за последние полтысячелетия или более. Такая история предстает сегодня не только как совокупность фундаментальных эмпирических исследований, но и как уникальное по своему многообразию пространство идей и подходов, определяемых по-разному – как история транснациональная, перекрестная, связанная (*transnational, histoire croisée, connected history; entangled, shared, integrated*) и т. п. [6]. Лидером данного научного направления в России является Институт всеобщей истории РАН, который, сохраняя в своем названии наименование «всеобщая история», сложившееся в российской историографической традиции XIX столетия в широкой трактовке – как история всего человечества, издал 6-томную «Всемирную историю», подготовленную с учетом новых подходов [4].

Открывшиеся в 1990-е годы для российских историков возможности приобщения к мировой историографии совпали по времени с ее отказом от создания крупных исторических полотен и предельной фрагментацией исторического знания. Однако в ходе осмысления последствий глобализации вновь возникла потребность в масштабном взгляде на историю, способном охватить прошлое человечества как единого целого, сформировались новые макроисторические подходы, опирающиеся на представление о когерентности мирового исторического процесса. Становление глобальной истории в ее современном варианте отражает развитие мыслительной традиции, в которой принцип целостности сочетается с учетом различий и многообразия. В последние годы заметно выросло число ученых, разрабатывающих модели *транснациональной* и *глобальной* истории, и, соответственно, пополнился корпус исследований, преодолевающих ограниченные горизонты историй отдельных национальных государств.

Сторонники новых макроисторических подходов имеют разные точки зрения по многим вопросам, включая периодизацию мировой истории, соотношение между глобальной и региональными или национальными историями, но сходятся в понимании насущной необходимости особой формы истории для исследования глобальных процессов в их исторической ретроспективе. Глобальная история, стремящаяся на новом теоретическом уровне охватить человечество как некую структуру в историческом развитии взаимосвязей ее отдельных частей, может быть понята и как осмысление процесса мировой интеграции через живое взаимодействие локальных и национальных культур.

Сегодня можно говорить о существовании как минимум двух вариантов глобальной/мировой истории. Первый вариант представлен историческими исследованиями, цель которых заключается в том, чтобы показать «глобальную историю» как целостность мирового, регионального или межрегионального уровня. При этом ученые

используют давно разработанные линейно-стадиальные, цивилизационные или мир-системные аналитические схемы, сравнительно-исторический подход и исследования культурных трансферов. Такой вариант остается преобладающим, что неудивительно, поскольку во многих университетах мира преподаются и изучаются курсы глобальной истории в духе всеобщей истории.

Связанная и перекрестная истории, входящие в поле транснациональных исследований, противопоставили национальной и классической универсальной истории историю *взаимосвязанных* процессов, объединяющих общества, культуры, цивилизации. В центре внимания связанной истории находятся сложные мультикультурные образования или различные формы международных сообществ, находящихся в более или менее тесных взаимоотношениях. Принципиальной в данной стратегии изучения двух или нескольких связанных объектов, принадлежащих к разным культурам, является учет субъективности и активности всех сторон взаимодействия.

Проблема связанности историй ставится в самых разных контекстах: в ряде случаев (Я. Ассман, М. Ротберг) речь идет о путях преодоления конфликтогенных форм культурной памяти, о связанности и продуктивном взаимодействии разнонаправленных проявлений исторической памяти членов глобального сообщества, т. е. связанными оказываются не только исходные явления (т. е. *ситуации реальной* связанности социальных действий в прошлом), но и их зачастую взаимно противоречащие образы в настоящем. Это инклюзивная модель – в ее рамках исследователь не может выделить в диалоге единственную «правую» сторону, создать единственно верную картину прошлого.

Особый интерес вызывает *перекрестная* история (*histoire croisee*), направленная на сравнение динамических образов взаимодействующих культур. В перекрестной истории смыслы понятий и теоретические подходы «не являются фиксированными», они не только могут, но и должны меняться в процессе исследования. Создатели *перекрестной истории* (французские историки М. Вернер и Б. Циммерман) показали, что ситуацию связанности невозможно изучать, просто придав историческому сравнению максимально симметричный характер, а исследователю – положение, равноудаленное от сравниваемых объектов, так как такая позиция, хотя теоретически и представима, но практически нереализуема, причем ситуация усугубляется при многостороннем сравнении [9, pp. 30–31, 34]. Здесь необходим многомерный и динамичный подход, учитывающий сложность конфигураций объектов, их подвижность и интерактивность и исключающий доминирование линейных схем и простых причинных связей [9, pp. 38–42].

Для подобных теоретических моделей характерен не классический вариант системно-структурного подхода, попавший в свое время под критику постмодернистов, а деятельностный подход – «понимание социального контекста деятельности как ситуации, задающей не только условия, но вызовы и проблемы, которые требуют своего разрешения, а также установка на то, что субъективность исторического актора (индивида или группы) во многом определяет результаты его деятельности, которая, в свою очередь, преобразует собственный контекст». Если классическая историография ставила перед собой задачу «достичь “объективного” образа прошлых событий», то диалоговая парадигма перекрестной истории соединяет проблемы интерпретации культурных взаимодействий в истории и в сознании историка [3, с. 62]. Условием диалога с прошлым становится внутренний диалог историка и диалог в обществе историков, благодаря чему создается новый образ прошлого, когерентность

которого обеспечивается не целостностью или системностью, а связанностью или сцепленностью в рамках полифонии соотносимых познавательных перспектив, конкурирующих в историческом знании в пределах профессиональных норм.

Таким образом, в центре внимания связанной и перекрестной историй оказываются не иерархия и конфликт, а освоение человечеством все новых способов взаимодействия, пространство диалога исторических памятей его равноправных и самоценных участников – человеческих сообществ как субъектов, обладающих собственным голосом, активностью и культурной самобытностью [5, с. 164–165]. На место изучения структур ставится исследование взаимодействий между акторами и их результатов, а следовательно – событий и их образов, запечатленных в коллективной и культурной памяти. Проблема, однако, заключается в том, что процедуры организации множества событий в хронологическую последовательность находятся в трудноразрешимом противоречии, выступающем как противоречие познания макро- и микромира. Это противоречие особенно ярко проявляется в интерпретации крупномасштабных социально-политических событий разными сторонами взаимодействия. Между тем сторонники и теоретики связанной истории специально к проблеме событийности в рамках модели межкультурного диалога (в диалоговой парадигме) не обращаются.

Именно поэтому представляется важной и актуальной задачей обратить внимание на перспективность взаимообогащения новых макроисторических моделей и новой событийной истории как подхода к изучению *исторического события* в соотношении с социально-пространственными характеристиками и культурными реалиями изучаемой эпохи. Интерпретация события в новых модификациях событийной истории опирается на соотношение внутреннего содержания и структуры события с его «внешней стороной», или с широко понимаемым историческим контекстом, а точнее контекстами – как синхронными (на разных уровнях), так и развернутыми во времени. Контекст накладывает на участников взаимодействия, стремящихся переинтерпретировать события прошлого с позиций актуального настоящего и желаемого будущего, структурные ограничения. При этом, помимо прочих, мощным ограничителем выступает сформированная в массовом сознании память о критических событиях прошлого, в том числе о «великих исторических событиях», которые в исторической науке служат вехами-маркерами периодизации национальной и мировой истории. В этом плане серьезные преимущества демонстрирует присущий связанной и перекрестной историям коммуникативный подход, который смещает на периферию идентификационный «заряд» коллективной памяти и, снижая ее конфликтность, порождает предпосылки для продуктивного диалога [8, р. 121–137; 2, с. 70–138]. Усиление коммуникативного, диалогического познавательного идеала современного гуманитарного знания требует разработки эффективной методики комплексного характера, способной выстроить исторический нарратив новой событийной истории в рамках моделей культурного диалога.

Список литературы

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ.: В. Николаева; вступ. ст. С. Баньковской. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с.
2. Ассман Ян. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

3. Вернер М., Циммерман Б. После компаратива: *histoire croisee* и вызов рефлексивности // *Ab Imperio*. 2007. № 2. С. 59–90.
4. Всемирная история в 6-ти томах / под ред.: А. О. Чубарьян и др. М.: Наука, 2011–2017.
5. Преодолевая барьеры: Диалог между цивилизациями / пер. с англ. под ред. С. П. Капицы. М.: Логос, 2002. 192 с.
6. Реконструкции мировой и региональной истории: от универсализма к моделям межкультурного диалога / под общ. ред. Л. П. Репиной. М.: Аквилон, 2017. 560 с.
7. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.
8. Assmann J. Globalization, Universalization, and the Erosion of Cultural Memory // *Memory in a Global Age. Discourses, Practices and Trajectories* / ed.: A. Assmann, S. Conrad. New York: Palgrave Macmillan, 2010. P. 121–137.
9. Werner M., Zimmermann B. Beyond Comparison: *Histoire Croisée* and the Challenge of Reflexivity // *History and Theory*. 2006. Vol. 45. № 1. P. 30–50.
10. Werner M., Zimmermann B. Penser l’histoire croisée: entre empirie et réflexivité // *Annales*. 2003. A. 58, № 1. P. 7–36.

Поступила 15.09.2017; принята к публикации 15.10.2017

Репина Лорина Петровна, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, президент Общества интеллектуальной истории, главный редактор журнала «Диалог со временем», г. Москва, lorinarepina@yandex.ru

**THE MEMORY OF EVENTS IN THE CONTEXTS OF NATIONAL,
CROSS AND GLOBAL HISTORY (TO THE FORMULATION OF THE QUESTION)**

Lorina P. Repina

The article examines some aspects of the consequences of the so-called “memorial turn” in modern humanitarian knowledge. The views on such an analytical category as an event are presented in detail. Historical science has experienced a “comeback”, or “a revival of the event” as early as the last third of the 20th century, but a special epistemological status was taken up with the development of the memorial paradigm in the general context of the renewal of historical science at the turn of the 20th and 21st centuries. Noticeable the creation of various interpretations of history in favor of certain political views is. That is why the so-called “historical policy”, or the politics of the past, occupies more and more place in modern studies. At the same time, a spatial turn takes place, whose brightest manifestation, reflecting the changes in the world and in science, was the formation of an interdisciplinary research field of global or new world history (globalhistory, newworldhistory). Scientists are developing models of transnational and global history, a corpus of research has been added to overcome the limited horizons of stories of individual nation states. Such a story appears today not only as a set of fundamental empirical studies, but also as a unique in its diversity of space of ideas and approaches, defined in different ways – as a transnational, cross, connected (histological, integrated, integrated, entangled, shared, integrated). The leader of this scientific direction in Russia is the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, which, in its title, has retained the name “universal history”, which in the Russian historiographic tradition of the 19th century was broadly

interpreted as the history of all mankind. The emergence of global history in its modern version reflects the development of a thinking tradition in which the integrity principle is combined with differences and diversity. In recent years, the number of scientists developing models of transnational and global history has increased noticeably, and the corpus of research overcoming the limited horizons of the stories of individual national states has replenished accordingly. The “connected” and “cross-over” histories that are part of the field of transnational research, contrasted the national and classical universal history with the history of interrelated processes that unite societies, cultures, and civilizations. The focus of related history is complex multicultural education or various forms of international communities in more or less close relationships.

Keywords: memorial turn, historical event, global history, politics of the past, communicative processes, cross history.

Acknowledgements: the article was prepared as part of the project of the Russian State Humanitarian Fund № 16-01-14040.

Citation for an article: Repina L. P. Memory of events in contexts of national, crossing and global history (to the statement of a question). *West – East*. 2017, no. 10, pp. 13–19. DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-13-19

References

1. Anderson B. *Vobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranении natsionalizma* [Imagined communities. Reflections on the origins and spread of nationalism]. Moscow, KANON-press-Ts, Kuchkovo pole, 2001, 288 p. (In Russ.).
2. Assman Yan. *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural memory: Letter, memory of the past and political identity in high cultures of antiquity]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004, 368 p. (In Russ.).
3. Verner M., Tsimmerman B. *Posle komparativa: histoire croisee i vyzov refleksivnosti* [After the comparative: histoirecroisee and the challenge of reflexivity]. *Ab Imperio*. 2007, no. 2. pp. 59–90. (In Russ.).
4. *Vsemirnaya istoriya v 6-ti tomakh* [World History in 6 volumes]. Ed. by: A. O. Chubar'yan i dr. Moscow, Nauka, 2011–2017. (In Russ.).
5. *Preodolevaya bar'ery: Dialog mezhdru tsivilizatsiyami* [Overcoming barriers: Dialogue among civilizations]. Moscow: Logos, 2002, 192 p. (In Russ.).
6. *Rekonstruktsii mirovoi i regional'noi istorii: ot universalizma k modelyam mezhkul'turnogo dialoga* [Reconstruction of world and regional history: from universalism to models of intercultural dialogue]. Ed. by L. P. Repinai. Moscow, Akvilon, 2017, 560 p. (In Russ.).
7. Repina L. P. *Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaya praktika* [Historical science at the turn of the 20th–21st centuries: social theories and historiographic practice]. Moscow: Krug, 2011, 560 p. (In Russ.).
8. Assmann J. *Globalization, Universalization, and the Erosion of Cultural Memory. Memory in a Global Age. Discourses, Practices and Trajectories*, ed. by: A. Assmann, S. Conrad, New York: Palgrave Macmillan, 2010, pp. 121–137.
9. Werner M., Zimmermann B. *Beyond Comparison: Histoire Croisée and the Challenge of Reflexivity*. *History and Theory*, 2006, vol. 45, no. 1, pp. 30–50.
10. Werner M., Zimmermann B. *Penser l'histoire croisée: entre empirie et réflexivité*. *Annales*. 2003. A. 58, no. 1, pp. 7–36.

Submitted 15.09.2017; revised 15.10.2017

Lorina P. Repina, Dr. Sci. (History), Professor, President of the Russian Society for Intellectual History, Moscow, lorinarepina@yandex.ru

УДК 930

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВАЦКО-РОССИЙСКИХ СВЯЗЕЙ В XVIII ВЕКЕ***Мирослав Даниш***

Словацко-российские культурно-просветительские и научные контакты в XVIII в. были весьма разнообразны. Их развитие зависело, как правило, от конкретных политических, общественно-социальных или территориальных условий. Научная корреспонденция, обмен взглядами и научные связи в разных отраслях гуманитарных и естественных наук осуществлялись по инициативе ученых и сыграли важную роль в развитии просветительства и культуры в странах Центральной и Восточной Европы. Австрийская монархия существенно пострадала в результате контрреформации, а условия для развития науки, в том числе – зарубежных научных контактов, были неблагоприятными. Если они и существовали, то были ограничены по преимуществу католическими областями Европы. В Словакии, в отличие от остальных земель Габсбургской монархии, сложились наиболее благоприятные условия для распространения просветительства и науки, отчасти и потому, что венское правительство до определенного предела терпимо относилось к не католической среде в Венгрии. Ситуация изменилась во второй половине XVIII века, когда Просвещение достигло своего зенита. Эпоха Терезианского просвещения начала решать задачу установления более широких связей с зарубежными научными центрами. Постепенно открывались границы для взаимной информации и обмена научными воззрениями. Переписка петербургских академиков (Т. С. Байер, Х. Гольдбах и И. Г. Гмелин) со словацкими учеными является ценным материалом для изучения отношений между российской и словацкой наукой. Она показывает, что у истоков этих связей уже в первой половине XVIII в. стояли словацкие ученые Матей Бел и Самуэль Миковини. Матей Бел, великий ученый и сторонник религиозной терпимости, а также Самуэль Миковини вышли за рамки тогдашней науки и встали на совершенно нетрадиционный путь. Продолжателем и преемником Матея Бела стал сотрудник придворной венской библиотеки, а затем ее директор Адам Франтишек Коллар. Особое место в развитии российско-словацких научных и культурных связей занимало распространение русских книг в Словакии. В XVIII веке значительный размах приобрела доставка книг со славянского Востока в Словакию через территорию Закарпатья. Важной страницей в истории российско-словацких связей в XVIII в. являются культурно-просветительские контакты в области образования. В этот период значительное место в их развитии принадлежит Киево-Могиланской академии, влияние которой распространялось далеко за пределы России и Украины. Особое место в совместных отношениях занимали контакты в области медицины. Словацко-русские научные контакты, однако, были в значительной мере спорадическими и не имели систематического характера.

Ключевые слова: научные связи, переписка, просветительство, Петербургская академия наук, Братиславский лицей.

Благодарность: статья переведена в рамках проекта РГНФ № 16-01-14040.

Для цитирования: Даниш М. Из истории словацко-российских связей в XVIII веке // Запад – Восток. 2017. № 10. С. 20–47.

DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-20-47

Переписка Матей Бела с петербургскими академиками

Переписка петербургских академиков с иностранными коллегами является ценным материалом для изучения отношений между российской и словацкой наукой. Она показывает, что у истоков этих связей уже в первой половине XVIII в. стояли словацкие ученые Матей Бел и Самуэль Миковини, а также русские ученые Т. С. Байер, Х. Гольдбах и И. Г. Гмелин^{1,2} [6, с. 168–171; 51, с. 199–240; 52, с. 211–224].

Матей Бел одним из первых осознал важность нового научного центра в Европе – Петербурга. Его переписка с профессором математики Петербургской академии Христианом Гольдбахом (1690–1764) начинается во время пребывания Гольдбаха в Словакии. Х. Гольдбах посетил Словакию в 1722–1723 годах. В это время М. Бел направил Гольдбаху два письма, которые являются первым историческим свидетельством их научных связей [52, с. 217–218]. Ранее считалось, что академические русско-словацкие контакты начались с переписки М. Бела и Т. С. Байера.

Письма показывают, что Гольдбаха в Словакию привели научные интересы и мировая слава словацких горнорудных городов. Согласно мнению Й. Вавры, Гольдбах предпринял путешествие по Венгрии и посетил Братиславу, где находился с середины сентября до конца 1722 года. В конце января 1723 года он покинул Братиславу, период с августа 1723 г. по январь 1724 г. провел в Банской Быстрице, посетив при этом, скорее всего, и Банску Штявницу. Й. Вавра выяснял план его ознакомительного путешествия по Словакии по датам отдельных писем, направленных различным адресатам³ [52, с. 220–222]. Однако по корреспонденции трудно установить, чем конкретно петербургский ученый занимался в Словакии. Переписку Матей Бела и Христиана Гольдбаха во время пребывания последнего в Словакии дополняют четыре письма 1732–1740 гг., отправленные как из Братиславы, так и из Петербурга⁴ [51, с. 232–236; 59, с. 218–220].

В первом письме (1732 г.) Матей Бел написал: «... Я думал, что могу себе позволить при случае обратиться к Тебе с письмом и оживить в Твоей памяти воспоминание обо мне. Верю, что ты не истолкуешь это превратно, тем более, что,

¹ На материалы, касающиеся переписки М. Бела с петербургскими академиками, обратил внимание Е. С. Кулябко. Почти одновременно первую часть петербургской корреспонденции издал Й. Вавра. Самым ранним известным источником для изучения переписки М. Бела и Т. С. Байера является книга: Bel M. Adparatus ad historiam Hungariae, Pisonii 1735, Decas I., Pisonii (1735–1742), в которой автор осуществил научную публикацию важных исторических источников XVI–XVII веков. Она содержит три письма из переписки Бела с Байером (из существующих восьми писем).

² Bel M. Adparatus ad historiam Hungariae, Pisonii 1735 (Decas I. Monumentum IX., Pisonii 1742).

³ Речь идет о письмах Гольдбаха, посланных из Братиславы в Вену неизвестному адресату, из Кремницы в Падую – Якубу Фащиолату, и из Банской Быстрицы в Падую также Ф. Фащиолату. Письма опубликовал Й. Вавра.

⁴ Речь идет о письме М. Бела Х. Гольдбаху из Братиславы в Петербург от 10.03.1732 г., Х. Гольдбах из Петербурга в Братиславу от 1738 г., письмо М. Бела от 14.07.1739 г и 22.09.1740 г. в Петербург. Письма издал Й. Вавра.

могу тебя заверить, ты никогда не покидал моей памяти, хотя и ушел с глаз моих...» [52, с. 218]. Самой важной частью письма являются рекомендации Самуэлю Миковини, астроному и сотруднику М. Бела, для совместных астрономических наблюдений фаз планет и затмения солнца в Братиславе, Нюрнберге, Париже, Лондоне и Петербурге [52, с. 218].

Следующее письмо датировано 1738 годом. В нем Гольдбах сообщает о смерти их общего друга, петербургского ученого Т. С. Байера. Одновременно он отмечает, что считает своим долгом продолжать товарищеские контакты и обещает выполнить все дружеские просьбы [52, с. 219].

В своем ответе М. Бел выразил соболезнования в связи со смертью друга и приветствовал предложение продолжать сотрудничество, ибо ему уже трудно в его возрасте находить новых друзей, особенно среди иностранцев из дальних стран, где господствует «глубокое молчание или нежелание и неприятие нашего имени, якобы варварского» [51, с. 232–233]. В завершение он сообщает Гольдбаху, что заканчивает книгу «De re Rustica», копию которой он хотел бы направить в Петербургскую академию, чтобы «... не только у лондонцев и берлинцев, но и у Вас (т. е. в Петербурге) осталась для потомков память об имени Бела...»¹ [47, с. 54].

В последнем из сохранившихся писем Бел через Гольдбаха предлагает Петербургской академии рукописную генеалогию Австрийского дома и представляет свою «Хунгарию» [30], которую хочет послать российской императрице [51, с. 234–235].

Корреспонденция Матея Бела и Христиана Гольдбаха является важным источником для изучения первых контактов словацкой и российской науки. Она свидетельствует о том, что отношения между Белом и Гольдбахом были близкими и дружескими² [6]. Это подтверждается очень личным и сердечным характером некоторых писем. Например, перед поездкой Гольдбаха по словацким городам Бел пишет: «Да вернет мне тебя Бог в здравии. Будь здоров и храни любовь к твоему Матею Белу» [52, с. 217], или «...поэтому считаю своим долгом уверить Тебя и спустя столько времени в своем уважении и желании охотно оказать Тебе все дружеские услуги, о которых ты меня просил...» [52, с. 219]. В другом месте Бел пишет: «...будь здоров, и поскольку я, по Твоему предложению, постоянно пользуюсь Твоей дружбой, так и ты приказывай, чтобы ты хотел, чтобы я сделал для Тебя или для Твоих друзей в этом уголке света...» [51, с. 235].

Корреспонденция Бела демонстрирует нам стремление включить развивающуюся словацкую науку в более широкие рамки европейской науки. М. Бел стремился преодолеть насильственное прекращение контактов с зарубежной наукой, которое было обусловлено контрреформаторским давлением иезуитского ордена в конце XVII – начале XVIII веков. Он обратил свое внимание на восток, на Россию, которая благодаря политической деятельности Петра Великого была связана с католической частью Европы, чтобы постепенно создавать условия

¹ М. Бел в этом труде обобщает и систематически обрабатывает свои знания о современном состоянии венгерского сельского хозяйства – содержании скота, полеводстве и об образе жизни крестьянского населения, живущего на всей территории Венгрии. Авторы книги «Провозвестники словацкой культуры» Й. Тибенски и М. Бокесова-Угерова считают, что М. Бел осознавал научное значение этого труда и именно его представлял на членство в Петербургской академии наук.

² Нельзя согласиться с Е. С. Кулябко, который в статье «К истории словацко-русских связей в XVIII веке» указывает, что эта корреспонденция имела официальный характер.

для восстановления научных связей с зарубежьем. Переписка Бела с петербургскими академиками, которые происходили из протестантской Германии, показывает, что Бел проявлял в этом направлении широкую инициативу, которая является признаком приближающегося Просвещения.

Но еще более это проявилось в переписке с другим петербургским академиком Теофилом Зигфридом Байером¹.

Й. Вавра в своем издании «Послания Матей Бела петербургским академикам» указывает на восемь сохранившихся писем из их корреспонденции 1726–1732 годов² [51, с. 213–231; 25, с. 429; 43, с. 94–97].

Первое письмо адресовано М. Белу из Кенигсберга и датировано 12.01.1726 года [38, с. 408–410]. Уже тот факт, что Бел включил его в свой труд «Adparatus ad historiam Hungariae» под названием «Appendix Epistolica de originibus Hungarorum», позволяет предположить, что его содержание связано с вопросом о происхождении мадьяр. Этот вопрос интересовал профессора греческих и римских древностей Т. С. Байера. Опираясь на взгляды других историков, он не допускал, что венгры происходят от гуннов.

Второе письмо Матей Бел направил «многоуважаемому господину» Теофилу Байеру 24.09.1726 г. из Братиславы³. Квинтэссенцию обширного письма составляет научная проблема происхождения венгров. Бел здесь отвечал на выводы Байера о том, какие народы можно считать народами скифского происхождения. По его мнению, существовали Скифия азиатская и европейская. Каждую населяли свои народы, которые описывают еще античные авторы. Бел на основании исследований и по зрелом размышлении пришел к выводу о происхождении венгров от гуннов, а гуннов, в свою очередь, от скифов. Тем самым Бел критически оценил взгляды Байера, высказанные в предшествующем письме.

Письмо является образцом научной полемики. Несмотря на различия в научных взглядах все письмо выдержано в дружеском тоне. Бел предлагает продолжать обмен письмами и пишет, что не относится к тем, кто объявляет войну научным взглядам других или любит отрицать достаточно обоснованные вещи.

В третьем письме от 08.01.1730 года Бел призывает Байера и далее продолжать обмен научными взглядами, которые касаются изучения скифских древностей [51, с. 223–224]. В частности, он писал: «...Тогда я Тебе ответил и достаточно обширно изложил свои взгляды. Но так как я ничего не получил от Тебя, то думаю, что мое письмо пропало, и что то большое расстояние, которое нас разделяет, лишило меня удовольствия от Твоего письма...» [51, с. 223]. Далее Бел просит Байера прислать свои исследования о скифах и обещает послать ему готовящуюся к изданию «Хунгарию». Затем следуют письма М. Бела от 31.07.1730 г. и 10.03.1732 года [51, с. 224–227]. Из содержания обоих писем становится ясно, что взаимный обмен письмами не проходил так, как ожидалось. Если внимательно присмотреться ко второму письму, то выясняется, что в тот же день,

¹ Т. С. Байер (1694–1738), по происхождению немец, был профессором кафедры греческих и римских древностей Петербургской академии наук с 1725 года.

² Три письма из этой корреспонденции издал М. Бел в труде *Adparatus ad historiam Hungariae, Pisonii 1735* (*Decas I. Monumentum IX.*, Pisonii 1742), с. 408–415. На эти письма обратили внимание А. В. Флоровский и Й. Мартинка.

³ *Bel M. Adparatus ad historiam Hungariae, Pisonii 1735* (*Decas I. Monumentum IX.*, Pisonii 1742). С. 410–413.

т. е. 10.03.1732 г., Бел направил письмо и своему первому корреспонденту, Х. Гольдбаху. Основным содержанием обоих писем являются рекомендации, данные Самуэлю Миковини в адрес петербургского ученого сообщества. Бел ходатайствует за С. Миковини, математика и своего помощника при создании карт Венгрии, и просит, чтобы совместные астрономические наблюдения были включены в общую научную программу многих научных обществ.

В постскриптуме этого письма Бел просил Байера написать поэму для первого тома «*Notitia Hungariae Novae...*»¹.

Хронологически за ним следует письмо Т. С. Байера от 04.09.1732 года [38, с. 414–415]. Матей Бел включил его в свой труд «*Adparatus*», поскольку его содержание позволяет судить о взглядах петербургского академика на происхождение мадьяр. Из предшествующего письма мы узнаем, что М. Бел послал Т. С. Байеру «*Linguae Hungarica et institutiones*»² [51, с. 226], чтобы он сравнил венгерский язык с финским и написал о том, что общего имеют эти языки. Байер хотя и не обещал помощи в этом направлении, однако высказал мнение, что более важным является сравнение венгерского языка с мордовским^{3, 4}. Что касается происхождения мадьяр, то Байер по-прежнему настаивал на своем. Их прародиной он считал территорию между Волгой, Северным океаном и Балтийским морем, где жили народы, говорящие на финских языках. Мадьяры, смешиваясь с этими народами, испытывали их влияние. Переписку завершают два письма М. Бела Т. С. Байеру. К первому, от 16.10.1732 года, он прилагает фрагмент титульной страницы своего труда «*Notitia Hungariae novae geographico-historica*» и просит Байера, равно как и в последнем сохранившемся письме от 16.11.1732 г., обеспечить подписку на это произведение среди интересующихся в Петербурге [51, с. 229–231].

Для полноты изложения, говоря о переписке М. Бела с Т. С. Байером, необходимо вспомнить имя еще одного петербургского академика – Иоганна Георга Гмелина⁵, которое появилось в письме от 24.09.1732 года. Из письма ясно, что Гмелин проявил интерес к научному сотрудничеству и обмену взглядами с Матеем Белом и попросил Байера, чтобы он стал посредником в этих контактах⁶. Корреспонденция Матея Бела с петербургскими академиками и широкая инициатива Самуэля Миковини по сотрудничеству в области астрономии показывает нам, как зреющий дух Просвещения сближал словацких и российских ученых, побуждал их решать многие научные проблемы и задачи. С одной стороны, у М. Бела мы находим сведения о научных планах, о деятельности ученых, видим стремление к взаимной

¹ Эта поэма действительно вышла в первом томе «*Notitia Hungariae novae Geographico historica*» под названием «*Theophilus Sigefridus Bayer, Academiae Petropolitanae socius, et antiquitatus Profesor S. P. D. Mathiae Belio, Societatis Berolinensis Regiae Collegae, Hungariam describenti*».

² Автор предполагает, что речь идет о труде «*Historiae linguae Hungaricae...*, Barolini (1713) или *Der ungarische Sprachmeister zu der edeln ungarischen Sprache, nebst einem Anhang von Gespächen*», поскольку книга Бела под названием «*Linguae Hungaricae...*» неизвестна.

³ Т. С. Байер считает так потому, что финны понимают мордву, с которыми по соседству во времена императора Порфиrogenета жили и мадьяры. Мордва – народ, живущий в настоящее время в центральной части РФ.

⁴ Bel M. *Adparatus ad historiam Hungariae, Pisonii 1735 (Decas I. Monumentum IX., Pisonii 1742)*. С. 415.

⁵ Гмелин И. Г. (1709–1755) был профессором химии и естественных наук в Петербургской академии наук с 1731 года.

⁶ Bel M. *Adparatus ad historiam Hungariae, Pisonii 1735 (Decas I. Monumentum IX., Pisonii 1742)*. [*Adparatus to the history of Hungary, Pisonii 1735 (Decas I. Note IX., Pisonii 1742)*]. С. 414.

информированности, интерес к обмену научными публикациями, обмену научными взглядами, а с другой стороны, у С. Миковини – серьезную попытку к установлению прямых научных контактов с российскими учеными¹ [43, с. 94–95].

Однако условия, в которых эти научные контакты между Словакией и Россией начали складываться, были весьма сложными, касалось ли это территориальной удаленности или вопросов политического характера.

Для развития науки российская среда была гораздо нейтральнее и терпимее, чем в остальной Европе, где сильный контрреформаторский натиск иезуитского ордена вызвал раскол науки и формирование замкнутых сообществ, с одной стороны, протестантских, а с другой – католических стран. В России лично Петр I, лишенный религиозных предрассудков, создал научный институт на неконфессиональной основе – Петербургскую академию наук, куда пригласил ученых из-за рубежа, прежде всего из протестантской Германии.

Австрийская монархия существенно пострадала в результате контрреформации, а условия для развития науки, в том числе – зарубежных научных контактов, были неблагоприятными. Если они и существовали, то были ограничены по преимуществу католическими областями Европы. Наука, монополией на которую обладали прежде всего иезуиты, была консервативна и поддерживала связи с католическими научными центрами. Все, что проникало с другой стороны, считалось недопустимым и опасным. Матей Бел, великий ученый и сторонник религиозной терпимости, а также Самуэль Миковини вышли за рамки тогдашней науки и встали на совершенно нетрадиционный путь. В Словакии, в отличие от остальных земель Габсбургской монархии, это было возможно отчасти и потому, что венское правительство до определенного предела терпимо относилось к не католической среде в Венгрии.

Ситуация изменилась во второй половине XVIII века, когда Просвещение достигло своего зенита. Эпоха Терезианского просвещения начала решать задачу обновления более широких связей с зарубежными научными центрами. Постепенно открывались границы для взаимной информации и обмена научными воззрениями.

Адам Франтишек Коллар и русская наука

Продолжателем и преемником Матея Бела стал сотрудник придворной венской библиотеки, а затем ее директор Адам Франтишек Коллар (1718–1783).

В Вене А. Ф. Коллар находился под влиянием тамошних просветителей, прежде всего, своего покровителя Г. ван Свитена, который в это время был директором придворной библиотеки и личным врачом Марии Терезии² [47, с. 59; 9, с. 224]. Просветительский дух, захвативший А. Ф. Коллара, повлиял на всю его научную

¹ Самуэль Миковини, картограф и астроном, прокладывал новый путь не только для астрономии, но и для картографии в Словакии. Ему было доверено картографирование венгерской территории в целом и каждой столицы отдельно. С. Миковини в своей картографической методике в качестве основного избрал меридиан, который проходил через коронационный храм в Братиславе. При контроле своих расчетов он исходил из петербургского меридиана, который, по его мнению, был надежно определен и использовался на картах российской империи, составленных учеными И. К. Кирилловым и академиком де Исли.

² Герард ван Свитен (1700–1772) – голландский медик. В 1745 году Мария Терезия пригласила его в качестве личного врача и профессора Венского университета. Являлся членом Петербургской академии наук с 1754 г., где опубликовал несколько работ, например «Краткое описание болезней, которые весьма часто приключаются в армиях» (перевод М. Тереховского), S. Peterberg 1778. В архиве Российской академии наук сохранилось извещение от 1772 г. баронессы ван Свитен в Петербургскую академию наук о смерти Г. ван Свитена.

и политическую деятельность. Скорее всего, под влиянием Герарда ван Свитена, члена Петербургской академии наук, и интереса к восточным языкам и истории он обратил свое внимание и на Россию. В 1762 году он адресовал ученому Вехтлеру письмо, в котором выказал интерес к установлению научных контактов с российским ученым миром [52, с. 236–240]. Письмо разделено на шесть пунктов-вопросов. В первом пункте он просил рекомендовать ему кого-либо из российских ученых в Петербурге или Москве, с которым он бы мог вести научные дискуссии.

В следующих пунктах он просил у своего русского коллеги русский словарь (русско-латинский, русско-немецкий или русско-греческий), интересовался русскими работами по истории, прежде всего русскими летописями, работами историка Т. С. Байера и особенно его перепиской с Матеем Белом о происхождении мадьяр, просил послать ему образцы языка монголов, татар и других народов, живущих вблизи китайских границ, и, наконец, высказал пожелание о разыскании источников по венгерской истории, в Польше [51, с. 238–239].

Сохранился черновик ответа на письмо Коллара историка Г. Ф. Мюллера¹ [51, с. 239], который приветствовал предложение Коллара проконсультироваться по вопросам, касающимся российской истории, составной частью которой он считал также историю гуннов, аваров и венгров. На вопросы о русских словарях он отвечал, что существуют два словаря русского языка: Ф. П. Поликарпова [16] и русско-французский словарь [19]. О летописи Нестора он упомянул в том смысле, что она еще не была издана. По просьбе Коллара он разыскал в архиве наследие Байера, где нашел шесть писем его взаимной корреспонденции с М. Белом. Что касается лингвистических работ, то он отослал Коллара к работам Байера в «*Commentarii Academiae Petropolitanae*».

Й. Вавра указывает, что не сохранилось ничего, кроме этих двух писем, и предполагает, что переписка не получила продолжения [51, с. 237]. Окончательный ответ может дать только подробное исследование наследия Коллара, поэтому пока подобные выводы являются преждевременными. Точку зрения Йозефа Вавры можно подкрепить тем фактом, что после вступления на престол Екатерины II отношения между Россией и Австрией ухудшились. Успехи русских войск в Семилетней войне произвели впечатление на Францию и союзную ей Австрию, которые с опаской наблюдали за усилением России и стремились создать альянс против нее. Российская заграничная политика, наоборот, стремилась противопоставить француско-австрийскому союзу коалицию северных государств – России, Пруссии и Англии. В результате этой международной ситуации возможности научных контактов между двумя странами были ослаблены. С другой стороны, о вероятности контактов Коллара с российским ученым миром свидетельствует его литературная организаторская деятельность.

В 1767 году А. Ф. Коллар написал латинскую поэму в честь российской государыни Екатерины II «Обращение к реке Волге». Латинский текст не сохранился, но нам известен его русский перевод, который опубликовал Н. И. Новиков в своем сатирическом журнале «Живописец»².

Важным фактом, который одновременно является свидетельством ориентации Коллара на Россию, является его попытка организовать научную жизнь

¹ Г. Ф. Мюллер (1705–1783) – историк и многолетний секретарь Петербургской академии наук.

² Берков П. Н. Сатирические журналы Н. И. Новикова. М.: Л., 1951 (Живописец, лист 4, часть II, 1772).

в Словакии [28, с. 141–142]. Он был одним из авторов труда «*Aller unter thänigst – un vor greiflicher Vorschlag zu Erichtung einer Academie oder Gelehrter Gesellschaft zu Pressburg in Hungarn*», проекта по основанию ученого общества или академии в Братиславе [49, с. 11–12]. Этот проект в 1771 году он анонимно представил Марии Терезии. Ученое общество должно было называться «*Academia Augusta*» и строиться по образцу европейских ученых обществ, прежде всего, Петербургской академии наук, которая по своей структуре наиболее соответствовала венгерским отношениям и потребностям. «*Academia Augusta*» должна была иметь четыре секции: философскую, которая занималась бы естественными науками, математикой и физикой, горным делом и т. п.; историческую, к которой кроме истории относилась бы и правовая наука; экономическую, в центре внимания которой были бы проблемы сельского хозяйства и виноделия. Члены четвертой секции должны были заниматься вопросами школы, образования и культуры в Венгрии, а также научными переводами и созданием словарей [48, с. 12]. Если посмотреть на структуру Петербургской академии, то мы увидим, что главный упор также делается на естественные науки¹ [8, с. 70]. Мы находим здесь секцию математическую с арифметикой, алгеброй, геометрией, астрономией, географией и механикой, затем секцию экспериментальной и теоретической физики, химии и ботаники и, наконец, секцию историческую, направлением которой были бы древняя и новейшая история, а также правоведение. Члены братиславской академии подобно тому, как это было в петербургском научном обществе, должны были быть разделены на несколько групп: членов почетных, действительных, членов-корреспондентов и кандидатов. Общим признаком обоих ученых обществ была их подчиненность центральной власти. Если в России академия была подчинена непосредственно императору, который был ее протектором, то в братиславском проекте таким протектором должно было быть некое высокопоставленное лицо, которое обеспечивало бы связь между обществом и государем [49, с. 12].

Проект основания академии в тех условиях был весьма сложным и дорогим и, вероятно, поэтому вследствие позиции венских официальных кругов не был реализован [49, с. 13].

Следующим примером интереса Коллара к русской истории является его труд об угорских народах в России, который он в духе просвещенного абсолютизма и при поддержке Марии Терезии написал в 1772 году² [33, с. 14]. В этой работе Коллар обосновывает правомерность претензий венгерского государя на территорию Малороссии и Подолии.

Видимо, самым важным свидетельством духа и ориентации Коллара является его библиотека, каталог которой вышел в 1783 году³. На 290 страницах списка среди 1310 названий книг мы находим произведения научные, прежде всего, исторические, всех славянских народов – чешские, хорватские, польские. Но больше всего в ней русских книг. Среди них политические труды, описания путешествий, лингвистические работы, исторические труды Татищева, Ломоносова, Крашенинникова, Писарева, Новикова, Сумарокова, затем научные труды иностранных

¹ Проект основания Академии наук и искусств, одобренный Петром I в 1724 году.

² Речь идет о труде: Kollár A. F. *Jurium Hungariae in Russiam*. 1772; труд по приказу Марии Терезии перевели на немецкий язык.

³ Каталог вышел в Вене под названием «*Catalogus praesentatissimorum librorum nec non rarissimorum manuscriptorum bibliothecae Kollarianae*».

членов Петербургской академии наук [47, с. 68]. Среди историков больше всего Коллар ценил Л. А. Шлецера¹.

Это имя он оценивал именно в те времена, когда мадьярское дворянство все более подчеркивало свои права на словацкие территории². Коллар доказывал, что дворянство имеет лишь право пользования, тогда как реальным непосредственным правом собственности обладает только король. Эти взгляды, равно как и представления о автохтонности в Центральной Европе, он сформулировал в книге «*Historiae iuris que publici Regni Ungariae a moenitates*» – «Занимательности истории и публичного права венгерского королевства» [37]. В этой книге он высоко оценил Л. А. Шлецера, просвещенного человека и специалиста по всеобщей истории, нордистике и проблематике происхождения славян. «Это человек прогрессивных взглядов, специалист по славянской истории, который легко распознал современные русские идиомы, многое из их истории, а также русскую летопись Нестора. И хотя у него немного благожелателей, и ни один историк права не хочет его признавать, он первым среди всех напомнил, что славянский народ пришел в римские провинции в VI веке» [37, с. 81–82].

Интерес к России был присущ Коллару в течение всей его жизни. Он попытался завязать контакты с русскими учеными, чтобы познать русскую историю, русский язык, русские исторические труды. Так же как и М. Бела, его интересовал вопрос о происхождении мадьяр, который должен был помочь ему в объяснении вопроса о происхождении и приходе славян и в акцентировании права славян на свою территорию в Центральной Европе.

Если Матей Бел стоял у истоков словацко-русских научных связей, то Адам Франтишек Коллар поднял эти научные контакты на уровень сотрудничества в области славистики. Это произошло в эпоху зарождения национального движения, когда славянские народы, прежде всего те, которые не имели собственной национальной государственности, начали опираться на идею родственности славянских народов как великого этнического образования.

Распространение трудов российских авторов на территории Словакии

Особое место в развитии российско-словацких научных и культурных связей принадлежало распространению русских книг в Словакии. В XVIII веке значительный размах приобрела доставка книг со славянского Востока в Словакию через территорию Закарпатья³. Русские книги привозили с собой на родину и словацкие студенты, завершившие курс обучения в Киеве, Львове, Москве, Петербурге. В этот период в Словакии, прежде всего в интеллектуальных кругах, были известны произведения Ломоносова, Державина, Смотрицкого, Прокоповича,

¹ Август Людвиг Шлецер (1735–1809), российский и германский историк и публицист. Семь лет работал в Петербурге, перевел летопись Нестора.

² А. Ф. Коллар вынужден был часто отбиваться от нападков венгерского дворянства, которому он нанес ущерб изданием труда «*De originibus setper petuopotestatis legislatoriae sacra Apostolicorum regum Ungariae libellus singularis, Vindobonae 1764*».

³ Австрийские и венгерские власти препятствовали ввозу российских книг на Закарпатье, тем самым пытались помешать проникновению «восточнославянского духа» в поработанные славянские земли. Правительство постоянно преследовало как книготорговлю, так и чтение книг «схизматиков». Несмотря на усиленную цензуру со стороны правящих кругов, книги из Украины и России продолжали распространяться среди славян Габсбургской монархии. Все это говорит о нарастающем значении «закарпатского моста» в распространении восточнославянской культуры среди словацкого и других славянских народов.

Козачинского и других. Широко известной была и российская периодика XVIII века: «Санкт-Петербургские ученые ведомости», «Труды Вольного экономического общества», «Экономический магазин» и другие.

В течение всего исследуемого периода книга как средство передачи знаний, культуры, обычаев заняла прочное место в российско-словацком обмене культурными достижениями.

Словацким ученым XVIII века были хорошо известны труды таких замечательных ученых, как Ломоносов, Татищев, Паллас, Гмелин, Прокопович, Баранович и других. Словацкий историк Юрай Прай в своей работе по ранней истории Венгерского королевства, выпущенной в 1774 году, широко использует, а местами дословно приводит высказывания великого русского ученого М. В. Ломоносова [44, с. 69–82]. В своей поэме, посвященной присоединению Крыма к России, он делает на каждой странице многочисленные сноски на исторические работы Ломоносова и Щербатова и фактически излагает историю Российского государства с древнейших времен¹ [24, с. 397]. Одна из работ Юрая Прая находится в Отделе редкой книги Украинского государственного архива. Владельцем ее, как записано в книге, с 1768 года был Йозеф Глинский².

В 1786 году в Словакии, в городе Склене Теплице было основано Общество для развития горного дела, в работе которого участвовали представители 14 государств и областей (Австрия, Англия, Швеция, Мексика, Франция, Россия и др.). От каждой страны на учредительной конференции был избран так называемый директор, который должен был заниматься решением задач своей страны в соответствии с общей программой. Из России принимал участие в работе общества знаменитый ученый П. С. Паллас. От Словакии членами общества стали профессора Горной академии в Банской Штьявнице А. Руппрех и К. Гандингер, горный советник И. Селецкий. Цели общества были передовыми и гуманистическими – посредством развития горного дела приносить пользу всем участвующим странам и человечеству в целом [48, с. 128].

Широкие контакты со словацкой научной средой поддерживала интеллигенция Закарпатья. Со словаком Юраем Рибам, известным собирателем российской и украинской литературы, был лично знаком Андрей Бачинский, мукачевский епископ. Об этом знакомстве Ю. Рибай писал в 1790 году Йозефу Добровскому. В своем письме к Добровскому Рибай сообщает патриарху славистики о том, что он познакомился со священником из Закарпатья А. Бачинским, пообещавшим прислать книги своего края [38, с. 173]. Андрей Бачинский поддерживал хорошие отношения с украинцами, работавшими в Токайской комиссии. Так, в 1777 году Иван Фальковский в своих записках, написанных в Братиславе, упоминает, что его отец Юстин был в тесном контакте с А. Бачинским, который ему пересылал разные книги³.

Роль учебных заведений в развитии российско-словацких культурных связей в XVIII веке

Одной из важных страниц в истории российско-словацких связей в XVIII в. являются культурно-просветительные контакты в области образования. В этот период

¹ Работа Юрая Прая вышла в 1786 году в Пеште под заглавием «Taurica juri Russico a Catarina II. autocratice belo et pace asserta poemation».

² Annales regum Hungariae ab anno christi CXXCVII. Opera et studio Georgii Pray. Vindobonae, 1758.

³ Украинский государственный архив (далее – УГА) в г. Киеве. Отдел рукописей. Муз. рук. 929. Л. 37.

значительное место в их развитии принадлежит Киево-Могилянской академии, влияние которой распространялось далеко за пределы России и Украины. Академия полноценно включалась в процесс общеевропейского культурного развития. Ученые Академии живо интересовались достижениями европейской науки, педагогики, литературы, фонды библиотеки постоянно пополнялись зарубежными изданиями.

Киево-Могилянская академия вступила в начале XVIII в. в период своего расцвета. Число студентов в ней в 1700 году достигло 2 тысяч, впоследствии оно колебалось в пределах 600–1100 человек [5, с. 86].

Учебный курс Киево-Могилянской академии, являвшейся одновременно начальным, средним и высшим учебным заведением, состоял из 8 классов с 12-летним сроком обучения. В них последовательно изучались грамматика, пиитика, риторика, философия и богословие. В середине XVIII века в Киевской академии были введены новые учебные предметы – немецкий, французский и русский языки выделен специальный математический класс. До конца XVIII века Киево-Могилянская академия являлась учебным заведением гуманитарного направления, в ней обучались студенты всех сословий (до середины XVIII в. преобладали учащиеся светского звания) [27, с. 146–150].

«За наукой и мудростью» в Киево-Могилянскую академию, кроме молодежи Украины, России и Белоруссии направлялись юноши из других стран, в частности из Словакии. Этому способствовали уровень и характер обучения, распространения трудов киевских ученых за рубежом, их активная просветительская деятельность.

Ряд вопросов, связанных с учебой в Академии выходцев из балканских стран, уже нашли свое освещение в исторической литературе [14, с. 1–16; 1, с. 183–227; 17, с. 1–180]. Сохранилось несколько документов, свидетельствующих об учебе в Киево-Могилянской академии выходцев из Словакии.

В 1715 году из села Штиявник Шаринской жупы учился в Киеве местный священник. На полях Евангелия, изданного в 1690 году, он записал: «Я вернулся после учебы от Днепра в свой родной край, в село Штиявник» [35, с. 70].

В связи с обучением в Академии молодежи из Закарпатья в исторической литературе несколько раз упоминается фамилия уроженца города Бардейов Ивана Боцневича, который учился в Киевской академии в 1737/38 учебном году [14, с. 7]. Исследователи иногда неправильно включают в понятие «Угорская Русь» или Закарпатье области Восточной Словакии: Земплинскую, Шаришскую, Спишскую. Про Ивана Боцневича как выходца из Восточной Словакии писал Ф. П. Шевченко [21, с. 96].

Из города Бардейова вместе с Иваном Боцневичем поступил в академию Иван Югасевич. Наиболее популярным курсом в академии был курс риторики, куда в 1749 г. поступил также Иван Дубравский из города Дубрава. В академию приезжали и студенты из города Кошице. В 1764 году в Киевскую губернскую канцелярию заявил о своем желании учиться в Киевской академии Николай Булава, родом из города Прешов. В Киев он приехал после окончания школы в Прешове и духовной семинарии в Токае. Студенты из Словакии были в основном выходцами из небогатых семейств – крестьян и священников. Академия принимала практически всех желающих, но прокормить их она была не в состоянии. Стипендий тогда не существовало, а получать помощь от родителей большая часть студентов не могла [22, с. 23]. Множество семинаристов в летние месяцы в период вакаций

(каникул) и в другое время года бродили из дома в дом, по базарам и другим людным местам в поисках пищи.

На период обучения в академии студенты из Словакии получали, как и все студенты-иностранцы, специальное разрешение, позволявшее им временное жительство в Киеве [27, с. 149]. После окончания учебы большинство из них возвращались в родные места.

В XVIII веке все больше студентов из России училось в учебных заведениях по всей Европе. Прочное образование становилось необходимой предпосылкой служебной карьеры. Частые переходы студентов из школы в школу – типичное явление того времени. После окончания учебы на родине они продолжали учиться в учебном заведении за рубежом. Этому также способствовало издание именного Указа Елизаветы Петровны от 4 июля 1745 года, позволяющего всем молодым людям из Малороссии, желающим обучаться в чужих краях «от ея императорского величества на то повелению, для каждого, пашпорты же давать»¹.

Поездкам воспитанников Киево-Могилянской академии в «австрийские владения» способствовала основанная в 1747 г. в городе Токае Русская комиссия по разведению винограда и заготовке вин для царского двора [27, с. 251]. Руководители Токайской комиссии приглашали студентов академии на разные должности и содействовали их обучению прежде всего в городах Будапешт и Братислава.

Учеба и деятельность воспитанников Киево-Могилянской академии в Братиславе является одним из интересных моментов словацко-российских культурных взаимоотношений.

В исторической литературе уже упоминались фамилии трех студентов, обучавшихся в Братиславском лицее: Ивана Фальковского, Андрея Ставицкого, Аарона Пекалицкого [15, с. 456–479; 2; 3; 23, с. 102–108].

Братислава была в XVIII в. не только политическим центром и столицей Венгерского королевства, но и городом с богатыми традициями, значительными общественно-культурными контактами. К концу столетия она стала крупным студенческим городом. В протестантском лицее, католической гимназии и в Королевской юридической академии обучалось свыше 1000 студентов. Лекции в Братиславском лицее каждый год посещало около 400 студентов. Здесь преподавали и обучались выдающиеся представители словацкой национальной жизни и науки. В первой половине XVIII века ректором лицея был знаменитый венгерский историк, словак Матей Бел². Он значительным образом повлиял на его характер и дальнейшее развитие. Идея органического единства словаков и других славянских народов, общности словацкой народности со славянским народом (*nation Slavica*) – неотъемлемая черта идеологии словацкого народа, создателями которой в XVIII веке были представители словацкой интеллигенции [48, с. 150]. Обращение к идее единого славянского народа характерно и для других славянских

¹ Полное собрание Законов Российской империи 1649–1823 гг. М., 1830. Т. XII. С. 416, № 9184.

² Матей Бел (1684–1747) родился в селе Очова (Центральная Словакия). Его деятельность значительно обогатила как венгерскую, так и словацкую культуру. С помощью своих учеников, выпускников Братиславского лицея, выпустил 5 томов своего главного труда «Новое географическо-историческое описание Венгрии» (*Notitiae Hungariae novae historico-geogr. D. 1–6. Viennae, 1735–1742*). Труды М. Бела служили главным источником географических и исторических знаний в течение почти всего XVIII века. Пользуясь общеевропейской известностью, М. Бел вел переписку со многими зарубежными учеными, в том числе с Петербургской академией наук.

народов. Теоретическая концепция Матея Бела о великом славянском народе нашла свое воплощение в практике. В списке учеников Братиславского лицея мы находим фамилии словаков, сербов, поляков, чехов, украинцев, русских, македонцев, представителей других народов¹.

История Братиславского лицея, его роль в процессе формирования национально-самосознания словаков и значение для укрепления межславянских общественно-культурных контактов мало изучена и с точки зрения современного развития исторической науки недостаточно разработана. Называя работы венгерского буржуазного историка С. Маркушовского [41; 42], написанные в конце XIX столетия, и югославского историка Ристо Ковиянича [39; 40], посвященные учебе сербов в Братиславском лицее в XVIII–XIX вв., необходимо отметить, что научная работа, которая бы полностью раскрыла историю Братиславского лицея, его место и роль в словацкой политической и культурной жизни, значение в общественно-культурных отношениях словаков с другими славянскими народами, еще не написана.

Архивные материалы Братиславского лицея за XVIII в. сохранились плохо и не донесли до нашего времени многих фактов. В списках учеников лицея, полностью сохранившихся за 1747–1835 годы, мы находим кроме вышеназванных трех студентов из России и фамилии других словаков.

В статье В. Серебренникова об истории Киево-Могилянской академии во второй половине XVIII века дан список преподавателей Академии, содержащий фамилию Константина Крыжановского. В. Серебренников приводит факт, что в 1753 году Крыжановский был назначен преподавателем академии [19, с. 280]. Данные об учебе Крыжановского за границей находим в списке студентов, обучавшихся в Братиславе в 1747 году². В лицее он обучался до мая 1750 года, с августа 1751 года он перешел в Академию Фридрикиана (Пруссия)³. Вместе с Крыжановским в лицее обучался и 19-летний Антон Деметрович из Москвы, прибывший в Братиславу в 1749 году⁴.

Архивные материалы свидетельствуют, что сразу после приезда Константина Крыжановского в Киев он назначается преподавателем немецкого и еврейского языков, преподававшихся в Братиславском лицее на высоком уровне и занимавших важное место среди других изучаемых предметов.

В 1767 году Константин Крыжановский, тогда уже роменский протоиерей, и его брат – гадячский полковник Антон Крыжановский решили отправить и своих сыновей продолжать после окончания Киево-Могилянской академии учебу за границей, в Лейпцигском университете [15, с. 460].

Известно, что во время своих путешествий по Западной Европе в 1745–1750 гг. в Братиславе останавливался выдающийся украинский народный философ Г. С. Сковорода, который «старался знакомиться наипаче с людьми, ученостью и знаниями отлично славными тогда» [20, с. 489–490]. Возможно, что Сковорода встречался в Братиславе со студентами из России, которые здесь учились, и сам

¹ Архив библиотеки евангелического лицея в Братиславе – Archív knižnice evanjelického lýcea v Bratislave (далее – AKEL Bratislava) – Matricula scholae Posoniensis Evang. A. C. ab anno 1747 itaque ab an. 1835.

² AKEL Bratislava. – Matriculascholae Posoniensis. С. 97. В первом классе лицея значится Константин Крыжановский из Киева, 27 лет.

³ Архив библиотеки евангелического лицея в Братиславе – Archív knižnice evanjelického lýcea v Bratislave (AKEL Bratislava) – Matricula scholae Posoniensis Evang. A. C. ab anno 1747 itaque ab an. 1835. С. 97.

⁴ Там же. С. 10.

посещал лекции в Братиславском лицее. М. Мольнар утверждает, что Г. Скворода учился некоторое время в университете города Трнава, расположенного на расстоянии 30 километров от Братиславы. К сожалению, автор не привел источников этих сведений [13, с. 113].

В 1752/53 учебном году среди студентов Братиславского лицея первого класса названо имя Арсениуса Безбородко-Билозерковца. В матрикулярных книгах школы записано, что он родился в городе Переяславе¹. В 1753 году Безбородко переехал в Саксонскую академию².

В. Л. Модзалевский в Малороссийском Родословнике дает генеалогию рода Безбородко, не включая в него Арсениуса, но в дополнение он описывает жизнь А. Безбородко. По его мнению, Арсениус Безбородко – сын сотника Ивана Билозерковца и, вероятно, никакого отношения к роду Безбородко не имеет [12, с. 565]. Ценным для нас является приведенный Модзалевским факт учебы Арсения Билозерковца за границей в Лейпцигском университете в 1754 году, где он называет себя Арсений Безбородко-Билозерковец. Именно так записана фамилия этого студента в списке учеников Братиславского лицея. Возникает вопрос, почему Арсений Билозерковец, которого Модзалевский не относит к роду Безбородко, называет себя Безбородком? Личность и жизнь Арсения Безбородко-Билозерковца требуют дальнейшего исследования.

В списке студентов, обучавшихся в Братиславе в 1754 году, в третьем классе значится Максим Феодорович, 17-летнего возраста, уроженец города Василькова³.

В 1758 году для работы учителями Костромской семинарии из Киева были вызваны воспитанники академии, братья Иван и Максим Феодоровичи. Иван Феодорович преподавал в Костроме латинский язык, риторику и поэтику, Максим – славяно-русскую грамматику⁴. Скорее всего, Максим и есть тот Феодорович, обучающийся с 1754 года за границей, в Братиславском лицее.

В 1757 году в списке студентов состоит Григорий Дубранский, 25 лет, ученик 2 класса, из Малороссии (*Russia parva*)⁵.

В 1760/61 годах учились в Братиславе украинец Ян Миловский, переехавший в 1761 году в школу г. Дебрецена⁶, и Юрий Будовский из России, 17 лет, ученик второго класса⁷. О них больше никаких данных найти не удалось.

Наиболее полными оказались сведения об Иване Фальковском, прожившем в Венгрии 8 лет. Он оставил чрезвычайно интересные и детальные записки об обстоятельствах своей жизни за границей⁸. В них также содержатся материалы о пребывании в Венгрии Андрея Ставицкого и Аарона Пекалицкого, получающих образование в Братиславском лицее.

¹ Архив библиотеки евангелического лицея в Братиславе – Archív knižnice evanjelického lýcea v Bratislave (AKEL Bratislava) – *Matricula scholae Posoniensis Evang. A. C. ab anno 1747 itaque ab an. 1835. C. 104.*

² Там же.

³ AKEL Bratislava. *Matriculascholae. C. 361.* Максим Феодорович записан и в списках за 1755 год как ученик 2 класса; там же. С. 645.

⁴ Акты и документы Киевской академии (далее АДКА) / под ред. П. И. Петрова. К., 1906. Т. 2. Отд. 2. 1751–1762. С. 429.

⁵ Архив библиотеки евангелического лицея в Братиславе – Archív knižnice evanjelického lýcea v Bratislave (AKEL Bratislava) – *Matricula scholae Posoniensis Evang. A. C. ab anno 1747 itaque ab an. 1835. C. 384.*

⁶ Там же. С. 165.

⁷ Там же. С. 397.

⁸ УГА. Рукописный отдел. Музейная рукопись № 929.

В 1775 году молодой Иван Фальковский был вынужден прервать учебу в Киево-Могилянской академии потому, что его отец Юстин был назначен иеромонахом православной церкви при русской Токайской комиссии в Венгрии [3, с. 95].

28 февраля 1775 года Фальковский прибыл с отцом в Токай. Киевской академии в то время были нужны хорошие преподаватели немецкого, французского языков и математики. В связи с усилением интереса к европейской общественно-политической и научной мысли в начале XVIII в. возрастает интерес к европейским языкам. На возникшую в обществе потребность откликается и Киевская академия [27, с. 103]. Отец Ивана Фальковского это знал, так как когда-то сам учился в Академии. Он ищет для сына в период их проживания в Токае учебное заведение, после окончания которого ему было бы обеспечено место преподавателя Киево-Могилянской академии. После неудачной попытки устроить сына в Венский университет отец направляет его в Братиславский лицей, где конфессиональное направление не было определяющим, а вместе с латинским на высоком уровне изучались современные иностранные языки.

В Братиславу Иван Фальковский прибыл вместе со Стефаном Осватом из Токая, с которым учился в одном классе¹. В начале обучения Фальковский заявил, что он родом из Киева, ему 16 лет, сын церковного служителя². Он стал студентом третьего класса (синтаксима), и у него единственного среди студентов в личных материалах было отмечено, что был лучшим среди учеников³. О его отношении к учебе свидетельствует и переписка с отцом. В одном из писем от 16 октября 1777 года отец пишет Ивану: «... с радостью моею слышал, что тебе и там (в Братиславе. – М. Д.) так, как в Токаю учителя за прилежание твое к учению похваляют» [4, с. 101]. Обучаясь в Лицее, Иван также нанимал и частного преподавателя, дававшего ему уроки латинского и немецкого языка. Чему и как обучали молодого Фальковского в Лицее показывает присланное отцу подробное недельное расписание уроков и занятий от 8 декабря 1777 года [4, с. 98]. В Братиславе Иван Фальковский близко контактировал с сербскими студентами⁴. В своей работе «Краткое географическое описание Венгрии», которую он написал на основании работ учителя истории и географии Братиславского лицея словака Яна Томка Саского, Фальковский специально выделяет часть, посвященную сербам⁵. Он пишет: «Сербский народ, называемый попросту рацким, между которым я три года почти проживал, будучи одной православной с ними веры, достоин подлинно того, чтобы мы историю и приключения его прилежно читали»⁶. Сохранилась переписка Фальковского с сербским митрополитом Викентием Видаком⁷.

В период своего проживания в Братиславе Иван Фальковский вел книгу расходов, по которой можно узнать о его материальном положении и образе жизни⁸.

¹ Архив библиотеки евангелического лицея в Братиславе – Archív knižnice evanjelického lýcea v Bratislave (AKEL Bratislava) – Matricula scholae Posoniensis Evang. A. C. ab anno 1747 itaque ab an. 1835. С. 80.

² Там же.

³ Архив библиотеки евангелического лицея в Братиславе – Archív knižnice evanjelického lýcea v Bratislave (AKEL Bratislava) – Matricula scholae Posoniensis Evang. A. C. ab anno 1747 itaque ab an. 1835.

⁴ УГА. Рукописный отдел. Музейная рукопись № 929. Л. 90–160.

⁵ УГА. Рукопись № 725/580/. Л. 147–162.

⁶ Там же. Л. 152.

⁷ Там же. Сборничек И. Фальковского. Рук. № 699/621/. Л. 60–65.

⁸ Там же. Л. 38–40.

В здешних книжных лавках он купил много книг, среди них работы словацких ученых – Яна Томка Саского и Матея Бела, которые он впоследствии забрал с собой в Киев¹. В рукописной работе историко-географического характера о Венгерском королевстве Фальковский соглашается с научными взглядами Матея Бела и признает себя его учеником².

После пожара в Киевской академической библиотеке в 1780 году многие преподаватели жертвовали свои книги в эту библиотеку [27, с. 140]. Среди них и Иван Фальковский. 816 книг было куплено у Константина Крыжановского, учившегося в 1750 году в Братиславе. В списке купленных книг у Крыжановского находятся книги венгерских ученых, а также книги чешского ученого-педагога Яна Амоса Коменского³.

В каталоге книг Киевской академии конца XVIII в. мы находим более 20 книг, изданных в типографиях Трнавы, Братиславы, Кошице, Будина, Дебрецена, вероятно, попавшие в академическую библиотеку из личных библиотек преподавателей академии, которые когда-то учились в Венгрии⁴.

В 1778 году умер отец Ивана Фальковского. После года обучения в Братиславском лицее он переехал в Пешт, где продолжал учебу в гимназии ордена пиаристов⁵. Причина этого переезда состояла в сравнительной дешевизне платы за квартиру и питание в Пеште, игравшая при слабом материальном обеспечении студентов за границей значительную роль в их жизни и учебе. Плата за квартиру в Братиславе, столичном городе Венгерского королевства, достигала 80 гульденов, тогда как в Пеште – пятьдесят.

В одном из своих писем Фальковский констатирует: «В Братиславу я ради совершенного изучения немецкого языка и других учений охотнее бы поехал» [2, с. 249].

Пребывание Фальковского в Пеште и его учебу в университете г. Буда, где он изучал экспериментальную физику, детально описал историк Янош Штернберг [46, с. 30–36]. Интересный факт связей украинских и сербских студентов в Венгрии дает проживание Фальковского в Пеште у учителя сербской школы Минацкого. В 1733 году сербский митрополит Викентий Йованович обратился к митрополиту Р. Заборовскому, протектору Киево-Могилянской академии с просьбой прислать десять учителей в Сербию для того, чтобы они обучали сербскую молодежь так, как в Киевской академии [7, с. 78]. В этом же году выехали воспитанники Киевской академии, среди которых и Иван Минацкий, преподававший впоследствии риторику в сербских Карловцах [27, с. 233]. Пятьдесят пять лет спустя Иван Фальковский поселился в Пеште у сына Ивана Минацкого⁶.

В 1783 году Фальковский возвращается в Киев, отказавшись от предложения стать писарем русского посольства в Вене. Свой поступок объясняет тем, что не хочет

¹ УГА. Рукопись № 725/580/. Л. 41–42.

² Центральная научная библиотека Украины в Киеве. Рукописный отдел. Рук. № 725/580/. Л. 161.

³ Акты и документы Киевской академии (далее АДКА) / под ред. П. И. Петрова. К., 1906. Т. 2. Отд. 2. 1751–1762. с. 291–293

⁴ УГА. Рукописный отдел Catalog uslibrorum biblioteca Akademia Kioviens. 7/369/. Л. III. 147.

⁵ Пиаристы – католический орден монахов, основанный в 1607 году в Риме с целью образования по всей Европе учебных заведений и учебы там молодежи. Его влияние распространилось прежде всего в Испании, Чехии, Моравии, Австрии и Венгерском королевстве. В гимназиях монашеского ордена пиаристов училась молодежь разных национальностей и вероисповеданий.

⁶ УГА. Рукописный отдел. Рук. № 699/621/. Л. 40.

работать на гражданской должности за границей, а хочет дома (в Киеве. – *М. Д.*) стать учителем¹. Иван Фальковский преподавал в Киево-Могилянской академии более 20 лет и в 1803 году стал ее ректором. Его колоссальный труд представляет 92 тома рукописных и печатных книг: трактатов и исповедей, исторических и географических работ, статей по математике, физике, астрономии [10, с. 44].

В 1776 году за границу выезжает студент Киевской академии Андрей Ставицкий. Два года он учился в Умани, входившей в состав Польши.

После окончания учебы в Умани Андрей Ставицкий отправляется в Венгрию и останавливается в Вене с целью найти место при русском посольстве [19, с. 374]. Места он не находит, но в посольстве ему советуют искать службу в Братиславе и для этого обратиться к Ивану Фальковскому, там проживавшему. Прибыв в Братиславу, Ставицкий отыскал Фальковского и вместе с ним добился у ректора Братиславского лицея принятия в конвикт, основанный при лицее для бедных студентов, где за квартиру и стол он платил 35 гульденов в год [15, с. 472]. С первой встречи Ставицкого и Фальковского в Братиславе начинается их дружба.

В списках студентов Лицея за 1778 год записано, что Андрей Ставицкий родом из города Стародуб, ему 27 лет². В Братиславе прослушал курс философии, еврейского и немецкого языка, истории (в том числе русской), географии, арифметики³. Ставицкий учился в лицее до 1780 года, после чего переехал вместе с Фальковским в Токай. В Токае они знакомятся с Аароном Пекалицким, направленным на место покойного Юстина Фальковского после окончания Киево-Могилянской академии. А. Пекалицкий учился и работал в Венгрии шесть лет, в частности, вел практические занятия немецкого языка с греками, проживающими в это время в Токае [15, с. 473].

Часть переписки А. Ставицкого, И. Фальковского и А. Пекалицкого сохранилась в рукописном отделе УГА в Киеве и дает нам возможность частично ознакомиться с их жизнью за границей, в Венгрии⁴.

Общность научных интересов и взглядов на жизнь сближала Фальковского, Ставицкого и Пекалицкого, поэтому не удивительно, что между ними установились теплые дружеские связи, которые во время учебы за границей, а потом и в Киеве проявлялись во взаимной моральной и материальной поддержке.

В 1782 году Андрей Ставицкий возвратился в Киев, где был назначен преподавателем грамматики, истории и географии Киево-Могилянской академии. Как нам известно, впоследствии в Киев возвращается Иван Фальковский и Ставицкий принимает его к себе на временное проживание [15, с. 477]. В 1786 году из Токая прибывает Аарон Пекалицкий и по рекомендации Фальковского и Ставицкого с 1788 года преподает греческий язык в Академии [19, с. 395].

В списке преподавателей Киево-Могилянской академии второй половины XVIII века приведена фамилия Самуила Храпанова, родившегося в Словакии. Он сначала учился в Прешовской гимназии (Восточная Словакия. – *М. Д.*), а потом в Братиславе. С 1797 года преподает в Киевско-Могилянской академии немецкий язык [19, с. 400]. Вполне вероятно, что переезд Храпанова в Киев связан

¹ УГА. Рукописный отдел. Рук. № 699/621/. С. 65–66.

² AKEL Bratislava. Matricula scholae Posoniensis. С. 226.

³ AKEL Bratislava. Matricula scholae Posoniensis. Diarium scholastic 1760–1782. С. 20–55.

⁴ УГА. Рукописный отдел. Рук. № 699/621/.

с советом и помощью украинских студентов, с которыми он мог познакомиться во время учебы в Братиславе. Допустимо, что таким же путем поступили в Киево-Могилянскую академию некоторые сербы – выпускники Братиславского лицея.

В списке студентов, которые учились в 1789 году в Братиславском лицее, записан 16-летний Деметр Параскевич из города Токая¹. Он заявил, что происходит из семьи купца². Деметр был родственником Дмитрия Параскевича, придворного комиссара Русской комиссии в Токае³.

Студенты Киево-Могилянской академии, желавшие завершить свое обучение за границей, отправлялись с этой целью во многие страны Европы, в частности, в Венгерское королевство, и находили тут поддержку, в основном со стороны русского посольства в Вене и Русской комиссии в Токае. Они прибывали в Братиславу разными способами: с купеческими валками, военными командами. Большинство украинских студентов приходили в Венгерское королевство с торговыми караванами, направляющимися в Токай. Здесь, как правило, начинался их поход за знаниями, причем с Токаем они были в постоянной связи.

Киевской губернской канцелярией 2 января 1757 года был выдан паспорт Ивану Велисару, двум служителям и студенту Киево-Могилянской академии для проезда в город Токай⁴.

По архивным документам можно восстановить их путь из Киева в Токай, который проходил через Васильков, Фастов, на Чудное, Полонное, Изяслав, Броды, Жовкву, Ярослав, Дукельский перевал, словацкие города Свидник, Прешов и Кошице в Токай⁵. Этим же путем в Венгерском королевстве прибывали и другие студенты Киево-Могилянской академии.

Русская комиссия в Токае просуществовала более 50 лет (1733–1788)⁶. С ее деятельностью непосредственно связана учеба украинских студентов в Братиславском лицее. Вышеприведенные факты о студентах из России подтверждают эти связи. Все найденные нами сведения об учебе украинских студентов относятся к периоду деятельности Русской комиссии.

Руководители Русской комиссии приглашали студентов Академии на должности переводчиков и настоятелей в Комиссию и содействовали их обучению в разных учебных заведениях Венгерского королевства, в частности, Словакии.

Обучаясь в Братиславском лицее, студенты из России не пользовались привилегиями, а жили так же, как и сотни других студентов. Свидетельством их тяжелого материального положения являются записки и письма Ивана Фальковского и Андрея Ставицкого⁷. Только дети богатых родителей получали материальную поддержку из родных мест.

Студенты из России, окончив Лицей в Братиславе, или продолжали учебу в учебных заведениях Западной Европы, или возвращались на Родину, чтобы

¹ AKEL Bratislava. Matricula scholae Posoniensis. С. 734.

² Ibid. С. 734.

³ РГАДА. Ф. 276. Оп. I. Ед. хр. 709. Дело по указу сената о донесении придворной конторы о винах венгерских. Л. 1–4.

⁴ УГА в г. Киеве. Ф. 59 (Киевская губернская канцелярия). Оп. I. Д. 2066. Л. 6.

⁵ Там же. Д. 1778. Л. 27; Центральная научная библиотека Украины (далее – ЦНБ Украины). Отдел рукописей. Музейная рукопись № 929. Л. 18–23.

⁶ ПСЗ. Т. 25. № 18337. С. 45–46.

⁷ ЦНБ Украины. Рукописный отдел. Рук. № 699/621/. Л. 1–6.

передать приобретенные знания своей стране. После возвращения в основном работали преподавателями Киево-Могилянской академии или других школ в России.

С 1707 года в Трнавском университете [5, с. 78] были для студентов из России открыты три места с выплатой стипендий. В университетской типографии издавались книги, напечатанные кириллическим (русским) шрифтом [35, с. 71]. Так, в 1698 г. мукачевский епископ Йосиф де Камелис издал в Трнаве «Казуистику». В 1725 году там же была напечатана новая казуистика под названием «Краткое припадков моральных или нравных собрание» Г. Бизанция [11, с. 21]. В 1725 году кириллическая типография из Трнавы была перенесена в сербский город Клуж¹ [35, с. 71].

Словацкие медики в России

Сфера отношений в области медицины представляет собой достаточно хорошо изученный материал [36, с. 139–140; 47, 33]. В самой Словакии XVIII века медицина не была достаточно развита. Прежде всего отсутствовали специальные учебные заведения – школы и медицинский факультет. По этой причине словацкие студенты посещали западноевропейские университеты вплоть до появления в Трнаве медицинского факультета в шестидесятые годы XVIII в. Среди наиболее популярных у студентов учебных заведений можно выделить главные немецкие университеты – в Халле, Йене, Гёттингене, а также голландские университеты². Именно в университетах и завязывались контакты между словацкими и российскими медиками.

Уже в 1717 году завершил свое обучение в голландском Лейдене Ян Милетер, уроженец Спишской Новой Веси³, талантливый выпускник, выбранный руководством университета по просьбе русского царя Петра I для оказания помощи в систематизации и описании российской археологической и естественнонаучной коллекции [45, с. 113]. После выполнения задания Милетер вернулся в Словакию, где работал в качестве комитатного доктора Спишской области⁴ [31, с. 168].

Предложение работать в российских медицинских учреждениях получил еще в период своего обучения в университете в голландском Гардверийке и Павел Дьёндьёши⁵ [45, с. 48]. Как сын кальвинистского проповедника, он часто подвергался преследованиям иезуитов [45, с. 42]. Жизненный путь Павла Дьёндьёши, уроженца г. Кошице, человека беспокойной, божественной природы, был пестрым. Он обошел всю Европу и получил незаурядное образование. После обучения в Голландии он не вернулся в Словакию, а по совету доктора Боргаавого принял приглашение приехать в Россию на хорошо оплачиваемое место лекаря в Петербурге. Согласно подписанному договору, он должен был получать 600 р. в год, и сверх того, ему полагалось

¹ Naraksim E. Op. cit. S. 71.

² В немецких и голландских университетах были сконцентрированы основные массы учащихся из Словакии, преимущественно евангелистов. Медицинский факультет в Вене находился под влиянием католиков вплоть до реформы Г. ван Свитена.

³ Ян Милетер (Ján Mileter) (1691–?) учился в Йене, оттуда перешел в Лейден, где в 1717 году получил степень доктора медицины.

⁴ Как комитатный, а потом и городской доктор, он был принят во всех городских и шляхетских семьях. Написал книгу о превентивных мерах против эпидемии чумы под названием “Hochst nöthige Erinnerung bei Contagion zeit“, которую опубликовал в 1793 году в Левоче.

⁵ Павел Дьёндьёши (Pavol Gyöngyösi) (1709–1790) происходил из Кошиц, учился сначала на теологическом факультете во Франкфурте-над-Одером, с 1731 года продолжил обучение теологии в Лейдене, где начал посещать и лекции на медицинском факультете. После многолетней учебы в 1753 г. получил степень по медицине в университете в Гардвийке.

100 рублей на дорожные расходы, что было довольно большой суммой. Несколько лет он преподавал в медицинской школе в Петербурге и, в конце концов, в 1766 г. стал лейб-медиком императрицы Екатерины II. Однако через несколько лет по причине болезни он отказался от всех должностей и вел уединенный образ жизни.

Еще более выдающейся была карьера Христиана Пекена на российской медицинской службе [29, s. 412–413]. Он учился в Виттенберге, Халле и Йене. Когда по возвращении на родину ему не удалось устроиться по специальности, он принял приглашение приехать в Россию, в котором ему посодействовал его дядя, служивший в царской полиции [53, с. 123–124]. На запрос разрешения на поездку в Россию, с которым он обратился к Марии Терезии¹ [45], он получил в 1753 году следующий ответ: «...Христиану Пекену, верноподданному Ее Величества, сообщаем, чтобы он направился в Россию, в Петербург лишь по предоставлению своих математических студий и, по их оценке, разрешаем ему пребывание в России на период трех лет ...»².

Он начал карьеру с должности военного врача в Петербурге, а затем в Москве. После возвращения в Петербург он стал главным врачом в госпитале. Кроме работы в госпитале, он читал лекции вместе с другим медиком из Словакии Павлом Дьёндьёши, а также еще и в школе для военных хирургов. После учреждения государственной медицинской коллегии Христиан Пекен получил там место секретаря. Для Пекена это было важным событием и означало проявление доверия, которое он заслужил бескорыстной работой и обширной публикационной деятельностью. Коллегия, подобно тому, как медицинская комиссия в Венгрии, должна была контролировать степень квалификации работающих врачей и давать рекомендации и оценки по медицинским вопросам. Каждый медик, который принял решение работать по специальности на территории Российского государства, должен был выдержать специальный экзамен в коллегии. Работая в приемной комиссии коллегии, Христиан Пекен таким образом проверил квалификацию десятков врачей, который решили практиковать в России, среди них, например, выпускника венского университета Иосифа Веча и доктора Станислава Элли из чешского Колина, назначенного в дальнейшем директором экономической канцелярии Государственной медицинской коллегии в Петербурге. В 1770 году, когда в России вспыхнула эпидемия чумы, Пекен помогал принимать меры по предотвращению распространения заразы. За большой вклад в развитие медицины в России Екатерина II в 1779 году назначила его лейб-медиком. Христиан Пекен был также одним из учредителей Вольного экономического общества, которое ориентировалось на издательскую деятельность. Кроме того, общество отстаивало идеи отмены крепостного права в стране.

Среди первых трудов Общества вышла и публикация Пекена «О строении жилых покоев для простого народа», в которой он охарактеризовал влияние окружающей среды на человека и состояние его здоровья.

Отношение к гигиене в сельской России в тот период было, как и в остальной Европе, на очень низком уровне. Пекен обращал внимание, прежде всего,

¹ Оригинал прошения находится в Государственном архиве в Будапеште. Schultheisz E. – Tardy L.: c. d., príloha, Tab. XIII.

² Ibid. Tab. XIV.

на небольшое жизненное пространство, на отсутствие проветривания помещений, открытые очаги и другие недостатки сельского жилища.

Пекен интересовался не только организацией сельской жизни в России, но и культурной жизнью, прежде всего как советник Академии изобразительных искусств.

Несмотря на большую нагрузку, он нашел время и для издательской деятельности. Под его руководством был составлен и опубликован первый русский лечебник «Pharmacopoea Rossica», который стал ценным и популярным помощником в русской медицинской практике. Лечебник рассылался всем больницам, аптекам и практикующим лекарям.

Христиан Пекен писал и популярно-просветительские книги для простого народа по медицине о способах лечения разных заболеваний. На протяжении нескольких лет вышли четыре издания его «Домашнего лечебника», в количестве от 2 до 7 тысяч экземпляров, что по тем временам считалось огромным тиражом. В этой объемной книге, которая была издана на русском языке, Пекен последовательно упомянул обо всех факторах, влияющих на здоровье. В отдельных главах книги он охарактеризовал способы лечения различных наиболее распространенных заболеваний наиболее доступными средствами. Отдельную часть книги составляла «Домашняя аптечка», в которой он перечислил множество наиболее известных лекарств, как в виде порошков, так и солей, эликсиров, эссенций и масел самого разного состава. Там же он описал и рецепты по их приготовлению и рекомендации по их применению.

В 1799 году, спустя двадцать лет после смерти Христиана Пекена, вышел еще один его труд для народа, «Деревенское зеркало», в котором описывалось устройство и оборудование сельской больницы.

«Домашний лечебник» стал для широких слоев населения подспорьем на все случаи жизни. В книге содержались советы и основная информация о том, как в домашних условиях лечить наиболее распространенные заболевания животных, о лекарствах и способах их приготовления и т. д. Книги Пекена, принятые в России с восхищением и восторгом, преследовали именно эту цель.

Христиан Пекен умер в 1779 году в Петербурге от апоплексического удара.

Успешную научную карьеру Христиана Пекена продолжил его сын Матвей.

Матвей Пекен родился в 1756 году в Петербурге. После окончания обучения в Геттингене он возвратился в Россию, где за время своей работы на медицинских факультетах Москвы и Петербурга составил и перевел несколько учебников по медицине («Физиология, наука о естестве человеческого»; «О сохранении здоровья и жизни»). Вплоть до своей смерти в 1819 году он считался одним из наиболее известных практикующих врачей и преподавателей медицины в России [32, с. 50].

Христиан и Матвей Пекены внесли свой вклад в развитие медицины в России. В известной мере они способствовали развитию как научной, так и практической популяризационной деятельности в области российской и мировой медицины.

В России работал и брат Христиана Пекена, Карл. Начало жизненного пути Карла Пекена нам неизвестно. Неизвестны также мотивы, по которым он решил в 1751 году уехать в Россию и поступить на военную службу в российской армии. Однако остается фактом, что уже за несколько лет до этого в России в царской полиции работал дядя Карла Матвей Фукер, который мог ему посоветовать поступить на службу в российской армии и оказать протекцию в этом.

Карл Пекен начал свою военную карьеру с низшей ступени. Заслуживает внимания факт, что вскоре после приезда в Россию он выучил русский язык и постепенно дослужился до звания генерала. За свою пятидесятилетнюю карьеру в России он принял участие во многих военных походах и войнах на всем европейском континенте.

Как офицер венгерского, а потом молдавского гусарского полка он принимал участие в Семилетней войне, в войнах за Крым и с султанской Турцией. В 1774 году он участвовал в военном подавлении последней крестьянской войны в России под руководством донского казака Емельяна Пугачева [32, s. 67].

Вплоть до прошения об отставке и ухода на пенсию в 1798 г. Карл Пекен был комендантом Азовской крепости, которая в том числе благодаря его военному таланту была навсегда присоединена к России после победы России над Турцией и подписания Кючук-Кайнарджийского мирного договора (1774). Шестнадцатилетнее командование Карла Пекена Азовской крепостью связано с последним периодом ее стратегического, военного и торгового значения на черноморском побережье. После завоевания Крыма и основания портового города Одесса крепость утратила значение передового торгового центра на юге Российской империи.

В отличие от военной карьеры Карла Пекена, его младший брат-погодок Христиан (1730–1779) избрал в России путь лекаря и заслужил славу выдающегося представителя русской медицины того времени.

Таким же способом, как и Пекен, получил разрешение на работу в России другой врач, Самуэль Гамбахер (Samuel Hambacher) из Прешова¹ [31, s. 172]. Гамбахер получил медицинскую степень в Виттенберге, далее работал в Халле. После возвращения домой и недолгой службы в Гемерской жупе он испросил разрешения отправиться в Россию [45, s. 23]. Мария Терезия, которая «всегда сохраняла приятельские чувства и внимание к Ее Величеству, русской императрице», как и в предыдущем случае, удовлетворила в 1757 году просьбу Гамбахера².

Словацко-русские связи в области медицины имеют особый характер, протекающий из характера медицинской науки. Эта наука своей практической ориентацией главным образом в XVIII столетии, когда было много войн и появлялись неизвестные болезни, давала возможность врачам решать проблемы здравоохранения. Если в силу разных причин они не могли реализовать себя на родине, то уезжали за границу. На примере трех докторов из Словакии мы видели, что своим полем деятельности они избрали Россию, несмотря на то, что перед этим все получили образование в немецких или голландских университетах.

П. Дьёндьёши уехал в Россию, вероятнее всего, по религиозным соображениям и принял выгодное предложение, в котором ему посдействовали его голландские знакомые. Договор, который он подписал на пять лет, обеспечивал ему получение 600 рублей ежегодно и еще 100 рублей на дорожные расходы, что в России считалось довольно высоким жалованьем [45, s. 51; 27].

Как выяснилось в результате сопоставления деятельности двух медиков, Пекена и Гамбахера, их пребывание в России было легальным, а кроме того, оба имели немецкое происхождение. «Christianus Pecken Rosenavien siam patrem habuitex

¹ Самуэль Гамбахер (1720–1778) происходил из прослойки немецких бюргеров, живших в Словакии. Медицину изучал в Галле и Виттенберге.

² Разрешение на поездку находится в Государственном архиве Будапешта. Фотокопия: Schultheisz E., Tardy L.: c. d., Tab. IV.

Boгussia» (то есть Пруссия), а Самюэль Гамбахер происходил из прослойки немецкого бюргерства.

Так как для политического развития России XVIII века было характерно проникновение немцев в страну с периода правления Анны Иоанновны с намерением получения выгодных должностей в аппарате управления, главных государственных и научных учреждениях, перед нами встает вопрос, не была ли деятельность докторов Пекена и Гамбахера частью этого нашествия немцев в Россию. Тем более что дядя Пекена уже занимал важную должность в царской полиции. Деятельность трех словацких лекарей в России представляет собой особую часть истории словацко-русских научных контактов. Можно утверждать, что импульсом послужили чисто практические мотивы, а также политические и религиозные причины.

Мы видим, насколько разнообразны были области, в которых развивалось словацко-русское научное сотрудничество. Их развитие зависело, как правило, от конкретных политических, общественно-социальных или территориальных условий. Научная корреспонденция, обмен взглядами и научные связи в разных отраслях гуманитарных и естественных наук осуществлялись сознательно и имели важное значение для развития просветительства и культуры в странах Центральной и Восточной Европы. Переписка петербургских академиков (Т. С. Байер, Х. Гольдбах и И. Г. Гмелин) со словацкими учеными является ценным материалом для изучения отношений между российской и словацкой наукой. Она показывает, что у истоков этих связей уже в первой половине XVIII в. стояли словацкие ученые Матей Бел и Самуэль Миковини. Продолжателем и преемником Матея Бела стал сотрудник придворной венской библиотеки, а затем ее директор Адам Франтишек Коллар. Особое место в развитии российско-словацких научных и культурных связей принадлежало распространению русских книг в Словакии. В XVIII веке значительный размах приобрела доставка книг со славянского Востока в Словакию через территорию Закарпатья. Важной страницей в истории российско-словацких связей в XVIII в. являются культурно-просветительные контакты в области образования. В этот период значительное место в их развитии принадлежит Киево-Могилянской академии, влияние которой распространялось далеко за пределы России и Украины. Особое место в совместных отношениях имели контакты в области медицины, однако они были более или менее случайными и не имели систематического характера.

Перевод со словацкого языка Л. Широковой

Список литературы

1. Бажова А. П. Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982.
2. Булашев Г. Ириной Фальковский // Труды Киевской духовной академии (далее – ТКДА). 1883. Т. 2.
3. Булашев Г. Ириной Фальковский // Киевская Старина. Киев, 1883. Т. 5.
4. Громбах С. М. Русская медицинская литература XVIII века. М., 1953.
5. Исаевич Я. Д. Украинская культура XVIII столетия // Вопросы истории. 1980. № 8.
6. Кулябко Е. С. К истории словацко-русских научных связей в XVIII веке // Русская литература XVIII века и другие славянские литературы. М.; Л., 1963. С. 168–171.
7. Кулаковский П. Начало русской школы у сербов в XVIII веке // Отделение русского языка и словесности импер. Акад. наук. СПб., 1903. Кн. 3.
8. Курмачева М. Д. Петербургская академия наук и М. В. Ломоносов. М., 1975.
9. Любименко И. И. Ученая корреспонденция Академии наук в XVIII веке. М.; Л., 1937.

10. Махновец Л. Григорій Сковорода. Киев, 1972.
11. Микитась В. Л. Давні рукописи і стародруки. Ужгород, 1961.
12. Модзалевский В. Л. Малороссийский Родословник. Киев, 1908. Т. II.
13. Мольнар М. Невідомий лист Сковороди // Радянське літературознавство. 1958. № 2.
14. Петров Н. Воспитанники Киевской академии из сербов с начала синодального периода и до царствования Екатерины II (1721–1762) // Известия отделения русского языка и словесности АН. 1904. Т. 9. Кн. 4.
15. Петров Н. И. Автобиографические записки преосвященного Ириней Фальковского // ТКДА. К., 1907. № 7. С. 456–479.
16. Поликарпов Ф. П. Лексикон трехязычный, сиречь речений славянских, эллино-греческих и латинских сокоровище. М., 1704.
17. Роль Киево-Могилянської академії в культурному єднанні слов'янських народів // Збірник наукових праць. Киев, 1988.
18. Русско-французский лексикон. Петербург, 1762.
19. Серебренников В. Киевская академия с половины XVIII века // ТКДА. Киев, 1846. Т. 2. № 6.
20. Сковорода Г. Твори в двох томах. Киев, 1961. Т. II.
21. Шевченко Ф. П. Закарпатці – студенти Київської академії 18 ст. // УІЖ. 1965. № 6.
22. Шевченко Ф. П. Роль Киево-Могилянської академії в культурних зв'язях з балканськими країнами в XVIII столітті // Роль Києво-Могилянської академії в культурному єднанні слов'янських народів. Киев, 1988.
23. Штернберг Я. И. Студенти і вихованці Київської академії в Угорщині у 18 ст. // УІЖ. 1965. № 4. С. 102–108.
24. Штернберг Я. П. Из истории экономических и культурных связей между Россией и Венгрией в XVIII в. // Международные связи России в 17–18 вв. М., 1966.
25. Флоровский А.В. Чехи и восточные славяне. Прага, 1947.
26. Чистович Я. История первых медицинских школ в России. Петербург, 1883.
27. Хижняк З. И. Киево-Могилянская академия. Киев, 1988.
28. Arneth A. Josephus II. Imperator. Briefwechsel (mit) Katharina von Russland. Wien, 1869.
29. Batholomaeides L. Inlyti Superioris Ungariae comitatus Göröriensis Notitia Historico-geographico statistika. Leutschoviae, 1805–1808.
30. Bel M. Notitia Hungariae novae Geographico-historica. Tomus 1–6. Viennae, 1735–1742.
31. Bokesová-Uherová M. Zdravotníctvo na Slovensku v období feudalizmu, Bratislava, 1973.
32. Daniš M. Slovensko, husári a cárovná. Bratislava, 1992.
33. Eliáš M. Adam František Kollár. Martin, 1968.
34. Florovský A. V. Čeští jezuité na Rusi. Praha, 1941.
35. Haraksim L. К социальным и культурным дејинам Украјинцев на Slovensku до року 1867. Bratislava: SAV, 1961.
36. Klímová K. К словенско-руським вzt'ахом на ўсеку біологіе а медіцины в минулости // Біологія 1958, XIII. 2. S. 139–140.
37. Kollar A. F. Historiae iurisque publici regni Ungariae amoenitas I–II. Vindobonae, 1783.
38. Korešpondencia Jozefa Dobrovského. Praha, 1906.
39. Kovijanič R. Štúdie z dejín juhoslovansko-slovenských vzt'ahov. Martin, 1975.
40. Kovijanič R. Srpski pisci u Bratislavi i Modri XVIII veka. Novi Sad, 1973.
41. Markusovszky S. Pozsonyi ág. hitv. ev. lyceum története. Pozsony, 1896.
42. Markusovszky S. Geschichte der evang. Kirchengemeinde zu Pressburg. D. I. Pressburg, 1906.
43. Martinka J. Vědecké styky Istropolisu a Petropolisu v geografii r. 1735 // Pražská univerzita moskevské univerzite, Praha, 1955.

44. Pray G. *Dissertationes historico criticae in annales veteres Hunnorum et Hungarorum*. Vindobonae, 1774.
45. Schultheisz, E., Tardy L. *Fejezetek az orosz-magyar orvosi kapcsolatok múltjából*. Budapest, 1960.
46. Sternberg J. *Kievi diákok Magyarországon a XVIII században // Utak, találkozások, emberek*. Uzsgorod, 1974.
47. Tibenský J., Bokesová-Uherová M. *Priekopníci slovenskej kultúry*. Bratislava, 1975.
48. Tibenský J. *Dejiny vedy a techniky na Slovensku*. Bratislava, 1978.
49. Tibenský J. *Pokusy o organizovanie vedeckého života v Habsburskej ríši a na Slovensku v 18. storočí // Maximilián Hell. Zborník prednášok z konferencie o živote a diele Maximiliána Hella*, Bratislava, 1990.
50. Varsík B. *Národnostný problém Trnavskej Univerzity*. Bratislava, 1938.
51. Vávra J. *Dopisy Matěje Bela petrohradským akademikům I // Historické štúdie (HŠ) VIII*, 1963, c. 199–240.
52. Vávra J. *Dopisy Matěje Bela petrohradským akademikům II // HS XII*, 1967, c. 211–224.
53. Weszprémi I. *Succinta medicorum Hungariae et Transylvaniae biographia I*. Lipsiae, 1774.

Поступила 15.09.2017; принята к публикации 15.10.2017

Даниш Мирослав, профессор кафедры всеобщей истории, Университет имени Я. А. Коменского, Словакия, г. Братислава, miroslav.danis@uniba.sk

FROM THE SLOVAK-RUSSIAN TIES IN THE 18TH CENTURY

Miroslav Danish

Slovak-Russian cultural, educational and scientific contacts in the XVIII century were very diverse. Their development depended, as a rule, on specific political, social, or territorial conditions. Scientific correspondence, exchange of views and scientific contacts in various branches of the humanities and natural sciences were carried out on the initiative of scientists and played an important role in the development of enlightenment and culture in the countries of Central and Eastern Europe. The Austrian monarchy suffered significantly as a result of the counter-reformation, and conditions for the development of science, including foreign scientific contacts, were unfavorable. If they existed, they were limited to the predominantly Catholic regions of Europe. In Slovakia, unlike the rest of the Habsburg monarchy, the most favorable conditions for the dissemination of enlightenment and science have developed, in part because the Viennese government tolerated the non-Catholic environment in Hungary to an extreme extent. The situation changed in the second half of the XVIII century, when the Enlightenment reached its zenith. The era of Theresian enlightenment began to solve the problem of establishing broader connections with foreign scientific centers. The borders for mutual information and the exchange of scientific views were gradually opened. The transcription of the Petersburg Academicians (T. S. Bayer, H. Goldbach and I. G. Gmelin) with Slovak scientists is a valuable material for studying the relations between Russian and Slovak science. It shows that the origins of these links already in the first half of the XVIII century. Stood the Slovak scholars Matej Bel and Samuel Mikovini. Matej Bel, a great scholar and supporter of religious tolerance, and Samuel Mikovini went beyond the bounds of the then science and embarked on a completely

unconventional path. The successor and successor of Matej Bel has become an employee of the court Viennese library, and then its director Adam Frantisek Kollar. A special place in the development of Russian-Slovak scientific and cultural ties was the spread of Russian books in Slovakia. In the eighteenth century, the delivery of books from the Slavic East to Slovakia through the territory of Transcarpathia became very significant. An important page in the history of Russian-Slovak relations in the eighteenth century are cultural and educational contacts in the field of education. In this period, a significant place in their development belongs to the Kiev-Mohyla Academy, whose influence extended far beyond Russia and Ukraine. A special place in the joint relations was occupied by contacts in the field of medicine. Slovak-Russian scientific contacts, however, were largely sporadic and did not have a systematic character.

Keywords: scientific relations, correspondence, enlightenment, St. Petersburg Academy of Sciences, Bratislavsky Lyceum.

Acknowledgements: the article was translated as part of the project of the Russian State Humanitarian Fund № 16-01-14040.

Citation for an article: Danish M. From the history of Slovak-Russian relations in the XVIII century. West – East. 2017, no. 10, pp. 20–47.

DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-20-47

References

1. Bazhova A. P. Russko-yugoslavyanskije otnosheniya vo vtoroi polovine XVIII v. [Russian-Yugoslavian relations in the second half of the XVIII century]. Moskva, 1982. (In Russ.).
2. Bulashev G. Irinei Fal'kovskii [Irinei Falkovsky]. *Trudy Kievskoi dukhovnoi akademii (dalee TKDA)* = Proceedings of the Kiev Theological Academy (further PKTA), 1883, vol. 2, pp. 229–319; 444–514; 546–625. (In Russ.).
3. Bulashev G. Irinei Fal'kovskii [Irinei Falkovsky]. *Kievskaya Starina*, Kiev, 1883, vol. 5. (In Russ.).
4. Grombakh S. M. Russkaya meditsinskaya literatura XVIII veka (Russian medical literature of the XVIII century). Moskva, 1953. (In Russ.).
5. Isaevich Ya. D. Ukrainskaya kul'tura XVIII stoletiya [Ukrainian culture of the XVIII century]. *Voprosy istorii* = Issues of history, 1980, no. 8. (In Russ.).
6. Kulyabko E. S. K istorii slovatsko-russkikh nauchnykh svyazei v XVIII veke [To the history of Slovak-Russian scientific relations in the XVIII century]. *Russkaya literatura XVIII veka i drugie slavyanskije literatury* = Russian literature of the XVIII century and other Slavic literature, Moskva; Leningrad, 1963, pp. 168–171. (In Russ.).
7. Kulakovskii P. Nachalo russkoi shkoly u serbov v XVIII veke [Beginning of the Russian school with the Serbs in the XVIII century]. *Otdelenie russkogo yazyka i slovesnosti imper. Akad. nauk* = Department of the Russian language and literature impe. Acad. sciences, Saint Petersburg, 1903, Kn. 3. (In Russ.).
8. Kurmacheva M. D. Peterburgskaya akademiya nauk i M. V. Lomonosov [Petersburg Academy of Sciences and M. V. Lomonosov]. Moskva, 1975. (In Russ.).
9. Lyubimenko I. I. Uchenaya korrespondentsiya Akademii nauk v XVIII veke [Academic correspondence of the Academy of Sciences in the XVIII century]. Moskva; Leningrad, 1937. (In Russ.).
10. Makhnovets L. Grigorii Skovoroda. Kiev, 1972. (In Russ.).
11. Mikitas' V. L. Davni rukopisi i starodruki [Ancient manuscripts and early printed matter]. Uzhgorod, 1961. (In Ukrain.).
12. Modzalevskii V. L. Malorossiiskii Rodoslovnik [The Little Russian Renaissance]. Kiev, 1908, vol. II, K.–Ya. (In Russ.).
13. Mol'nar M. Nevidomii list Skovorodi [Unknown sheet of Skovoroda]. *Radyans'ke literaturoznavstvo* = Soviet Literary Studies, 1958, no. 2. (In Ukrain.).

14. Petrov N. Vospitanniki Kievskoi akademii iz serbov s nachala sinodal'nogo perioda i do tsarstvovaniya Ekateriny II (1721–1762) [Pupils of the Kiev academy from Serbs from the beginning of the synodal period and to the reign of Yekaterina II (1721–1762)]. *Izvestiya otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti AN* = News of the Department of Russian Language and Literature of the Academy of Sciences, 1904, vol. 9, book 4. (In Russ.).
15. Petrov N. I. Avtobiograficheskie zapiski preosvyashchennogo Irineya Fal'kovskogo [Autobiographical notes of His Eminence Irenaeus Falkowski]. *TKDA = PKTA*, Kiev, 1907, no. 7, pp. 456–479. (In Russ.).
16. Polikarpov F. P. Leksikon trekh'yazychnyi, sirech' rechenii slavyanskikh, ellino-grecheskikh i latinskikh sokorovichche [Lexicon trilingual, or the speech of Slavic, Hellenic Greek and Latin sokorovichche]. Moskow, 1704. (In Russ.).
17. Rol' Kievo-Mogilyanskoi akademii v kul'turnomu ednanni slov'yanskikh narodiv [The role of the Kyiv-Mohyla Academy in the cultural association of the word peoples]. *Zbirnik naukovikh prats'* = Collection of scientific works. Kiev, 1988. (In Ukrain.).
18. Russko-frantsuzskii leksikon [Russian-French lexicon]. Peterburg, 1762. (In Russ.).
19. Serebrennikov V. Kievskaya akademiya s poloviny XVIII veka [Kiev Academy since the XVIII century]. *TKDA = PKTA*, Kiev, 1846, vol. 2, no. 6, (In Russ.).
20. Skovoroda G. Tvoriv v dvokh tomakh [Create in two volumes]. Kiev, 1961, vol. II. (In Ukrain.).
21. Shevchenko F. P. Zakarpattsi – studenti Kiivs'koï akademii 18 st. [Zakarpattia – students of the Kiyiv Academy of the 18th century.]. *UIZh*, 1965, no. 6. (In Ukrain.).
22. Shevchenko F. P. Rol' Kievo-Mogilyanskoi akademii v kul'turnykh svyazyakh s balkanskimi stranami v XVIII veke [The role of the Kiev-Mohyla Academy in cultural relations with the Balkan countries in the eighteenth century]. *Rol' Kievo-Mogilyanskoi akademii v kul'turnomu ednanni slov'yanskikh narodiv* = The role of the Kyiv-Mohyla Academy in the cultural association of the Slavic peoples, Kiev, 1988. (In Russ.).
23. Shternberg Ya. I. Studenti i vikhovantsi Kiivs'koï akademii v Ugorshchini u 18 st. [Students and pupils of the Kiyiv Academy in Hungary in the 18th century]. *UIZh*, 1965, no. 4, pp. 102–108. (In Ukrain.).
24. Shternberg Ya. P. Iz istorii ekonomicheskikh i kul'turnykh svyazei mezhdru Rossiei i Vengrii v XVIII v. [From the history of economic and cultural ties between Russia and Hungary in the 18th century]. *Mezhdunarodnye svyazi Rossii v 17–18 vv.* = International relations of Russia in the 17–18 centuries, Moskow, 1966. (In Russ.).
25. Florovskii A.B. Chekhi i vostochnye slavyane [Czechs and Eastern Slavs]. Praga, 1947. (In Russ.).
26. Chistovich Ya. Istoriya pervykh meditsinskikh shkol v Rossii [History of the first medical schools in Russia]. Peterburg, 1883. (In Russ.).
27. Khizhnyak Z. I. Kievo-Mogilyanskaya akademiya [Kiev-Mohyla Academy]. Kiev, 1988. (In Ukrain.).
28. Arneth A. Josephus II. Imperator. Briefwechsel (mit) Katharina von Russland [Josephus II. Imperator. Correspondence (with) Katharina of Russia]. Wien, 1869. (In German.).
29. Batholomaeides L. Inlyti Superioris Ungariae comitatus Göröriensis Notitia Historico-geographico statistika. Leutschoviae 1805–1808. [The beauty of Upper Hungary accompanied Göröriensis Notice historic-geographic Statistik. Leutschoviae 1805–1808]. (In Latin.).
30. Bel M. Notitia Hungariae novae Geographico-historica. Tomus 1–6 [Information Hungary new Geographico-historical. Vol. 1–6]. Viennae, 1735–1742. (In Latin.).
31. Bokesová-Uherová M. Zdravotníctvo na Slovensku v období feudalizmu [Health care in Slovakia during feudalism]. Bratislava, 1973. (In Slovak.).
32. Daniš M. Slovensko, husári a cáróvná [Slovakia, the Hussars and the Barracks]. Bratislava, 1992. (In Slovak.).
33. Eliáš M. Adam František Kollár. Martin, 1968. (In Slovak.).
34. Florovský A. V. Čestí jezuité na Rusi [Florovsky A. V. Czech Jesuits in Russia]. Praha, 1941. (In Czech.).
35. Haraksim L. K sociálnym a kul'túrnym dejinám Ukrajincov na Slovensku do roku 1867 [The social and cultural history of Ukrainians in Slovakia until 1867]. Bratislava: SAV, 1961. (In Slovak.).

36. Klímová K. K slovensko-ruským vzťahom na úseku biológie a medicíny v minulosti [On Slovak-Russian relations in the field of biology and medicine in the past]. *Biológia = Biology*, 1958, XIII, 2, pp. 139–140. (In Slovak).
37. Kollarii A. F. *Historiae iurisque publici regni Ungariae amoenitas I–II* [History of the law of the public realm Ungariae attractions I–II]. Vindobonae, 1783. (In Latin.).
38. Korešpondencia Jozefa Dobrovského [Correspondence of Jozef Dobrovsky]. Praha, 1906, p. 173. (In Czech.).
39. Kovijanič R. Štúdie z dejín juhoslovansko-slovenských vzťahov [Kovijanic R. Study from the History of Yugoslav-Slovak Relations]. Martin, 1975. (In Slovak.).
40. Kovijanič R. Srpski pisci u Bratislavi i Modri XVIII veka [Kovijanic R. Serbian writers in Bratislava and the Blue of the 18th century]. Novi Sad, 1973. (In Slovak.).
41. Markusovszky S. Pozsonyi ág. hitv. ev. lyceum története [Bratislava branch. hitv. year. lyceum story]. Pozsony, 1896 (In Hung.).
42. Markusovszky S. Geschichte der evang. Kirchengemeinde zu Pressburg [History of the Protestant parish of Bratislava]. D. I. Pressburg, 1906. (In German.).
43. Martinka J. Vědecké styky Istropolisu a Petropolisu v geografii r. 1735 [Scientific relations of Istropolis and Petropolis in geography r. 1735]. *Pražská univerzita moskevské univerzite = Prague University of Moscow University*, Praha, 1955. (In Czech.).
44. Pray G. *Dissertationes historico criticae in annales veteres Hunnorum et Hungarorum* [Et critical chronicle the history of ancient Huns and the Hungarians]. Vindobonae, 1774. (In Latin.).
45. Schultheisz E., Tardy L. Fejezetek az orosz-magyar orvosi kapcsolatok múltjából [Chapters from the past of Russian-Hungarian medical records]. Budapest, 1960. (In Hung.).
46. Sternberg J. Kievi diákok Magyarországon a XVIII században [Kiev students in Hungary in the XVIII century]. *Utak, találkozások, emberek = Roads, encounters, people, Uzsgorod*, 1974. (In Hung.).
47. Tibenský J., Bokesová-Uherová M. Priekopníci slovenskej kultúry [Pioneers of Slovak Culture]. Bratislava, 1975. (In Slovak.).
48. Tibenský J. Dejiny vedy a techniky na Slovensku [History of science and technology in Slovakia]. Bratislava, 1978. (In Slovak.).
49. Tibenský J. Pokusy o organizovanie vedeckého života v Habsburskej ríši a na Slovensku v 18. Storočí [Attempts to Organize Scientific Life in the Habsburg Empire and Slovakia in the 18th Century]. *Maximilián Hell. Zborník prednášok z konferencie o živote a diele Maximiliána Hella = Maximilian Helo. Proceedings of lectures from the conference on the life and works of Maximilian Helo*, Bratislava, 1990. (In Slovak.).
50. Varsík B. Národnostný problém Trnavskej Univerzity [The national problem of Trnava University]. Bratislava, 1938. (In Slovak.).
51. Vávra J. Dopisy Matěje Bela petrohradským akademikům I [Letters of Matěj Bel to St. Petersburg Academics I]. *Historické štúdie (HŠ) VIII = Historical Studies (HS) VIII*, 1963, pp. 199–240. (In Slovak.).
52. Vávra J. Dopisy Matěje Bela petrohradským akademikům II [Letters of Matěj Bel to St. Petersburg Academics II]. *Historické štúdie XII = Historical Studies VII*, 1967, pp. 211–224. (In Slovak.).
53. Weszprémi I. *Succinta medicorum Hungariae et Transylvaniae biographia I* [Succinta of medical Hungary and Transylvania biographia i London 1774]. Lipsiae, 1774. (In Latin.).

Submitted 15.09.2017; revised 15.10.2017

Miroslav Danish, Full Professor, professor of the Department of General History, Comenius University, The Slovak Republic, Bratislava, miroslav.danis@uniba.sk

УДК 94(100)"1935/45"

**ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА ГЛАЗАМИ РУССКОГО ЭМИГРАНТА.
ПУБЛИЦИСТИКА Г. Н. ГАРИНА-МИХАЙЛОВСКОГО
В ЕЖЕДНЕВНИКЕ «СЛОВАК» (1939–1945)**

А. В. Рандин

В статье рассматривается отношение русской послереволюционной эмиграции ко Второй мировой войне и к Великой отечественной войне 1941–1945 гг. на примере анализа обширной публицистики Г. Н. Гарина-Михайловского, бывшего высокопоставленного российского дипломата и крупного юриста-международника в ежедневнике «Словак» – центральном печатном органе правящей в Словацком государстве (1939–1945 гг.) Глинковой словацкой народной партии. Автор подчеркивает, что, сотрудничая в главном органе политической пропаганды авторитарного Словацкого государства – сателлита нацистской Германии и являясь сотрудником словацкого МИД, Гарин-Михайловский не был свободен в выражении своих взглядов. Тем не менее в его статьях отразилась глубокая дилемма, вставшая перед русскими эмигрантами в предвоенный и военный период: принципиальное неприятие советской власти и искренний патриотизм, любовь к России. С этой точки зрения публицистика Гарина-Михайловского хронологически распадается на две группы. В 1939–1941 годы он, подавив ненависть к «большевизму», весьма оптимистично оценивает сближение Германии и СССР, естественных геополитических союзников и «жертв» Версальской системы, которое позволит его родине вновь вернуться в число великих держав. Нападение Германии на Советский Союз стало для него трагедией, что видно по характеру его публицистики во второй половине 1941–1944 годов. Гарин-Михайловский, по всей видимости, не считал для себя возможным воспевать победы «германского оружия» на восточном фронте в духе остальных материалов «Словака», поэтому он полностью переключается с российской проблематики на критику «старых колониальных империй» (Англии и Франции) и анализ международно-политической и военно-стратегической ситуации в Средиземноморском, Тихоокеанском регионах и на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: русская эмиграция, публицистика, Г. Н. Гарин-Михайловский, Версальская система, Вторая мировая война, российско-германские отношения, российско-английские отношения, Словацкое государство, советско-финская война, война на Тихом океане.

Благодарность: статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 16-01-14040.

Для цитирования: Рандин А. В. Вторая мировая война глазами русского эмигранта. Публицистика Г. Н. Гарина-Михайловского в ежедневнике «Словак» (1939–1945) // Запад – Восток. 2017. № 10. С. 48–64.

DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-48-64

Вскоре после освобождения Братиславы Красной армией 4 апреля 1945 г. военная контрразведка второго Украинского фронта арестовала проживавшего здесь с семьей русского эмигранта профессора Георгия Николаевича Гарина-Михайловского¹. Произошло это, судя по дате первого допроса, около 21 апреля. Сам факт ареста удивления не вызывает: в августе 1939 г. Георгий Николаевич поступил на службу в Министерство иностранных дел недавно возникшего при решающей помощи нацистской Германии марионеточного Словацкого государства (Первая Словацкая Республика), войска которого с конца июня 1941 г. вместе с гитлеровцами активно участвовали в военных действиях на Восточном фронте. В этом ведомстве Георгий Николаевич, выдав расписку о лояльности пронацистскому словацкому правительству, работал в отделе печати и культуры вплоть до своего ареста, т. е. до самого последнего дня существования республики. Да и вся его предшествующая жизнь вызвала обоснованные подозрения следователей советской контрразведки «Смерш».

Г. Н. Гарин-Михайловский родился в 1890 году. По происхождению, без сомнения, «белая кость» и «голубая кровь», выходец из родовитой дворянской семьи, сын известного писателя и талантливого инженера-путейца Николая Георгиевича Гарина-Михайловского. Блестящий интеллектуал, в 1911 г. закончивший одновременно юридический и историко-филологический факультеты Петербургского университета и прошедшей затем основательную специализацию по международному праву в Париже, Лондоне и Вене, Георгий Николаевич по праву рождения принадлежал к дипломатической касте. Племянник Николая Валерьевича Чарыкова, российского посла в Турции и товарища министра иностранных дел, близкий родственник ряда других крупных дипломатов, он в сентябре 1914 г. был принят в Министерство иностранных дел России в качестве секретаря юрисконсультской части и быстро сделал блестящую карьеру. Февральскую революцию он встретил в возрасте 26 лет уже на должности начальника международно-правового отдела Правового департамента, в качестве которого и служил при Временном правительстве². Принадлежность к элите российской гражданской и военной бюрократии безусловно помогла молодому дипломату при старте, что он и сам признавал: «Это обстоятельство было для меня ... благоприятно, – так как делало меня «своим» уже по одному этому признаку (как известно, МИД представлял из себя всегда крайне замкнутую касту)»³. Однако дальнейшие его успехи без всякого сомнения связаны с его профессиональными

¹ Последующее краткое изложение биографии Г. Н. Гарина-Михайловского, в которой многое еще остается неизвестным, основано на следующих материалах: Harbuľová L. Ruský diplomat Georgij Nikolaevič Garin-Michajlovskij a jeho pôsobenie na Slovensku // Historický časopis. 2005. 53. № 2. S. 355–364; Гарбульова Л. Жизнь русского дипломата Георгия Николаевича Гарина-Михайловского в Словакии // Проблемы истории русского зарубежья. Материалы и исследования. Вып. 2. М., 2008. С. 177–186; См. также: «Будучи враждебно настроен установившемуся советскому строю...» (Из архивного следственного дела на Г. Н. Гарина-Михайловского / опубл. Н. М. Перемышленникова // Отечественные архивы. 1997. № 3. С. 59–78; Много важных биографических деталей рассеяно и по весьма ценным «Запискам» нашего героя. См.: Михайловский Г. Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914–1920 гг.: в 2-х кн. М., 1993.

² По иронии судьбы следующее повышение – назначение вице-директором Правового департамента (чин 5 класса) – состоялось всего за несколько дней до Октябрьского восстания, что явно не усилило его симпатий к большевикам. См.: Михайловский Г. Н. Записки. Кн. 1. С. 501–502.

³ Михайловский Г. Н. Записки. Кн. 1. С. 20.

способностями. Когда летом 1917 года специальная комиссия проверяла оправданность освобождения сотрудников МИД от призыва на фронт, то усомнилась в мотивировке «незаменимый специалист» по отношению к 26-летнему молодому человеку. И если очень многим чиновникам пришлось надеть погоны, то по отношению к нашему герою ведомство легко доказало оправданность своей оценки.

Кроме прочих обязанностей, Г. Н. Гарин-Михайловский являлся членом исполкома Общества служащих МИД (ОСМИД) – своего рода профсоюза, хотя и весьма консервативного толка. Создание подобных организаций было проявлением определенной демократизации государственного аппарата при Временном правительстве, когда чиновникам было разрешено состоять в политических партиях и создавать общественные организации [1]. Исполком ОСМИДА входил в Центральный комитет Союза Союзов служащих центрально-государственных гражданских ведомств города Петрограда (известный как «Союз Союзов»). Будучи лояльным Временному правительству, Гарин-Михайловский занимал убежденную и последовательную антибольшевистскую позицию. Мотивацию такой позиции, на наш взгляд, наглядно демонстрирует одна фраза из его воспоминаний: «После июльских дней всякая тень сомнения в германской связи большевистского движения у меня исчезла»¹. Поэтому понятно, что он сыграл весьма активную и во многом руководящую роль в организации антибольшевистского сопротивления петербургской служилой интеллигенции, «забастовки» или «саботажа» чиновников, которое вылилось в первое серьезное противостояние с советской властью.

Во время гражданской войны Георгий Николаевич участвует в белом движении, находясь на дипломатической службе в правительствах А. И. Деникина и П. Н. Врангеля. После эвакуации Крыма эмигрирует в Париж, где, несмотря на выгодные предложения, официально уходит с дипломатической службы по соображениям нравственного порядка, отказавшись участвовать в «загробной жизни дипломатического ведомства... в атмосфере государственного разложения, в которую успело погрузиться белое движение в Париже»². В этом смысле весьма показательна фраза, которой Гарин-Михайловский завершает свои записки: Я «был с белым движением, пока оно вело борьбу с большевиками в крови, но не собираюсь следовать за ним, когда кровь заменяется грязью»³.

В октябре 1921 года бывший дипломат переезжает в Прагу, воспользовавшись предложением президента Чехословакии, выделившего около 50 стипендий русским ученым-эмигрантам для продолжения научной работы. Здесь он несколько отдаляется от активной общественной и политической жизни, хотя и принимает участие в деятельности так называемой Пражской академической группы русских ученых-белоэмигрантов, занимаясь в основном преподавательской работой на русском юридическом факультете Пражского университета, готовит к изданию «Историю международных отношений России», пробует свои силы на литературном поприще.

К началу 1930-х годов меняется политическая обстановка в Европе, в связи с чем серьезно ухудшаются условия жизни, в том числе и материальные, для русской эмигрантской общины в Праге, закрывается русский юридический факультет.

¹ Михайловский Г. Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914-1920 гг.: в 2-х кн. М., 1993. Кн. 1. С. 425.

² Там же. Кн. 2. С. 675.

³ Там же. Кн. 2. С. 676.

В 1932 году Гарин-Михайловский в поисках средств к существованию перебирается в Братиславу, попытавшись получить место профессора на кафедре международного права юридического факультета Университета Коменского. Хотя это не удалось, он с семьей остался жить в Братиславе, зарабатывая на жизнь переводами и литературным творчеством. Ситуация изменилась к лучшему в 1939 г. после возникновения Словацкого государства, которое сталкивалось с серьезными кадровыми проблемами при формировании государственного аппарата, особенно внешнеполитического ведомства. В результате полиглот и опытный дипломат нашел постоянную работу во вновь образованном Министерстве иностранных дел Словакии в качестве референта отдела печати и культуры.

О конкретном содержании работы Гарина-Михайловского в словацком МИДе пока известно мало, поэтому трудно судить, ограничивалась ли она только функциями переводчика, или же молодая и неопытная словацкая дипломатия использовала его и, так сказать, по прямому назначению. Еще сложнее понять мотивы, побудившие его пойти на службу авторитарному государству, находившемуся под влиянием гитлеровской Германии. Очевидны лишь материальные соображения влачившего скудное существование безработного профессора. Но насколько разделял он при этом идеологические принципы «людацкого» режима, в какой мере отождествлял себя с политической линией словацкого правительства? В определенной степени прояснить эти вопросы может помочь анализ его многочисленных публикаций в словацкой прессе. Общая характеристика публицистики Г. Н. Гарина-Михайловского, прежде всего статей в «Словенском деннике», содержится в указанных работах Л. Гарбульовой [2, с. 181–186; 12, с. 359–362].

Дело в том, что Г. Н. Гарин-Михайловский публиковался в словацкой прессе еще до начала работы в МИД Словакии, но и затем продолжал активную публицистическую деятельность. Примечательно, что после закрытия в 1938 г. официального органа Агарной партии – газеты «Словенски денник», он печатался главным образом в самой влиятельной словацкой газете, центральном органе правящей Глинковой словацкой народной партии (Hlinkova slovenská ľudová strana – ГСЛС) – ежедневнике «Словак», выходившем с 1918 по 1945 годы. Основателем газеты был вождь словацкой народной партии Андрей Глинка. В рабочие дни она печаталась тиражом 20 000, а в воскресенье – 30000 экземпляров [7, с. 326–327].

Здесь уместно напомнить некоторые характерные черты вновь созданного государственного образования. В Словакии установился авторитарный режим с однопартийной системой, в которой монопольное положение заняла ГСЛС. Важнейшим условием обеспечения этой монополии являлось овладение средствами массовой информации. Постепенно пресса остальных политических партий, профсоюзов и общественных организаций была запрещена или «унифицирована». Контроль над ней осуществляло Управление пропаганды, подчиненное непосредственно председателю правительства, законодательно была введена цензура. Свое влияние на словацкую журналистику оказало и Соглашение о сотрудничестве в области культуры с Германией, подписанное 1 мая 1942 г., в котором обе стороны договорились о цензуре печати в интересах сохранения дружественных отношений между обоими государствами. О политическом режиме первой Словацкой Республики, государственной идеологии, положении прессы см.: [3; 12, с. 20–40; 4; 11; 10; 13; 5, с. 559–576].

Задачи и положение прессы в обществе подобного типа с предельной ясностью сформулировал генеральный секретарь ГСЛС, председатель словацкого Союза журналистов и главный редактор «Словака» Аладар Кочиш: «При авторитарном режиме воплощается единая воля во всех областях государственной жизни, и пресса не может быть исключением. Эта воля должна проявляться и в прессе, более того, в печати она должна проявиться наиболее выпукло, ибо именно пресса в авторитарном режиме призвана привести взгляды народа в соответствие с этой волей. Следовательно, не создавать общественное мнение и таким образом разлагать нацию, но, согласно приказам, замыслам и идеям Вождя и его правительства, формировать нового человека, влиять на его убеждения, воспитывать его в духе чистого патриотизма и таким образом вести к подлинному национальному единству и конструктивной государственности»¹.

Понятно, что в такой ситуации Гарин-Михайловский в любом случае должен был придерживаться общей линии газеты, даже если предположить, что он не во всем разделял пропагандируемые в ней взгляды.

За время существования Словацкого государства (1939–1945 гг.) он опубликовал на страницах «Словака» около 130 статей с различной интенсивностью по годам. В среднем в год под его именем (Prof. Juraj Garin-Michajlovskij) выходило от десяти до двадцати больших статей, занимавших практически весь газетный лист. Профессора Гарина-Михайловского печатали главным образом на четвертой или пятой странице, где помещались серьезные аналитические материалы и комментарии. Изредка его статьи появлялись и на третьей, еще реже – на первой странице (17 ноября 1940 г.), но основном они отводились под редакционные материалы, выступления руководителей страны, перепечатку важнейших материалов немецкой прессы и актуальные сообщения с фронтов Второй мировой войны. Правда, в 1944 году он напечатался 55 раз, но в основном это были продолжающиеся публикации к пятилетней годовщине возникновения Словацкой Республики под общим названием «Как возникали новые европейские государства в XIX и XX столетиях?», которые выглядят как подготовительные материалы к вышедшей в апреле того же года книге на немецком языке «Возникновение Словацкой Республики как историческая необходимость европейского развития», хотя сам автор прямо об этом не говорит².

Проблематика публицистики Гарина-Михайловского весьма широка и многообразна: фундаментальные и теоретические вопросы международного права и международных отношений, внешняя политика мировых держав, в том числе СССР и Германии, в предвоенные и военные годы, анализ революционных потрясений в Европе (как правило в связи с юбилейными датами) в критическом сравнении с Октябрьской революцией, история и культура России, литературные переводы (фрагмент финского эпоса «Калевала») и другие темы, каждая из которых заслуживает специального рассмотрения. Мы же сосредоточимся на материалах, целиком или преимущественно посвященных Второй мировой войне, наиболее жгучей проблеме того времени, в которых, как представляется, должна была отчетливо проявиться и личная позиция автора.

¹ Slovenská politika. 1942. 13. jan. S. 2. Založenie miestnej odbočky Sväzu novinárov v Žiline. Аладар Кочиш занимал также пост министра образования и народного просвещения в последнем правительстве Словакии.

² Garin-Michajlovskij. J. Die Entstehung der Slovakischen Republik als historische Notwendigkeit der Entwicklung Europas. Bratislava, 1944.

В 1939–1944 годы Г. Н. Гарин-Михайловский опубликовал в целом 36 статей на эту тему¹. Их анализ целесообразно начать с весьма специфического материала, напечатанного в «Словаке» 11 июня 1939 г. под названием «Возможен ли искренний союз между демократией и большевизмом?»². Это был своего рода прогноз на будущее в связи с нарастающей угрозой новой мировой войны, в котором можно найти в несколько странном симбиозе как несомненные заблуждения, так и удивительно глубокие предвидения.

Констатируя, что западные демократии, обеспокоенные крупными политическими и дипломатическими успехами Германии и Италии в 1938–1939 гг., ищут военного союза с СССР и даже готовы при этом забыть об «идеологических противоречиях», Гарин-Михайловский пишет: «Допустим на мгновение невероятную вещь, что началась мировая война против Германии, Италии, Японии, Испании и их возможных союзников. Допустим еще более невозможную картину, что Германия, Италия и их союзники потерпят поражение. Разве можно себе представить новый Версаль во главе с Францией, Англией, Североамериканскими Соединенными Штатами и СССР?... Разве мыслимо, чтобы победоносный большевизм удовлетворился скромной ролью бескорыстного помощника англоамериканского капиталистического империализма? Возможно ли, чтобы большевистские революционеры воздержались бы от попыток осуществить мировую социальную революцию, если бы фашизм был побежден?... Я думаю, что на второй же день после победы вспыхнула бы новая война между победителями, т. е. между демократическими плутократиями с одной стороны и СССР с другой стороны».

Придя в ужас от им же созданного апокалиптического образа, автор немедленно принялся доказывать его нереальность. По его убеждению, начало новой мировой войны с участием Советского Союза неизбежно привело бы к внутреннему кризису в стране и падению большевистского режима. Гарин-Михайловский прибегает к излюбленным им историческим аргументам и подчеркивает, что в XX веке Россия не выиграла ни одной войны, а военные поражения приводили, как правило, к революционным потрясениям. Тем более, если речь идет об участии в войне против Германии, с которой у России никогда не было объективных причин для враждебности. «И сейчас, если бы большевистское правительство начало войну против Германии, то сначала надо было бы выбросить труп Ленина из его мавзолея на Красной площади в Москве, ибо именно Ленин был наибольшим германофилом и противником западных демократий». Поэтому объективно Запад не может рассчитывать на помощь Советского Союза. «Искренний союз между демократией и большевизмом является дипломатической квадратурой круга, и все усилия дипломатического искусства не могут принести положительных политических результатов... Задачей мировой истории является не ликвидация фашизма, а ликвидация большевизма. Между Францией, Англией, Североамериканскими Соединенными Штатами

¹ Последний материал под его именем вышел 1 сентября 1944 г. См.: Slovák. 1942. 1 sept. S. 4. Osemdesiate výročie podpísania Ženevskej konvencie. В 1945 году накануне краха словацкого государства наш автор уже не публиковался, хотя находился в Братиславе. Последний номер «Словака» вышел 4 апреля 1945 г. на Пасху и в день освобождения Братиславы Красной армией. Естественно, что тематика практически всех его публикаций хотя бы косвенно находится в контексте Второй мировой войны, но мы будем анализировать только те из них, которые непосредственно посвящены различным аспектам этой проблематики.

² Slovak. 1939. 11. jun. S. 4. Či je možné úprimné spojenectvo medzi demokraciou a boľševizmom?

и их культурой существует гораздо больше общих моральных уз с Германией и Италией с их тысячелетней культурой, чем с советским большевизмом».

Как видим, убежденный антикоммунист во многом ошибался. Вторая мировая война все же началась, и антигитлеровская коалиция западных держав с СССР стала реальностью, не приведя к падению советской власти, а фашизм потерпел поражение, и новый Версаль в определенном смысле состоялся, и Ленин все еще лежит в мавзолее. Но с другой стороны, между победителями действительно немедленно началась война, к счастью пока «холодная».

В последующее время Гарин-Михайловский много пишет о причинах возникновения нового мирового конфликта. В этом контексте внимание привлекает серия статей (28 июня и 11 ноября 1939 г., а также 28 июня 1940 г.), посвященных Версальской системе, определившей устройство Европы после окончания Первой мировой войны. В них много общего. Автор констатирует крах этой системы, подчеркивая, что в настоящее время из 1914 статей всех договоров, подписанных по окончании войны, сохранили действие только около 100, более 1800 было отменено, нарушено или заменено новыми. «Поэтому можно смело говорить о полном крахе всей Версальской системы»¹. При этом автор делает особый акцент на несправедливости послевоенного миропорядка. Творцы Версальского мира «воплотили дух несправедливости по отношению к побежденным народам...». В Версале последовательно проводилось различие между великими державами и остальными государствами. Пять великих держав, так называемая «большая пятерка», принимали решения по всем вопросам, а остальные страны участвовали в заседаниях только тогда, когда они касались именно их национальных интересов. «Таким образом, Версальский мир был диктатом не только по отношению к Германии и другим проигравшим войну государствам, но являлся также диктатом союзных великих держав по отношению к своим меньшим союзникам»².

Особенно критическую позицию во всех статьях занимает Гарин-Михайловский по отношению к Лиге наций: «Целью Лиги наций было установить навечно господство великих держав (собственно франко-английского империализма над другими государствами мира)... Эта институция, которая должна была укрепить международное право, в действительности его подорвала, ибо фактически уничтожила право на нейтральность, то есть важнейшую часть современного международного права. Лига наций замышляла создать централизацию мировой международной политики во время мира, а в случае войны подчинить малые государства великим державам. Созданием Лиги наций версальский конгресс создал удивительную мешанину конкретных империалистических интересов победителей и утопических новшеств, которые привели к краху всю версальскую систему.

¹ Slovák. 1939. 28 jun. 1939. S. 3. Prečo sa srútil versailský mier (k 20. výročiu jeho uzavretia). «Сейчас вся международная политическая система, созданная версальским миром, рухнула» – См.: Slovák. 1939. 12 nov. S. 4. Krach versailského mieru vo východnej Europe.

² Slovák. 1939. 28 jun. 1939. S. 3. Prečo sa srútil versailský mier (k 20. výročiu jeho uzavretia). «... Главной ошибкой версальского договора было именно то, что он не дал мира». Версальский диктат «имел целью покорить немецкий народ политически, в военном отношении и экономически, не говоря об условиях, которые имели характер унижительный... Версальский договор не только не успокоил разыгравшиеся страсти национальной ненависти, но наоборот, неправильным определением границ новых государств, которые не соответствовали этническому принципу, обострил эту ненависть до крайности». См.: Slovák. 1940. 28 jun. S. 5. Nekrolog Versaillskej smluvy.

Это и есть та прославленная коллективная безопасность, которая становится самой большой опасностью для малых государств... Это был не инструмент мира, а инструмент будущей мировой войны»¹.

С другой стороны, по ряду оценок статья, написанная к двадцатилетней годовщине Версальского мира (28 июня 1939 г.), существенно отличается от двух последующих, что, очевидно, было связано с быстро меняющейся международной и военно-политической ситуацией в Европе². Особенно разительно изменился взгляд автора на так называемый «русский вопрос» и его роль в распаде версальской системы и развязывании Второй мировой войны. В первом материале Гарин-Михайловский еще стоит на классической «белогвардейской» позиции. Позволим себе пространную цитату, поскольку она весьма показательна и с предельной четкостью формулирует эту позицию: «Второй вещью, которая удивляет в версальском мире, является его отношение к русскому вопросу... Версальский конгресс освободил советскую Россию от всех обязательств по отношению к Германии, но абсолютно игнорировал большевистский вопрос. Большевизм допустил множество нарушений международного права, начиная от конфискации всего частного имущества иностранцев по всей России и заканчивая отказом от уплаты царских долгов. Версальский договор не делает даже намека на нарушение международного права большевистским режимом в огромной Российской империи, а говорит о России только то, что она имеет право присоединиться к версальскому миру. СССР весьма мудро не присоединился к версальскому миру, и это единственная позитивная сторона большевистской дипломатии. Но это игнорирование постоянного нарушения международного права большевизмом и их безнаказанность является весьма деморализующим примером для всего человечества. Версальский мир был неумолим по отношению к Германии якобы потому, что Германия нарушала международное право во время войны, но по отношению к советской России, которая допустила беспрецедентное нарушение международного права на своей огромной территории и открыто проповедовала мировую социальную революцию, не нашел ни малейшего осуждения...

Игнорирование большевистской проблемы является ахиллесовой пятой версальского мира... Большевистская проблема в России стоит перед Европой и перед всем миром точно так же, как она стояла двадцать лет назад. Это обстоятельство является причиной хрупкости версальского мира, и пока в обширной Российской державе будет существовать большевизм, не будет покоя ни в одном деле...»³.

Итак, по мнению Гарина-Михайловского, державы-победительницы выступили чуть ли не в роли покровителей большевистского режима, допустив историческую несправедливость по отношению к Германии, что и послужило одной из главных причин будущего распада версальской системы и, надо понимать, возникновения

¹ Slovák. 1939. 28. jun. 1939. S. 3. Prečo sa srútil versailský mier (k 20. výročiu jeho uzavretia). «Чтобы довершить этот политический и экономический хаос, была создана Лига наций, действительной целью которой было восстанавливать друг против друга народы в средней и восточной Европы и препятствовать их согласию между собой». – См.: Slovák. 1939. 12. nov. S. 4. Krach versailského mieru vo východnej Európe.

² Первая публикация вышла еще до начала мировой войны, а две другие (12 ноября 1939 г. и 28 июня 1940 г.) появились уже в обстановке войны и после подписания советско-германского договора о ненападении.

³ Slovák. 1939. 28. jun. 1939. S. 3. Prečo sa srútil versailský mier (k 20. výročiu jeho uzavretia).

нового мирового пожара. Но вот прошло всего несколько месяцев, и что же пишет Георгий Николаевич на эту тему в своей статье «Крах версальского мира в восточной Европе?»¹.

В центре его внимания договор о ненападении между Германией и Россией, подписанный 23 августа 1939 г., который автор оценивает очень высоко: «Нынешнее русско-немецкое соглашение является логическим следствием вековой истории взаимных отношений двух великих народов, особенно последних двадцати лет. Основой этого соглашения является не случайность или дипломатическая интрига, но осознание общих интересов, которые вытекают из объективных обстоятельств нынешней международной ситуации, и это осознание придает силу и прочность русско-немецкой дружбе».

Германии удалось восстановить свои позиции в Центральной Европе, а его соглашение с Россией позволило последней исправить ошибки Первой мировой войны. «Россия и Германия в некоторых направлениях еще не достигли предвоенных границ, но в некоторых направлениях их уже перешагнули. Россия получила от Польши на основании соглашения с Германией 13 миллионов белорусов и украинцев. В Балтийском море России удалось получить в Эстонии, Латвии и Литве новые стратегические базы, которые в действительности означают военный протекторат славянской великой державы над этими государствами. Можно надеяться, что реализуется и русско-финское соглашение, и что Россия будет иметь выгодное стратегическое положение и в Финском и Ботническом заливе Балтийского моря. «И, несколько неожиданно заключает Гарин-Михайловский, «чем теснее и искреннее будет русско-немецкая дружба, тем лучше будут результаты этой дружбы не только для Германии и России, но и для остальных миролюбивых европейских народов».

Почему? Здесь автор возвращается к характеристике Версальской системы и подчеркивает, что «Версальский мир имеет двойное лицо. С одной стороны, его целью было ослабление Германии, а с другой стороны, ослабление России. Германия была ограблена в колониях, а в Европе территориально искалечена, не говоря уже о экономическом рабстве, которое угрожало существованию немецкой нации.... Что касается России, то... Англия и Франция боялись панславизма, то есть объединения всех славян под главенством России, также точно, как они боялись пангерманизма. Победители на Версальском конгрессе... поддерживали «панполонизм» и «панчехизм» как противовес славянофильскому «панрусизму». Вся Средняя и Восточная Европа была дезорганизована политически и экономически, чтобы воспрепятствовать Германии и России. Эта дезорганизация проявлялась в создании множества государств с совершенно невозможными границами, которые были в противоречии с этническими принципами «теории самоопределения наций»². В комментарии в связи с 21-й годовщиной Версальского договора Г. Н. Гарин-Михайловский поднимает свой анализ на новый уровень. Его создатели старались не только повредить России и Германии. Речь идет о заговоре

¹ Slovák. 1939. 12 nov. S. 4. Krach versajlského mieru vo východnej Europe

² В статье «Некролог Версальского договора» Гарин-Михайловский поясняет свою мысль: «Вместо одной большой Австро-Венгрии Версальский договор создал несколько малых Австро-Венгрий. Приведем, например, Польшу и Чехословакию, которые со своими невозможными границами включали несколько народностей. Эти государства имели все недостатки габсбургской монархии, но не имели экономических преимуществ, которыми обладала 50-миллионная держава». См.: Slovák. 1940. 28 jun. S. 5. Nekrolog Versajlskej smluvy.

«внеевропейских держав» (Америки, Японии и Англии), стремившихся воспрепятствовать возможной европейской интеграции. «Настоящей целью Версальского мира было создание таких условий, которые вызвали бы постоянную слабость Европы и сделали бы невозможной ее консолидацию». Тот факт, что европейская страна – Франция, выступила орудием в руках «заговорщиков», стал трагической ошибкой, сыгравшей роковую роль в ее судьбе. «Франция взяла на себя роль жандарма Версальского диктата, и результатом этого является сегодняшняя трагедия Франции. Немецкое знамя реет над Версальским дворцом в день 21 годовщины Версальского мира..., когда Франция в Версале предала европейскую солидарность в пользу Англии...»¹.

Как видим, нет больше морализаторских сентенций об исторической несправедливости к побежденной Германии и ее союзникам, об отказе от христианских принципов милосердия, а главное, ни слова о большевизме и его преступлениях. Все предельно просто: версальская система есть реализация дьявольского плана неевропейских по своей сути стран, прежде всего английского империализма, по сохранению и укреплению господства над намеренно погруженной в хаос Европой. Историческая миссия разрушить эти козни и создать новую объединенную и сильную Европу принадлежит восставшим из пепла естественным союзникам Германии и России, в прочность союза между которыми Гарин-Михайловский в это время, как представляется, искренне поверил.

Может быть поэтому он так болезненно воспринял советско-финский конфликт, «зимнюю войну» (30 ноября 1939 г. – 12 марта 1940 г.), когда не удалось реализовать «русско-финское соглашение», на которое, как мы видели, он надеялся в связи с подписанием советско-германского договора о ненападении. Этому посвящена публикация «Трагедия русско-финской войны»².

«Трагедия русско-финской войны заключается не только в том, что на одной стороне молодой финский народ, который насчитывает менее 4 миллионов человек, а на другой стороне огромная мировая держава, которая имеет 180 миллионов населения. Трагедия в действительности состоит в том, что Голиаф и Давид в этом случае являются родственниками по крови...». Гарин-Михайловский в духе концепции В. О. Ключевского прослеживает историю русско-финских связей с древнейших времен, когда в IX столетии некоторые славянские и финские народы основали новое государство, названное позже Русью, а затем славяне слились с финнами в новое великорусское племя. «Нам сейчас тяжело определить в точных числах, сколько процентов славянской, финской или норманнской крови в великорусском племени. Можно предположить, что финской крови больше, чем славянской и норманнской... Можно смело утверждать, что московское государство в действительности было государством этнически славянско-финским с преобладанием финской крови. Финский элемент под влиянием славяно-греческой христианской культуры полностью утратил свое национальное сознание и слился со славянами в русский народ, который стал господином огромной державы, распростирающейся от Балтийского моря до Тихого океана».

Как считает автор, финны, живущие в современной Финляндии и столетия находившиеся под господством шведов, «сейчас являются весьма развитым европейским

¹ Slovák. 1940. 28 jun. S. 5. Nekrolog Versaillskej smluvy.

² Slovák. 1940. 3 jan. 1940. Tragédia rusko-fínskej vojny.

народом, который принял скандинавскую культуру»¹. Но при всех различиях между финнами в Финляндии и между русским полуфинским, полуславянским народом есть много общего. По убеждению Гарина-Михайловского, разразившийся конфликт представляет собой «братоубийственный бой», который должен быть как можно скорее прекращен. «Чтобы Финляндия не получила удар в спину, она должна повернуться лицом к русскому народу. Кроме того, культурный финский народ может играть значительную роль в культурном строительстве огромной России, которая будет и в будущем еще долго нуждаться в культурных силах, так же как нуждалась в них и в прошлом. История финской расы в восточной Европе диктуют Финляндии русскую ориентацию, ибо западная ориентация является пережитком прошлого».

Мысль о продуктивности договора о ненападении между Советским Союзом и Германией наш автор развивает и в других статьях 1940 года, в частности в аналитическом материале «Россия и Германия»². Он отмечает, что многие сомневались в его долговечности из-за непреодолимых идеологических различий. Но по прошествии года очевидно, что пакт не только продолжается, но и принес обоим государствам огромные выгоды. «Германия не смогла бы с такой легкостью и так быстро достичь победы над Польшей, Норвегией, Голландией, Бельгией, Люксембургом и особенно Францией... если бы ее спина не была прикрыта именно со стороны России. И не только это! Экономическая помощь России позволила Германии высвободиться и сделать невозможным успех блокады западных держав. Выгоды для Германии, следовательно, целиком понятны... История Германии и России учит нас, что... Германия всегда будет иметь врагов на западе и не будет в состоянии одержать победу над западным противником без дружественного отношения к России».

При этом, как считает Гарин-Михайловский, «выгоды... для России еще большие. Война против Финляндии, если бы не было Германии, которая воспрепятствовала предоставлению помощи Финляндии со стороны Англии и Франции, могла легко вызвать общеевропейскую коалицию против России». Западные державы стремились повлиять на общественное мнение через Лигу наций, вынуждая ее исключить Россию. Это должно было послужить прологом широкой военной акции против России. Дипломатические документы, опубликованные Германией, ясно показывают агрессивные намерения против России, как на севере, так и на юге, в частности на Кавказе³.

¹ Примечательно, что Гарин-Михайловский совсем иначе и негативно оценивает перспективы финских народов, живущих на территории СССР: «И сейчас на территории России живут остатки диких финских племен с языческой религией и весьма примитивной культурой и очень простой речью для общины угро-финского происхождения. Это чуваша, мордва, черемисы и другие. Эти осколки финских народов настолько примитивны, что не играют никакой роли в российском государстве. Советская власть в последние 20 лет сделала многое, чтобы развить в этих диких осколках национальное сознание, но, как кажется, эти племена со временем станут не финнами, а русскими, как это произошло в прошлом с остальными финскими племенами».

² Slovák. 1940. 22 sept. S. 4. Rusko a Nemecko.

³ Об этом подробнее говорится в статье, подводящей итоги 1940 года. Речь идет о документах английского и французского генеральных штабов, обнаруженных немцами в Париже. «Агрессивные планы Англии и Франции были раскрыты упомянутыми документами, которые были опубликованы и в мировой прессе. Интересно, что англичане готовили бомбардировку Баку и его широко известных нефтеперерабатывающих заводов, хотя ни Франция, ни Англия не находились в состоянии войны с СССР. Бомбардировкой в Баку они хотели повредить нефтепровод между Батуми и Баку, чтобы таким образом воспрепятствовать снабжению Германии русской нефтью. См.: Slovák. 1940. 1. jan. 1940. S. 5. Dejinný význam roku 1940.

В статье особенно подчеркивается, что Россия без войны увеличила свою территорию более чем на 500000 квадратных километров с 23 миллионами населения. «России удалось получить территории, которые она потеряла после мировой войны, а кроме того некоторые территории, как например, Галицию, которая принадлежала России 700 лет назад. Все эти поразительные успехи Россия могла достичь лишь при договоре с Германией...». Как считает автор, кроме политических выгод имеют место все предпосылки для экономического союза. Германия – промышленная держава с высокоразвитой технологией, а СССР при всех усилиях по индустриализации – по преимуществу аграрная страна с огромными природными богатствами и сырьем. Россия будет потреблять немецкие промышленные изделия, а Германия – российское сырье и сельскохозяйственные продукты.

«Взаимная выгода этого пакта продемонстрировала всему миру, что государственные интересы взяли верх над интересами идеологическими, хотя идеология государств находилась в большом противоречии», – заключает Гарин-Михайловский.

В статье «Историческое значение 1940 года», опубликованной 1 января 1941 г., автор, оценивая военно-политическую обстановку в Европе, с удовлетворением констатирует, что Англия, начавшая войну вместе с Францией третьего сентября 1939 г., осталась единственной великой державой, которая еще продолжает сопротивляться державам Оси после падения Франции и капитуляции Норвегии, Голландии и Бельгии. При этом он стремится доказать, что война, объявленная Англией, имеет агрессивный, а не оборонительный характер. В этой связи интерес вызывает его оценка положения СССР в создавшейся ситуации, в которой лишний раз акцентируется необходимость его ориентации на Германию: «Россия является в этой войне нейтральным государством, что однако не означает, что она занимает одинаковую позицию по отношению к обеим ведущим войну великим державам. Россия хорошо знает, что все, что она получила благодаря своей дружбе с Германией, она потеряет в случае английской победы, ибо в Лондоне сейчас находятся эмигрантские правительства (польское и др.), официально признанные Англией. Это польское эмигрантское правительство уже является в принципе неприятелем России»¹.

В самом конце 1940 года Гарин-Михайловский публикует статью, посвященную проблеме черноморских проливов в «связи греко-итальянской войной и неясной ситуацией с Турцией ... с точки зрения главного интересанта, то есть России»². Проследив историю этого ключевого вопроса российской внешней политики, он констатирует, что «рано или поздно Россия должна обеспечить в той или иной форме свое исключительное влияние на берегах Босфора и Дарданелл, причем в равной степени как по военно-стратегическим причинам, так и из чисто экономического интереса». А главного противника в деле утверждения России в проливах он усматривает в духе своих предшествующих публикаций прежде всего в Англии. В этой связи он указывает на ее антироссийскую позицию в период Крымской войны, русско-турецкой кампании 1877–1878 гг., а также во времена Первой мировой войны, явно давая понять, что и сейчас Советский Союз должен иметь в виду неизбежное противодействие Великобритании.

¹ Slovák. 1940. 1. jan. 1940. S. 5. Dejinný význam roku 1940.

² Slovák. 1940. 14. dec. 1940. S. 5. Rusko a otázka čiernomorských úžin.

Не нужно думать, что в это время (1939 – начало 1941 гг.) Г. Н. Гарин-Михайловский в связи с мировой войной концентрируется только на России и ее взаимоотношениях с Германией, хотя эта проблематика преобладает. Понятно, что он пишет и на иные темы. Большое внимание уделяется, например, военно-стратегическому положению в Средиземном море¹ или на Дальнем Востоке², ситуации в бассейне Балтийского моря, в частности гданьской проблеме в отношениях между Германией и Польшей³, а также некоторым другим вопросам.

После нападения нацистской Германии на Советский союз 22 июня 1941 г. и вступления Словакии в войну содержание публицистики Гарина-Михайловского существенно меняется. Нельзя сказать, что российская проблематика исчезает совсем, но сводится к минимуму. При этом он никогда не реагирует на развитие актуальной ситуации на Восточном фронте, хотя страницы «Словака» буквально пестрят сообщениями с театра боевых действий. Даже в статье, приуроченной к падению Севастополя⁴ и помещенной на первой странице газеты (!) рядом с восторженной передовицей «После падения Севастополя. Сокрушительное немецкое наступление на всех фронтах»⁵, Гарин-Михайловский весьма сдержанно пишет: «Падение Севастополя явно имеет важное стратегическое значение. Даже беглый взгляд на карту указывает нам правильность выбора этого места как важного стратегического пункта, весьма подходящего для создания сильной морской базы, посредством которой можно надежно контролировать все Черное море... Севастополь для России является самой сильной крепостью и портом на побережье Черного моря... Но не только сам город является крепостью, но и весь полуостров Крым. Утрата Севастополя невосполнима, ибо тем самым Крым полностью открыт и может служить восточными воротами для дальнейшего продвижения по направлению на Кавказ». А затем он переходит к истории Крыма, которую в чисто академическом духе подробно описывает, начиная с римских времен вплоть до Октябрьской революции и гражданской войны.

Казалось бы, что в такой статье, как «Ислам и большевизм»⁶, есть прекрасная возможность коснуться положения и роли мусульманских народов Советского Союза в Великой Отечественной войне. Но Гарин-Михайловский ограничивается анализом и критикой политики большевиков по отношению к исламу в первые послереволюционные годы.

Определенным исключением выпядит публикация «Исторические основы английской стратегии (к первой годовщине сотрудничества Англии с СССР)»⁷, написанная в связи с заключением советско-английского договора «О союзе в войне против гитлеровской Германии и ее союзников в Европе и о сотрудничестве и взаимопомощи после войны» 26 мая 1942 года. Статья наполнена довольно резкими

¹ Slovák. 1940. 6. jun. S. 5. Taliansko v boji o Stredizemné more; Slovák. 1941. 16 apr. S. 5. Vojensko-strategický význam Stredizemného mora; Slovák. 1941. 1 jun. S. 7. Medzinárodno-politický a vojensko-strategický význam Portugalska.

² Slovák. 1939. 9 jul. S. 5. India alebo Gdansk? Čo sa robí na Ďalekom východe?; Slovák. 1940. 22 okt. S. 4. Svetové poslanie Japonska.

³ Slovák. 1939. S. 4. Čo sa robí na Baltickom mori.

⁴ Slovák. 1942. 3 jul. S. 1–2. Význam Sevastopoľa v dejinách Ruska.

⁵ Slovák. 1942. 3 jul. S. 1. Po páde Sevastopoľa. Zdrucujúca nemecká ofenzíva na všetkých frontoch.

⁶ Slovák. 1942. 21 apr. S. 5. Islam a boľševizmus.

⁷ Slovák. 1942. 21 jun. S. 3. Dejinné základy anglickej stratégie (K prevému výročiu spolupráce Anglicka so SSSR).

оценками этого сотрудничества. «Истинное значение новейшего дипломатического документа покажет будущее. Но ... и по подписании договора англичане и впредь остались англичанами, а большевики – большевиками... Оба партнера хорошо знают, что между заключением соглашения и его реализацией точно такое же различие, как между адом и раем, когда один из партнеров является воплощением капитализма и плутократии в их наихудших формах, а второй партнер является апостолом идеи мировой коммунистической революции...». При этом для автора Великобритания является безусловно наиболее коварным из партнеров: «Отношение английской стратегии к английской дипломатии можно выразить так: стратегия всегда должна позаботиться о том, чтобы дипломатия не должна была выполнять договоры, которые должны быть по каким либо причинам подписаны, но выполнение которых повредило бы интересам Англии». В этом контексте и в исторической ретроспективе Гарин-Михайловский и оценивает англо-советское военное соглашение 1942 года «Согласно последнему договору Англия пообещала советской России, что примет активное участие в войне в Европе. Вы только посмотрите, только сейчас, после года ожесточенной борьбы, когда Россия уже потеряла большие территории, много войска и огромное количество военного материала, Англия приходит своему союзнику на помощь обещаниями! Но история является верным зеркалом английской стратегии и нам достаточно лишь бегло взглянуть в него, и нам становится ясным, какую цену будет иметь так горячо обещанная помощь Англии».

При всей своей нелицеприятности статья не содержит почти ничего нового. В сущности, Гарин-Михайловский возвращается к главным мыслям, изложенным им еще в 1939 г. в уже рассматривавшейся выше публикации «Возможен ли искренний союз между демократией и большевизмом?».

По сути дела это все, что написал Гарин-Михайловский о войне между Советским Союзом и Германией. Битва под Москвой, летнее отступление Красной армии в 1942 г., Сталинград, Курск, бои на подступах к Словакии, всем этими событиями заполнены страницы «Словака», а наш автор молчит. Вернее, пишет о другом, по преимуществу о ситуации на Дальнем Востоке, о победах и поражениях Японии в Тихоокеанском регионе¹.

Совершенно очевидно, что Георгий Николаевич сознательно избегает проблематики, связанной с войной между Советским Союзом и нацистской Германией. Представляется, что это связано как с характером периодического издания, в котором он публиковался, так и со спецификой развития международной ситуации в предвоенные и военные годы. Сотрудничая в официозе правящей партии, он должен был придерживаться политики, проводимой словацком режимом, ориентированным на нацистскую Германию. До подписания советско-германского договора о ненападении это было в сущности несложно. Одновременно критикуя версальскую систему и большевистскую Россию, он как бы находился в русле нацистской пропаганды, которая при идеологической подготовке войны выставляла Германию как жертву несправедливости Версаля, так и главным борцом с мировым коммунизмом. А с другой стороны, ему, как патриоту и убежденному противнику советской власти, не приходилось в данном случае кривить душой.

¹ Slovák. 1942. 30 dec. S. 4. Dejinná úloha Japonska vo východnej Ázii; Slovák. 1942. 14 dec. S. 5. Zázračný rozkvet japonského priemyslu za ostatné desaťročie; Slovák. 1943. 27 jun. S. 4. Vojenská a medzinárodnopolitická situácia na Ďalekom východe.

Более сложная дилемма встала перед ним после заключения Пакта о ненападении. Тем не менее для него оказалось возможным принести в жертву свои антикоммунистические убеждения во имя величия родной страны, которое будет достигнуто через советско-германский союз, что, как Гарин-Михайловский, скорее всего, искренне считал, является объективной необходимостью. Но когда эти надежды рухнули и гитлеровская Германия напала на СССР, то следующий компромисс – свержение большевистского режима, но за счет порабощения Родины, оказался для него, как русского человека, видимо, недопустимым. Выступить против гитлеровской агрессии в легальной словацкой печати не представлялось возможным, поэтому оставалось молчать.

Список литературы

1. «Будучи враждебно настроен установившемуся советскому строю...» (Из архивного следственного дела на Г. Н. Гарина-Михайловского / опубл. Н. М. Перемышленникова // Отечественные архивы. 1997. № 3. С. 59–78.
2. Гарбульова Л. Жизнь русского дипломата Георгия Николаевича Гарина-Михайловского в Словакии // Проблемы истории русского зарубежья. Материалы и исследования. Вып. 2. М., 2008. С. 177–186.
3. Baka I. Politický systém a režim Slovenskej republiky v rokoch 1939–1940. Bratislava, 2010.
4. Beránková M., Křivánková, A., Ruttkay F. Dějiny československé žurnalistiky: Český a slovenský tisk v letech 1918–1944. III. díl. Praha, 1988.
5. Dragúň S. Nemecko-slovenská dohoda z roku 1942 o spolupráci nakultúrnom poli a jej realizácia v praxi // Historický časopis. 2007. 55. № 3. S. 559–576.
6. Duhajová Z. Dejiny slovenského novinárstva. Bratislava, 1999.
7. Fedor M. Bibliografía periodík na Slovensku v rokoch 1939–1944. Martin, 1969.
8. Garin-Michajlovskij J. Die Entstehung der Slovakischen Republik als historische Notwendigkeit der Entwicklung Europas. Bratislava, 1944.
9. Harbuľová L. Ruský diplomat Georgij Nikolaevič Garin-Michajlovskij a jeho pôsobenie na Slovensku // Historický časopis. 2005. 53. № 2. S. 355–364.
10. Serafinová D., Vatrál J. Náčrt dejín slovenskej žurnalistiky. Ružomberok, 2005.
11. Šefčák L., Duhajová Z. Dejiny slovenského novinárstva. Bratislava, 1999.
12. Tokárová Z. Nedemokratické režimy podľa Juana J. Linza a štátny režim na Slovensku 1939–1945 v jeho typológii // Človek a spoločnosť. 2015. 18. No. 4. S. 20–40.
13. Tušer A. Typológia periodickej tlače I. Lokálna a regionálna tlač. Bratislava, 1995.

Поступила 15.09.2016; принята к публикации 15.10.2016

Рандин Александр Валентинович, кандидат исторических наук, доцент, Трнавский педагогический университет им. Кирилла и Мефодия, г. Трнава, Словацкая Республика, alexrandin@gmail.ru

**THE SECOND WORLD WAR THROUGH
THE EYES OF THE RUSSIAN EMIGRE.
PUBLICISM G. N. GARIN-MIKHAILOVSKY
IN THE NEWSPAPER “SLOVAK” (1939–1945)**

A. V. Randin

The article examines the attitude of Russian post-revolutionary emigration to the Second World War and to the Great Patriotic War of 1941–1945 on the example of analysis of extensive journalism G. N. Garin-Mikhailovsky, a former high-ranking Russian diplomat and a major international lawyer in the daily “Slovak” – the central press organ of the Slovak People's Party, ruling in the Slovak state (1939–1945). The author emphasizes that, cooperating in the main organ of political propaganda of the authoritarian Slovak state, the Nazi Germany's satellite and being an employee of the Slovak Foreign Ministry, Garin-Mikhailovsky was not free to express his views. Nevertheless, his articles reflected a profound dilemma that confronted Russian emigrants in the prewar and military period: the principal rejection of Soviet power and sincere patriotism, love of Russia. From this point of view, the journalism of Garin-Mikhailovsky is chronologically divided into two groups. In 1939–1941 he, having suppressed hatred for “Bolshevism”, very optimistically estimates the rapprochement between Germany and the USSR, natural geopolitical allies and “victims” of the Versailles system, which will allow his homeland to return to the number of great powers. Germany's attack on the Soviet Union was a tragedy for him, as can be seen from the nature of his journalism in the second half of 1941–1944. Garin-Mikhailovsky, apparently did not consider it possible for him to glorify the victory of “German weapons” on the eastern front in the spirit of the remaining materials of the “Slovak”. Therefore, he completely switches from Russian issues to criticism of “old colonial empires” (England and France) and an analysis of the international political and military-strategic situation in the Mediterranean, Pacific regions and the Middle East.

Keywords: Russian emigration, publicism, G. N. Garin-Mikhailovsky, Versailles system, World War II, Russian-German relations, Russian-English relations, Slovak state, Soviet-Finnish war, war in the Pacific.

Acknowledgements: the article was prepared as part of the project of the Russian State Humanitarian Fund № 16-01-14040.

Citation for an article: Randin A. V. The Second World War through the eyes of the Russian emigre. Publicism G. N. Garin-Mikhailovsky in the newspaper “Slovak” (1939–1945). West – East. 2017, no. 10, pp. 48–64.

DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-48-64

References

1. «Buduchi vrazhdebno nastroen ustanovivshemusya sovetskomu stroyu...» (Iz arkhivnogo sledstvennogo dela na G. N. Garina-Mikhailovskogo [“Being hostile to the established Soviet system ...” (From the archival investigative case on G. N. Garin-Mikhailovsky]. opubl. N. M. Peremyshlennikova. *Otechestvennye arkhivy* = Domestic archives, 1997, no. 3, pp. 59–78. (In Russ.)
2. Garbul'ova L. Zhizn' russkogo diplomata Georgiya Nikolaevicha Garina-Mikhailovskogo v Slovaki [Life of the Russian diplomat Georgy Nikolaevich Garin-Mikhailovsky in Slovakia]. *Problemy istorii russkogo zarubezh'ya. Materialy i issledovaniya* = Problems of the History of the Russian Abroad. Materials and research, issue 2, Moscow, 2008, pp. 177–186. (In Russ.)

3. Baka I. Politický systém a režim Slovenskej republiky v rokoch 1939–1940 [Political system and regime of the Slovak Republic in the years 1939–1940]. Bratislava, 2010. (In Slovak).
4. Beránková M., Křivánková A., Ruttka F. Dějiny československé žurnalistiky: Český a slovenský tisk v letech 1918–1944 [History of Czechoslovak Journalism: Czech and Slovak Press in 1918–1944]. III. díl. Praha, 1988. (In Slovak).
5. Dragúň S. Nemecko-slovenská dohoda z roku 1942 o spolupráci nakultúrnom poli a jej realizácia v praxi [German-Slovak Agreement of 1942 on Cooperation in the Field of Culture and its Implementation in Practice]. *Historický časopis* = Historical magazine, 2007, 55, no. 3, pp. 559–576. (In Slovak).
6. Duhajová Z. Dejiny slovenského novinárstva [History of Slovak Journalism]. Bratislava, 1999. (In Slovak).
7. Fedor M. Bibliografia periodík na Slovensku v rokoch 1939–1944 [Bibliography of periodicals in Slovakia in the years 1939–1944]. Martin, 1969. (In Slovak).
8. Garin-Michajlovskij. J. Die Entstehung der Slovakischen Republik als historische Notwendigkeit der Entwicklung Europas [The emergence of the Slovak Republic as a historical necessity for the development of Europe]. Bratislava, 1944. (In German.).
9. Harbuľová L. Ruský diplomat Georgij Nikolaevič Garin-Michajlovskij a jeho pôsobenie na Slovensku [Harbuľová L. Russian diplomat Georgi Nikolaevich Garin-Mikhailovsky and his work in Slovakia]. *Historický časopis* = Historical magazine, 2005, 53, no. 2, pp. 355–364. (In Slovak).
10. Serafinová D., Vatrál J. Náčrt dejín slovenskej žurnalistiky [Sketch of history of Slovak journalism]. Ružomberok, 2005. (In Slovak).
11. Šefčák L., Duhajová Z. Dejiny slovenského novinárstva [History of Slovak Journalism]. Bratislava, 1999. (In Slovak).
12. Tokárová Z. Nedemokratické režimy podľa Juana J. Linza a štátny režim na Slovensku 1939–1945 v jeho typológii [Non-democratic regimes according to Juana J. Linza and state regime in Slovakia 1939–1945 in his typology]. *Človek a spoločnosť* = Man and Society, 2015, 18, no 4, pp. 20–40. (In Slovak).
13. Tušer A. Typológia periodickej tlače I. Lokálna a regionálna tlač [Experiment A. Typology of periodical printing I. Local and regional printing]. Bratislava, 1995. (In Slovak).

Submitted 15.09.2016; revised 15.10.2016

Aleksandr V. Randin, Ph. D. (History), Associate Professor, St. Cyril and Methodius University in Trnava, The Slovak Republic, Trnava, alexrandin@gmail.ru

УДК 94(437)"18"

**«ОРЕЛ» А. С. ХОМЯКОВА И СИМВОЛЫ СЛОВАЦКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ XIX ВЕКА*****Т. Ивантышинова***

В процессе формирования современных наций в Центральной Европе важную часть национальной идеологии составляли символы. При их создании наряду с историческими личностями и событиями важным источником вдохновения была природа и ее отражение в народной словесности (например, образы хищных птиц с Татранских гор). Символ орла чаще всего воспринимался как славянский феномен. Особой популярностью у словаков в первой половине XIX в. пользовалось стихотворение славянофила А. С. Хомякова «Орел», в котором поэт обращался к полуночному орлу (России), чтобы тот не забывал о своих младших братьях. Впервые стихотворение было опубликовано словацким поэтом Яном Колларом, но в дальнейшем оно было изъято из текста. Однако призыв русского поэта остался в памяти словаков и распространялся в списках. Тема «орла» рефреном отразилась в литературном приложении к Словацкой национальной газете (1845–1847), получившем название «Орел Татранский». На титульном листе приложения была помещена цитата из «Орла» Хомякова, ставшая его девизом. Многочисленные исследователи, исходя из этого, делали вывод о том, что издание находилось под влиянием идей Хомякова. Однако анализ содержания литературного приложения не подтверждает этой идейной близости. Символ татранского орла до сих пор воспринимается как национальный символ словаков. Важную роль в этом сыграл «Орел Татранский» Л. Штура, символизирующий формирование национальной идентичности словаков. Славянофилы оставили яркий след в развитии словацкой культуры XIX в. не только в поэзии (Хомяков был наиболее часто переводившимся русским поэтом того времени), но и в философии, религиозном мышлении, истории. «Полуночный орел» Хомякова был символом, который, несомненно, способствовал возникновению и расширению «русофильства» в словацком обществе. В конце XIX века преобладавшая ранее восточная ориентация культурной и политической элиты словацкого общества изменилась. «Северный орел» утрачивает свою когда-то мобилизационную общественную роль и постепенно вытесняется из сознания словаков.

Ключевые слова: Словацкая национальная идеология, символы, А. С. Хомяков, Я. Коллар, Л. Штур, «Татранский орел».

Благодарность: статья переведена в рамках проекта РГНФ № 16-01-14040.

Для цитирования: Ивантышинова Т. «Орел» А. С. Хомякова и символы словацкого национального движения XIX века // Запад – Восток. 2017. № 10. С. 65–78.

DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-65-78

Возникновение современных наций в Центральной Европе в конце XVIII столетия сопровождалось огромными изменениями в их общественной, политической,

социальной и культурной жизни. Процесс утверждения национальной идентичности, решающий для успешного завершения становления наций, в многоэтнической Габсбургской монархии был особенно сложным. Отожествление собственных интересов с интересами национального целого и создание национальной сплоченности предполагало использование средств, вызывающих у представителей этноса эмоции, образный ряд, чем собственно и были мифы, символы и легенды¹.

Процесс формирования современной нации у словаков проходил подобно таким же процессам у других наций региона, но вместе с тем он отличался определенной спецификой. Она состояла в том, что словаки представляли собой национальное меньшинство в Венгрии, обладали неполной социальной структурой, и находились в сложной языковой ситуации. Если сравнивать словаков с другими нациями Габсбургской монархии (чехами, венграми, хорватами), то у них отсутствовала историко-правовая традиция, поэтому при формировании их национального самосознания такую большую роль играли символы и мифы.

Символ может являться предметом, явлением или живой реальностью, если представляет собой общую абстрактную идею. Его действие в обществе обусловлено тем, что «все признают его за признак определенной абстрактной действительности». И хотя символы и знаки использовались в истории человечества в древности, в процессе формирования современных наций функции мифов принципиально изменились. Символ становится важным средством интеграции этнического целого, функции которого состоят в преодолении социальных, региональных, культурных, конфессиональных различий внутри этого общества. Он помогает создать позитивный образ собственной нации и выделить его на фоне образов других наций, воспринимаемых критически. При создании национальных символов по большей части были использованы уже существующие исторические и культурные реалии, которые либо приспосабливали к новым условиям, либо их создавали более или менее целенаправленно².

Набор символов был весьма пестрым. Это могли быть личности и события, связанные с историей, природа (горы, скалы, реки, животные, растения), а также предметы быта и произведения культуры – стихи, гимны и т. п., типичные для данного этноса. Именно у словаков многие национальные символы были связаны со словацкой природой, особенно татранской (вершина Кршивань, татранский орел).

Создание национальных символов Д. Шкварна характеризует как длительный процесс, который шел по мере укрепления принципа современных наций. Он считает, что этот процесс не закончен, так как и «сегодня структура символов преобразуется, а функции приспособляются к формам общения и развлечения, ментальности, политической культуре и стереотипам, техническим возможностям и другим явлениям современности» [2, s. 11].

Не все символы сохранились в этническом сознании общества. Часто вскоре после своего возникновения некоторые из них утрачивали свое значение и важность для национального коллектива. Большая часть оставались как бы «потенциальными» символами (Д. Шкварна). Но определенная часть символов преодолела пласт веков

¹ Символы имеют способность противостоять изменениям, обеспечивая общественную стабильность и непрерывность. Тем, что они упрощают действительность, обозначая ее знаковыми понятиями, они отделяют существующее целое от окружения, усиливая его гомогенность и идентичность [1, s. 234–235].

² Подробнее о создании словацких национальных символов см.: [2].

и осталась постоянной частью национальной идеологии. В XX веке большинство национальных символов использовались в политических целях, диаметрально противоположных первоначальному гуманистическим идеалам национального движения.

Использование словацких национальных символов Д. Шкварна разделил на четыре временных отрезка. Символы, возникавшие в конце XVIII в., в основном исходили из исторической традиции, особенно это происходило в первые десятилетия XIX столетия. Самые известные национальные символы, которые стали неотъемлемой частью национального сознания, возникли в 1830–1840 гг. В революционные 1848–1849 годы родились геральдические символы словаков, составляющие основу их государственности до сих пор [2, с. 83–100].

Национальным символом словаков орел стал в 40-х гг. XIX века. Как признак величественности и вольности он уже и раньше являлся частой темой словацкого фольклора. Местом его природного обитания были горы в северной Словакии. Поэтому орел чаще всего связывался именно с Татрами, еще одним национальным символом словаков. В процессе этноидентификации словаков Татры служили важным символом как противопоставление венгерской равнине, как северный бастион Словакии, ограничивавший простор от севера к югу, до реки Дунай, воспринимавшийся как национальная территория словаков¹.

Татранский орел свое место среди словацких символов сохранил, хотя одно время популярен был сокол. До сих пор горный орел считается одним из наиболее важных национальных символов².

В 1830–1840-е годы, во время наиболее интенсивного создания и распространения национальных символов часто происходило объединение нескольких символов для усиления их эмоционального воздействия. Наиболее выразительным в сознании словаков стало слияние символов Татр и орла в названии литературного приложения к Национальной газете Штура – «Орел Татранский»³.

* **

«Орел славянский» в «Путешествии...» Коллара

На обороте титульного листа второго года издания «Орла Татранского» Штур поместил девиз на русском языке «Орел!... Славянских братьев не забудь!» Орел, который имеется в виду в этой стихотворной строчке, происходит из стихотворения Алексея Степановича Хомякова⁴ и олицетворяет собой Российскую империю (символом которой являлся двуглавый орел, в литературе получивший название северного или полуночного)⁵.

¹ Татры в ранних работах просветителей обозначались как прародина словаков. Территорию Словакии представители национального возрождения XIX в. считали центром возникновения всех славянских наречий [2, с. 33–34].

² Это подтверждают интернет-страницы. На сайте Bird.watching.sk автор статьи о хищных птицах (горном орле) пишет, что он является «национальным символом Словакии».

³ Издавалось в 1845–1848 годы.

⁴ Поэзия А. С. Хомякова в то время была одной из наиболее любимых у западных славян. Некоторые стихотворения, например «Ключ», которое Штур позднее опубликовал под названием «Колодец», он знал еще до встречи со Срезневским и оценивал их с точки зрения «чисто славянского духа». Некоторые исследователи считают, что с творчеством Хомякова словаков первым познакомил О. М. Бодянский, который побывал в Венгрии в 1838–1839 годы [3, с. 102; 4, с. 130].

⁵ Об истории создания Хомяковым «Орла» подробно писали: [5, с. 668–681; 3, с. 91–118]. Частично этой теме касались и другие исследователи в обзорных работах о словацко-русских отношениях (П. Г. Богатырев, Л. С. Кишкин, Г. В. Рокина и др.) и в монографиях [4, с. 130; 6, с. 447, 465].

В Словакии это стихотворение стало известно благодаря Яну Коллару. Он услышал его от Измаила Ивановича Срезневского во время их встречи в Загребе в 1841 году. Текст стихотворения под названием «Орел славянский» он включил в свою книгу «Путешествие по горной Италии» (1843) [7, с. 32]. Копия стихотворения Коллара в некоторых местах отличается от первоначального текста Хомякова¹. Эти различия вскоре стали основой нередко противоречивых суждений. В. А. Францев, например, предположил, что Срезневский в Загребе прочитал «Орла» по памяти, а текст стихотворения уже потом переписал для него латиницей².

Стихотворение Хомякова пленило Коллара смелым призывом к «полуночному орлу» (северному орлу, т. е. к России), чтобы она поддержала поработанных славян. В этом стихотворении он видел отражение своих идей славянской взаимности, именно поэтому он и напечатал это стихотворение под названием «Орел славянский». Для словаков «Орел» Хомякова стал символом надежд, которые они питали весь XIX в. о том, что дождутся помощи от северной империи. «Орел» Хомякова имел в контексте восприятия русской поэзии у словаков особое значение. Он оказал сильное влияние на политическую интерпретацию поэзии, так как в конце 1830-х годов концепции славянофилов распространялись в философской и культурной среде. Это стихотворение нашло отклик в небольшой части русской общественности, но вызвало подозрения у властных кругов³. То обстоятельство, что это стихотворение в то время не было опубликовано в России, а распространялось в списках⁴, обеспечивало «Орлу» характер сенсационности.

Изъятие «русского стихотворения» из «Путешествия...» Коллара, скорее всего, было вызвано необходимостью обойти цензуру. Первоначальных экземпляров «Путешествия...» сохранилось мало, а действительную причину изъятия стихотворения в отредактированной версии мало кто знал. В обществе преобладало мнение, что издание «Путешествия...» в 1843 г. вмешалась цензура. Эта точка зрения вскоре появилась и в историографии. Но в новом издании «Путешествия...» в избранных произведениях Коллара (Прага, 1862) была восстановлена первоначальная версия книги [9].

Из словацких историков темой «Орла» Хомякова до сих пор никто специально не занимался⁵. Лучшая ситуация сложилась в словацком литературоведении. В обзорных работах о русско-словацких литературных связях Э. Панова подробно рассматривала влияние поэзии А. С. Хомякова на словаков и особенно его стихотворения «Орел» [11; 12]. Большой интерес тема восприятия поэзии А. С. Хомякова западными славянами вызывала в российской историографии. В монографии об А. С. Хомякове (1902), например, В. З. Завитневич написал, что стихотворение «Орлы» (так у Завитневича – *Т. И.*) впервые вышло в Австрии в одном из славянских изданий, вследствие чего оно было тут же приостановлено⁶. Более осторожное отношение к вопросу цензуры занял М. Н. Петровский. Он обратил внимание на различия

¹ «Орла славянского» Коллара (на кириллице) приводит в своей работе М. Н. Петровский, указывая на отличия от оригинала Хомякова [5, с. 679].

² Вполне возможно при посещении Будапешта в мае 1842 года [3, с. 102–103].

³ Копии «Орла» Хомякова распространялись в петербургском обществе в конце 1830-х годов. В письме семье Срезневский упоминал об отрицательной реакции на стихотворение царского двора [8, с. 42–43].

⁴ На это Коллар обратил внимание в отредактированной версии «Путешествия...» [7, с. 32].

⁵ О роли В. А. Панова в распространении «Орла» Хомякова среди штуровцев писал В. Матула в рецензии на издание писем И. Францева (Т. 1, 2) // [10, с. 132–133].

⁶ Цит. по: [5, с. 673].

в вариантах «Путешествия...», но он прокомментировал это таким образом, что вскоре после издания книги страницы со стихотворением «Орел» были *перепечатаны* и заменены другим текстом [5, с. 680]. О вмешательстве цензуры с текст Коллара был уверен, например, В. А. Францев. Он написал, что в Пеште «предусмотрительная цензуры подрезала ножницами ему (т. е. Орлу) крылья» [3, с. 105]. Точка зрения Францева повлияла на многих историков, которые, скорее, в рамках исследований русско-славянских культурных связей XIX в., занимались этой проблематикой: М. Ю. Досталь в монографии об И. И. Срезневском и Г. В. Рокина в монографии о Яне Колларе и другие.

Оба варианта «Путешествия...» Коллара (первоначальный и отредактированный) вышли в первой половине 1843 г. в Пеште. Первоначальный текст всего в нескольких экземплярах сохранился в библиотеках Братиславы и Праги. Пражский экземпляр «Путешествия...» Коллара держал в руках в межвоенный период В. А. Францев. Автором текста, заменившего «Орла», Францев считал Коллара, но думал, что это было сделано по приказу цензуры [3, с. 104].

Оба варианта «Путешествия...» Коллара имел в своем распоряжении и М. Н. Петровский, который опубликовал их в своей работе. Изменения в исправленной версии он считал делом Я. Коллара, дополнения были вызваны полученной от И. И. Срезневского информацией [5, с. 680].

При более подробном исследовании доступных источников словацкого происхождения выяснилось, что точка зрения о вмешательстве цензуры в публикацию Я. Коллара не подтвердилась. Согласно сохранившимся свидетельствам Коллар без каких-либо проблем получил разрешение на публикацию своей книги и часть тиража (с «Орлом» Хомякова) была напечатана. Во многом виновником того, что исправленная версия книги вышла без «Орла» Хомякова стал молодой русский славянофил Василий Алексеевич Панов, как именно это произошло, он не сообщает. Но именно из-за него Штур узнал о стихотворении. Последовала лавина критики со стороны шуторовцев, что и вызвало изменения в публикации книги. Долгое время считалось, что вторая версия издания – «подцензурная», но теперь видно, что это не так.

Об издании «Путешествия...» Коллара Панов оставил нам свидетельство в своих письмах в Россию [13]. «Путешествие...» вышло из печати 14 марта 1843 г. за день до его отъезда из Пешта. По его словам, напечатанные экземпляры Коллар хранил дома, так как не имел права «пустить их в продажу раньше, чем через месяц». Перед отъездом Панова Коллар дал ему два напечатанных экземпляра: «один для передачи Уварову для Академии», а второй для него. Коллар взял с него обещание, что он никому не расскажет об издании книги. Особенно это касалось Штура, так как отношения между ними были очень натянутые. По пути в Вену Панов на день остановился в Пешпурке (Братиславе). Несмотря на обещание, он показал «Путешествие...» Штуру. В письме матери он сообщил, что «обещание я однако ж не в силах был в полной мере исполнить» [13, с. 114]. Волнение, которое стихотворение «Орел» вызвал среди шуторовцев, описал Ян Францисци в письме к Аугусу Гориславу Шкультеты (21. 03. 1843). Он удивился тому, что Коллар опубликовал в своей работе русское стихотворение «Орел» «дословно, но латиницей». Он написал, что оно пропитано «ужасным и явным панрусизмом», и удивительно, что Коллар «включил это стихотворение». По словам Францисци, Штур высказался в том смысле, что в книге есть вещи, «за которые Коллара могут посадить

в тюрьму, а все словаки подвергнутся опасности»¹. Он сообщал Шкультеты о том, что Штур написал Коллару «тактично, но правдиво», что отрывок со стихотворением надо перевести, а текст стихотворения «к черту» выбросить [14, s. 208–209]. Неизвестно «сделает это Коллар или нет», – прокомментировал Францисци.

Коллар, вероятно, после негативной реакции шуруповской молодежи, понял, какие последствия может иметь публикация стихотворения, и изъял «Орла» из книги.

Стихотворение, которое можно было охарактеризовать как «панславистское», представляло собой большой риск. И менее спорные стихотворения нередко становились причиной репрессий с венгерской стороны. На своеволие цензуры Штур, например, жаловался А. Х. Шкультеты (23 апреля 1843 г.), что та же самая «быстрицкая» цензура «сначала разрешила “Путешествие...” Коллара», а на второй год запретила издание альманаха «Нитра» [15, s. 349]. Разрешение цензора на издание «Путешествия...» Коллара (с «Орлом» Хомякова), учитывая тогдашние строгие предписания, было скорее исключением. Словацкий историк литературы Я. М. Мишианик объяснял это позитивным отношением цензора к словацким культурным начинаниям².

Для изъятия «Орла» Штур имел еще один конкретный и очень убедительный довод. Он не мог допустить, чтобы «Путешествие...» Коллара поставило под угрозу издание политической газеты, ходатайство о разрешении на которую он только что подал³.

Символ орла в «Орле Татранском»

Тема орла постоянно присутствовала на страницах «Орла Татранского» весь период его издания. Наиболее ярко это проявлялось в первый год издания, когда стихи с образом орла выходили чуть ли ни в каждом номере.

В национальном фольклоре орел всегда являлся олицетворением вольности, независимости, слияния с природой (Татрами). В романтической поэзии орел чаще всего воспринимался как символ свободы. Особо важную роль орлу придавала национальная символика. В национальной борьбе за освобождение орел стал прообразом всего словацкого народа⁴.

В поэзии, посвященной теме орла, часто повторяется мотив «пробуждения орла» и его освобождения от «заклятия». Орел у шуруповских поэтов тесно связан с Татрами (со святым Криванем). Он являлся новым динамичным элементом национальной мифологии и означал активизацию национального сообщества⁵. «Королевскому орлу ни одна “живая душа не может запретить” свободно летать», – пишет Б. Носак в стихотворении «Татранский орел». Побудить его к тому, чтобы он заступился за словаков, смогла молодая словацкая генерация. Поэт подчеркивал «дух» и «мобильность» шуруповской молодежи, но она все-таки обращалась к орлу, чтобы он помог ей в ее замыслах. Поэт высказал желание, чтобы орел поднял словаков «из праха» и «низины» и унес их «к свободным вершинам гор» [17. Roč I. Č. 3. (25 klasňa/ augusta). 1845]. Очень часто в поэзии такого рода орла в его победном

¹ Цит. по: [14, s. 208–209].

² «Словацко-славянское сознание Тиллеша хорошо известно (он дал разрешение на публикацию «Путешествия...» Коллара)» [16, s. 345].

³ Словацкая национальная газета выходила в 1845–1848 гг. на шуруповском словацком языке с литературным приложением «Татранский орел».

⁴ У некоторых авторов образ орла сливался даже с личностью Людовита Штура.

⁵ Это «круги словацкой молодежи», / Которые новую жизнь под Татрами начинают, / Которые бьются за славу народа и короля / И последнюю каплю крови своей отдадут» [17. Roč I. Č. 3. (25 klasňa/ augusta). 1845].

полете над Татрами сопровождают черные тучи, молнии и гром, символизирующие врагов словацкого народа, которым он должен противостоять.

Сознание единства словаков было одним из наиболее важных посланий, которые в штуровской поэзии орел мог принести своему народу. Полет орла над Криванем Б. Носак обозначает как демонстрацию «словацкого единства». Пусть видят землю «Татрами окруженную, / Которая стоит как крепость несломленного единства» [17. Roč I. Č. 3. (25 klasňa/ augusta). 1845].

Большинство стихотворений в журнале «Орел Татранский», посвященных теме «орла», связано с Татрами и со Словакией. В них проявляется гордость за словацкую землю, ее способный и трудолюбивый народ. Мы встречаем в них и «полет орла к славянским братьям, но это второстепенный мотив такого рода поэзии¹.

Словацкий, славянский или русский орел...

На обороте титульного листа «Орла Татранского» во второй год его издания была приведена уже упоминавшаяся цитата из стихотворения Хомякова. Штур текст немного изменил. Он оставил первоначальное название «Орел», а строчку «Ты младших братьев не забудь» исправил на «Славянских братьев не забудь!». Имя автора стихотворения с оглядкой на цензуру не приводилось. Текст стихотворения имел среди словацких образованных людей достаточно широкое хождение (в списках), поэтому имя автора стихотворения и не требовалось приводить. Происхождение названия литературного приложения к «Словацкой национальной газете» – «Орел Татранский» многие исследователи ведут от «Орла» Хомякова. Однако не очень-то правдоподобно, чтобы Штур название журнала выбрал из стихотворения Хомякова. Безусловно, решающей была связь символа орла со словацкой фольклорной и литературной традицией. Стихотворение, с которым связана цитата в «Орле Татранском», является призывом Хомякова «к полуночному орлу славян (то есть к России), чтобы она не забыла своих младших братьев. Он напоминает ей, что угнетенные славяне, «закованные братья», ждут, чтобы северный орел «распростер свои крылья как объятья» над их слабой главой. Орел должен был их утешить в «рабской ночи» и «насытить их пищей духовных сил». В заключение поэт высказывал надежду, что придет время, когда молодые орлы подрастут и «разобьют наши цепи»².

Славист А. Н. Пыпин вскоре написал об «Орле» Хомякова, что в нем была целая программа будущего освобождения [славян – *Т. И.*], от которой потом наша панславистская поэзия не отступала» [19, с. 308].

Пыпин понял то, чем заинтересовал Хомяков западных и южных славян. Его призыв к орлу (т. е. России), чтобы она поддержала борьбу славян за национальное освобождение, был в 1839 г., когда возникло стихотворение, лишь образом. В это время славянофилы являлись небольшой группой интеллектуалов без особого влияния на общественную жизнь. Их идеи объединения славян во властных кругах воспринимались с неохотой, влияние в русском обществе стало возрастать лишь

¹ Например, в стихотворении Яна Тобиаша Ланхофера «К орлу», в котором автор приветствует татранского орла, есть и упоминание о другом «быстрокрылом» орле, который летает от берегов моря к Балканам. «Приветствую, Орел, такой долгожданный, / приветствую, Орел Татранский, / Ты Бог для словаков, данный королем, / Приветствуй же нашего славянского гостя! / Как и ты летает орел быстрокрылый / От берегов моря к Балканам, / Так и ты летай долгие годы...» [17. Roč I. Č. 9. (3. Velkého Rijna /októbra. 1845)]. Подразумевал ли поэт под «быстрокрылым орлом» Орла Хомякова из контекста недостаточно ясно.

² Цит. по: [18, с. 33].

после Крымской войны. Стихотворение «Орел» было опубликовано в газете Ивана Аксакова «Парус» в 1859 году. Газета проводила русские национальные интересы и открыто выражала поддержку славянам.

Первые контакты славянофилов со словаками в 1840-х годах, хотя не выходили за рамки культурных, немецкой и венгерской печатью объявлялись «панславистскими». Эта широко распространенная точка зрения о политическом контексте русской активности в Габсбургской монархии не могла не влиять на отношение словаков к России. Известную цитату из стихотворения Хомякова в «Татранском Орле» можно было понимать и как политическое кредо Штура. Содержание литературного приложения, однако, не свидетельствовало о том, что на первом плане у издателя были политические цели, ориентированные на Россию. «Орел Татранский» в первую очередь стремился к национальному сплочению общества, усилению позиций шуруповского словацкого языка¹. Целенаправленная национальная политическая программа словаков зародилась лишь в ходе революции 1848–1849 годов. А представления об отношении словаков к России, которые возникли в 1850-е гг., были скорее иллюзиями, чем попытками реальной политики. Переоценка политических амбиций словаков в отношении к России в середине XIX в. не отвечала реальности. Это касалось и стихотворения Хомякова «Орел». Стихотворение сыграло позитивную роль при формировании словацкого «русософильства» в XIX в., но все-таки видеть в нем прототип поэзии, посвященной символу орла в словацкой литературе, как это делают некоторые словацкие историки, представляется неправомерным². Символом свободы, к которому прибегали шуруповские поэты, был словацкий орел, чаще всего татранский орел, по другим источникам, также сокол. Возможно, некоторых из них мог воодушевить «Орел» Хомякова, но содержание их произведений отличалось от русского образца. Ни одно из произведений, опубликованных в «Татранском орле», не содержало упоминания о русском («полуночном») орле³. Для них орел был прежде всего символом Словакии и словаков. Его призывали, чтобы он возвысил свой народ к лучшей свободной жизни. Идея славянской взаимности, славянского единства когда-то была действительно связана с поэзией, вдохновляемой символикой орла. В славянской рубрике «Орла Татранского» была в основном разнообразная информация о славянских братьях, но славянская тема в публикуемой поэзии была представлена слабо.

В большей степени стихотворения с тематикой орла, в которых ярко проявлялась тема славянства, славянского единства, сохранились в рукописном виде. Например, два стихотворения Петра Келлнера-Гостинского – «Орел» и «Татранский орел» (1846–1848). Их обнаружил словацкий историк литературы П. Вонгрей в Литературном архиве Словацкой национальной библиотеки в Мартине вместе с другими

¹ После принятия шуруповского варианта словацкого языка все еще использовались и другие варианты письменного языка (бермолаковщина, так называемый старословацкий). Шуруповский словацкий язык полностью утвердился лишь после реформ 1851 г.

² «Мотив орла в этом стихотворении на несколько десятилетий стал определяющим символом словацкой литературы, благодаря известному приложению шуруповской Словацкой национальной газеты Орлом Татранским» [20, s. 28–29].

³ Русские темы в «Татранском Орле» появлялись достаточно редко. Об истории России писал, например, Штур в обзоре европейской истории. Лично русскому императору Петру I была посвящена статья Повесть о Петре Великом [17, гош. III, ч. 80/ 1847, S. 639; гош. III/1848, ч. 88, s. 703].

незнакомыми или забытыми произведениями первой половины XIX в. и опубликовал их в сборнике поэзии словацких романтиков [22, s. 60–63].

Не прямо символики орла касалось сообщение в «Орле Татранском» о выходе нового болгарского журнала [17. I. гоґ., 1846, ґ. 33, s. 262–263]. В сообщении говорилось, что в Лейпциге Иванчо Андреев Богоров стал издавать «в славянском духе» новый болгарский журнал. «Он будет родственником нашему “Орлу Татранскому”, – говорилось в комментарии «Орла Татранского», – так как называется “Болгарский орел” и будет свои крылья простирать от Балкан до Черного моря» [17. I. гоґ., 1846, ґ. 33, s. 263]. Во время своих визитов в Прагу Богоров вращался в чешских национальных кругах и встречался с Вацлавом Ганкой. Он мог тогда познакомиться с текстом «Орла» Хомякова и откликами на это стихотворение в Чехии, как это предположил В. А. Францев¹. Символ орла был в 1840-е годы настолько распространен в литературе западных славян, что мог быть взят откуда угодно.

Из информации о «Болгарском Орле», опубликованной в «Орле Татранском», известно, что журнал отстаивал национальные интересы болгар (его целью являлось поддерживать «язык и веру»)². Помимо политических и экономических сообщений журнал публиковал материалы по культуре, уделял внимание вопросу организации болгарских школ, информировал о новых болгарских книгах и т. п. [17. I. гоґ., 1846, ґ. 33, s. 263]³. К сообщению о выходе «Болгарского Орла» редакция «Татранского Орла» прибавила следующий призыв: «И мы призываем каждую словацкую душу, которая беспокоится о жизни братьев на Балканах, чтобы она протянула им руку помощи и племенной взаимности» [17. I. гоґ., 1846, ґ. 33, s. 263]⁴.

Хомяков – Пушкин

В статье, посвященной личности А. С. Хомякова, Светозар Гурбан Ваянский написал, что словаки узнали его очень быстро – «по крайне мере немного и по некоторым стихотворениям». По его свидетельствам, он нашел много выписок из «Орла и Звезды» [23]. Он объяснял это тем, «что Хомяков им ближе, чем другие, например, Пушкин». Он называл Пушкина поэтом «сладких звуков» в отличие от Хомякова, который, по его словам, был «поэтом идей», так как легче «одушевить идею», чем «насладиться звуком» [23].

Восхищение западных славян Хомяковым и недооценка Пушкина удивляли и обескураживали многочисленных русских путешественников. В. А. Панов, например, в письмах матери сообщал, что Коллару Пушкин не нравился, так как он «в нем ничего не нашел, что касалось бы других славян, а не русских»⁵. Это положение ярко охарактеризовал А. Н. Пыпин, когда написал, что для западных славян русская

¹ «Орел Татранский « и «Болгарский Орел» были, по мнению Францева, «без сомнения» названы «в память “Орла” Хомякова» [3, с. 110]. Никаких подтверждений этой точки зрения нет.

² «Нам надо показывать, что мы христиане, что мы славяне, братья других славянских народов» [17, I. гоґ., 1846, ґ. 33, s. 263].

³ Полное название журнала звучало так: «Болгарский Орел. Вестник гражданский, торговый и библиотечный». Это был первый болгарский журнал. Вышли только три номера – 20 апреля, 20 сентября 1846 г. и 1 января 1847 года.

⁴ Похвально о «Болгарском Орле» отзывались и «Словацкие взгляды» Гурбана: «Он представляет статьи в духе образованного славянского письма» [23, s. 44].

⁵ И к тому же удрученно добавил: «И он предпочитал не Пушкина, а Хомякова, который написал слабые стишки, призывающие к общему союзу» [13, с. 108].

поэзия говорила «языком Хомякова» [19, с. 308]. Они ожидали от нее «одни выражения симпатии, одни воззвания против несправедливого гнета... одно возвеличание будущей славянской победы и нового славянского царства на земле» [19, с. 308].

Поэзия А. С. Хомякова притягивала словацких будителей (одинаково и Я. Коллара и Л. Штура) своим гражданским звучанием. В Словакии она долго являлась «центром внимания», как об этом пишет словацкая русистка Э. Панова, так как была «типологически близка части лирики передовых представителей словацкой поэзии» [12, s. 72]. В России лирика такого типа, в отличие от Словакии, была побочным явлением. Словацким поэтам Хомяков был близок уже тем, что, как и они, исходил из философских построений немецкого романтизма.

По мнению Пановой, интерес словаков к русской поэзии сосредоточивался преимущественно на так называемой «немецкой школе» русского романтизма, представленной не только славянофильской поэзией А. С. Хомякова, но и частью Пушкинской поэзии¹, в которой отражалась гражданская позиция. Демократический характер словацкой литературы и провозглашение гражданского значения искусства приближали словаков к творчеству русских декабристов, которые тоже вышли из немецкого романтизма [12, s. 74]. Поэзию с общественным звучанием в Словакии предпочитали до конца 1870-х годов, это проявилось и в переводах русской литературы².

Первым стихотворением Хомякова, переведенным на словацкий язык, было «Вдохновение» (1832) в переводе Яна Калинчака, а опубликовано оно было в 1851 году. Перевод представлял собой прозаический текст, к которому Калинчак присоединил русский оригинал. Имя автора не приводилось [11, s. 153–154]. Это стихотворение перевел еще в 1840-х годах Андрей Сладкович (Браксаторис). Оно вышло в его «поэтических письмах» в 1861 году. Оба поэта узнали о творчестве А. С. Хомякова во время учебы в Германии от славянофилов В. А. Елагина и Д. А. Валуева³.

Интерес к поэзии А. С. Хомякова усилился в Словакии в начале 1860-х годов, увеличилось количество опубликованных переводов его стихотворений. Это было результатом изменившегося политического и общественного положения после падения Баховского абсолютизма. В этой ситуации, по словам Э. Пановой, имя Хомякова перестает быть одиозным, как раньше, когда Калинчак при переводе стихотворения «Вдохновение» даже не приводил имя автора [11, s. 179]. Опустил ли Калинчак имя автора из опасений цензуры, неизвестно. Другие авторы, например Микулаш Догнаны в «Орле Татранском», таких излишних опасений не испытывали. Пристальное внимание к Хомякову в тогдашнем обществе, о чем пишет Э. Панова, могло быть обусловлено опасениями вмешательства цензуры в публикацию «Путешествия...» Коллара из-за «Орла» Хомякова⁴.

¹ Стихотворения Пушкина «Пророк», «Поэту», «Клеветникам России», «К морю», «Песнь о вещем Олеге», введение к поэме «Медный всадник» [12, s. 72].

² Из одиннадцати любовных стихотворений А. С. Пушкина, переведенных на словацкий язык в этот период, были опубликованы лишь два, остальные остались в рукописном виде. В то же время были напечатаны 25 стихотворений Хомякова в переводе на словацкий язык [12, s. 74].

³ Калинчак в своих воспоминаниях (О литературе и людях. Братислава, 1949) писал, что при их посредничестве они заказывали книги из Москвы. Хомяков им вскоре выслал свои драматические произведения и «еще около 60 своих небольших стихов бесплатно» [24, s. 54].

⁴ О публикации стихотворения «Орел славянский» в «Путешествии...» Коллара пишет в своей монографии Э. Панова [11, s. 142–144], но она не приводит информацию о возможном запрете цензуры.

Важные сведения о Хомякове были помещены в «Орле Татранском» в 1847 г. в рецензии на поэтическое произведение Сладковича «Марина» [17.9.3.1847, s. 453]. Автор рецензии Микулаш Догнаны поместил достаточно критические комментарии к произведению Сладковича, но в целом оценил его произведение как выдающееся. По его мнению, это было «в действительности славянское, написанное в христианском духе стихотворение» [17.9.3.1847, s. 453]. При этом в качестве примера Догнаны приводил Хомякова¹, у которого христианское внимание к славянству он ставил выше, чем у Коллара². Он подчеркивал, что Хомяков в отличие от Коллара «упоминает Россию, которая не выделяет свои размеры и победы, и не связывает с этим свои надежды, так как это все преходяще и может измениться»... Он цитирует стихотворение в русском оригинале (не приводя названия) – Россия была избрана за ее покорность, преданность и простоту Всевышним выполнить миссию «Хранить для мира достояние / Высоких жертв и чистых дел: / Хранить племен святое братство, / Любви живительный сосуд, / И веры пламенной богатство, ...» [17.9.3.1847, s. 453]. Это отрывок из стихотворения А. С. Хомякова «России» (1840)³.

Тот факт, что Догнаны подчеркивал в поэзии Хомякова его миссионерские идеи, означает, что в Словакии они находили положительный отклик. Они имели влияние в основном на творчество словацких «миссионеров» (Сама Богдана Гробоня, Михала Мирослава Годжу, Петра Келлнера-Гостинского и других). Их первые произведения появились в 1840-е годы, а полностью их творчество развивалось уже в 50–60-е годы XIX столетия. В словацком романтизме они представляли собой скорее второстепенное ответвление⁴, их произведения мало публиковались, некоторые из них вышли лишь в XX и XXI веках⁵.

В 1880-е годы волна интереса к поэзии славянофилов в Словакии спала. Оживление началось лишь в конце XIX в. В 1896 г. в «Словацких взглядах» («Slovenských pohľadoch») были опубликованы несколько стихотворений Хомякова в переводе на словацкий язык, и среди них и «Орел», ранее известный лишь в русском оригинале. Его перевел Мартин Браксаторис, сын Андрея Браксаториса (Сладковича) [26, s. 535].

Когда Ваянский написал Хомякову, что нашел в мартинской библиотеке списки его «Орла» в фондах людей, которые никогда не занимались русской литературой, тем самым он отразил реальность, что для многих из них «северный орел» был не литературным, а политическим символом. Он сыграл большую роль в сознании словаков именно в 1840-е годы, когда славянская взаимность являлась составной частью формирования национальной идентичности. Символ словацкого (татранского) орла однако никогда не сливался с «русским орлом», хотя в словацкой поэзии

¹ Догнаны пишет Хомяков.

² Коллар, согласно Догнаному, «радовался тому, что славяне занимают большую территорию и их численность велика» [17. 9. 3. 1847, s. 453].

³ Догнаны присоединил в отрывку из стихотворения «России» еще один небольшой отрывок из другого, все еще не идентифицированного стихотворения Хомякова: «И другой стране смиренной / Полной веры и чудес / Бог отдаст судьбу вселенной, / Гром земли и глас небес» [17. 9. 3. 1847, s. 453].

⁴ Их творческое наследие нашло оценку лишь в XX веке. Переломом в этом отношении послужил сборник [25]. С этого момента интерес к объективной оценке этого направления постепенно возрастал. Вышли ранее не публиковавшиеся произведения «миссионеров», ряд исследований и монографий об отдельных представителях этого литературного направления (труды Л. Сомолаевой, Я. Гошчинской и др.).

⁵ Избранное М. М. Годжи вышло лишь в 2003 г. Редактором издания стал Павол Вонгрей.

в 1840–1850-е годы орел не раз приобретал неопределенные славянские контуры. Литературные журналы «Орел» и «Сокол» во второй половине XIX столетия воспринимались как продолжение этой традиции, однако его национальные признаки в XX в. постепенно исчезают, а если когда и проявляются, только на местном уровне.

Перевод со словацкого Е. П. Серапионовой

Список литературы

1. Künzli A. Die Funktion des Symbols in der Politik. Welt der Symbole. Hg. G. Benedetti – U. Rauschfleisch, Göttingen 2001.
2. Škvarna D. Začiatky moderných slovenských symbolov. K vytváraniu národnej identity od konca 18. do polovice 19. storočia. Banská Bystrica, 2004.
3. Францев В. А. Из истории славянской литературной взаимности. Коллар и русские ученые в Загребе (1840–1841) // Сборник русского института в Праге. 1929.
4. Рокина Г. В. Ян Коллар и Россия: история идеи славянской взаимности в российском обществе первой половины XIX в. Йошкар-Ола, 1998.
5. Петровский М. Н. «Славянский орел» Хомякова. Время и обстоятельства появления его в печати // Русский вестник. 1904. Январь.
6. Досталь М. Ю. Срезневский и его связи с чехами и словаками. М., 2003.
7. Cestopis obsahujúci cestu do Horní Itálie a odtud přes Tyrolsko a Baworsko se zvláštním ohledem na slawjanské žiwly, roku 1841 konanou a sepsanou od Jana Kollára... Typ. Trattner – Károlyi. Pešť, 1843.
8. Путевые письма И. И. Срезневского из славянских земель. СПб., 1895.
9. Spisy Jana Kollára. Díl třetí. Cestopis obsahující cestu do Horní Itálie... / I. L. Kober. Praha, 1862.
10. Historický časopis. 54. 2006.
11. Panová E.. Vzťahy a konfrontácie. Ruská poézia v slovenskom literárnom a spoločenskom kontexte do roku 1918. Bratislava, 1977.
12. Panová E. Stopäťdesiat rokov slovensko-ruských literárnych vzťahov. Bratislava, 1994.
13. Встреча с Европой. Письма Василия Панова матери Марии Пановой из путешествия по Средней и Юго-Восточной Европе в 1841–1843 / под ред.: Т. Ивантышинова, М. Ю. Досталь. Bratislava, 1996.
14. Hodža M. Československý rozkol. Turčiansky Sv. Martin, 1902.
15. Listy Ľudovíta Štúra. I. (1834–1843). Bratislava, 1954.
16. Mišianik J. Pohľady do staršej slovenskej literatúry. Bratislava, 1974.
17. Orol Tatránski.
18. Хомяков А. С. Стихотворения. М., 1861.
19. Пыпин А. Н. Два месяца в Праге // Современник. 1859. № 3, 4.
20. Literárne múzeum A. S. Puškina (Partizánske-Brodzany). Imrich Sedlák, Juraj Chovan. Matiča slovenská: 1987.
21. Keby si počul všetky tie víchrice... / Ed. Pavol Vongrej. Tatran: Bratislava, 1966.
22. Slovenskje pohľady na vedi umeňaja a literatúru. I., 1846.
23. Svetozár Hurban Vajanský. State o svetovej literatúre (A. S. Chomiakov) 2, Zlatý fond denníka Sme, 2011. Prístupné na internete Zlaty fond. Sme. sk.
24. Ivantyšinová T. Česi a Slováci v ideológii ruských slavianofilov (40–60 roky XIX. storočia). Bratislava, Veda, 1987.
25. K problematike slovenského romantizmu, Martin, 1973.
26. Slovenské pohľady 1896, roč. XVI, roč. 8, Turč. Sv. Martin.

Поступила 5.09.2017; принята к публикации 5.10.2017

Ивантышинова Татьяна, Исторический институт Словацкой академии наук, г. Братислава, Словацкая Республика, *ivantyshynova.tatiana@gmail.com*

**“EAGLE” BY A. S. CHOMIAKOV AND SYMBOLS
OF THE SLOVAK NATIONAL MOVEMENT OF THE XIX CENTURY**

T. Ivantyshinova

Symbols were an important part in development of modern nations. Among the sources of inspiration nature and its portrait in folk lore (image of birds of prey in Tatras) was also. The poem “Eagle” by A. S. Chomiakov, where the author implored the midnight eagle (Russia) not to forget his younger brothers, has become very popular among Slovaks in first half of 19th century. The poem was published 1843 by Ján Kollár in his Diary of Travel to Upper Italy (written by Roman letters in Russian language). The publication aroused some anxiety, especially among followers of L. Štúr. The book was modified and the poem by A. S. Chomiakov removed. However, it was already rooted in awareness of Slovaks and was disseminated via transcripts. The symbol of an eagle from Tatras was extremely frequent in appendix of Slovak National Newspapers 1845–1847) *Orol Tatránski*. Title page of second volume featured a quote from the poem “Eagle” by A. S. Chomiakov as a motto. Based on that various researchers assumed that the edition was influenced by ideas of Chomiakov. An analysis on content does not confirm that. Eagle from Tatras (*Orol Tatránski*) is until these days understood only as national symbol of Slovaks. *Orol Tatránski* published by Štúr was very important especially during the development of national identity of Slovaks. Slaviano-philes left distinct mark in development of Slovak culture in 19th century, not only in poetry (Chomiakov was one of the most often translated Russian poets of that time) but also in philosophy, religion and history. “Midnight Eagle” of Chomiakov was a symbol that without doubt had the most significant impact on Russophile feelings in Slovak society. At the end of the XIX century, the predominant oriental orientation of the cultural and political elite of Slovak society had changed. The “Northern Eagle” loses its former mobilization role and is gradually ousted from the consciousness of the Slovaks.

Ключевые слова: Symbols, Slovak national identity, A. S. Chomiakov’s eagle, L. Štúr “*Orol Tatránsky*”, Slovak Russophile.

Acknowledgements: the article was translated in the framework of the project of the Russian State Humanitarian Fund № 16-01-14040.

Citation for an article: Ivantyshinova T. A. S. Chomiakov’s “Eagle” and symbols in Slovak National Movement in 19th century. *West – East*. 2017, no. 10, pp. 65–78. DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-65-78

References

1. Künzli A. Die Funktion des Symbols in der Politik. *Welt der Symbole*. Hg. G. Benedetti – U. Rauschfleisch, Göttingen 2001.
2. Škvarna D. Začiatky moderných slovenských symbolov. K vytváraniu národnej identity od konca 18. do polovice 19. Storočia [The beginnings of modern Slovak symbols. To create a national identity from the late 18th to the middle of the 19th century]. Banská Bystrica, 2004. (In Slovak.).

3. Frantsev V. A. Iz istorii slavyanskoj literaturnoi vzaimnosti. Kollar i russkie uchenye v Zagrebe (1840–1841) [From the history of Slavic literary reciprocity. Collar and Russian scientists in Zagreb (1840–1841)]. *Sbornik ruskogo instituta v Prage* = Collection of the Russian Institute in Prague, 1929. (In Russ.).
4. Rokina G. V. Yan Kollar i Rossiya: istoriya idei slavyanskoj vzaimnosti v rossiiskom obshchestve pervoi poloviny XIX v. [Jan Kollar and Russia: the history of the idea of Slavic reciprocity in the Russian society of the first half of the nineteenth century] Ioshkar-Ola, 1998. (In Russ.).
5. Petrovskii M. N. “Slavyanskii orel” Khomyakova. Vremya i obstoyatel'stva poyavleniya ego v pechati [“Slavic Eagle” Khomyakova. Time and circumstances of its appearance in the press]. *Russkii vestnik*, 1904, Yanvar'. (In Russ.).
6. Dostal' M. Yu. Sreznevskii i ego svyazi s chekhami i slovakami [Sreznevsky and his connections with the Czechs and Slovaks]. Moscow, 2003. (In Russ.).
7. Cestopis obsahujúci cestu do Horní Italie a odtud přes Tyrolsko a Baworsko se zvláštním ohledem na slawjanské žiwly, roku 1841 konanou a sepsanou od Jana Kollára... [A journey to Upper Italy and from there through Tyrol and Bavaria, with special regard to the Slavs of the Slavs, in 1841 held and written by Jan Kollar ...]. Typ. Trattner – Károlyi. Pešť, 1843. (In Slovak.).
8. Putevye pis'ma I. I. Sreznevskogo iz slavyanskikh zemel' [Travel letters II Sreznevsky from the Slavic lands]. Saint Petersburg, 1895. (In Russ.).
9. Spisy Jana Kollára. Díl třetí. Cestopis obsahující cestu do Horní Itálie ... [Jan Kollár's writings. Part Three. A travel book that includes a trip to Upper Italy...]. I. L. Kober. Praha, 1862. (In Czech.).
10. Historický časopis [Historical magazine]. 54. 2006. (In Slovak.).
11. Panová E. Vzťahy a konfrontácie. Ruská poézia v slovenskom literárnom a spoločenskom kontexte do roku 1918 [Relationships and confrontation. Russian poetry in the Slovak literary and social context until 1918]. Bratislava, 1977. (In Slovak.).
12. Panová E. Stopäťdesiat rokov slovensko-ruských literárnych vzťahov [Fifty years of Slovak-Russian literary relations]. Bratislava, 1994. (In Slovak.).
13. Vstrecha s Evropoi. Pis'ma Vasiliya Panova materi Marii Panovoi iz puteshestviya po Srednei i Yugo-Vostochnoi Evrope v 1841–1843 [Meeting with Europe. Vasily Panov's letters to Mother Maria Panova from her journey through Middle and South-Eastern Europe in 1841–1843]. Ed. by: T. Ivantyshinova, M. Yu. Dostal'. Bratislava, 1996. (In Russ.).
14. Hodža M. Československý rozkol [Czechoslovakian split]. Turčiansky Sv. Martin, 1902. (In Slovak.).
15. Listy Ludovíta Štúra. I. (1834–1843). Bratislava, 1954. (In Slovak.).
16. Mišianik J. Pohľady do staršej slovenskej literatúry. Bratislava, 1974. (In Slovak.).
17. Orol Tatránski. (In Slovak.).
18. Khomyakov A. S. Stikhotvoreniya [Poetry]. Moscow, 1861. (In Russ.).
19. Pypin A. N. Dva mesyatsa v Prage [Two months in Prague]. *Sovremennik*, 1859, no. 3, 4. (In Russ.).
20. Literárne múzeum A. S. Puškina (Partizánske- Brodzany). Imrich Sedlák, Juraj Chovan. Matica slovenská, 1987. (In Slovak.).
21. Keby si počul všetky tie víchrice... Ed. Pavol Vongrej. Tatran: Bratislava, 1966. (In Slovak.).
22. Slovenskje pohľadi na vedi umeňja a literatúru, I., 1846. (In Slovak.).
23. Svetozár Hurban Vajanský. State o svetovej literatúre (A. S. Chomiakov) 2, Zlatý fond denníka Sme, 2011. Prístupné na internete Zlatý fond. Sme. sk. (In Slovak.).
24. Ivantyšynová T. Česi a Slováci v ideológii ruských slavianofilov (40–60 roky XIX. storočia) [Czechs and Slovaks in the ideology of Russian Slavophilism (40–60s of the 19th century)]. Bratislava, Veda, 1987. (In Slovak.).
25. K problematike slovenského romantizmu [The issue of Slovak romanticism]. Martin, 1973. (In Slovak.).
26. Slovenské pohľady 1896, roč. XVI, roč. 8, Turč. Sv. Martin. (In Slovak.).

Submitted 5.09.2017; revised 5.10.2017

Tat'yana Ivantyshinova, Slovak Academy of Sciences, Institute of History, Slovak Republic, Bratislava, ivantyshynova.tatiana@gmail.com

УДК 94(47).08(=16)

**Словаки в России в годы Первой мировой и Гражданской войн
(состояние историографии и проблемы исследований)****Е. П. Серапионова**

В статье анализируется состояние историографии вопроса, сравнивается изучение темы «Чехи в России» и «Словаки в России», делается вывод о том, что эмиграция словаков в Россию, в отличие, скажем, от эмиграции в США, к сожалению, не получила как в словацкой, так и в российской историографии достойного отражения. Обозначены дискуссионные моменты в изучении данной темы. Рассмотрена предыстория вопроса, показаны истоки формирования словацкой колонии в России, отмечена важность периода Первой мировой войны для словацкой истории, когда разрабатывались основные концепции обретения словаками независимости. Движение за обретение национальной независимости в силу специфических условий военного времени получило наибольшее развитие за границей, в том числе в России, где шла борьба между представителями различных политических направлений и ориентаций. Идея совместного государственного объединения с чехами нашла отражение в создании общих органов руководства чешскими и словацкими обществами, формирования из Чешской дружины Чешско-словацкого корпуса. В статье отмечаются сложности с привлечением словаков в чехословацкие добровольческие части для борьбы на стороне Антанты, рассматриваются причины этого явления. В статье обозначены и наиболее популярные сюжеты указанной тематики. В первую очередь, значительный интерес в последние годы стала вызывать тема военнопленных Первой мировой войны, условий их содержания. В российской историографии появилось несколько работ о военнопленных чехах и словаках, в том числе написанных на документах и материалах местных архивов. На основе новых архивных и опубликованных документов намечены перспективы дальнейших исследований: уточнение численности словаков в легионах, отношения между чехами и словаками в воинских формированиях, принципы построения легионов и принятия командного языка. Представляется интересным проследить выработку концепции «чехословакизма» и отношение к ней чешских и словацких политических и военных деятелей, а также восприятие чехами и словаками России, ее действительной роли в обретении этими народами независимости.

Ключевые слова: Словаки, Первая мировая война, Россия, чехословацкие легионеры, Гражданская война.

Благодарность: статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 16-01-14040.

Для цитирования: Серапионова Е. П. Словаки в России в годы Первой мировой и Гражданской войн (состояние историографии и проблемы исследований) // Запад – Восток. 2017. № 10. С. 79–86.

DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-79-86

«Словаки за рубежом» (особенно за океаном) – тема весьма популярная, но «Словаки в России», увы, мало привлекала внимание исследователей. Интересно,

что сюжеты, связанные с чешской колонией в России до и в годы Первой мировой войны, разработаны хотя и фрагментарно, но гораздо в большей степени. Конечно, это можно отчасти объяснить различной численностью чехов и словаков в России. В литературе называются цифры – до Первой мировой войны в России проживало 100 тыс. чехов и 2 тыс. словаков¹. Однако эти данные требуют дополнительного уточнения.

К тому же уже в начале XX в. в Праге был создан специальный орган, ставивший своей целью поддержание связей с земляками за рубежом, – Национальный совет чешский (NRČ, НСЧ). Его архивные фонды до сих пор являются прекрасными источниками для исследователей зарубежных чешских диаспор [1]. У словаков подобного органа не было. Матица словацкая, появившаяся в Мартине в 1863 г. и в какой-то степени занимавшаяся и занимающаяся сейчас этими вопросами, в 1875 г. была закрыта и вновь возобновила свою деятельность лишь в 1919 г., уже после образования чехословацкого государства. В условиях существования самостоятельного чехословацкого государства НСЧ был переименован в Чехословацкий национальный совет и стал изучать и поддерживать связи и со словаками, проживавшими за рубежом. Но и до 1918 года он частично курировал словаков.

Период Первой мировой войны чрезвычайно важен для последующей истории чехов и словаков, так как в результате нее эти народы обрели государственную независимость в единой Чехословацкой республике. Причем не последнюю роль в формировании положительного отношения союзников к идее чехословацкой государственной самостоятельности сыграли чехословацкие легионеры в России.

Но вернемся немного назад и постараемся ответить на вопросы о том, как и когда словаки попали в Россию. Привести точные данные, сколько их было в России накануне войны, довольно трудно; с одной стороны, потому что в российской переписи 1897 г. чехи и словаки учитывались вместе, а с другой – потому что многие словаки не оседали на одном месте, а переезжали, как в силу своей профессиональной деятельности (торговцы, ремесленники), так в поисках хорошего места работы. Именно поэтому их сложно было точно подсчитать. Тем не менее некоторые историки полагают, что цифра 2 тыс. не отвечает реальности, и на самом деле словаков в России было в несколько раз больше, поэтому можно сказать, что этот вопрос остается дискуссионным.

Активно осваивать Россию словаки стали в XVIII в., со времен Петра I. Уже к середине XIX столетия в разных российских городах и сельской местности сложились колонии выходцев из чешских земель и Словакии, но лишь со второй половины XIX в. их эмиграция в Россию резко усилилась. В 1860-х годах этот процесс пошел еще быстрее и приобрел массовый характер, что связано с общим увеличением числа эмигрантов. Основной поток словаков шел за океан, в США и Канаду. По сведениям американской иммиграционной службы, за период 1899–1913 гг., первое место среди эмигрантов из Венгерского Королевства занимали словаки (26,5 %) [3, с. 78]. Но затем они стали обращать внимание и на Россию. Развитие словацко-русских контактов не было случайным. Быстро развивавшаяся российская экономика второй половины XIX в. требовала высокопрофессиональных кадров. В то же время стала развиваться славистика, завязывались новые связи российских и зарубежных ученых и преподавателей, активизировались

¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 135. Оп. 474. Д. 204. С. 14–15.

контакты между ними. Предприниматели оценили огромный российский рынок, стремясь найти свою нишу в нем. Словацкий ученый Р. Голец в одной из статей привел выдержки из письма предпринимателя Ф. Бениача В. Маковицкому накануне войны: «Я просил бы вас понять, что Россия – это огромный и богатый край, где можно еще заработать так, как нигде на Западе... поверь мне, что это не фантазии, как и то, что только в одном Киеве мне удалось заработать с 1 миллиона крон оборотного капитала 2 миллиона крон ежегодно» [2, с. 35]. В Россию словаки ехали учиться, работать и зарабатывать. На рубеже XIX и XX вв. в России обосновались уже несколько тысяч словаков.

В историографии вопрос о словаках в Российской империи разработан очень обрывочно и в основном касательно лишь определенных социальных слоев – скажем, предпринимателей [2, с. 29–36; 3, с. 83–91], учителей [4, с. 259–260]; отдельных областей – Северный Кавказ, Причерноморье [5, с. 91–99], Крым, Украина [6], и ряд других [7, с. 219–223]. Рассматривались и некоторые личности (например, личный врач Л. Н. Толстого Душан Маковицкий)¹, достаточно большая литература существует о М. Р. Штефанике, и в частности о его поездках в Россию [8].

После начала Первой мировой войны «русские» словаки вместе с чехами выступили на стороне России против Австро-Венгрии и Германии. В литературе можно встретить утверждение, что именно чехи начали национально-освободительную борьбу в России, а словаки якобы присоединились к ним позже, так как действительно в документах начала войны речь шла исключительно о чешском движении, чешских частях, чешских добровольцах, чешских обществах и тому подобное [9, с. 52–65]. Но уже на второй аудиенции у императора Николая II 4 сентября 1914 г. присутствовал уполномоченный Варшавского общества словаков Йозеф Мирослав Ораг, один из первых словаков, записавшихся добровольцем в Чешскую дружину. И обращение депутации к российскому императору звучало от лица русских чехов и словаков [9, с. 65]. В нем говорилось о чешско-словенском (чешско-словацком) народе, освобождении от немецкого и мадьярского ига и единении всех славян [9, с. 65–66].

Идея чехословакизма, общего государства и единой нации стала завоевывать умы чешских и словацких политиков еще до войны, а в годы войны обрела свои реальные очертания в Кливлендском (22 октября 1915 г.) и Питсбургском (30 мая 1918 г.) соглашениях, подписанных чехами и словаками в США, а также в развитии чехословацкого освободительного движения за рубежом. В зарождении этой идеи немалую роль сыграла мысль о том, что вместе чехи и словаки составляли бы в Центральной Европе уже значительную силу – 10 млн.

В России деятели чехословацкого сопротивления также обдумывали будущее двух народов, разрабатывали различные варианты государственного устройства после войны. В Меморандуме об освобождении чешского народа Россией, принятом на общем совещании представителей чешских обществ Москвы, Петрограда, Киева и Варшавы в сентябре 1914 г., указывалось, что «самостоятельное» государство в составе Чехии, Моравии, Силезии и Словакии «образует мост через Силезию славянской преемственности к Польше и России, а через Словакию мост к южным славянским территориям» [9, с. 76].

¹ Надоська В. Национальные меньшинства на Волыни (середина XIX в. – нач. XX в.): дис. ... канд. ист. наук. Луцк, 1996.

Наряду с теми, кто мечтал о чехословацком государстве, среди словаков были приверженцы вхождения Словакии в состав Российской империи, а также сторонники самостоятельности словацкого народа [10, л. 44]. В вышецитируемом Меморандуме описывались границы земель Чешской короны, при этом отмечалось, что словацкий народ признается «как культурно и этнографически самостоятельная ветвь славянского племени», а посему даже та часть словацких земель, которая вклинивается в границы короны св. Вацлава, должна быть исключена из ее границ и «присоединена к политической единице Словакии» [9, с. 77]. Что касается плана включения Словакии как провинции в состав Российской империи, то даже специалисты российского МИД не видели в этом разумного зерна. Так, императорский консул в Праге В. Г. Жуковский в записке от 10 октября 1914 г. писал, что «для России Словакия была бы лишней окраиной, требующей расходов. Гораздо выгоднее усилить ядро чешское, соединив с ним Словакию» [9, с. 97]. Но и большинство тех, кто выступал за совместное чехословацкое государство, видели его построенным на федеративных началах, языковом равноправии и с наличием собственных словацких государственных органов. В том же Меморандуме говорилось о «внутриполитическом самоуправлении Словакии и ее династическом, военном и экономическом союзе с Чешским королевством» [9, с. 78].

Еще один вопрос, который остается дискуссионным, это вопрос о том, как сражались словаки на Восточном фронте, всегда ли они добровольно сдавались в плен, почему их количество в чехословацких легионах оставалось не таким уж большим вплоть до 1917 года. Вероятно, этому есть ряд объяснений. В период работы в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) удалось обнаружить документ, в котором разрешение российского Верховного командования на включение пленных словаков (на тех же условиях, что и чехов) в чехословацкие добровольческие части было дано чуть позже (весной 1915 г., тогда как для чехов такое разрешение действовало с осени-зимы 1914 г.)¹.

Кроме того, в донесении начальнику штаба Верховного главнокомандующего от 27 апреля 1915 г. утверждалось, что, по свидетельству участников боев, «австро-венгерские войска, в том числе чехи и словаки, сдаются в плен лишь тогда, когда все средства сопротивления исчерпаны»², что в значительной мере противоречит множеству опубликованных воспоминаний о якобы сплошном русофильстве чехов и словаков и их мечтах попасть (сдаться) в плен [12, с. 7]. Вероятно, все-таки правы те исследователи, которые утверждают, что мадьярский патриотизм, верность присяге у словаков были сильнее, чем австрийский патриотизм чехов. Сейчас в Чехии и в Словакии издаются дневники и мемуары пленных и легионеров, в связи с этим встает вопрос можно ли воспринимать эти свидетельства как надежные документальные подтверждения тех либо иных тезисов, либо это всего лишь субъективные впечатления отдельных людей³.

Очень мало сведений в литературе об отношениях между собой чехов и словаков в чехословацких легионах, хотя легионерская тематика весьма раскручена и продолжает вызывать большой интерес. Есть лишь отдельные упоминания

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 2. Д. 323(3). Л. 169 об.

² Там же. Л. 157 об.

³ Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус 1914–1920. Документы и материалы Т. 1. М., 2013.

о том, что кое-какие противоречия все же существовали, в частности в вопросе о командном языке, о принципе формирования частей – создавать ли отдельные словацкие подразделения или зачислять словаков в чешские части и др.¹

Еще одно обстоятельство, которое необходимо подчеркнуть в связи с темой военных добровольцев (легионеров). Если в социалистический период акцент делался на левых, интернационалистах, участвовавших в Гражданской войне на стороне большевиков, то теперь о них вообще не принято упоминать, хотя история должна изучаться объективно во всех своих проявлениях. В историографии на разных этапах по-разному трактовался вопрос о роли России в решении «чехословацкого вопроса», что свидетельствует о значительной политизации этого вопроса.

Соотношение между русскими чехами и словаками и чехами и словаками-военнопленными в ходе войны менялось в пользу вторых. Именно представители военнопленных со временем стали играть решающую роль в чехословацком национальном движении в России, ограничив влияние русской колонии чехов и словаков и созданного ею в конце 1914 г. Союза чешских обществ в России, который на съезде в Москве в марте 1915 г. был преобразован в Союз чехословацких обществ [14, с. 160]. Чехословацкое движение в мае 1917 г. подчинилось парижскому руководству ЧСНС, филиал которого был создан в России. Произошло это во многом благодаря деятельности приехавшего в Россию М. Р. Штефаника.

В последнее время огромный интерес вызывает тема военнопленных, условий их содержания. Сошлемся на статью, подготовленную на местных архивных материалах Г. В. Рокиной [10]. Документальные данные о лагерях пленных достаточно противоречивые, что вызывает иногда появление категорических, но не вполне верных суждений в литературе. Так, утверждается, что условия содержания военнопленных-славян были весьма тяжелые и отношение к ним ничем не отличалось от отношения к венграм и немцам. Но существующие документы свидетельствуют о том, что уже 22 октября 1914 г. последовало распоряжение о льготах и льготных мероприятиях в отношении военнопленных славянских национальностей. В частности, они подлежали размещению отдельно «от мест расквартирования германцев, австро-немцев и прочего враждебного России элемента пленных», предоставлять им по возможности лучшие помещения, в смысле тепла и обстановки, снабжать лучшей одеждой и пищей, применять более мягкий режим, возможность широко пользоваться отпусками, освобождать от привлечения к государственным и общественным работам, а в случае их желания работать, назначать на работы наиболее легкого и интересного для них характера, сообразуясь со специальностью или склонностью» [9, с. 100]. Конечно же, не надо обольщаться, что это предписание повсеместно и полностью выполнялось.

Еще менее разработана тема повседневной жизни русских словаков в годы войны, их профессиональной (предпринимательской) деятельности, хотя отдельные работы, в которых говорится и о чехах, и о словаках, в последние годы стали появляться. В частности, появилось несколько работ о повседневном быте и культурном досуге легионеров [17, с. 607–639].

В заключение следует отметить, что, несмотря на вековой опыт исследований, тема «Словаки в России в годы Первой мировой войны» еще требует

¹ Dudeková G. Zajatci v prvej svetovej vojne, Význam a miesto memoárov vo výzume // Paměti a vzpomínky jako historický pramen / Ed. Sekzrková M. Praha, 2006.

дополнительных усилий, прежде всего словацких и российских историков, для всестороннего изучения.

Список литературы

1. Ваха Д. Досуг чехословацких легионеров в России и на пути домой в 1919–1920 гг. // *Rossica* 2012. Научные исследования по русистике, украинистике и белорусистике. Прага, 2012. С. 55–87.
2. Голец Р. Словацкие предприниматели в России накануне Первой мировой войны // *Мифы – стереотипы – образы. Восприятие России в Словакии*. Братислава; Йошкар-Ола, 2010.
3. Даниш М. Участие словаков в чехословацких легионах Первой мировой войны // *Запад – Восток*. 2014. № 7. С. 37–38.
4. Желички Б. Й., Желичка Ч. Б. Венгерские эмиграционные волны и эмигранты. Середина XIX – конец 50-х годов XX века. М., 2012.
5. Клеванский А. Х. Чехословацкие интернационалисты и «проданный» корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914–1921 гг. М., 1965.
6. Матвеев О. В. Некоторые итоги и перспективы изучения культуры славянского населения Кубани и Черноморья // *Славяноведение*. 2013. № 1.
7. Милан Растислав Штефаник. Новый взгляд. Мартин, 2001.
8. Птицын А. Н. Венгерские переселенцы в Российской империи // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2013. № 8.
9. Птицын А. Н. Предприниматели из австро-венгерских земель в России (XIX – начало XX века) // *Славяноведение*. 2010. № 1.
10. Рокина Г. В. Австро-венгерские пленные Первой мировой войны в уездных городах Казанской губернии // *Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки»*. 2017. № 1 (9). С. 12–22.
11. Рокина Г. В. Словацкое толстовство: Д. Маковицкий и Л. Н. Толстой // *Британская ойкумена российской новистики: к 70-летию проф. И. И. Шарифжанова*. Казань: Изд-во Казанского (Приволжского) фед. ун-га, 2010. С. 315–325.
12. Филюта Н. М. Чешский и словацкий этносы в истории Беларуси (XIX – начало XXI в.) // *Этнокультурное развитие Беларуси в XIX – начале XXI в.: материалы междунар. науч.-практ. конф.* / редкол.: Т. А. Новгородский (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2011.
13. Dudeková G. Zajatci v prvej svetovej vojne, Význam a miesto memoárov vo význame // *Pamäti a vzpomínky jako historický pramen* / Ed. Sekzrková M. Praha, 2006.
14. Gacek M. Sibirské zápisky 1915–1920. Bratislava, 1936.
15. Kautský E. K. Kauza Štefánik: legendy, fakty a otázky okolo vzniku Česko-Slovenskej republiky. Martin, 2004.
16. Kováč D. Milan Rastislav Štefánik. Budmerice, 1997.
17. Vácha D. Teplušky a ešelony československých legiónářů na cestě napříč Ruskem // *Soudobé dějiny*. 2008. Č. 3–4.
18. Vrábel F. Milan Rastislav Štefánik a hlasistické hnutie // *Slovanský přehled*. 2012. № 1–2, s. 42–47.

Поступила 26.09.2017; принята к публикации 26.10.2017

Серापionoва Елена Павловна, доктор исторических наук, доцент, зав. отделом истории славянских народов периода мировых войн, Институт славяноведения РАН, г. Москва, *serapionova@mail.ru*

**SLOVAKS IN RUSSIA DURING THE FIRST WORLD WAR AND THE CIVIL WAR
(STATE OF HISTORIOGRAPHY AND RESEARCH PROBLEMS)**

E. P. Serapionova

The article analyzes the state of the historiography of the issue, compares the study of the topic “The Czechs In Russia” and “The Slovaks In Russia”, concludes that, unfortunately, emigration to Russia, unlike, say, emigration to the United States, unfortunately, and in the Russian historiography of worthy reflection. Discussion points in its study are indicated. The prehistory of the issue is considered, the origins of the formation of the Slovak colony In Russia are shown, the importance of the First World War period for the Slovak history was noted, when the basic concepts of independence for the Slovaks were developed. The movement for gaining national independence due to specific wartime conditions received the greatest development abroad, including In Russia, where there was a struggle between representatives of various political trends and orientations. The idea of a joint state association with the Czechs was reflected in the creation of joint bodies of leadership of Czech and Slovak societies, the formation of the Czech-Slovak corps from the Czech team. The article notes the difficulties in attracting Slovaks to the Czechoslovak volunteer units for the struggle on the side of the Entente, and the reasons for this phenomenon are considered. The article also identifies the most popular subjects of this topic. First and foremost, the theme of prisoners of war of the First World War, conditions of their maintenance began to cause considerable interest in recent years. In Russian historiography, several works on prisoners of war of Czechs and Slovaks appeared, including those written on documents and materials of local archives. On the basis of new archival and published documents, prospects for further research are outlined: the number of Slovaks in the legions, the relations between Czechs and Slovaks in military formations, the principles of building legions and the adoption of command language. It seems interesting to trace the development of the concept of “Czechoslovakism” and the attitude of Czech and Slovak political and military figures to it, as well as the perception of Czechs and Slovaks of Russia, its real role in gaining these peoples independence.

Keywords: Slovaks, World War I, Russia, Czechoslovak legionaries, Civil war.

Acknowledgements: the article was prepared as part of the project of the Russian State Humanitarian Fund № 16-01-14040.

Citation for an article: Serapionova E. P. Slovak In Russia in the First world and Civil war (state of historiography and problems of research). West – East. 2017, no. 10, pp. 79–86. DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-79-86

References

1. Vakha D. Dosug chekhoslovatskikh legionerov v Rossii i na puti domoi v 1919–1920 gg. [Leisure of Czechoslovak legionaries in Russia and on the way home in the years 1919–1920]. *Rossica 2012. Nauchnye issledovaniya po rusistike, ukrainistike i belorusistike* = *Rossica 2012. Scientific research in Russian, Ukrainian Studies and Belarusian Studies*, Prague, 2012, pp. 55–87. (In Russ.).
2. Golets R. Slovatskie predprinimateli v Rossii nakanune Pervoi mirovoi voyny [Slovak entrepreneurs in Russia on the eve of the First World War]. *Mify – stereotipy – obrazy. Vospriyatie Rossii v Slovakii* = *Myths-stereotypes-images. Perception of Russia in Slovakia*, Bratislava; Ioshkar-Ola, 2010. (In Russ.).
3. Danish M. Uchastie slovakov v chekhoslovatskikh legionakh Pervoi mirovoi voyny [Participation of Slovaks in the Czechoslovak Legions of the First World War]. *Zapad – Vostok = West – East*, 2014, no. 7, pp. 37–38. (In Russ.).

4. Zhelitski B. I., Zhelitska Ch. B. Vengerskie emigratsionnye volny i emigranty. Seredina XIX – konets 50-kh godov XX veka [Hungarian emigration waves and emigrants. Mid XIX – the end of the 50-ies of the twentieth century]. Moskva, 2012. (In Russ.).
5. Klevanskii A. Kh. Chekhoslovatskie internatsionalisty i «prodannii» korpus. Chekhoslovatskie politicheskie organizatsii i voinskie formirovaniya v Rossii. 1914–1921 gg. [Czechoslovak internationalists and the “sold” corps. Czechoslovak political organizations and military formations in Russia. 1914–1921]. Moskva, 1965. (In Russ.).
6. Matveev O. V. Nekotorye itogi i perspektivy izucheniya kul'tury slavyanskogo naseleniya Kubani i Chernomor'ya [Some results and prospects of studying the culture of the Slavic population of the Kuban and the Black Sea region]. *Slavyanovedenie* = Slavic Studies, 2013, no. 1. (In Russ.).
7. Milan Rastislav Shtefanik. Novyi vzglyad [Milan Rastislav Stefanik. A New Look]. Martin, 2001. (In Russ.).
8. Ptitsyn A. N. Vengerskie pereselentsy v Rossiiskoi imperii [Hungarian immigrants in the Russian Empire]. *Slavyanskii mir v tret'em tysyacheletii* = Slavic world in the third millennium, 2013, no. 8. (In Russ.).
9. Ptitsyn A. N. Predprinimateli iz avstro-vengerskikh zemel' v Rossii (XIX – nachalo XX veka) [Entrepreneurs from the Austro-Hungarian lands in Russia (XIX - the beginning of the twentieth century)]. *Slavyanovedenie* = Slavic Studies, 2010, no. 1. (In Russ.).
10. Rokina G. V. Avstro-vengerskie plennyye Pervoi mirovoi voiny v uездnykh gorodakh Kazanskoi gubernii [Avro-Hungarian prisoners of the First World War in the county towns of the Kazan province]. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki* = Vestnik of the Mari State University. Chapter “History. Law”, 2017, no 1 (9), pp. 12–22. (In Russ.).
11. Rokina G. V. Slovatskoe tolstovstvo: D. Makovetskii i L. N. Tolstoy [Slovak Thickness: D. Makovetskyi L. N. Tolstoy]. *Britanskaya oi-kumena rossiiskoi novistiki: k 70-letiyu prof. I. I. Sharifzhanova* = British oikoumena Russian nouveau: to the 70th anniversary of prof. I. I. Sharifzhanova, Kazan': Izd-vo Kazan-skogo (Privolzhskogo) fed. un-ta, 2010, pp. 315–325. (In Russ.).
12. Filyuta N. M. Cheshskii i slovatskii etnosy v istorii Belarusi (XIX – nachalo XXI v.) [Czech and Slovak ethnoses in the history of Belarus (XIX – beginning of the XXI century)]. *Etnokul'turnoe razvitie Belarusi v XIX – nachale XXI v.: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* = Ethnocultural development of Belarus in the XIX – beginning of the XXI century: materials of the international scientific-practical. conf., ed. by T. A. Novogrodskii (otv. red.) [i dr.]. Minsk, 2011. (In Russ.).
13. Dudeková G. Zajatci v prvej svetovej vojne, Význam a miesto memoárov vo výzume [Prisoners in World War I, Importance and Place of Memoirs in the Quest]. *Paměti a vzpomínky jako historický pramen* = Memories and memories as a historical source, ed. Sekzrková M. Praha, 2006. (In Czech.).
14. Gacek M. Sibirské zápisky 1915–1920 [Sibir Minutes 1915–1920]. Bratislava, 1936. (In Slovak).
15. Kautský E. K. Kauza Štefánik: legendy, fakty a otázky okolo vzniku Česko-Slovenskej republiky [Štefánik's case: legends, facts and questions about the rise of the Czechoslovak Republic]. Martin, 2004. (In Slovak).
16. Kováč D. Milan Rastislav Štefánik. Budmerice, 1997. (In Slovak).
17. Vácha D. Teplušky a ešelony československých legionáři na cestě napříč Ruskem [Teplušky and eels of Czechoslovak legionaries on their way across Russia]. *Soudobé dějiny* = Contemporary History, 2008. Č. 3–4. (In Czech.).
18. Vrábel F. Milan Rastislav Štefánik a hlasistické hnutie [Milan Rastislav Štefánik and the voting movement]. *Slovanský přehled* = Slavic overview, 2012, no. 1–2, pp. 42–47. (In Slovak).

Submitted 26.09.2017; revised 26.10.2017

Elena P. Serapionova, Dr. Sci (History), Associate Professor, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, serapionova@mail.ru

УДК 94(47).084.3(=16)

**АЛЕКСАНДР КОТОМКИН (САВИНСКИЙ)
И ЧЕХОСЛОВАЦКИЕ ЛЕГИОНЕРЫ НА ВОЛГЕ,
УРАЛЕ И В СИБИРИ (1918–1920 гг.)**

С. В. Стариков

В статье речь идет об Александре Котомкине (1885–1964), который при поддержке Великого Князя Константина Романова, поэта «К. Р.», стал известным поэтом, публиковал свои произведения в сборниках и литературных журналах начала XX века. Участник Первой мировой войны, Котомкин своим творчеством призывал объединиться против германской агрессии, был горячим сторонником славянского единства. В 1917 году он опубликовал первую в русской литературе историческую драму «Ян Гус», посвященную 500-летию гибели чешского национального героя. Поэт приветствовал чешское национальное движение, посылал поэтические приветия «Братьям-чехам». Революция и гражданская война в России изменили судьбу Котомкина. Он оказался участником Гражданской войны на Волге, Урале, в Сибири на стороне Белого движения, не принял большевизм, оставался русским патриотом, выступал за сохранение традиционных ценностей России. Поэт приветствовал действия Чехословацкого корпуса на территории России, выступившего с оружием в руках против Советской власти. Котомкин считал, что чехословаки вместе с русскими добровольцами уничтожат режим большевиков и добьются освобождения. Вместе с труппой Казанского театра Котомкин ставил свою пьесу «Ян Гус» в городах и на крупных станциях Сибирской железной дороги. Чехословаки приветствовали его. Делегация от президента Т. Масарика в 1919 г. пригласила Котомкина посетить Чехословакию. Однако по мере наступления Красной армии Чехословацкий корпус устранился от общей борьбы и, по мнению поэта, предал русских патриотов. Котомкин стал свидетелем гибели Сибирской армии генерала Каппеля. Весной 1920 года он стал уполномоченным атамана Семенова по взаимоотношению с командованием Чехословацкого корпуса, пытался достичь компромисса между антибольшевистскими силами и чехословаками. В 1920 году после поражения Белого движения Котомкин эмигрировал в Чехословакию и называл чехословацкий период (1921–1926 гг.) лучшим периодом своей эмигрантской жизни.

Ключевые слова: Александр Котомкин, поэт, драматург, Первая мировая война, славянское единство, чехословацкие legionеры, Волга, Урал, Сибирь, Гражданская война.

Для цитирования: Стариков С. В. Александр Котомкин (Савинский) и чехословацкие legionеры на Волге, Урале и в Сибири (1918–1920 гг.) // Запад – Восток. 2017. № 10. С. 87–103.

DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-87-103

Александр Ефимович Котомкин (Савинский) (1885–1964) – русский поэт, драматург, гуслиар-складатель, участник Первой мировой и Гражданской войн, эмигрант первой волны, оставил свой яркий след в отечественной и зарубежной культуре первой половины XX века. Он родился 18 сентября 1885 г. в деревне Савино под Царевококшайском Казанской губернии и выступил в литературе под псевдонимом «Савинский». В 1905 году в Московском пехотном училище судьба свела А. Котомкина с Великим Князем Константином Константиновичем Романовым знаменитым тогда поэтом «К. Р.», который ознакомился с первым сборником стихов начинающего поэта и стал покровительствовать ему. В 1910–1916 годы в центральных и местных издательствах выходили сборники, а в литературных журналах отдельные произведения поэта¹. В годы Первой мировой войны Котомкин не только с оружием в руках защищал свое Отечество, но и считал своим долгом поэтическим творчеством поднимать русских людей на борьбу с агрессором. В 1916 году в Петрограде массовым тиражом была опубликована его историческая поэма «Князь Вячко и меченосцы», посвященная героической борьбе русского города Юрьева и прибалтийских народов против немецких рыцарей-меченосцев². В творчестве поэта-патриота все чаще звучала тема славянского единства. В годы войны Котомкин завершил работу еще над одной исторической пьесой-драмой «Ян Гус». Не исключено, что идея написания этой пьесы обговаривалась Котомкиным с «К. Р.», который, как известно, очень благосклонно относился к чехам.

После революции имя Котомкина оказалось вычеркнуто из советской литературы и поэзии как участника Белого движения и эмигранта. Его произведения не переиздавались. Так постепенно он оказался забытым поэтом. Лишь в 1990-е годы стали появляться первые статьи о жизни и творчестве поэта³ [3]. В 2012 году в Йошкар-Оле вышла в свет первая в России монография о жизни и творчестве А. Котомкина [4]. В данной статье автор рассматривает деятельность поэта в период Гражданской войны, когда Котомкин оказался на территории действий Чехословацкого корпуса, поднявшего восстание против Советской власти. При этом были использованы документы и материалы, собранные в течение ряда лет, в особенности опубликованные в 1930 г. в Париже воспоминания «О чехословацких легионерах в Сибири. 1918–1920», включившие в себя и воспоминания, и документы – все то, что было пережито поэтом во время Гражданской войны в Поволжье, на Урале, в Сибири [2]. Интересной страницей его биографии и творчества оказались взаимоотношения Котомкина и легионеров Чехословацкого корпуса.

¹ Котомкин А. Е. Сборник стихотворений (1900–1909). Со вступительной статьей К. Р. С. Петербург: Артистическое заведение Т-ва А. Ф. Маркс, 1910. 107 с.; Котомкин А. Е. Призыв. Стихотворение // Нива. 1909. № 46 (14 ноября). С. 797; Кантата к 300-летию царствования Дома Романовых / сост. А. Котомкин. С.-Петербург: Типография «Сельского вестника»; М.: Т-во И. Д. Сытина, 1912. 16 с.; «1812–1912». Кантата к 100-летию Отечественной войны. Саратов: Паровая типография С. М. Панина, 1913. 7 с. (в конце текста: А. Котомкин); Котомкин А. Е. Песни, посвященные Августейшему Поэту К. Р. Его Императорскому высочеству Великому Князю Константину Константиновичу. 2 июня 1915 года. Киев: Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1915. 31 с.

² Князь Вячко и меченосцы. Историческая поэма. Из эпохи войн XIII столетия – завоевание немцами Прибалтийского края. Посвящается Августейшему Поэту К. Р., в Бозе почившему 2 июня 1915 года. Петроград: Типография Т-ва А. Ф. Маркс, 1916. 134 с. (в названии: А. Котомкин-Савинский).

³ Волгин К. Свету, больше свету! // Марийская правда. 1991. 16 февраля.

После ранения и сильной контузии на Юго-Западном фронте в 1915 г. Котомкин был комиссован и в течение двух лет служил земским начальником в Царевококшайском уезде. Здесь его застали революционные потрясения.

Великая Российская революция 1917–1918 гг. перечеркнула многие планы и надежды поэта, привела его в лагерь тех, кто не мог принять идеологию классовой ненависти и направил свои усилия на борьбу с большевизмом, за сохранение России и ее традиционных ценностей. В период большевистского переворота поэт находился в Казани, где пытался отойти от политики, поступил на историко-филологический университет Императорского Казанского университета. Но октябрьские события 1917 г. не позволили ему закончить университет, вскоре закрытый большевиками. Начавшаяся Гражданская война в России неизбежно привела его в лагерь Белого движения.

Событием в творческой жизни А. Е. Котомкина казанского периода 1917–1918 гг. стал выход в свет его исторической драмы в стихах «Ян Гус»¹. Она была напечатана в типографии «Труд» до апреля 1918 года. Это произведение поэт завершил еще в 1915 г., к 500-летию гибели Яна Гуса, но опубликовать его сразу не удалось из-за запрета цензуры. Большую помощь автору оказал профессор-славист историко-филологического факультета Казанского университета Нестор Мемнонович Петровский. Он преподавал на кафедре славянской филологии, был автором многочисленных трудов, посвященных в основном истории и культуре славян, удостоен звания члена-корреспондента Российской Академии наук в конце 1917 года. [1, с. 229–230, 243]. Петровский написал небольшое предисловие к книге Котомкина, в котором отмечал, что русские поэты XIX в. не уделяли должного внимания славянским сюжетам. Лишь с началом войны 1914 г. оживился интерес к славянству. «Поэтому наша читающая публика, – писал Н. М. Петровский, – должна отнестись с особым интересом к попытке вывести на сцену величайшую личность славянской истории – Яна Гуса»². Профессор подчеркивал, что у чехов трагедия на аналогичный сюжет была написана еще семьдесят лет назад, «русский же драматург впервые избирает деятельность великого исповедника правды Божией сюжетом для своей, вполне оригинальной, пьесы»³. Котомкин предпослал тексту драмы свое стихотворение «Братьям-чехам», написанное в 1916 г. в Царевококшайске.

Благословен ваш славный путь
К заре величья и свободы,
Где, после долгой непогоды,
Вам можно будет отдохнуть.

Погибнув в пламени костра,
Ян Гус живет среди Вас веками...
Чу! Вдохновенными устами
Он говорит: «Пришла пора»!

«Пришла пора!» И ожил вновь
Славянский дух, о братья чехи.
На поле битв звенят доспехи
Бойцов за Правду и Любовь...

¹ Котомкин-Савинский А. Е. Ян Гус. Историческая драма в 6-ти действиях в стихах. Бывшая под запретом. 1915–1917. Казань: Типография Т-ва «Труд», 1918. 80 с.

² Там же. С. 3–4.

³ Там же. С. 4.

Пусть бой жесток. Сам Бог за нас!
 Пусть сеет смерть вражду и стоны, –
 Трещут хищные тевтоны, –
 Суда и мести близок час...
 Когда ж умолкнет звон мечей, –
 В святом порыве возрожденья, –
 Взойдет заря освобожденья
 В сиянье радостных лучей...
 О, верьте, братья! Час придет,
 Когда свободный и счастливый, –
 В святом труде над вольной нивой
 Народ Богемский процветет...¹

Историческая драма А. Е. Котомкина включала 6 действий, воспроизводила основные исторические события. В шестом действии поэтически показана казнь народного героя. На предложение архиепископа констанцского оставить «безумное служенье» Ян Гус гордо ответил:

«Пусть казни предадут меня враги из мести,
 Чем Богу изменю, и Родине, и чести... »
 «Прости, о Чехия! Мой голос благородный,
 Я верю, не умрет в сердцах твоих сынов!
 Столетия пройдут... Но в сумраке веков,
 Провижу я тебя, желанная заря!...»²

В начале августа 1918 г. войска Народной армии Самарского Комуча, включавшей в себя части Чехословацкого корпуса, отряды добровольцев под командованием подполковника В. О. Капшеля начали наступление на Казань. Флотилия Народной армии разгромила в устье Камы флотилию красных и создала угрозу Казани с Волги. 6 августа капшелевцы, разбив красноармейские отряды, вошли в город с восточной стороны. 7 августа Казань была взята. Казанцы встречали освободителей от большевистской диктатуры. Среди них был и А. Е. Котомкин. Он встретился с чехословацкими legionерами, радуясь их успехам. «Как сейчас я вижу картину взятия Казани чехословацкими legionерами, – вспоминал А. Е. Котомкин в эмиграции. – С каким восторгом все население города Казани, от мала до велика, встречало своих избавителей – братьев Чехословаков, Сербов и отряд Русской Народной Армии, пришедших с белыми повязками на рукаве!» [2, с. 7–8]. Со взятием Казани произошла реорганизация Народной армии: создавался Поволжский фронт под командованием полковника Станислава Чечека, в составе которого объединялись все русские и чехословацкие части. Во главе 1-го Чешского стрелкового полка имени Яна Гуса стоял поручик, позднее полковник Швец. Его А. Е. Котомкин называл «доблестным командиром, храбрым и честным воином, любившим Россию горячей и неподдельной любовью и желавший освободить ее от большевистских пут» [2, с. 8].

Среди до конца преданных России А. Е. Котомкин называет командира Сербского отряда Благодича, вскоре погибшего смертью храбрых в неравных боях под Свияжском за Россию, Сербию и все славянство. Александр Котомкин присутствовал

¹ Котомкин-Савинский А. Е. Ян Гус. Историческая драма в 6-ти действиях в стихах. Бывшая под запретом. 1915–1917. Казань: Типография Т-ва «Труд», 1918. 80 с. С. 5.

² Там же. С. 79–80.

на его похоронах. «Как сейчас вижу его гроб на лафете, буквально утопавший в цветах, славянских лентах и многочисленных венках» [2, с. 8]. Русскими отрядами командовал полковник А. П. Степанов. Душой и вдохновителем русского отряда добровольцев на Волге был молодой офицер Каппель. Его отряд, как подметил Котомкин, состоял большей частью из офицеров, студентов и гимназической молодежи и творил чудеса храбрости. Он держал оборону в Услонских горах на правом берегу Волги, наносил контрудары по большевистским частям, обращая их в бегство.

Александр Котомкин в своих воспоминаниях прекрасно передал ту атмосферу, которая царил в городе и его окрестностях. В. О. Каппель и его добровольцы в пожарном порядке отбивали атаки Красной армии то под Симбирском, то под Казанью. Его бригада в это время состояла из двух стрелковых полков, конного эскадрона и трех артиллерийских батарей общей численностью около 2 тыс. человек. Бои под Казанью усиливались, становились упорнее и ожесточеннее. А. Е. Котомкин свидетельствовал об огромном количестве раненых. Под Казанью общеславянская кровь лилась рекой. И чехи, и сербы, и словаки, и русские, по свидетельству Александра Ефимовича, «мужественно отбивались от черного воронья – интернациональных сил, среди которых было немало мадьяр, латышей, австрийцев и немцев, переодетых в красноармейскую форму и организованных в особые отряды» [2, с. 11]. Красные создали четырехкратное превосходство над малочисленными силами обороняющего город полковника А. П. Степанова. Силы таяли. С подвозом с фронта большого количества раненых было решено, как свидетельствовал А. Е. Котомкин, серьезно заняться этим вопросом. Под госпиталь было отведено здание Дворянского собрания. Там же был главный пост внутренней стражи милиции, которая несла службу по разбросанным по всему городу отдельным постам на случай беспорядков или оказания помощи войскам на фронте в качестве резерва. А. Е. Котомкин также получил назначение – начальник одного из сторожевых постов внутренней охраны. Как инвалид войны и человек военный Александр не мог быть только наблюдателем происходящего. Он горел желанием оказать помощь защитникам города – братьям-славянам. Чтобы достать необходимые деньги для ухода за ранеными, на лекарства и перевязочные средства, во многом по его инициативе решено было устроить день сбора средств, назвав его Днем народной армии.

Во дворце бывшего Командующего войсками Казанского военного округа генерала Сандецкого среди прочих комиссий заседала культурно-просветительная комиссия. Она возложила на А. Е. Котомкина задачу организации литературного вечера в Казанском городском театре.

Эта миссия была успешно выполнена. Откликнулись казанские артисты, интеллигенция. Городской театр был переполнен – все стремились внести свою лепту в общее дело. Правда, имущие классы – казанское купечество, предприниматели – меньше других отозвались на призыв жертвовать в пользу больного и раненого. По замечанию Котомкина, бывали случаи, когда «сидевшие на миллионах купцы давали не больше как керенку... двадцати или сорока рублевую – измятую и изорванную... » [2, с. 13].

Вечер-концерт начался исполнением чешского и сербского гимнов и «Марсельезы», а вся программа была посвящена славянской музыке, славянским произведениям и памяти Яна Гуса. Все закончилось «американской лотереей», где публика отдавала ценные вещи, обручальные кольца и серьги.

Но ситуация развивалась не в пользу защитников Казани. 5 сентября 1918 г. Восточный фронт Красной армии перешел в наступление. Оно велось как по Волге силами Волжской военной флотилии, так и по левобережью Волги вдоль железной дороги Зеленый Дол – Казань. Под натиском красных Казань была сдадена 10 сентября. «Никто не ожидал, – писал Котомкин, – что Казань – главный город Поволжья, будет так быстро и внезапно сдан» [2, с. 13]. Он считал, что руководители Самарского Комуча не поняли и не оценили всей важности Казани, как главного опорного пункта в борьбе с большевиками. Эсеры из самарского правительства, по его мнению, были дилетантами, больше заботились о своих партийных выгодах, чем о страждущем Отечестве, тратя время на бесплодные заседания, митинги и речи. Большевики же, наоборот, зная стратегическое значение Казани, сделали все, чтобы ей овладеть. После падения Казани положение на фронте резко ухудшилось. После объединения оставшихся частей Народной армии 3 октября 1918 г. войска под командованием Каппеля начали с упорными боями отступать к Уфе.

На восток уходил и Котомкин вместе с группой артистов казанского театра, покинувших большевистскую Казань. 7 октября 1918 года под напором красных пала Самара. Большевики брали реванш за свои поражения весной-летом 1918 года. Пожар Гражданской войны разрастался, охватывая все новые территории.

После развала самарской «учредилки», как называли власть правых эсеров большевики, и первых серьезных поражений и потерь чехословацких отрядов с регулярными частями Красной армии у чехословацких легионеров, по выражению А. Е. Котомкина, прошел пыл борьбы с большевиками. Это было начало развала чехословацкого войска в России. Уже в сентябре 1918 г., находясь в Челябинске, Александр Ефимович стал свидетелем трагического самоубийства начальника Чехословацкой дивизии полковника Швеца. После отказа своих войск выполнить боевые приказы против Красной армии полковник не вынес позора и застрелился. «Я помню похороны Полковника Швеца в Челябинске. Торжественно и грустно и стыдно было чего-то; – тогда еще не совсем понятного. Тогда же я ему посвятил стихотворение «Родному герою».

Судьбой в Россию занесенный,
Ты за Россию пал в бою...
Тебе, за Родину свою,
Я стих слагаю умиленный.

Ты доказал, проливши кровь,
Что нам к неволе нет возврата!..
Прими ж от славянина-брата
Прощальный стих – мою любовь!

Да будет подвиг твой залогом
Единства родственных Славян, –
Чтоб слиться нашим двум дорогам
В великий путь Славянских Стран...

И пусть звездой беспечальной
Нам вечно подвиг твой горит...
И на твоей отчизне дальней
Привет мой эхо повторит.¹

¹ Котомкин А. За Россию. Париж, 1927.

«Быть может, – писал А. Е. Котомкин, – он думал, что его поступок заставит образумиться покотившееся назад Чехословацкое войско. Но Швеец ошибся. Легионеры похоронили его с музыкой, с речами, с биением себя в грудь, и продолжали уходить в тыл. Никому и в голову не приходило, что чехи окончательно бросают фронт и более туда не вернуться, – разве могут герои сидеть в тылу? Одна мысль об этом была бы тогда оскорбительна» [2, с. 32–33]. К чехам относились как к своим. Никто не считал их иностранцами. Их приветствовали на улицах сибирских городов.

Но в конце 1918 года ситуация изменилась. Провозглашение чехами невмешательства в русские дела во многом было связано с изменением обстановки в Сибири. 18 ноября 1918 г. группа офицеров во главе с адмиралом Александром Васильевичем Колчаком, военным министром Уфимской директории, произвела в Омске переворот. Они арестовали руководителей директории – правых эсеров и передали всю полноту власти Колчаку – военному диктатору, принявшему титул «Верховного правителя Российского государства» и верховного главнокомандующего. Другие белые генералы (А. И. Деникин, П. Н. Врангель) признали его полномочия. Основной базой нового режима стали Сибирь, Урал, Дальний Восток. Правительство Колчака вошло в контакт с представителями Антанты в Сибири – французским генералом М. Жаненом и английским адмиралом А. Ноксом. Западные державы стали оказывать военную и финансовую поддержку правительству адмирала Колчака. Город Омск становится столицей новой власти, центром формирования новых вооруженных сил для борьбы с большевиками.

В марте 1919 года началось наступление армий Колчака на Урал и Волгу. В апреле – мае они быстро продвинулись на главных направлениях, угрожая Вятке, приближались к Самаре, Симбирску, Казани. Восточный фронт снова становится главным фронтом Гражданской войны. Ударной силой сибирских армий адмирала Колчака стал легендарный Волжский корпус под командованием генерала В. О. Каппеля. Его костяк составляли остатки Казанской и Симбирской групп Приволжского фронта, которыми командовал Каппель с августа 1918 года. Однако стратегических целей и в этот раз достичь не удалось. В конце апреля 1919 года части Красной Армии начали наступление на Восточном фронте по двум направлениям: на Бугуруслан – Белебей – Уфу и Сарапул – Воткинск. В течение мая – июня наступление красных развернулось на огромном фронте. Основные силы Западной и Сибирской армий адмирала Колчака потерпели поражение и отступали с боями за Урал. Несмотря на стремительное наступление красных, каппелевцы осенью 1919 г. неоднократно контратаковали противника, нанесли ему ряд тактических поражений.

Тем временем части чехословацкого корпуса окончательно осели вдоль Великого Сибирского пути – Транссибирской железной дороги. Чехи «обиделись» на адмирала Колчака, который сделал ставку на русскую военную силу, хотя и не переставал считать их своими союзниками. Началась «теплушечная» жизнь чехов на станциях Сибирской железной дороги.

Чехословацкие легионеры размещались и по сибирским городам, по казармам, в поселках, станционных зданиях. Их эшелоны растянулись по всей магистрали от Урала до Владивостока. Союзные миссии возложили на чехословаков охрану Сибирской дороги. На каждой станции был поставлен чешский комендант, в расположении которого были паровозы и весь подвижной состав. По мере

ухудшения ситуации на Восточном фронте чехи стали превращаться в фактических владельцев дороги.

А. Е. Котомкин все это время находился на территории, подвластной адмиралу Колчаку. Вместе с группой казанских артистов он прибыл в Омск. В боях на Восточном фронте он не участвовал, сразу заявил, что не будет стрелять по своим – русским. Но фактически А. Е. Котомкин и театральная группа оказались в огне Гражданской войны. Александр Ефимович возглавил передвижной театр, находившийся в специальном поезде, который курсировал по Транссибу. В городах давались концерты, ставились спектакли. Представления были и на железнодорожных станциях. Передвижной театр подчинялся распоряжениям культурно-просветительного отдела правительства Колчака в Омске. Повсеместно ставилась драма Котомкина «Ян Гус».

Летом 1919 года из Праги в Сибирь приехала делегация от президента Чехословацкой республики Т. Масарика. Ее возглавлял сенатор доктор Крейчи. Во всех городах по Сибирской железной дороге устраивались торжественные встречи. В Иркутске А. Е. Котомкин организовал спектакль, на котором была представлена его пьеса «Ян Гус». «Членов Делегации я приветствовал поэмой, которую передал в старинном резном ларце, с надписью на серебряной пластинке», – вспоминал позднее Александр Ефимович [2, с. 42]. После спектакля Котомкин получил от Крейчи послание, в котором выражалась искренняя благодарность автору от всей делегации Чехословацкого правительства. «Мы были радостно удивлены видеть в Иркутске на сцене пьесу о нашем национальном гиганте, и найти здесь русского поэта, который с такой любовью выражает свои чувства к нашему Народу и вдохновляется историей для литературных произведений» [2, с. 43]. Александра называли «уважаемым братом». Его пригласили посетить Прагу в качестве высокого гостя.

В сентябре 1919 года чехословацкую делегацию встречали в Красноярске. «У меня было много встреч с легионерами, благодаря постановке моей пьесы «Ян Гус» в сибирских городах, – свидетельствовал А. Е. Котомкин. – Могу с уверенностью сказать, что вся Чешская Армия побывала на наших спектаклях. Не в похвальбу говорю, а лишь ради правды – чехи засыпали меня цветами, целыми полками и гарнизонами подносили альбомы и адреса» [2, с. 71].

Какую цель преследовал А. Е. Котомкин? В основе его бурной сценической деятельности лежало обычное авторское желание – показать свое детище – пьесу «Ян Гус» и русским, и чехам, особенно последним, ибо в замечательной игре актеров вставала живая история Чехии. Драма в стихах рождала уверенность, что правда, справедливость, любовь к Родине, на каком языке бы об этом ни говорилось, вечны, нетленны, они – достояние настоящих патриотов. «Что до меня, – признавался автор, – то я их любил до глупости искренно... » [2, с. 72]. Действительно, А. Е. Котомкин любил чехов, любил славян, считая славянское братство залогом победы. Он искренне верил в то, что единение славян обогатит культуру, сделает их сильными, позволит успешнее противостоять германскому натиску. «Зная многих и многих, я видел часто, какая огромная душевная драма скрывалась у иных под маской веселого безразличия к русским». Однажды А. Е. Котомкин получил письмо от одного легионера, которое потрясло его полным трагизма душевным состоянием тех чехов, которые переживали за Россию. Он писал, что после увиденного на сцене у многих чехов просыпался «отголосок искреннего,

чистого чувства любви к Родине», любви ко всем братьям-славянам, которое еще сохранилось в душе чешского солдата.

«Я страдал, плакал, – писал посетивший спектакль чех, – в некоторых местах начинал стыдиться за имя чеха, за свою национальность, видя, что снаружи все у нас кажется красивым, честным, умным, а в сущности все наоборот – грязь, бесчестие, незнание и безнравственность... Но сегодня перед моею мыслью снова вообразилась вся история... Я видел вас, я слышал ваши добрые, золотые дружеские слова, я чувствовал, что они излились из горячего прекрасного славянского сердца. Благодарю вас, уважаемый Маэстро!» [2, с. 73]. Это было признание настоящего искусства, пробуждающего искренние чувства. Оно окрыляло поэта, готового и дальше бороться во имя этих благородных целей.

Нашлись, правда, единицы среди чехов, которые пытались представить дело таким образом, что Котомкин будто бы хотел организацией этих концертов склонить чехов к поддержке фронта адмирала Колчака. В своих воспоминаниях А. Е. Котомкин называл одну книгу бывшего легионера, где ему было брошено такое обвинение. «Этот обвинитель легионер, – писал он, – сам не знал, какую великую задачу приписывал он моему скромному делу» [2, с. 71].

Обстановка на фронте осенью и зимой 1919 г. складывалась не в пользу Белого движения. Красные наступали. Поражение белых в Сибири, сдача Омска привели к фактической потере власти А. В. Колчака. Начиная с осени 1919 г., власть адмирала не распространялась дальше штабного вагона, на котором он передвигался по Транссибирской магистрали дальше на восток. Чехи словно обрадовались. Они объявили: «Наша политика – рельсы, враг тот, кто окажется на них». Прикрываясь нейтральностью, они все сильнее вмешивались в русские дела, поддерживая социалистов против Колчака. Последние готовили восстание против «Верховного правителя». В ноябре 1919 года во Владивостоке произошло так называемое «восстание Гайды». Его свидетелем оказался А. Е. Котомкин, бывший в то время во Владивостоке. Окончательно рассорившийся с Колчаком, Радола Гайда, возглавлявший ранее Сибирскую (Северную) армию адмирала, переехал во Владивосток, собрал вокруг себя эсеров, готовил вооруженный заговор против Колчака. Население недоумевало, чего добивается Гайда. «За большевиков он, что ли? Да нет же, против этих супостатов. Тогда, что же ему надо!» Недоумение перешло в негодование, когда в течение двух дней шайка Гайды, открыв огонь, усеяла трупами привокзальную местность в городе. «По городу тянулись телеги с обезображенными мертвыми телами, – вспоминал А. Е. Котомкин. – Жители были потрясены. Родные ходили искать своих среди мертвецов. Матери убитых в бессильных слезах обнимались над трупами сыновей, павших с той и другой стороны, – бессмысленность этих смертей была очевидна» [2, с. 77].

Чехи поддержали восстание эсеров в Иркутске в декабре 1919 г., ставшее роковым для адмирала Колчака. Цель состояла в том, чтобы захватить власть и начать переговоры с большевиками о прекращении борьбы. В Иркутске эсеры основали Политический центр. Командующий союзными войсками генерал Жанен объявил нейтральной зоной все Глазговское предместье города Иркутска.

А. Е. Котомкин стал непосредственным свидетелем той трагедии, которая разыгралась на просторах Сибири зимой 1919–1920 года. Она принесла невиданные ужасы и неисчислимое количество смертей. Фронт быстро двигался на восток. После падения Омска армия адмирала Колчака, измотанная непрерывными

боями, морозами и постоянным нервным напряжением, не могла уже сдерживать натиск Красной армии. Между Омском и Ново-Николаевском растянулись эшелоны с эвакуированными. «Стояли лютые морозы – вспоминал Котомкин. – Эшелоны стали. Впереди железная дорога была безвыходно закупорена. По сторонам лежала бесконечно холодная Сибирская тайга, в которой не разыскать ни крова, ни пищи. Замерзавшие беженцы, кто поздоровее, выходили из вагонов и беспорядочными толпами шли на Восток, шли, пока были сильны, а раненые, больные, матери с детьми – беспомощно оставались замерзать» [2, с. 80–81].

Главными виновниками этой трагедии оказались чехи. Они силой отбирали у беженцев и раненых паровозы, не пропускали составы, заполняя подвижной состав под свои запасы и товары. Страшный хаос и затор парализовал железную дорогу. Русские не смели и думать даже воспользоваться своей собственной дорогой. 12 декабря 1919 г. после оставления Ново-Николаевска, А. В. Колчак назначил В. О. Каппеля главнокомандующим всеми белыми войсками в Сибири. Генерал принял командование гибнущим Восточным фронтом. Но чехи закрыли им путь по железной дороге. Как вспоминал А. Е. Котомкин, войскам Сибирской армии оставалась лишь застывшая под снежным покровом сибирская тайга, таежные санные дороги, безлюдные просторы, скованные морозами. Так и случилось. Сибирская армия сошла с железной дороги и по льдистым рекам, по тайге стала уходить на восток. Так начинался печально знаменитый Великий Сибирский ледяной поход – беспримерный длиной в три тысячи верст поход от Омска до Забайкалья в условиях 50-градусных морозов.

15 января 1920 года А. В. Колчак был арестован и выдан чехами эсеровскому Политцентру в Иркутске. Его предали чехословацкие легионеры и союзники по Антанте. Адмирал остался один. Колчак так и не смог противостоять тем неумолимым обстоятельствам, которые его окружали. Узнав о задержании адмирала, главнокомандующий В. О. Каппель вызвал командующего чехами и словаками в Сибири генерала Яна Сырового на дуэль за оскорбление русской армии. Но Сыровой не ответил. Под Красноярском в начале января 1920 г. армия Каппеля была окружена. Однако, после ожесточенных боев, каппелевцы смогли обойти город и вырваться из окружения. «Потом, – свидетельствовал А. Е. Котомкин, являвшийся участником ледового похода, – в ужасных условиях отряды кое-как собрались вместе и под началом генерала Каппеля стали пробираться на восток в надежде пробиться на Иркутск и закрепиться там».

Войска двигались параллельно железной дороге. К каждому населенному пункту подходили с опаской – нет ли красной засады. Одеты были, как свидетельствовал А. Е. Котомкин, кто во что, патроны – на вес золота, довольствие зависело от местного населения. Если село не ограблено большевиками, так сыты, а то и несколько дней шли впроголодь. От железной дороги их часто отгоняли, и они удалялись на север таежными дорогами. А когда опасность отходила, снова опускались ближе к дороге, и все шли и шли в заветном направлении – на восток.

У Колчака не было никакой надежды соединиться со своей армией. Власть в Иркутске уже перешла в руки большевистского ревкома. 7 февраля 1920 года в 4 часа утра А. В. Колчака вместе с премьер-министром бывшего Омского правительства В. Н. Пепеляевым большевики расстреляли. Решение об этом было принято в Москве, и директива о расстреле «верховного правителя» была направлена в Иркутск В. И. Лениным.

Сибирская армия генерала Каппеля тем временем при невероятных трудностях, в глубоких снегах, плохо одетая и голодная, мужественно пробивалась на восток. Каппель спешил в Иркутск, чтобы освободить Колчака. Но этому не суждено было сбыться. Будущий историк, как писал А. Е. Котомкин, восстановит по крупицам весь Ледяной поход и каждый день этого мученического похода будет известен. «Теперь же наше дело современников-очевидцев рассказать о них то, что глаза наши видели и уши слышали» [2, с. 111].

Только благодаря генералу Каппелю Сибирская армия вытерпела небывалый поход через всю Сибирь. Во время перехода по руслу реки Кан, где лед подтаивал из-за незамерзающих горячих источников, генерал Каппель провалился в полыню, но продолжил путь дальше. Через день врач констатировал обморожение ступней обеих ног и начавшуюся на почве обморожения гангрену. Ампутация конечностей была осуществлена без необходимых инструментов и медикаментов простым ножом без анестезии. Но и после этого Каппель руководил войсками. Он отказался от санитарного поезда. Владимир Оскарович ехал во главе армии даже тогда, когда мог держаться на лошади лишь будучи привязанным к седлу. Провал в полыню вызвал сильную простуду – двухстороннее воспаление легких. Один из участников похода А. А. Федорович вспоминал: «Стиснувшего зубы от боли, бледного, худого, страшного генерала на руках вынесли во двор и посадили в седло. Каппель выпрямился в седле и приложил руку к папахе. Он отдал честь тем, кого вел, кто не сложил оружие в борьбе. На ночлег его осторожно снимали с седла и вносили на руках в избу» [4, с. 104–105].

21 января 1920 года, чувствуя свою неспособность дальше командовать армией из-за сильного ухудшения состояния здоровья, Каппель передал командование генералу Сергею Николаевичу Войцеховскому. 22 января умирающий генерал руководил совещанием в городе Нижнеудинске, на котором было решено сходу взять Иркутск, освободить адмирала Колчака и стабилизировать фронт.

26 января в 11 час. 50 мин. на разъезде Утай, около станции Тумун близ Нижнеудинска, Владимир Оскарович Каппель умер. Последними словами генерала были: «Пусть войска знают, что я им предан был, что я любил их и своею смертью среди них доказал это» [4, с. 105]. «Солдаты его не похоронили в снегах, – свидетельствовал А. Е. Котомкин, – но завернули дорогое тело в шинели и не расставались с ним до тех пор, пока сами не нашли прочного пристанища за Байкалом» [2, с. 105].

Подход каппелевцев к Иркутску вызвал панику у местных большевиков. 7 февраля 1920 года каппелевцы вступили на станцию Иннокентьевскую в четырех верстах от Иркутска. Штаб Сибирской армии во главе с генералами С. Н. Войцеховским и Сахаровым уже имел план взятия Иркутска и планировал взять под контроль Глазговское предместье – стратегический ключ к городу. Чехи вновь вмешались в ситуацию, заявили, что если каппелевцы займут Глазгово, то чехословаки начнут вооруженные действия против них. Тем временем командующий Сибирской армией генерал С. Н. Войцеховский получил сообщение, что адмирал Колчак расстрелян. Тогда он отдал распоряжение обходить город без боя, направляясь по тракту на Байкал. А. Е. Котомкин, наблюдая эту картину, писал: «В темную ночь, 8 февраля 1920 года, тучи саней каппелевцев окружили Иркутск, вереницы всадников заполнили все дороги. Заветная цель, куда стремились через всю Сибирь, манившая отдыхом, – обманула. Прошли нескончаемые версты, изнемогающим от лишений, оставалось сделать последнее усилие и вот –

забытое наслаждение – вымыться, содрать с себя грязную, кажется, присошную к телу вшивую одежду и по настоящему, по-человечески, заснуть... Но нет! Дальше, еще дальше! Отдых не скоро, еще снежные версты бесконечны, много сотен верст еще лютого мороза, слепящей пурги и колючих сибирских туманов» [2, с. 123–124].

Обошедшая Иркутск, Сибирская армия спустилась на ледяную равнину Байкала и отправилась на другую сторону озера к станции Мысовой, а оттуда через леса и горы на Читу.

Бесконечная ледяная равнина легендарного «священного моря» встретила полки армии сильным ветром, сбивавшим с ног людей. Но вскоре ветер успокоился. Глаза уставших, обессиленных солдат и офицеров жадно искали жилье на берегу, чтобы перевести дух и отдохнуть. Как мираж иногда возникали замки и дворцы. Но внимательно взглядевшись вдаль, все исчезало. Коротенький отдых и снова в путь. Байкал миновали.

В Чите готовились к приходу каппелевцев. Освобождались помещения для бойцов: театры, чайные, гостиницы, частные квартиры, даже сараи, склады и конюшни. В обращении к гражданам Забайкалья и Читы власти приказывали принять, приютить тех, кому жители обязаны отдать свой гражданский и патриотический долг, поддержать их в трудную минуту. «Помните, что если мы еще не все потеряли, если наши семьи пользуются благополучием и безопасностью, то всем этим мы обязаны едущим теперь к нам борцам. Не забывайте, что им, нашим защитникам, предстоит новая борьба за общее благо Родины и за наше личное благополучие» [2, с. 128].

А. Е. Котомкин был в небольшой, преимущественно деревянной, Чите впервые. Типично сибирский городок утопал в снегу. «И вот настал день, – свидетельствовал он, – когда весь город буквально был затоплен санями и всадниками. Все ворота были раскрыты настежь, дворы кишели санями и лошадьми; по улицам шпалерами стоял народ и – плакал... Потому что нельзя было не зарыдать при виде этого нищего воинства, укутанного, умотанного в такое тряпье, какого я до этих пор представить себе не мог. Короткая шинеленка (некогда все тот же «мундир английский»), обмотанная одеялом, перетянутая в талии ремнем; на шее – кусок бараньей шкуры, тоже привязанный тряпицей, голова накрыта заплатанной шапченкой, насунутой на самое лицо, заросшее бородой; на ногах разбитые валенки, у которых подошва привязана проволокой, а сзади соломенная стелька тащится...» [2, с. 129].

В санях лежали привязанные веревками больные, главным образом тифозные, замотанные в грязное вшивое тряпье. Тут же дети, скелетоподобные лошади. «Я стоял в толпе, потрясенный зрелищем, – вспоминал Александр Ефимович. – Вот уже десять лет прошло, а спокойно не могу я вспоминать этого. Помню, как ударил соборный колокол: похоронный звон поплыл над этой необычной картиной. Это каппелевцы привезли в часовню тело ген. Каппеля, и архиерей велел звонить похоронную встречу почившему герою» [2, с. 129].

По свидетельству А. Е. Котомкина, город не спал и ночью. Всюду слышался возбужденный говор и скрип саней. А они все ехали и ехали. Казалось в Чите не осталось ни одной свободной щели. В городе не было ни одной хозяйки, ни одной матери, которая тогда не пекла бы, не варила, не стряпала всего, что только могла. Пришельцы, отвыкшие не только от привета и ласки, но просто

разучившиеся сесть на стул к столу, по-человечески есть вилкой, озирались с застывшей на лице растерянной улыбкой.

«У гроба генерала Каппеля, – свидетельствовал Котомкин, – стоявшего в часовне на Соборной площади, была густая толпа. Люди подходили и уходили. На полу, около гроба, все росла кучка денег, неизвестно кем начатая, – измятые, опущенные из трудовой ладони бумажки, неходящие ныне медяки и гривенники – кто, что мог. В соборе служилась непрерывная панихида – много, много не отпетых, оставленных в тайге, боевых товарищей дожидалось конца похода, чтобы оставшиеся в живых спели им, по обычаю отцов, вечную память и помолились бы об их вечном упокоении» [2, с. 130].

Наступило 22 февраля 1920 года. В этот день вся Чита прощалась с генералом Владимиром Оскаровичем Каппелем. На Соборной площади яблоку негде было упасть. Офицеры, солдаты, жители города осеняли себя крестным знаменем и пели «Вечную память». Гроб с телом прославленного генерала перенесли из часовни в Александро-Невский собор. А. Е. Котомкин был в центре этой процессии. Он волновался. И когда гроб опускали в могилу, Александр Ефимович призвал всех к молчанию. И в наступившей тишине с большим чувством прочел:

Тише!.. С молитвой склоняем колени...
 Пред вами героя родимого прах...
 С безмолвной улыбкой на мертвых устах
 Он полон нездешних, святых сновидений...
 Ты умер!.. Нет!.. Верю я верой поэта:
 Ты жив!.. Пусть застывшие смолкли уста,
 И нам не ответят улыбкой привета,
 И пусть недвижима могучая грудь...
 Но подвигов славных жива красота...
 Наш символ бессмертный – твой жизненный путь.
 «За Родину! В бой» – ты кликнешь призывом
 Орлов-добровольцев к себе же созовешь...
 Но верю – своим беспримерным порывом,
 Как пламенем, русское сердце зажжешь...
 Ты бился за волжские дивные дали,
 И песнь тебе сложит волгарь...
 И Камы привольной угрюмый косарь
 В тех песнях забудет о прошлой печали...
 И эхом ответным Уральские горы
 Откликнутся Волге... Тайга загудит...
 И братья забудут кровавые споры,
 И песню про Каппеля сложит народ...
 И Каппеля имя, и подвиг без меры,
 Средь славных героев вовек не умрет...
 Склони же колени пред символом веры,
 И встань за Отчизну Родимый Народ...

[4, с. 107–108]

Чеканные фразы Александра Котомкина запали в душу многих участников этой похоронной процессии. Они вдохновляли на новые подвиги во имя Родины, будили, казалось, угасавшие чувства спасения и возрождения России. 25 февраля читинская газета «Забайкальская новь» опубликовала это стихотворение под названием

«На смерть Каппеля: (вместо венка на могилу героя)». В 1927 году А. Е. Котомкин опубликовал его в сокращенном варианте в сборнике «За Россию» (Париж, 1927 г.) под названием «Родному герою», сопроводив его следующим примечанием: «Генерал Каппель – один из славных героев Добровольческих Армий, боровшихся с войсками Красного Интернационала за свободу России. Пройдя славный, легендарный боевой путь от берегов Волги до Сибирских просторов, он, будучи назначен Верховным Правителем Адмиралом А. Колчаком, – Командующим Сибирской Армией – умер на своем посту смертью героя, завещав своим войскам, ныне носящим историческое имя – Каппелевцы – до конца остаться верными святой идее борьбы за освобождение России»¹.

Позднее прах В. О. Каппеля был перенесен на кладбище Читинского женского монастыря. Однако уже осенью 1920 г., когда красные приближались к Чите, каппелевцы, спасая прах любимого генерала от возможного надругательства со стороны большевиков, перевезли останки в город Харбин – центр русской эмиграции в Северо-Восточном Китае.

В декабре 2006 года по благословению Святейшего патриарха Алексия II останки боевого генерала были перевезены из Харбина в Москву для перезахоронения. 13 января 2007 года генерал Каппель был захоронен на кладбище Донского монастыря рядом с могилами генерала Антона Ивановича Деникина и русского философа Ивана Александровича Ильина.

Весной 1920 года в Читу стягивались все антибольшевистские силы. Забайкалье было центром борьбы против красных. Особую роль играло забайкальское казачество. В Чите находился штаб одного из лидеров Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке атамана Григория Михайловича Семёнова. Сначала атаман не признал Колчака Верховным правителем России. Но летом 1919 года, после признания, он был назначен Походным атаманом Дальневосточных казачьих войск и помощником Главнокомандующего войсками Приамурского военного округа с правами военного губернатора Забайкальской области. 4 января 1920 года. Колчак передал Семёнову всю полноту власти на территории Российской восточной окраины.

После расстрела Колчака чехословаки увидели в атамане Семенове нового диктатора, который помешает им эвакуироваться дальше на восток. Чехи были уверены, что еще Колчак дал указание атаману осматривать каждый их эшелон, проходящий через Читу. Настроение чехословацких офицеров и солдат становилось все более нервным и озабоченным.

А. Е. Котомкин, находясь в Чите уже в звании капитана, играл важную роль в дипломатических отношениях между атаманом Семёновым и чехословацким командованием. Однажды ночью А. Е. Котомкину позвонили от атамана и попросили срочно явиться в штаб. Г. М. Семёнов встретил его лично и рассказал о телеграмме, полученной со станции Оловянная, где чехи грабили русские эвакуационные эшелоны, отправленные из Читы с семьями военных. Попытки уладить ситуацию ни к чему не привели. Генерал Ян Сыровой потребовал, чтобы к нему явился либо сам атаман, либо капитан Котомкин. Г. М. Семёнов просил Котомкина срочно выехать в штаб Сырового на станцию Чита I. На личном автомобиле атамана Котомкин прибыл в чехословацкий штаб. Сыровой был очень зол. Его единственный глаз воинственно сверкал. Котомкин пытался говорить о безобразиях

¹ Котомкин А. За Россию. Париж, 1927. С. 25.

чехов на станции, но генерал сначала чуть ли не кричал, что раскатает Читу по бревнышку, бегал по вагону с воинственными жестами. Котомкин убеждал Сырового успокоиться, ибо казаки уже седлают своих коней и придут к поезду генерала раньше, чем чехи прикатят свою артиллерию. Александр Ефимович был очень взволнован, но дипломатично уладил ситуацию. Более того, на следующий день генерал Сыровой прибыл в штаб к Семёнову и, как вспоминал А. Е. Котомкин, благодаря чисто русскому гостеприимству и открытому характеру атамана Семёнова, гостям было предложено красное вино и тост за славянское единение. Приказом от 16 марта 1920 г. «дипломат» Котомкин был назначен официальным уполномоченным атамана для сношений с чехословацким командованием [2, с. 142–143]. Никто в Чите эту должность на себя брать не хотел, ибо трудно было защищать чехов. Чита, как и вся Сибирь, потеряла к ним всякое уважение. «Могу с чистой совестью сказать, – вспоминал Александр Ефимович, – что нечаянную обязанность эту я исполнял чуть ли не покладая свой живот и слыл в Чите единственным «чехофилом». Да и чехи не отрицают, что благодаря мне, они избегли очень многих неприятностей в Чите, хотя не видел я от них благодарности, да и не ждал ее, а помогал скорейшей эвакуации чехов как мог, и принимал на себя за них все заушения, единственно, из-за сохранившегося еще во мне тогда, несмотря ни на что, славянского чувства и искренней любви к чехам» [2, с. 143].

В начале апреля 1920 года, когда красные приближались к Чите, А. Е. Котомкину удалось получить от чехов пять орудий, которые использовались в боях с Красной армией. Ее части были разбиты и бежали. За это «мирное» взятие батареи капитан А. Е. Котомкин был произведен в подполковники [2, с. 145]. В действительности эти орудия принадлежали енисейским казакам. Таким образом, А. Е. Котомкин возвратил орудия тем, кому они принадлежали. От казаков-енисейцев подполковник Котомкин получил письмо, в котором выражалась сердечная благодарность за содействие Енисейскому казачьему войску. Помощник атамана войска А. Кузнецов писал: «Глубокоуважаемый Александр Ефимович! От имени Енисейского казачьего войска, которое я здесь представляю, искренно и сердечно благодарю Вас за то содействие, которое Вы оказали войску. Привет мой и войска Вам, искренно уважаемый Александр Ефимович!» [2, с. 145].

Красная армия наступала на Читу. Город переживал трудные дни. Над городом летали аэропланы красных, сбрасывая бомбы, сея панику на улицах. Чита эвакуировалась. Чехи спешили через Маньчжурию к Владивостоку. В Чите еще оставался Политический представитель Чехословацкой Республики и военный представитель чехословацких войск майор Я. Кошек. Атаман Г. М. Семёнов также выехал из Читы. А. Е. Котомкин был назначен Семёновым его официальным посланником Главнокомандующего вооруженными силами Российской Восточной окраины. Ему предстояло выполнить сложную миссию – выехать в Крым к генералу Петру Николаевичу Врангелю и официально известить его о том, что Семёнов признает его главой всех русских антибольшевистских сил и подчиняется ему.

Такую поездку можно было осуществить только через Владивосток. А. Е. Котомкин взялся за выполнение этой миссии. Путь лежал во Владивосток через Маньчжурию, а затем через Японию морским путем в Европу. Прибыв в Крым в середине ноября 1920 г. и передав генералу Врангелю послание от Семёнова, Котомкин стал свидетелем эвакуации белых из Крыма под напором Красной армии. В числе эмигрантов «русского исхода» был и Котомкин, навсегда покинувший Россию и ставший

эмигрантом первой волны. 22 января 1921 года он прибыл в Прагу и начался чехословацкий период его эмиграции (1921–1926 гг.) который, по выражению поэта, был лучшим периодом его эмигрантской жизни. В Чехословакии печатались его произведения, в том числе на чешском языке, повсеместно ставились спектакли. Русский поэт стал Почетным гражданином Праги. Но это уже другая история.

Список литературы

1. История Казанского университета / рук. авт. кол-ва, гл. ред. проф. И. П. Ермолаев. Казань, 2004.
2. Котомкин А. Е. О чехословацких легионерах в Сибири. 1918–1920. Воспоминания и документы. Париж, 1930. 173 с.
3. Пашенко М. Котомкин Александр Ефимович // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь в 5 томах. Т. 3. М., 1994.
4. Стариков С. В. Александр Котомкин (Савинский): жизнь, творчество, судьба. Йошкар-Ола: ООО «Издательский дом Сельские вести», 2012. 183 с.

Поступила 26.09.2017; принята к публикации 26.10.2017

Стариков Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, sv.starikov@yandex.ru

ALEXANDER KOTOMKIN (SAVINSKY) AND CZECHOSLOVAK LEGIONARIES ON THE VOLGA, THE URALS AND SIBERIA (1918–1920)

S. V. Starikov

In the article we are talking about Alexander Kotomkin (1885–1964), who, with the support of the Grand Duke Constantine Romanov, the poet “K. R.”, became a famous poet, published his works in collections and literary magazines of the early twentieth century. Member of the First World War, Kotomkin called for his work to unite against German aggression, was an ardent supporter of the Slavic unity. In 1917 he published the historical drama “Jan Hus”, which became the first In Russian literature dedicated to the 500th anniversary of the death of the Czech national hero. The poet welcomed the Czech national movement, sent poetic greetings to the “Brothers-Czechs”. Revolution and the civil war In Russia changed the fate of Kotomkin. He was a participant in the Civil War on the Volga, the Urals, in Siberia on the side of the White Movement, did not accept Bolshevism, remained a Russian patriot, advocated the preservation of Russia's traditional values. The poet welcomed the actions of the Czechoslovak Corps on the territory of Russia, which acted with arms in hand against the Soviet power. Kotomkin believed that Czechoslovakians together with the Russian volunteers would destroy the regime of the Bolsheviks and achieve liberation. Together with the troupe of the Kazan Theater, Kotomkin staged his play “Jan Hus” in the cities and major stations of the Siberian Railway. Czechoslovaks welcomed him. The delegation from President T. Masaryk in 1919 invited Kotomkin to visit Czechoslovakia. However, as the Red Army was approaching, the Czechoslovak Corps was eliminated from the general struggle and, in the opinion

of the poet, betrayed the Russian patriots. Kotomkin became a participant in the death of the Siberian army, General Kappel. In spring of 1920 he became authorized ataman Semenov on the relationship with the command of the Czechoslovak Corps, tried to reach a compromise between anti-Bolshevik forces and Czechoslovaks. In 1920 after the defeat of the White Movement, Kotomkin emigrated to Czechoslovakia and called the Chekchoslovak period (1921–1926) the best period of his emigrant life.

Keywords: Alexander Kotomkin, poet, playwright, First World War, Slavic unity, Czechoslovak legionaries, Volga, Ural, Siberia, Civil war.

Citation for an article: Starikov S. V. Alexander Kotomkin (Savinsky) and Czechoslovakian legionery on the Volga, Ural and in Siberia (1918–1920). *West – East*. 2017, no. 10, pp. 87–103. DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-87-103

References

1. Istoriya Kazanskogo universiteta [History of Kazan University], ruk. avt. kol-va, gl. red. I. P. Ermolaev. Kazan', 2004. (In Russ.).
2. Kotomkin A. E. O chekhoslovatskikh legionerakh v Sibiri. 1918–1920. Vospominaniya i dokumenty [About the Czechoslovak Legionnaires in Siberia. 1918–1920. Memories and documents]. Parizh, 1930, 173 p. (In Russ.).
3. Pashchenko M. Kotomkin Aleksandr Efimovich [Kotomkin Alexander Efimovich]. Russkie pisateli 1800–1917. *Biografi-cheskii slovar' v 5 tomakh* = Russian Writers 1800–1917. Biographical dictionary in 5 volumes, vol. 3, Moskow, 1994. (In Russ.).
4. Starikov S. V. Aleksandr Kotomkin (Savinskii): zhizn', tvorchestvo, sud'ba [Alexander Kotomkin (Savinsky): life, creativity, destiny]. Ioshkar-Ola: OOO «Izdatel'skii dom Sel'skie vesti», 2012, 183 p. (In Russ.).

Submitted 26.09.2017; revised 26.10.2017

Sergei V. Starikov, Ph. D. (History), professor, Mari State University, Yoshkar-Ola, sv.starikov@yandex.ru

УДК 94(437.3)

**«В ЕДИНСТВЕ СИЛА!». ШТЕФАНИК И БОРЬБА ЗА ЕДИНСТВО
ЧЕХОСЛОВАЦКОГО ДВИЖЕНИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ В РОССИИ В 1916–1917 ГОДЫ*****М. Кшинян***

В статье рассматривается миссия Милана Растислава Штефаника в России в 1916–1917 гг., главной целью которой являлось получение разрешения от российского правительства осуществлять вербовку среди чешских и словацких военнопленных для формирующейся чехословацкой армии во Франции, а позже – для чехословацкой армии в России. В ее ходе Штефаник должен был сотрудничать с депутатом имперского парламента и заместителем председателя Чехословацкого Национального совета Йозефом Дюрихом. Вскоре, однако, они вступили в конфликт, поскольку Дюрих находился под влиянием русского правительства, что противоречило принципам Национального совета, который отстаивал собственную независимость. Наконец, именно Февральская революция в России в 1917 году явилась тем фактором, который склонил чашу весов в пользу Штефаника. Конечно, речь шла не просто о споре двух людей, но целых групп. В статье подробно описывается, как Штефаник использовал свой социальный капитал для дискредитации окружения Дюриха, что ему отчасти удавалось. В своей деятельности Штефаник мог опираться на помощь генерала Мориса Жанена, начальника французской военной миссии в России, а также на французских дипломатов, чешских и словацких сотрудников, а также российских военных представителей. Автор статьи на основе малодоступных архивных материалов реконструирует и анализирует действия сторонников и противников чехословацкого движения, которые использовались в политической борьбе для дискредитации противников.

Ключевые слова: Милан Растислав Штефаник, Йозеф Дюрих, Морис Жанен, Эдвард Бенеш, социальный капитал, чехословацкое сопротивление, Первая мировая война, политическая дискредитация, Чехословакия, Россия.

Благодарность: статья подготовлена в рамках проекта VEGA 2/0135/15 «Vítazstvo a pád Tretej republiky. Malá dohoda medzi Francúzskom a Talianskom 1914–1940» (Победа и падение Третьей республики. Малый договор между Францией и Италией 1914–1940), поддержанного Агентством поддержки исследований и развития; договор № APVV-0628-11.

Перевод статьи подготовлен в рамках проекта РГНФ № 16-01-14040.

Для цитирования: Кшинян М. «В единстве сила!». Штефаник и борьба за единство чехословацкого движения сопротивления в России в 1916–1917 годы // Запад – Восток. 2017. № 10. С. 104–118.

DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-104-118

В сентябре 1918 года чешский поэт и политик Ян Грмела в качестве представителя Франко-Чешской федерации Чешских соединенных штатов обратился к Святому Престолу. Власти Ватикана не знали, какую позицию следует занять по отношению

к этой организации, поэтому они вынуждены были обратиться в Архиепархию Парижа с просьбой предоставить им информацию о ней. Из Парижа им прислали достаточно пространственный и детальный ответ, в котором, помимо прочего, речь шла о том, что названная организация находилась в состоянии конфронтации с Чехословацким национальным советом (ЧСНС) – лидером чехословацкого движения сопротивления¹.

Эта же организация дважды обращалась в Министерство иностранных дел Великобритании. В первом обращении выражалась благодарность за признание чехов союзниками, а во втором содержалась жалоба на деятельность Масарика и Бенеша, которые, используя термин «чехо-словаки», подрывали единство нации, поскольку словаки, по их мнению, являлись лишь одной из ветвей чешской нации. Рассмотрев эти обращения и проконсультировавшись с Бенешем, Министерство заявило, что данная федерация состоит из «нежелательных лиц» и приняло решение не реагировать на полученные запросы².

Тем самым, к 1918 году международное положение ЧСНС было достаточно прочным и надежным, что часто воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Однако подобный международный статус ЧСНС не возник сам по себе, поскольку его представителям приходилось вести за него непримиримую борьбу. Вероятно, один из важнейших ее эпизодов в России относится к 1916–1917 годам.

В целом историю образования Чехословакии нельзя рассматривать как линейный процесс: в начале войны было сформировано чехословацкое сопротивление, которое в своей программе обращалось не только к соотечественникам за рубежом, но и к политикам Антанты, что впоследствии привело к образованию Чехословакии. Так, российский историк Е. Ф. Фирсов указывает на ошибочность гипотезы о том, что чехи и словаки спонтанно поддержали программу Масарика, утверждая, что это, скорее, результат деятельности Союза чехословацких обществ в России [6, s. 47–68].

Миссия Штефаника в России неоднократно являлась предметом изучения историков [1; 2; 6, s. 13–26; 8, s. 57–68; 12, s. 167–174], поэтому нам достаточно детально известна ее деятельность, о которой пойдет речь в первой части настоящей статьи. Во второй ее части, в духе теории мобилизации социального капитала Пьера Бурдьё, предпринимается попытка рассмотреть разногласия сторон в России в 1916–1917 гг. как борьбу двух групп. В заключение анализируются пропагандистские методы, к которым прибегали оба лагеря для дискредитации своих противников.

Для более полного понимания важности единства чехословацкого сопротивления проведем, используя сравнительно-исторический метод, его сопоставление с югославскими и польскими устремлениями в годы Первой мировой войны. Следует отметить, что поляки и югославы могли опираться на традиции государственности, которые были во многом более живыми по сравнению с чешскими. Поляки утратили свое государство в конце XVIII в., но, как сказал польский герой генерал Тадеуш Костюшко: «Польша уже нет, но поляки все еще существуют». В Западной Европе польский вопрос пользовался несравнимо большей популярностью уже во времена деятельности Адама Мицкевича, Луи Леже или в период создания Наполеоном Великого герцогства Варшавского.

Сербия накануне Первой мировой войны снова оказалась важным союзником православной России на Балканах. Конечно, нельзя ставить знак равенства между

¹ Sacra congregazione degli Affari ecclesiastici straordinari. Vatikan.

² The National Archives. Londýn.

«сербским» и «югославским» началами, однако нужно подчеркнуть, что сопротивление, которое в течение полутора лет вели сербские войска против австро-венгерских и немецких властей, приковывало к ним интерес мировой общестственности. Вместе с тем, югославское сопротивление осложнялось территориальными претензиями к Далмации, связанными с итальянскими интересами.

Как вспоминает Луиза Вайс, известная французская журналистка, суфражистка и сторонница чехословацкого сопротивления, чешский или чехословацкий вопрос в первые годы Первой мировой войны имел в Западной Европе одну исключительную «привилегию» – о нем вообще никто ничего не знал, безразличие к нему было всеобщим¹. Вот почему чехословацкое сопротивление должно было стать дееспособным и единым, без какой-либо внутренней мышины возни.

Чехословацкое сопротивление между Востоком и Западом?

В начале Первой мировой войны значительно активизировались чешские и словацкие противники Австро-Венгрии как в самой монархии, так и, прежде всего, за ее пределами. Эмигрантами создавались многочисленные организации, которые часто конфликтовали между собой. Когда же некоторые четко определенные структуры зарубежного сопротивления отсутствовали, необходимо было обеспечить руководство им. Томаш Гарриг Масарик надеялся, что сопротивление удастся объединить благодаря его личному влиянию. По его словам, именно два чешских депутата Рейхстага – собственно он и Йозеф Дюрих – представляли волю нации. Обществам соотечественников отводилась лишь вспомогательная роль.

Милан Растислав Штефаник, напротив, настаивал на создании представителями сопротивления центральной организации, полностью независимой от Обществ соотечественников [9, s. 28; 10, s. 162]. После переговоров с ведущими французскими политиками ему удалось добиться, чтобы движение имело своего представителя в Париже, и чтобы была разработана четкая чехословацкая программа, не противоречившая интересам Антанты². На пост представителя чехословацкого движения в Париже он рекомендовал Эдварда Бенеша, который в отсутствие Масарика мог бы его замещать³. В 1916 году создается центральный орган чехословацкого сопротивления – Национальный совет Чешских земель, переименованный впоследствии в Национальный чехословацкий совет, во главе с Т. Г. Масариком, его заместителем Дюрихом, генеральным секретарем Бенешем и словацким представителем Штефаником. Но взгляды членов этой организации на ее функции, компетенции и даже само существование расходились, что явилось одним из ключевых пунктов разногласий, возникших между Штефаником и Дюрихом в России в 1916–1917 годы.

Деятельность Дюриха после его прибытия в Париж вызывала крайнее недовольство как Бенеша, так и Штефаника. Так, Бенеш даже жаловался Масарику на его полную некомпетентность в политических вопросах⁴. Дюрих собирался приехать в Россию, где находилось значительное количество чешских и словацких пленных

¹ Weiss L. La République tchéco-slovaque. Paris, 1919. S. 157.

² Archiv Ústavu T. G. Masaryka (AUTGM), Praha. F. TGM, V. Šk. 292. Paríž. 21.7.1915. List L. Strimpla T. G. Masarykovi.

³ Vojenský ústřední archiv – Vojenský historický archiv (VÚA-VHA). Praha. F. ČSNR – Paríž. ČSNR III. Šk. 22. Došlá korespondencia T. G. Masaryka. Paríž. 14.1.1916. List Beneša Masarykovi.

⁴ Vojenský ústřední archiv – Vojenský historický archiv (VÚA-VHA). Praha. 28. F. ČSNR – Paríž. ČSNR III. Šk. 22. Došlá korespondencia T. G. Masaryka. Paríž. 18.5.1916. List Beneša Masarykovi.

и соотечественников, из которых он планировал организовать добровольные воинские части. Штефаник получил разрешение от французского правительства на выполнение своей миссии в России, носившей взаимодополняющий с миссией Дюриха характер. Французские власти подчеркивали, что как Штефанику, так и Дюриху следовало ориентироваться исключительно на военный характер своих миссий, что демонстрировало нежелание французов заниматься чехословацким вопросом на политическом уровне.

Под влиянием военных успехов России на полях сражений в первые годы войны, когда ее армия проникла в Словакию, многие чешские и словацкие политики, следуя логике, предполагали, что решающую роль в создании Чехословакии будет играть Россия. Однако и Масарик, и Штефаник рассчитывали также на поддержку западноевропейских государств. Следует в связи с этим разъяснить термины «прозападный» и «прорусский», которые часто используются для объяснения возникшей между Штефаником и Дюрихом конфликтной ситуации. Говоря о союзе России с западными державами, Штефаник полагал, что он должен был повлиять и на их совместную поддержку чехословацких устремлений; в своих беседах с представителями России он подчеркивал свою «пророссийскую ориентацию»^{1,2}.

ЧСНС в Париже также хотел полагаться на Россию, но не только на нее. Позиция врагов российских интересов отводилась им некоторыми сотрудниками российского Министерства иностранных дел (МИД), что затем часто использовалось в попытке их дискредитации³. Термины «пророссийский» и «прозападный», используемые в данном исследовании, нельзя противопоставлять друг другу, так как «прозападный» не значит «антироссийский». Об этом свидетельствует оказываемая Штефанику поддержка со стороны военных кругов, которые не стали бы поддерживать «антироссийских» представителей.

Бывший консул России в Будапеште Михаил Григорьевич Приклонский в момент приезда в Россию Дюриха занимал пост поверенного в делах австрийских славян в российском МИД. Еще до прибытия Масарика и Штефаника было принято решение минимизировать влияние Масарика в пользу Дюриха и других пророссийски настроенных лиц [11, s. 79]. Взгляды Масарика и Дюриха различались и в вопросе происхождения будущих чешских королей. Первый предпочитал британскую королевскую семью, второй отдавал приоритет Романовым [5, s. 53]. Однако Масарик считал неприемлемым такой вариант. Следует также отметить, что некоторые представители ЧСНС, возможно, по тактическим соображениям – с целью получения поддержки того или иного государства – в неофициальных беседах отдавали предпочтение династии того государства, в котором на тот момент проходила их деятельность.

Штефаник прибыл в Ставку 25 августа 1916 г. и вскоре получил поддержку российского начальника штаба генерала Михаила Васильевича Алексева. Однако МИД России, и в первую очередь Приклонский, всячески препятствовали проекту создания чехословацкой армии. Как пишет генерал Морис Жанен, начальник французской военной миссии в России, отношение Дюриха к подобного рода акциям оставалось

¹ Чешско-словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы. Т. 1. Чешско-словацкие воинские формирования в России. 1914–1917. М., 2013. С. 428.

² Данная публикация документов вносит существенный вклад в освещение проблемы формирования чехословацкого войска в России в годы Первой мировой войны.

³ Чешско-словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы. Т. 1. Чешско-словацкие воинские формирования в России. 1914–1917. М., 2013. С. 462–471.

весьма загадочным¹. Тем не менее было ясно, что без поддержки Министерства иностранных дел России и, следовательно, сотрудничества с Дюрихом, чехословацкому движению в России своих целей достичь не удастся. Набор чехословацких пленных и формирование чехословацких частей тормозились из-за разногласий в среде чешских и словацких организаций соотечественников, медлительности российской бюрократии, отсутствия заинтересованности российских органов, а также сопротивления на высоком уровне. Например, со стороны министра иностранных дел Бориса Владимировича Штюрмера, которого часто обвиняют в германофильстве; после Февральской революции он был арестован и умер в тюремной больнице².

Через несколько дней Штефаник отправился в Киев, где должен был разрешить споры между чешскими и словацкими организациями соотечественников в России, которые вызывали беспокойство у российских властей. Генерал Алексеев даже намеревался полностью лишить чехословацкие организации права проводить набор добровольцев, если они не сумеют договориться между собой. Штефанику удалось добиться примирения 28 августа 1916 г. подписанием так называемого Киевского соглашения, в котором признавалась руководящая роль Национального совета в Париже. Ее представителем в России был Дюрих, который тем самым стал представителем чехов и словаков в России³.

Как свидетельствуют архивные материалы, «благодаря действиям поручика Штефаника был восстановлен консенсус между различными организациями, личные и политические споры которых раздражали российские власти»⁴. Следует отметить чрезвычайную важность соглашения, поскольку оно признавало ведущую роль Национального совета в Париже в заграничном сопротивлении. Подпись под документом Густава Кошика, представителя Словацкой лиги в Америке, еще больше укрепила ее международное положение. Однако впоследствии Дюрих отказался от Киевского соглашения [10, s. 199].

Затем Штефаник отправился в Румынию, где из местных лагерей военнопленных рекрутировал добровольцев с целью формирования запланированных чехословацких воинских частей во Франции. Однако после своего возвращения в Россию он узнал, что Дюрих, независимо от Национального совета в Париже, создал Национальный совет в России, который местные власти не только финансировали, но даже утверждали его членов. Национальному совету Дюриха оказывала поддержку центральная организация соотечественников – Правление Союза чехословацких обществ в России, в то время как Штефаника поддерживали, скорее, соотечественники в Петрограде.

Штефаник провел серию встреч с ведущими членами чехословацких обществ в России, пытаясь убедить их разорвать связи с Дюрихом⁵. Он считал, что свои

¹ Vojenský ústřední archiv – Vojenský historický archiv (VÚA-VHA). Praha. F. ČSNR. ČSNR II. MRŠ. Šk. G. Q. G russe. 27/10.10.1916. Telegram generála Janina pre generála Pellého.

² Чешско-словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы. Т. 1. Чешско-словацкие воинские формирования в России. 1914–1917. М., 2013. С. 818; Janin M. Moje účast v československém boji za svobode. Praha. B. d. S. 26.

³ Vojenský ústřední archiv – Vojenský historický archiv (VÚA-VHA). Praha. F. ČSNR. ČSNR II. MRŠ. Šk. 6. Kyjev. 16/29.8.1916. Správa o zajatcích československéj akcie. № 9148.

⁴ Arhivele Naționale ale României. Bukurešť. CPC 1896–1918. Guerre 1914–1918. Autriche-Hongrie. Vol. 156. G. Q. G. russe. 3.9.1916. Informácie generála Janina adresované Jogaľ Paris. № 516–523.

⁵ Vojenský ústřední archiv – Vojenský historický archiv (VÚA-VHA). Praha. F. OČSNR – Rusko. Slovenský odbor. Šk. 77. Petrohrad. 5/18.2.1917. Rozhovor v hoteli Dagmar.

позиции в российском МИДе Дюриху удалось укрепить исключительно благодаря поддержке Правления Союза чехословацких обществ в России. Однако имелись и другие точки зрения.

Некоторые российские представители считали чехословацкий вопрос внутренней проблемой России, в то время как Штефаник – международной [7, s. 594]. Не было также ясно, как будут воевать чехословацкие части: в составе российской армии или в качестве самостоятельных единиц. Более того, генерал Алексеев требовал создания сначала чехословацкого войска в России, а затем, возможно, отправки его части во Францию; это и являлось одной из целей миссии Штефаника¹.

Разногласия между Штефаником и Дюрихом достигли такого накала, что в конце концов Дюрих назвал его австрийским шпионом. Защищая свою честь, Штефаник вызвал Дюриха на дуэль, однако благодаря Жанену она не состоялась. Вскоре Штефаник писал Бенешу: «Национальный интерес и честь заставили меня внезапно и окончательно порвать отношения с Дюрихом, который только что представил еще одно доказательство своей некомпетентности и коварства. Наша организация и окружение меня безоговорочно поддерживают, я же всего лишь пытаюсь умерить их энтузиазм. Было бы неплохо, если бы Национальный совет подтвердил свою со мной солидарность»^{2,3}. Так, Штефаник исключил Дюриха из Национального совета⁴. В это же время Дюрих написал Масарику объяснение своей позиции по данному вопросу с желанием убедить его в своей правоте, однако ответа не получил⁵.

Дюрих – депутат Аграрной партии, крупнейшего чешского политического объединения – утверждал, что он не может подчиняться представителю Реалистической партии с одним депутатом в Рейхстаге – Масарику. Штефаника и Бенеша он назвал самозванцами. Дюрих ссылался даже на поддержку других чешских политических партий и опровергал слухи о том, что может согласиться с созданием ЧСНС. Штефаник же продолжал утверждать, что Дюрих не получил карт-бланш от чешских политических деятелей и представителем нации за рубежом считал ЧСНС⁶.

Вопрос легитимности, разумеется, был ключевым, главным образом, с точки зрения доверия со стороны российского правительства и поддержки чешских и словацких соотечественников. Однако в конфликте Дюриха и Штефаника речь шла уже о борьбе за власть, в которой этот вопрос не являлся первостепенным. Объясняя причины исключения Дюриха, Штефаник подчеркивал необходимость единства чехословацкого сопротивления. Он утверждал, что Дюрих «... совершил тяжкий грех в отношении внутренней дисциплины, которая в сегодняшних условиях должна

¹ Чешско-словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы. Т. 1: Чешско-словацкие воинские формирования в России. 1914–1917. М., 2013. С. 448.

² «L'intérêt national et l'honneur m'ont obligé à rompre brusquement et à bout de ressources avec Dürich qui vient de donner des preuves nouvelles de son incapacité et de sa perfidie. Nos organisations et l'opinion me soutiennent fermement: je veille toutefois à canaliser leur enthousiasme. Il serait bon que le Conseil national me confirmât sa solidarité».

³ Service historique de la Défense – Département de l'armée de terre. Vincennes (далее SHD-DAT). Šk. 16. № 3017. Štefánik ov telegram Benešovi.

⁴ Arhivele Naționale ale României. Bukurešť. CPC 1896–1918. Guerre 1914–1918. Autriche-Hongrie. Vol. 156. Paris. 14.2.1917. Správa o situácii Čechov v Rusku. Folio 80.

⁵ Dürich J. V českých službách. V. n. 1921. S. 48.

⁶ Чешско-словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы. Т. 1. Чешско-словацкие воинские формирования в России. 1914–1917. М., 2013. С. 613–624, 688–692.

быть железной, если мы не хотим, нарушая единство, ослаблять вес и значение нашего международного положения»¹.

Февральская революция серьезно осложнила положение Дюриха, лишившегося поддержки МИД России. Новый министр был более расположен к Масарику. В ходе своего визита в Лондон Бенеш долго обсуждал с Масариком деятельность Дюриха и в итоге выразил полную поддержку Штефанику². Национальный совет Дюриха был распущен российским правительством 26 марта 1917 [3, s. 169]. Штефаник назначил Богумила Чернака представителем ЧСНС в России с секретарями Иржи Клецом и Иваном Марковичем, которые работали в этом составе вплоть до приезда в Россию Масарика³. III съезд Союза чехословацких обществ, собравшийся в начале мая 1917 г. в Киеве, поставил финальную точку на деятельности Дюриха и его сотрудников, полностью утративших поддержку соотечественников в России.

Мобилизация «социального капитала» Штефаника в борьбе за единство чехословацкого сопротивления

У Штефаника было большое количество знакомых и друзей, которых ему удавалось эффективно использовать для достижения своих целей. Для анализа и понимания этой ипостаси деятельности Штефаника можно использовать определение социального капитала, данное французским социологом Пьером Бурдьё; он охарактеризовал таковой как «...комплекс актуальных или потенциальных ресурсов, которые нацелены на овладение постоянной сетью более или менее институционализированных, известных обеим сторонам и признаваемых ими связей ...»^{4,5}. Бурдьё также указывает, что наличие сети связей не является естественной или общественной данностью, созданной раз и навсегда неким социальным актом; это результат деятельности. Она заключается в создании и поддержании постоянных и полезных связей, из которых можно получить материальные или символические выгоды. Иными словами, сеть связей является продуктом стратегии социальных инвестиций, которые сознательно или бессознательно ориентированы на создание и воспроизводство общественных отношений.

Рамки настоящей статьи не позволяют рассмотреть весь масштаб формирования, поддержания и мобилизации социального капитала Штефаника. Из всего этого концепта социального капитала Штефаник в России сосредоточился главным образом на его мобилизации. «Диапазон социального капитала, которым овладевает одно самостоятельное действующее лицо, зависит от масштаба сети связей, которые он сумеет эффективно мобилизовать, а также от объема капитала (экономического, культурного или символического), которым владеет каждый из участников этой сети ... Преимущества, полученные благодаря принадлежности

¹ Vojenský ústřední archiv – Vojenský historický archiv (VÚA-VHA). Praha. F. ČSNR. ČSNR II. MRŠ. Šk. 5. Petrohrad. 8.3.1918. O ČSNR, napsal M. R. Štefánik. Šk. 4. Paříž. Telegram E. Beneša Štefánikovi.

² Vojenský ústřední archiv – Vojenský historický archiv (VÚA-VHA). Praha.

³ Vojenský ústřední archiv – Vojenský historický archiv (VÚA-VHA). Praha. F. ČSNR. ČSNR II. MRŠ. Šk. 4. 6/19.3.1917. Mandát pre B. Čermáka.

⁴ «... l'ensemble des ressources actuelles ou potentielles qui sont liées à la possession d'un réseau durable de relations plus ou moins institutionnalisées d'interconnaissance et d'inter-reconnaissance...».

⁵ Bourdieu P. Le capital social. In Actes de la recherche en sciences sociales. Č. 31.1/1980. S. 2. URL: www.persee.fr

к одной группе, это основа солидарности, которая делает возможным ее существование. Однако это не значит, участники сознательно извлекают выгоду из этого...»^{1,2}.

Штефаник выступал против соотечественников еще до приезда в Россию. Например, в середине июня 1916 г., т. е. еще до спора Дюриха и Штефаника, парижский ежедневник «Le Matin» сообщал о контактах чешского поэта Яна Грмлы с испанским королем по вопросу осуждения Крамаржа. Штефаник заявил, что распорядится о его отправке в концентрационный лагерь, чтобы тот не смог компрометировать чешский вопрос за рубежом. По этому вопросу Дюрих обратился в испанское посольство с требованием, чтобы только аккредитованные им лица считались представителями чешской нации³.

В конфликте с Дюрихом Штефаник мог полагаться на многих своих сторонников. Одна из таких ключевых фигур – Морис Жанен, который, в частности, из-за наговоров Штафла поначалу не приветствовал приезд Штефаника^{4,5}, хотя вскоре безоговорочно поддержал его⁶. Конфликт этот нельзя назвать ординарным личным столкновением Штефаника и Дюриха. Штефаник и его последователи были убеждены в том, что Дюрих фактически находится под влиянием своего ужасного окружения, от которого его следовало оградить любой ценой. Речь шла здесь о противостоянии двух групп. Штефаник пытался дискредитировать и коллег Дюриха, с которыми тот приехал в Россию, а именно – Штафла, Цркала, а также других.

Еще до приезда Дюриха из Франции в Россию Бенеш попросил его не брать с собой Штафла и Цркала. Но тот его не послушал, поэтому Штефаник вовлек в игру все свои связи для их дискредитации. Жанен передал своему французскому руководству информацию о личной жизни Ивана Штафла, военного атташе Дюриха, которым якобы были недовольны в России, а генерал Алексеев даже настаивал на его отъезде. Поскольку Штафл был лейтенантом Французского иностранного легиона, генерал Жофре отозвал его из России⁷. В своем ответе Бенеш писал Масарику, что Штефаник наконец-то добился отъезда Штафла из России⁸.

Вернувшись из России, Штафл выбыл из Иностранного легиона, воспользовавшись, как лейтенант, своим на то правом. Окружение затем познакомило его с сербским атташе, который зачислил его в армию и отправил в Россию. Французы лишили его официальной миссии, однако наказывать, как об этом просил Масарик, не стали,

¹ «Le volume du capital social que possède un agent particulier dépend donc de l'étendue du réseau des liaisons qu'il peut effectivement mobiliser et du volume du capital (économique, culturel ou symbolique) possédé en propre par chacun de ceux auxquels il est lié. [...] Les profits que procure l'appartenance à un groupe sont au fondement de la solidarité qui les rend possible. Ce qui ne signifie pas qu'ils soient consciemment poursuivis comme tels...».

² Bourdieu P. Le capital social. In Actes de la recherche en sciences sociales. Č. 31.1/1980. S. 2. URL: www.persee.fr

³ Vojenský ústřední archiv – Vojenský historický archiv (VÚA-VHA). Praha. F. ČSNR. ČSNR II. MRŠ. Šk. 5. Poznámky Düricha. S. 5.

⁴ Arhivele Naționale ale României. Bukurešť. CPC 1896–1918. Guerre 1914–1918. Autriche-Hongrie. Vol. 156. G. Q. G russe. 18.8.1916. Telegram gén. Janina. № 449–452.

⁵ См. также: Janin M. Moje účast v československém boji za svobodu. Praha. B. d. S. 12.

⁶ Vojenský ústřední archiv – Vojenský historický archiv (VÚA-VHA). Praha. F. ČSNR. ČSNR II. MRŠ. Šk. 6, G. Q. G russe. 27/10.10.1916. Generál Janin pre generála Pellého.

⁷ Janin M. Moje účast v československém boji za svobodu. Praha. B. d. S. 25.

⁸ Archiv Ústavu T. G. Masaryka (AUTGM). Praha. F. EB IV/1. ČSNR. R 367/ B3. Šk. 134. Inv. č. 324. Paříž, 6.10.1916. List Beneša Masarykovi.

не желая вмешиваться во внутренние чехословацкие дела [7, s. 603]. Тем самым социальный капитал Штефаника продемонстрировал свои явные лимиты.

Штефаник пользовался внушительной поддержкой французских властей, например, военное ведомство сообщало из Парижа Жанену, что в споре с Дюрихом он должен безоговорочно поддерживать Штефаника¹. Но эту поддержку нельзя воспринимать как нечто само собой разумеющееся. Несмотря на требование Жанена, посол Франции в России Морис Палеолог не стал поддерживать Штефаника², даже настаивая на его отзыве [7, s. 609]. Тем не менее Штефаник мог рассчитывать на поддержку послов Италии и Великобритании³.

Не обошлось без проблем и внутри чехословацкого триумvirата. Когда Бенеш и Штефаник потребовали от Масарика вмешаться и просить о поддержке миссии Штефаника посла России в Риме Михаила Гирса, а также премьер-министра Франции Аристиды Бриана, Масарик отказался⁴. В конечном же счете Масарик письменно ходатайствовал о Штефанике перед вышеназванными политиками [7, s. 587].

После удаления Штафла Жанен написал военному министру Франции, что теперь на очереди Людовит Штерн, который предоставил Дюриху кредит для обеспечения своей миссии. Жанен утверждал, что для обеспечения военной миссии достаточно Штефаника⁵ и неоднократно информировал французских военных представителей о нежелательных действиях Штерна, а также акцентировал его негативный имидж в глазах царя^{6, 7}. Генерал Алексеев передал Штерна под наблюдение российской контрразведки. Но со своей стороны Париж официально инструктировал Жанена, чтобы тот был осторожнее со Штерном, поскольку у того в городе на Сене имелись весьма влиятельные знакомые.

Вторым на очереди оказался Вилуш Цркал, сотрудник Сватоплука Коничка-Горского, который пытался создать во Франции пророссийски ориентированную организацию сопротивления; этот план ему не удалось реализовать [8, s. 134]. По словам Масарика, его нужно было любой ценой изолировать от Дюриха, который о нем якобы весьма нелестно высказывался [7, s. 598]. Когда Штефанику не удалось его нейтрализовать, он пытался, по крайней мере, дискредитировать его. Бенеш писал: «Не мог бы Осуский позаботиться о том, чтобы Цркал получил по носу в американских журналах? Следующим на очереди будет Дюрих»⁸.

Франтишек Крал, впоследствии член Национального совета Дюриха, в сентябре 1916 г. находился проездом в Бухаресте и уже тогда пытался установить

¹ Service historique de la Défense – Département de l'armée de terre. Vincennes (далее SHD-DAT). Šk. 16 N 3017. Paris, 16.2.1917. Telegram ministra vojny pre náčelníka francúzskej vojenskej misie. № 328.

² Janin M. Moje účast v československém boji za svobodu. Praha. B. d. S. 43.

³ Ibid. S. 44, 49.

⁴ Archiv ministerstva zahraničných věcí České republiky. Praha. SA-EB. Šk. 1. Inv. č. 2. Rukopisy – chronologický přehľad udalostí.

⁵ Vojenský ústřední archiv – Vojenský historický archiv (VÚA-VHA). Praha. F. ČSNR II. M. R. Štefánik. Šk. 6. G. Q. G. russe. 10.9.1916. Telegram generála Janina ministrovi vojny. № 386.

⁶ Arhivele Naționale ale României. Bukurešť. CPC 1896–1918. Guerre 1914–1918. Autriche-Hongrie. Vol. 156. G. Q. G. russe / 3.9.1916. Informácie generála Janina adresované Jogał Paris. № 516–523.

⁷ См. также: Arhivele Naționale ale României. Bukurešť. CPC 1896–1918. Guerre 1914–1918. Autriche-Hongrie. Vol. 156. G. Q. G. russe. 18.8.1916. Telegram generála Janina. № 449–452.

⁸ Archiv Ústavu T. G. Masaryka (AUTGM). Praha. F. E. Beneš IV/2. Inv. č. 2979. Bez dátumu a miesta. List Štefánika Benešovi.

контакты с Дюрихом¹. Штефаник незамедлительно отреагировал, проинформировав МИД Франции: «Господин Штефаник, член Чешского национального совета, проинформировал меня о том, что у г-на Крала нет никакого мандата от этого Совета и что его следует держать под контролем во время пребывания в Париже. Штефаник считает его склонным к проавстрийским импульсам, орудием которых являлся Людовит Штерн»². Подобного рода обвинения могли иметь вполне реальные последствия. Например, Крала, обвиненного впоследствии в шпионаже и связях с российским генералом Алексеем Алексеевичем Брусилковым, арестовали, но относительно быстро освободили³. Болгарские власти, в свою очередь, считали Крала российским шпионом, передав информацию об этом в австро-венгерские инстанции⁴.

Но и другая сторона тоже не отставала от подобного рода акций. Штефаник находился под пристальным наблюдением российской секретной службы, и можно предположить, что именно Дюрих или, точнее, его сторонники приложили к этому руку. Штефаник даже жаловался, что ночью кто-то вошел в комнату, усыпил его неизвестным веществом и обыскал вещи. Но архивы о подобного рода происшествиях хранят молчание⁵.

Ключевым союзником Штефаника в споре с Дюрихом был, несомненно, генерал Жанен, который о себе не совсем скромно утверждал: «С полным основанием могу признать, что активно поддерживал его; если бы не я (это мнение Алексея и офицеров из Ставки), он не вышел бы из этого положения, учитывая враждебность, с которой он сталкивался, но я был единственным, кто его поддерживал. Теперь все уже идет полным ходом и, благодаря доверию, которым я пользуюсь у Алексея, а также благодаря покровительству Николая II, который назвал меня «своим другом», возможно, с Божьей помощью, все получится»⁶. Но не следует забывать о поддержке многих соотечественников в России, а также об Эдварде Бенеше, которую ему гарантировало прежде всего отстаивание общих интересов, то есть сохранение лидирующей позиции парижской ЧСНС в чехословацком сопротивлении.

Однако Штефаник прибегал не только к исключительно жестким методам для обеспечения столь необходимого единства и дисциплины в чехословацком заграничном движении. Своих сотрудников он выбрал из людей, которые представляли определенную часть зарубежных соотечественников. Например, Густав Кошик являлся его посредником, обеспечивая сохранение благосклонности американских словаков, в первую очередь католиков. «Я стараюсь пробудить к нему [Кошику] доверие, поскольку с его помощью мы привлекаем на свою сторону всю словацкую католическую церковь, у которой нет лучшего сотрудника. Ведь своими лекциями он проделал среди словаков часть важной работы. Тем не менее, безоговорочно ставку на него я не делаю. В принципе он неплох, но оравлен клерикальной

¹ Arhivele Naționale ale României. Bukureșt'. CPC 1896–1918. Guerre 1914–1918. Autriche-Hongrie. Vol. 156. Bukureșt', 3.9.1916. Telegram Saint-Aulaira ministerstvu zahraničným vecí. № 349.

² Arhivele Naționale ale României. Bukureșt'. 8. Vol. 153. Bukureșt', 19.10.1916. Telegram Saint-Aulaira ministerstvu zahraničným vecí. № 517.

³ Чешско-словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы. Т. 1. Чешско-словацкие воинские формирования в России. 1914–1917. М., 2013. С. 689.

⁴ Archives du ministère des Affaires étrangères (AMAE). Paris. Arhivele Naționale ale României. Bukureșt'. Mikrofilmy. Cehoslovacia. Inv. č. 1903. Mikrofilm 5. Sofia, 9.5.1916. List rakúsko-uhorského konzulátu.

⁵ Государственный архив Российской Федерации. Москва (ГАРФ). Ф. 111. Оп. 5. Ед. хр. 671.

⁶ Janin M. Moje účast v československém boji za svobode. Praha. B. d. C. 48.

атмосферой. Он еще будет раздражать, но это ничего. Если же он станет представлять опасность, его будет легко сломить»¹.

Дискредитация противников

Дискредитация политических противников – один из компонентов политики периода Первой мировой войны. Как правило, целью нападок являлась личная жизнь, но представители чехословацкого сопротивления чаще всего связывали деятельность своих оппонентов с самым большим их политическим врагом – Австро-Венгрией. Подобную практику можно наблюдать и во времена проходивших в России споров.

Штефаник утверждал о Дюрихе: «В течение длительного времени он пребывал в Швейцарии, где вел себя совершенно неподобающим образом, скандалил, встречался с женщинами, чьи имена внесены в списки полиции, а некоторые из них известны как австрийские шпионки; Дюрих сообщал им все, что знал о нашем движении»². Сообщество соотечественников в России нельзя рассматривать изолированно. Хотя этот спор происходил в основном в России, он резонировал также в Соединенных Штатах, поскольку два землячества были связаны между собой. В ответ на это обвинение Штефаника дочь Дюриха Блажена рассказывала, что единственной причиной, почему она не убила Штефаника, является то, что в Нью-Йорке ей не удалось раздобыть револьвер³.

Она написала Штефанику письмо: «Если вы, господин, настолько низко пали, что в форме французского офицера посмели унижать самой бесстыдной ложью честь моего высоко чтимого и всем чешским народом единодушно направленно за границу отца, если вы настолько подлы и настолько трусливы, что в форме французского офицера в отсутствие 70-летнего человека и моего дорогого отца публично обвинили его в изворотливости и в связях с продажными женщинами, то я выражаю Вам, господин, свое глубокое презрение»⁴.

Карел Горски, зять Дюриха, опубликовал в США брошюру «Народ Дюриха и общество Бенеша», в которой представлена точка зрения лишь первого. Споры Горского с Бенешем датируются по меньшей мере 1916 годом [3, s. 142]. Публикация вызвала такие сильные эмоции, что во время одной из встреч Чешской Национальной ассоциации сторонники двух групп даже передрались друг с другом. Соратник Штефаника Фердинанд Писецкий прочел серию лекций по данному вопросу с тем, чтобы свести к минимуму впечатления от брошюры Горского, а заодно и поддержку Дюриха⁵. Упомянутая в начале статьи Франко-чешская федерация Чешских соединенных штатов посредством многих лиц поддерживала связи с Дюрихом.

В Соединенных Штатах Америки Штефаник, пришедший туда в 1917 году, точно так же объяснял причины исключения Дюриха. Его сотрудник Штерн получал

¹ Archiv Ústavu T. G. Masaryka (AUTGM). Praha. AUTGM. F. E. Beneš. Zložka IV/2. Inv. č. 2979. New-York, 22.7.1917. List Štefánika pre Masaryka a Beneša.

² Slovenský národný archív (SNA). Bratislava. OF: M. R. Štefánik. Šk. 45. Inv. č. 1185. Príhovor M. R. Štefánika z 1.7.1917. S. 3–4.

³ Slovenský národný archív (SNA). Bratislava. Šk. 44. Inv. č. 1183. War department. Office of the chief in Staff. Memorandum for Major Requin.

⁴ Vojenský ústřední archiv – Vojenský historický archiv (VÚA-VHA). Praha. F. ČSNR. ČSNR II. MRŠ. Šk. 4. New York, 4.7.1917. List Bláži Dyřichovej Štefánikovi.

⁵ Archiv Ústavu T. G. Masaryka (AUTGM). Praha. F. E. Beneš. Zložka IV/2. Inv. č. 2979. New-York, 22.7.1917. List Štefánika pre Masaryka a Beneša.

финансирование якобы от французских проавстрийских евреев. Те будто бы предлагали и Штефанику 250000 франков, а Бенешу – 20000, но они от этих сумм, в отличие от Дюриха, отказались. По словам Штефаника, Дюрих вел с ними секретные переговоры, а также тайно получил от них деньги¹. Очевидно, что с помощью этой информации Штефаник собирался подорвать позиции Дюриха. Помимо скандала речь идет также об акцентировании его связей с проавстрийскими силами. Следует отметить и разницу между суммами, которые предлагались Бенешу и Штефанику; этим Штефаник, несомненно, хотел подчеркнуть свою значимость. В итоге финансирование деятельности Дюриха явилось одним из важнейших аргументов в пользу его исключения из ЧСНС. Можно сказать, что представители ЧСНС настаивали, что деятельность сопротивления должны обеспечивать финансами исключительно чехи и словаки, а не союзнические правительства.

Со своей стороны точно так же поступали и противники ЧСНС в Париже. Некоторые российские структуры распространяли слухи о Масарике, называя его австрийским шпионом². Штефаник в письме министру иностранных дел России Николаю Николаевичу Покровскому пытался опровергнуть обвинения в якобы антироссийских настроениях Масарика, подчеркивая, что тот навсегда останется гордым славянином³. Помимо этого, нужно было опровергать и приписывавшееся Масарику украинофильство. Распространялись также слухи о том, что якобы посол России в Париже приписывал Бенешу антироссийские настроения, называл его фанатичным социалистом, что, разумеется, не соответствовало действительности, однако в идеологической борьбе сослужило свою службу. Бенеш, в свою очередь, попытался повлиять на российского посла в Париже Александра Петровича Извольского и российского журналиста Всеволода Петровича Сватковского, чтобы они передавали в Петроград информацию в благожелательном для ЧСНС ключе [7, s. 594, 601, 604].

Точно так же Штефаника обвиняли в русофобстве и франкофильстве, а Дюрих, в свою очередь, называл большинство членов филиала ЧСНС в России проавстрийски настроенными⁴. Аналогично вели себя и сотрудники Дюриха – Крал и Конишек, пытаясь привлечь на свою сторону сотрудников из петроградской группы. Они утверждали: кто не пойдет с ними, тот «австрияк и шпион» [6, s. 60].

Единство Сопротивления обеспечивалось в основном Бенешем и Штефаником. Действительно, позиции Дюриха были подорваны, главным образом, в результате Февральской революции, когда российское правительство перестало его поддерживать. Однако все же было чрезвычайно важно получить широкую поддержку соотечественников в России, а также в Соединенных Штатах, что потребовало от Штефаника максимальной мобилизации социального капитала и использования скандальных деталей против своих оппонентов. Хотя речь шла иногда о сравнительно жестких методах, которые многим чешским и словацким соотечественникам не нравились, Масарик, Бенеш и Штефаник ставили перед собой главную цель: объединить чехословацкое движение, разумеется, под своим руководством

¹ Slovenský národný archív (SNA). Bratislava. SNA. OF: M. R. Štefánik. Šk. 45. Inv. č. 1185. Príhovor M. R. Štefánika z 1.7.1917. S. 4.

² Mlynárik J. Cesta ke hvězdám a svobodě. b. m., 1991. S. 186.

³ Чешско-словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы. Т. 1. Чешско-словацкие воинские формирования в России. 1914–1917. М., 2013. С. 622.

⁴ Там же. С. 638, 691–692.

и в соответствии со своими убеждениями, причем в большинстве случаев предпочитая переговоры, убеждения, а при необходимости и закулисные приемы.

Одна из важнейших целей миссии Штефаника – объединение чехословацкого движения в России. В течение длительного времени они не решались предать огласке информацию об исключении Дюриха из ЧСНС, поскольку протесты общественности и конфликты могли расшатать позиции этой организации. Это является еще одним доказательством прочности позиции Дюриха среди чехов и словаков в России. Однако по мере обострения ситуации Бенеш и Штефаник перешли к исключительно бескомпромиссным методам¹. Масарик сначала не поддерживал идею создания ЧСНС, но события в России убедили его в значимости этой структуры и по существу кристаллизовали его ведущее положение в зарубежном сопротивлении во главе с Масариком, Бенешем и Штефаником.

Перевод со словацкого Э. Г. Задорожнюк

Список литературы

1. Милан Растислав Штефаник. Новый взгляд / отв. ред. В. В. Волков. Мартин, 2001.
2. Фирсов Е. Ф. Т. Г. Масарик в России и борьба за независимость чехов и словаков. М., 2012.
3. Dejmek J. Edvard Beneš: politická biografie českého demokrata I. Praha, 2006.
4. Ferenčuhová B. M. R. Štefánik a československé vojsko v Rusku (s dôrazom na roky 1916–1917) // Milan Rastislav Štefánik a česko-slovenské zahraničné vojsko (légie). Ed. by. B. Ferenčuhová. Bratislava, 2014.
5. Fic V. M. Československé legie v Rusku a boj za vznik Československa I. Praha, 2006.
6. Firsov J. F. Boj za orientáciu českého a slovenského národnooslobodzovacieho hnutia v Rusku v rokoch 1915–1917. *Historický časopis*. 1995. Roč. 43. Č. 1.
7. Hájková D., Šťoviček I., Nováčková H. Edvard Beneš a Milan R. Štefánik – svědectví jejich dopisů // Sborník archivních prací. 2004. Roč. 54. Č. 2.
8. Holec R. M. R. Štefánik a problémy česko-slovenského odboja v Rusku // Generál dr. Milan Rastislav Štefánik – vojak a diplomat. Zborník príspevkov z vedeckej konferencie v Bratislave 4–5 mája 1999. Eds. M. Hronský, M. Čaplovič. Bratislava, 1999.
9. Neville P. Eduard Beneš and Tomáš Masaryk. Czechoslovakia. London, 2010.
10. Pichlík K. Bez legend. Praha, 1991.
11. Pichlík K., Klípa B., Zabludilová J. Českoslovenští legionáři (1914–1920). Praha, 1996.
12. Serapionova J. P. Dokumenty ruských archivů o Milanovi Rastislavovi Štefánikovi // Milan Rastislav Štefánik v zrkadle prameňov a najnovších poznatkov historiografie. Eds. M. Čaplovič, B. Ferenčuhová, M. Stanová. Bratislava, 2010.

Поступила 20.09.2017; принята к публикации 20.10.2017

Кшинян Михал, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории Словацкой академии наук, г. Братислава, Словацкая Республика, *michal.ksinan@savba.sk*

¹ Klimek A. Beneš a Štefánik // Sborník k dějinám 19. a 20. století. 12. 1991. S. 42–43.

**“THERE IS POWER IN UNITY!”.
STEFANIK AND THE STRUGGLE FOR THE UNITY
OF THE CZECHOSLOVAK RESISTANCE MOVEMENT IN RUSSIA IN 1916–1917**

Michal Kšíňan

In the article the author deals with the mission of Milan Rastislav Štefánik in Russia in the years 1916–1917; its main aim was to get a permission of the Russian Government to recruit Czech and Slovak prisoners of war into the emerging Czechoslovak Army in France and later also for Czechoslovak Army in Russia. During the mission, Štefánik was to collaborate with a Reichs-Member of Parliament and a president of the Czechoslovak National Council Josef Dürich. However, he got into arguments with him soon, because Dürich got under an influence of the Russian Government what was in contrary with the principles of the Czechoslovak National Council: this body stressed its own independence. In the end, it was mainly the February Revolution in Russia (1917), which tipped the balance in Štefánik's favour. It's understandable that it was not an argument of two persons only but whole groups. In the article, it is in detail described, how Štefánik made use of his social capital in order to discredit persons from the Dürich's environment; in this respect, he was relatively successful. In this argument, he could lean on the General Maurice Janin, the chief of the French military mission in Russia, but also on French diplomats, Czech and Slovak collaborators or Russian military representatives. In the article the author deals with common practices used to discredit one's political adversaries.

Keywords: Milan Rastislav Štefánik, Josef Dürich, Maurice Janin, Edvard Beneš, social capital, Czechoslovak resistance during WWI, political discredit, East, West, Czechoslovakia, Russia.

Acknowledgements: this article was prepared in the framework of the project VEGA 2/0135/15 “Vítazstvo a pád Tretej republiky. Malá dohoda medzi Francúzskom a Talianskom 1914–1940”, supported by the Agency for the Support of Research and Development; Contract no. APVV-0628-11.

The article was translated in the framework of the project of the Russian State Humanitarian Fund № 16-01-14040.

Citation for an article: Kšíňan M. “There is power in unity!”. Štefánik and the struggle for the unity of the Czechoslovak movement resistance in Russia in 1916–1917. *West–East*. 2017, no. 10, pp. 104–118.
DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-104-118

References

1. Milan Rastislav Štefánik. *Novyj vzglyad [A New Look]*. Ed. by V. V. Volkov. Martin, 2001. (In Russ.)
2. Firsov E. F. T. G. Masarik v Rossii i bor'ba za nezavisimost' chekhov i slovakov. [Masaryk in Russia and the struggle for independence of Czechs and Slovaks]. Moscow, 2012. (In Russ.)
3. Dejmek J. Edvard Beneš: politická biografie českého demokrata I. Praha, 2006.

4. Ferenčuhová B. M. R. Štefánik a československé vojsko v Rusku (s dôrazom na roky 1916–1917) [R. Štefánik and the Czechoslovak Army in Russia (with emphasis on 1916–1917)]. *Milan Rastislav Štefánik a česko-slovenské zahraničné vojsko (légie)* = Milan Rastislav Štefánik and the Czech-Slovak Foreign Army (Legions), ed. By. B. Ferenčuhová. Bratislava, 2014. (In Slovak)
5. Fic V. M. Československé legie v Rusku a boj za vznik Československa [Czechoslovak Legion in Russia and Struggle for the Origin of Czechoslovakia Czechoslovak Legion in Russia and Struggle for the Origin of Czechoslovakia]. I. Praha, 2006. (In Czech.)
6. Firsov J. F. Boj za orientáciu českého a slovenského národnooslobodzovacieho hnutia v Rusku v rokoch 1915–1917 [Fight for Orientation of the Czech and Slovak National Liberation Movement in Russia in 1915–1917]. *Historický časopis* = Historical magazine, 1995. Roč. 43. Č. 1. (In Slovak.)
7. Hájková D., Šťovíček I., Nováčková H. Edvard Beneš a Milan R. Štefánik – svědectví jejich dopisů [Edvard Beneš and Milan R. Štefánik - the testimony of their letters]. *Sborník archivních prací* = Collection of archive works, 2004. Roč. 54. Č. 2. (In Czech.)
8. Holec R. M. R. Štefánik a problémy česko-slovenského odboja v Rusku [Štefánik and problems of Czech-Slovak resistance in Russia]. *Generál dr. Milan Rastislav Štefánik – vojak a diplomat. Zborník príspevkov z vedeckej konferencie v Bratislave 4.–5. mája 1999* = General dr. Milan Rastislav Štefánik – soldier and diplomat. Proceedings of the Scientific Conference in Bratislava 4–5 May 1999, eds. M. Hronský, M. Čaplovič. Bratislava, 1999. (In Slovak)
9. Neville P. Eduard Beneš and Tomáš Masaryk [Eduard Beneš and Tomas Masaryk]. Czechoslovakia. London, 2010. (In Czech.)
10. Pichlík K. Bez legend [No legends]. Praha, 1991. (In Slovak)
11. Pichlík K., Klípa B., Zabloudilová J. Českoslovenští legionáři (1914–1920) [Czechoslovak Legionnaires (1914–1920)]. Praha, 1996. (In Czech.)
12. Serapionova J. P. Dokumenty ruských archivů o Milanovi Rastislavovi Štefánikovi [Documents of the Russian Archives about Milan Rastislav Štefánik]. *Milan Rastislav Štefánik v zrkadle prameňov a najnovších poznatkov historiografie* = Milan Rastislav Štefánik in the mirror of the sources and the latest knowledge of historiography, eds. M. Čaplovič, B. Ferenčuhová, M. Stanová. Bratislava, 2010. (In Slovak)

Submitted 20.09.2017; revised 20.10.2017

Michal Kšíňan, Mgr., Ph. D. (History), Research Fellow, Institute of History, the Slovak Academy of Sciences, Bratislava, Slovak Republic, michal.ksinan@savba.sk

УДК 9.94

ПАДЕНИЕ ЦАРИЗМА В РОССИИ НА СТРАНИЦАХ СЛОВАЦКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ЗА ФЕВРАЛЬ – МАРТ 1917 ГОДА**Л. Гарбульова**

Окончание правления династии Романовых стало событием, получившим широкое международное освещение. До марта 1917 года сообщения из России появлялись с большей или меньшей интенсивностью и периодичностью на страницах европейской печати. Не стала исключением Словакия и ее тогдашние периодические издания. Из анализа словацкой периодики рассматриваемого периода следует, что из множества словацких периодических изданий, выходящих в 1917 г., на российские революционные события реагировали следующие: «Slovenské noviny», «Slovenský týždenník», «Robotnícke noviny» и «Slovenské ľudové noviny». Если «Slovenský týždenník» и «Slovenské ľudové noviny» сообщали об этих событиях только общие сведения, то «Slovenské noviny» и «Robotnícke noviny» систематически уделяли внимание развитию ситуации в России. В течение всего марта 1917 г. данную проблематику освещали прежде всего «Slovenské noviny», где было больше всего материалов. Словацкие периодические издания информировали не только о напряженной ситуации в Петрограде и Москве, но и сообщали о постепенном формировании русской послеоктябрьской политической сцены. Оценивая словацкую печать февраля-марта 1917 г., можно констатировать, что в Словакии февральские события интерпретировались как переломные, как революция, которая принесла России коренные изменения.

Ключевые слова: царизм, Россия, революция, февраль 1917 г., Словакия, периодика 1917 года.

Благодарность: статья переведена в рамках проекта РГНФ № 16-01-14040.

Для цитирования: Гарбульова Л. Падение царизма в России на страницах словацкой периодической печати за февраль – март 1917 г. // Запад – Восток. 2017. № 10. С. 119–126.

DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-119-126

События Первой мировой войны значительно повлияли, кроме всего прочего, и на развитие внутривнутриполитической ситуации в России. Они ускорили начало экономического, социального и политического кризиса в стране, приведя царскую Россию к революции 1917 года.

Революционным событиям предшествовали не только поражения русской армии на фронте весной-летом 1915 г., но и глубокий, вступивший в свою острую фазу с 1915 г. внутривнутриполитический кризис, а также стихийное забастовочное движение в Петрограде в течение 1916 года.

Во второй половине февраля 1917 г. в Петрограде начались уличные беспорядки и демонстрации, которые постепенно приобрели массовый характер и переросли во всеобщую забастовку. Девять дней на переломе февраля-марта 1917 г. (23 февраля – 3 марта) решили судьбу проигравшего русского царизма и привели к победе революционных сил, которые были представлены Временным правительством и Советами. Падение царизма и формирование двоевластия было прямым следствием Февральской революции.

Окончание правления Романовых в России стало событием, которое, несмотря на военное время в Европе и мире, получило широкое международное освещение. С февраля по март 1917 г. новости из России звучали на страницах европейской печати с большей или меньшей интенсивностью и периодичностью. Не была исключением и Словакия со своей периодикой.

Первые новости о революционных событиях в России принесли словацкие газеты от 15 и 16 марта 1917 г. «Slovenské noviny» («Словенские новости») ¹ в сообщении под названием «Голодные бунты в России» ² информировали о волнениях из-за голода, которые вспыхнули в Петрограде и Москве. «Slovenský týždenník» («Словенский тижденник») ³ от 16 марта 1917 г. в статье «Волнения в России» ⁴ следующим образом описывал ситуацию в Петрограде в этот период: «Полиция якобы совершенно бессильна против народа, разграбляющего продовольственные магазины, а армия братается с народом и воспротивилась выступить против него. Связан ли как-то с этими волнениями царский указ о Думе и Государственном совете из очень цензурируемых русских журналов не представляется возможным выяснить» ⁵.

Наибольшее внимание событиям в России уделила ежедневная газета «Словенские новости». В отличие от остальных словацких периодических изданий газета делала акцент на непростой и напряженной ситуации в царской России еще в начале 1917 года ⁶. Статья «Обстановка в России» описывала российскую политическую сцену следующим образом: «Русский парламент, известный под названием Дума, перед войной имел небольшое значение. Русский абсолютизм не позволял развиваться русскому парламенту. Правительство распускало Думу в любой момент, когда та становилась для него неудобной. Но сейчас, когда мировая война взвалила на правящие круги тяжелое бремя ответственности, они делят ее с Думой, члены которой все-таки ближе стоят к русскому народу и могут оказывать на народ влияние сильнее, чем чиновничья Россия, которая только насильем реализовывала свою волю. Чем дольше будет продолжаться кровавая борьба на мировом театре военных действий, тем больше будет расти опасная неразбериха внутри России» ⁷.

С 15 марта 1917 года «Словенские новости» ежедневно, в течение всего месяца, давали в печать сообщения информагентств и собственные комментарии о ходе

¹ «Словенские новости» – ежедневная газета о политике, общественной жизни, промышленности и сельском хозяйстве. Выходила в Будапеште с 1885 году. Главный редактор – Адольф Пехань.

² Vzbury pre hlad v Rusku // Slovenské noviny. 15.3.1917. Roč. 32. Č. 60. S. 3.

³ «Словенский тижденник» («Словацкий еженедельник») – выходил с 1902 г. в Будапеште. Собственник и издатель – Будапештское издательское общество.

⁴ Nepokoje v Rusku // Slovenský týždenník. 16.3.1917. Roč. 15. Č. 11. S. 2.

⁵ Ibid.

⁶ Pomery v Rusku // Slovenské noviny. 13.1.1917. Roč. 32. Č. 9. S. 1.

⁷ Ibid.

революционных событий в России. Газета первой из словацких изданий информировала о начале Февральской революции в Петрограде: «Революционеры взяли под контроль все правительство и местный военный гарнизон, 30 000 человек присоединилось к революционерам. Большие толпы рабочих перемещались по городу и кричали: “Долой царя! Хотим мира!”»¹. 17 марта 1917 года газета опубликовала статью «Русская революция», в которой давалось следующее описание событий: «Волнения и беспорядки, неуспехи на фронтах прочили революцию. Взрыв был ожидаем, но не такого масштаба. Предполагалось, что в Думе прозвучат резкие речи против правительства и огонь возмущения потухнет в уличных стычках. Но недовольство и возмущение в России было намного более глубоким, чем можно было предвидеть из цензурированных сообщений о российской действительности»². В заключении статьи авторы размышляли о значении и последствиях Февральской революции: «В данный момент невозможно еще предвидеть дальнейшие последствия русской революции, но и само по себе то обстоятельство, что царь отрекся от престола, свидетельствует о том, что Россия вытолкнута на путь больших внутренних преобразований»³. В следующие дни газета опубликовала состав нового русского правительства князя Львова⁴ и представила также отрывки из его программной декларации, причем редакция подчеркивала, что основой политики нового правительства будет «свобода слова, печати, общественной жизни, права собраний и забастовок, созыв законодательного собрания на основе всеобщего избирательного права, которое сформирует правительство и примет конституцию, обычные выборы будут производиться на основе всеобщего избирательного права...»⁵. На страницах этих газет появились также замечания о том, как внутриполитические перемены воспримут простые русские люди и военные, которые сражались за царя, но прежде всего как их примет православная церковь, высшие круги которой были «консервативно и реакционно стоящими в правой оппозиции тому, что новое правительство обещает в своей программе»⁶. В период с 21 по 31 марта 1917 г. «Словенские новины» регулярно публиковали новостные сообщения о переменах в России. Они выходили под рубрикой «Переворот в России». «Словенские новины» доносили до своих читателей информацию не только о деятельности Временного правительства, но и рассказывали о позиции другой самой главной политической силы в России – Советах. 24 марта 1917 года газета опубликовала воззвание русских социалистов-революционеров к рабочим, в котором утверждалось, что война ведется не в интересах народа и необходимо начать переговоры о мире. Также в воззвании содержался следующий призыв: «Рабочие! Вы – творцы русской революции. Ваша кровь потоками проливалась за то, чтобы уничтожить и арестовать угнетателей народа. Но вас опять обманули. Вы хотите хлеба, свободы и мира. Хлеба получаете меньше, чем раньше, мир отодвинут в далекое будущее, а гарантии свободы только пустые обещания. Рабочие, не верьте обещаниям обывателей, обыватель стремится только к тому,

¹ V Petrohrade vypukla revolúcia. Revolučné hnutie v Petrohrade // Slovenské noviny. 16.3.1917. Roč. 32. Č. 61. S. 1–2.

² Ruská revolúcia // Slovenské noviny. 17.3.1917. Roč. 32. Č. 62. S. 1.

³ Ibid.

⁴ Revolučná vláda v Rusku // Slovenské noviny. 18.3.1917. Roč. 32. Č. 63. S. 1.

⁵ Zmena na ruskom tróne // Slovenské noviny. 20.3.1917. Roč. 32. Č. 64. S. 1.

⁶ Ibid.

чтобы добытая вашей кровью победа стала залогом его успехов»¹. Воззвание было направлено против Временного правительства и демонстрировало различие в программах главных политических сил России.

Поляризация российской политической сцены отмечалась также в статье под названием «Обстановка в России»², в которой были обозначены первые проблемы внутри Временного правительства, а также и сдвиги в борьбе за власть в России: «Сначала лозунгом было “расширение конституционных прав”. Партия социал-демократов требует власти, требует изменения формы государственного устройства, требует преобразования монархии в республику. Для достижения этих целей она использует любой удобный случай для давления, в первую очередь забастовки рабочих. Республиканские идеи всегда сильнее распространяются и находят своих сторонников... Временное правительство должно бороться само с собой, не принимая во внимание те большие осложнения, с которыми встречается его администрация»³. В заключении статьи констатировалось, что «русский переворот вызвал всеобщее удивление. Обстановка еще не стабильна. Можно еще ожидать многих неожиданностей, можно еще ожидать больших беспорядков. А условия могут так быстро и неожиданно измениться, как они менялись в предыдущие дни»⁴.

Особое внимание Февральской революции в России уделял словацкий еженедельник «Robotnícke noviny» («Работнице новины»)»⁵. Газета следующим образом информировала о русской революции: «...В русской державе произошла великая революция, во время которой одним махом переломили хребет царизму, душившему словно упырь развитие России... Один из крупнейших переворотов в истории был сделан этой революцией рабочего народа, к которому присоединилось подавленное Думой либеральное мещанство, поднялась готовая им служить армия...»⁶. Оценку февральским событиям еженедельник дал в статье «Революция в России»⁷. Авторы статьи воспринимали революцию как следствие «ужасных условий, до которых была доведена Россия преступным правительством царского абсолютизма. Русская революция пришла, потому что она должна была прийти и потому что другого пути к улучшению и иного выхода не было»⁸. Значение революции авторы видели прежде всего в том, что «после войны Россия будет иметь вид совершенно другой, нежели она имела до нее. Возвращение царизма невозможно. Россия станет не только великой демократией политической, но и экономической...»⁹. В конце статьи авторы указывали на значение этой революции для местных словацких условий: «А там, где есть и будут великие демократии на Востоке и великие демократии на Западе, невозможно сейчас и в будущем, чтобы иначе было у нас»¹⁰. «Работнице новины» и в последующем продолжали информировать о событиях, которые происходили в России, хотя

¹ Výzva ruských revolučných socialistov // Slovenské noviny. 24.3.1917. Roč. 32. Č. 68. S. 1

² Pomery v Rusku // Slovenské noviny. 30.3.1917. Roč. 32. Č. 73. S. 1.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ «Работнице новины» («Рабочая газета») – словацкий печатный орган социал-демократической партии Венгерского королевства. С 1903 года выходила раз в неделю в Братиславе.

⁶ Pol roka // Robotnícke noviny. 4.10.1917. Roč. 14. Č. 40. S. 1.

⁷ Revolúcia v Rusku // Robotnícke noviny. 4.10.1917. Roč. 14. Č. 40. S. 3–4.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid.

¹⁰ Revolúcia v Rusku // Robotnícke noviny. 4.10.1917. Roč. 14.

в некоторых комментариях не избежали явно преждевременной эйфории относительно победы в России демократии.

Ход революционных событий в России бегло был отмечен и другими словацкими периодическими изданиями («Slovenské ľudové noviny» («Словенские людове новины»)¹ и уже упоминавшейся «Словенски тыжденик». «Словенские людове новины» осветили ход февральской революции в России в статье «Революция в России»². Вскоре газета опубликовала заявление Милюкова и Керенского об отношении России к ее дальнейшему участию или неучастию в войне. Если Милюков утверждал, что «Россия благодаря демократизации стала в два раза сильнее и с этой двойной силой ринется на своих врагов»³. С другой стороны, Керенский полагал: «Русская демократия отказывается от всех империалистических целей и не допустит, чтобы в России снова были в фаворе старые захватнические цели»⁴. Заявления обоих деятелей только подтверждали разницу отношения главных политических сил и их основных представителей к этому важному вопросу. «Словенские людове новины» информировали о российских событиях и в последующих месяцах, однако очень спорадически.

«Словенски тыжденик» сообщал о февральских революционных событиях в статье «Переворот в России»⁵, в которой констатировалось, что «...новый режим склоняется к республиканской форме правления, о чем свидетельствует отсутствие до сего дня какого-либо царя»⁶. Газеты обращали внимание на запутанность ситуации в России, в частности отмечая: «Еще отсутствует ясность в сформированном революционным движением новом положении дел в России, даже лучше всех информированный высший свет все еще толком не знает, что собственно там произошло и что планирует новое временно назначенное правительство»⁷. В последующих новостях газеты обращали внимание также и на появляющиеся разногласия между двумя центрами двоевластия, которые происходили из-за различных взглядов их представителей на некоторые вопросы внутривнутриполитической жизни. Таким спорным вопросом был, в частности, политический маневр, с помощью которого можно было завершить участие России в военных действиях. Из новостей становилось ясно, что «между Временным правительством и социалистическим Советом вместе с солдатским Советом разразился большой спор, поскольку эти Советы высказывались за безотлагательное заключение мира без каких-либо аннексий и выплаты контрибуций»⁸. В дальнейшем издание регулярно следило за событиями в России и информировало об их ходе в рубрике под названием «Переворот в России», которая появлялась на страницах этого еженедельника вплоть до октября 1917 года.

Из анализа словацкой периодической печати следует, что из множества словацких периодических изданий, выходявших в 1917 г., на февральские революционные

¹ «Словенские людове новины» («Словацкая народная газета») – печатный орган Словацкой народной партии. С 1909 года выходил один раз в две недели.

² Revolúcia v Rusku // Slovenské ľudové noviny. 23.3.1917. Roč. 8. Č. 13. S. 1

³ Miljukov a Kerenskij // Slovenské ľudové noviny. 4.5.1917. Roč. 8. Č. 19. S. 2.

⁴ Ibid.

⁵ Prevrat v Rusku // Slovenský týždenník. 30.3.1917. Roč. 15. Č. 13. S. 2.

⁶ Ibid.

⁷ Prevrat v Rusku // Slovenský týždenník. 16.4.1917. Roč. 15. Č. 14. S. 2.

⁸ Prevrat v Rusku // Slovenský týždenník. 20.4.1917. Roč. 15. Č. 16. S. 2.

события в России отреагировали только «Словенске новины», «Словенски тыжденик», «Роботнице новины» и «Словенске людове новины». «Словенски тыжденик» и «Словенске людове новины» печатали о российских событиях только общую информацию, тогда как «Словенске новины» и «Роботнице новины» методично обращали внимание на развитие событий в России. В течение целого марта месяца рассматриваемой нами проблематикой интересовались в первую очередь «Словенске новины», где было зафиксировано наибольшее количество материалов по данной теме.

Опубликованная на страницах словацких газет информация имела характер кратких сообщений, но некоторые ежедневные и еженедельные издания («Словенске новины» и «Роботнице новины») на основе сведений, полученных от информационных агентств, пробовали дать собственный анализ и комментарии, с помощью которых стремились ознакомить читателей с развитием ситуации в России. Характер этих комментариев определялся общей политической ориентацией отдельных газет и редакций, что необходимо учитывать при их анализе.

Словацкая периодика информировала не только о напряженной ситуации в Петрограде и Москве, но и также о постепенном формировании постфевральской политической сцены в России. Словацкая печать в целом верно подметила борьбу главных политических сил, созданных Февральской революцией (Временное правительство и Советы), а также и их положение и поддержку в обществе («Словенске новины», «Словенске людове новины»). Печать освещала не только поляризацию главных сил российской политической сцены, но и обращалась к острым проблемам (вопрос продолжения участия России в войне), которые стали решающими для укрепления своего положения во внутриполитической борьбе в этот период. При внимательном анализе можно подметить и реакцию печати как на главные векторы политики, так и на вырисовывавшиеся возможные альтернативы политического развития России. В некоторых статьях, опубликованных в первую очередь на страницах газеты «Роботнице новины», появлялись замечания о влиянии событий в России на обстановку в Словакии. Однако такие комментарии встречались крайне редко.

Оценивая словацкую печать периода за февраль-март 1917 г., можно констатировать, что февральские события интерпретировались как переломные, как революция, которая принесла в Россию фундаментальные изменения.

Февральские события 1917 года явились началом одного из наиболее беспокойных периодов в истории России, во время которого в условиях острой политической борьбы решалась будущая судьба страны. Как раз в это время, как полагает Г. Герасименко, «общество столкнулось с парадоксальным явлением: чем полнее и шире становилась демократия, тем четче прорисовывались контуры диктатуры» [1, с. 60]. Слабость русских демократических сил и их отношение к таким решающим вопросам, как, например, дальнейшее участие или неучастие России в войне, отношение к православной церкви, слабое внимание к проблемам села и крестьянства, а также отсутствие внутреннего единства среди демократического блока, в конечном итоге стали причиной того, что к власти пришли представители наиболее радикальной части политического спектра России – партии большевиков.

Перевод со словацкого языка С. М. Слоистова

Список литературы

1. Герасименко Г. А. Трансформация власти в России в 1917 году // Отечественная история. 1997. № 1. С. 60–76.
2. Керенский А. Русская революция. 1917. М., 2005.
3. Стариков Н. 1917. Разгадка «русской» революции. СПб.: Питер, 2012.
4. Jiří Hanuš, Radomír Vlček (ed.). Interpretace ruské revoluce. Brno, 2008.
5. Michal Reiman: Ruská revoluce. Praha, 1991.
6. Orlando Figes: Lidská tragédie. Ruská revoluce 1891–1924. Praha, 2000.
7. Richard Pipes: Dějiny ruské revoluce. Praha, 1998.
8. Václav Veber: Leninova vláda (Rusko 1917–1924). Praha, 2003.

Поступила 12.07.2017; принята к публикации 12.08.2017

Гарбульова Любица (Harbul'ová Ľubica), кандидат наук (CSc.), доцент, директор Института истории Прешовского университета, Словацкая Республика, *harbulovalubica@gmail.com*

FALL OF TSARISM IN RUSSIA ON THE PAGES OF THE SLOVAK PERIODICAL PRESS FOR FEBRUARY-MARCH 1917

L. Garbuleva

The end of the Romanov dynasty became an event that received wide international coverage. Until March 1917, reports from Russia appeared with more or less intensity and frequency in the pages of the European press. Slovakia and its then periodicals were no exception. From the analysis of the Slovak periodicals of the period under review, it follows that of the many Slovak periodicals published in 1917, the following revolutionary events reacted to Russian revolutionary events: Slovenské noviny, Slovenský týždenník, Robotnícke noviny and Slovenské ľudové noviny. If “Slovenský týždenník” and “Slovenské ľudové noviny” reported only general information about these events, then “Slovenské noviny” and “Robotnícke noviny” systematically paid attention to the development of the situation in Russia. In the course of March, 1917, this topic was primarily covered by the Slovenské noviny, where most of the materials were. Slovak periodicals informed not only about the tense situation in Petrograd and Moscow, but also reported the gradual formation of the Russian post-October political scene. In assessing the Slovak press in February-March 1917, it can be stated that in February the February events were interpreted as crucial, as a revolution that brought fundamental changes to Russia.

Keywords: tsarism, Russia, revolution, February 1917, Slovakia, periodicals of 1917.

Acknowledgements: the article was translated in the framework of the project of the Russian State Humanitarian Fund № 16-01-14040.

Citation for an article: Garbuleva L. The fall of carshim In Russia at the sites of Slovak periodical press release for February-March 1917. West – East. 2017, no. 10, pp. 119–126. DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-119-126

References

1. Gerasimenko G. A. Transformaciya vlasti v Rossii v 1917 godu [Transformation of power in Russia in 1917]. *Otechestvennaya istoriya* = National history, 1997, no. 1, pp. 60–76. (In Russ.).
2. Kerenskii A. Russkaya revolyutsiya 1917 [Russian revolution of 1917]. Moscow, 2005. (In Russ.).
3. Starikov N. 1917. Razgadka «russkoi» revolyutsii [The solution to the “Russian” revolution]. Saint Petersburg: Piter, 2012. (In Russ.).
4. Jiří Hanuš. Radomír Vlček (ed). Interpretace ruské revoluce [Interpretation of the Russian Revolution]. Brno, 2008. (In Czech.).
5. Michal Reiman. Ruská revoluce [The Russian Revolution]. Praha, 1991. (In Czech.).
6. Orlando Figes. Lidská tragédie. Ruská revoluce 1891–1924 [Human Tragedy. Russian Revolution 1891–1924]. Praha, 2000. (In Czech.).
7. Richard Pipes. Dějiny ruské revoluce [The History of the Russian Revolution]. Praha, 1998. (In Slovak.).
8. Václav Veber. Leninova vláda (Rusko 1917–1924) [Lenin's Government (Russia 1917–1924)]. Praha, 2003. (In Slovak.).

Submitted 12.07.2017; revised 12.08.2017

Garbuleva Lyubitsa (Harbul'ová Ľubica), Ph. D. (CSc.), associate professor,
The University of Presov, Slovak Republic, *harbulovalubica@gmail.com*

УДК 930(437)

**КОНЦЕПЦИЯ «КРИТИЧЕСКОГО СЛАВЯНСТВА» Т. Г. МАСАРИКА
И ЧЕХОСЛОВАЦКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА****О. В. Павленко**

В статье рассматривается изучение истории славян в Чехословакии в 1920–1930-е годы XX века. Этот период отмечен масштабными славянскими исследованиями, которые проводились в Русском свободном университете, получавшем субсидии от правительства Чехословацкой республики. Ключевой фигурой в историографии того периода является президент Т. Г. Масарик, оставивший значительное интеллектуальное наследие. Его исследования посвящены истории славянской идентичности в России и Европе, а также изучению русского консерватизма, который Т. Г. Масарик воспринимал сквозь призму либеральной критики и использовал ту же аргументацию. Значительное внимание Т. Г. Масарик уделял изучению коллективных идентичностей в Австро-Венгрии. По его мнению, национальное сознание наиболее успешно распространяется там, где резче проявляются контрасты «Своего» и «Чужого». Тем не менее региональный сепаратизм уравнивался историческим сознанием «общей родины», закрепленным опытом нескольких столетий. Концепция «критического славянства», разработанная Т. Г. Масариком, включала три основных компонента: обоснование последовательного перехода от общеславянской к национальной идентичности у народов монархии Габсбургов; осмысление общности малых народов, проживавших на территории монархии Габсбургов; либеральную интерпретацию развития славянской идеи в России. Эта триада стала доминирующей в последующих исторических исследованиях чехословацких ученых в межвоенный период. В статье также рассматриваются подходы К. Крамаржа, А. Штефанека, З. Неедлы и В. Жачека, которые относились к различным направлениям чехословацкой историографии: в своих трудах они или развивали идеи Масарика, или оппонировали ему. В статье делается вывод о том, что, несмотря на различие в подходах, концепции межвоенного времени так или иначе выстраивались вокруг тех проблем, которые были поставлены в трудах Т. Г. Масарика. Ученые пытались дать на них свои ответы в зависимости от профессионального опыта и личных убеждений. За рассуждениями об исторических судьбах славянской идеи прослеживались острые общественные дискуссии о молодой чехословацкой демократии, ее отношении к своему прошлому и к СССР.

Ключевые слова: Т. Г. Масарик, «критическое славянство», чехословацкие исследования, межвоенный период, историография, коллективная идентичность.

Для цитирования: Павленко О. В. Концепция «критического славянства» Т. Г. Масарика и чехословацкие исследования межвоенного периода // Запад – Восток. 2017. № 10. С. 127–135.

DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-127-135

В 1920–1930-е годы в Чехословакии, словно принимая эстафету от России и Австро-Венгрии, развернулись масштабные славянские исследования. В Прагу эмигрировали многие русские ученые-слависты. Они получали субсидии от правительства Первой республики, которое покровительствовало славистике. Здесь был открыт Русский свободный университет [5, с. 11–13], где работали крупные слависты из России. В межвоенный период именно Прага не только сохранила, но и укрепила свою репутацию ведущего славистического центра Европы.

Славянская традиция имела настолько глубокие корни в научной мысли чехов и словаков, что смогла сохранить приоритетное положение вплоть до конца 1980-х годов. Именно чехословацкой историографии принадлежало первенство в осмыслении славянской идентичности в Центральной Европе.

Основатель Чехословацкой республики – Т. Г. Масарик (1850–1937 гг.) – оставил значительное интеллектуальное наследие, в том числе труды о роли России в политической истории не только его страны, но и всей Центральной Европы. Он уделял большое внимание разработке моральных ценностей и идеологии чехословацкой нации, оказывая сильное влияние на методологию национальной историографии¹.

Научное наследие Т. Г. Масарика вбирает в себя политические, исторические и социологические труды, философские размышления, культурологические эссе. В них ощущаются не только академические подходы, но и пульс времени, те насущные задачи, которые он решал как лидер чешской политики, вовлеченный в борьбу партий и идей. Действительно, политика буквально пропитывала всю ткань его научных исследований. Тем интереснее их изучать, поскольку работы Т. Г. Масарика во многом способствовали созданию особых славянских кодов в коллективной памяти народов Центральной Европы.

О Масарике написаны сотни исследований, среди которых отдельное направление посвящено его взглядам на славянскую идентичность. В материалах Российско-чешской комиссии историков и архивистов (2016) тему славянских исследований Т. Г. Масарика поднимают известные чешские и российские ученые [1, с. 82–110; 2; 3, с. 110–137; 6]. Масарик давал ответы на вопросы, десятилетиями волновавшие чешское общество: как относиться к панславизму? Как соотносить славянскую, чешскую и чехословацкую идентичности? Какое место занимает славянская идея в системе национальных приоритетов? Как воспринимать Россию?

Т. Г. Масарик хранил верность расширительному толкованию понятия «панславизм», несмотря на накал полемики с австро-немецкой публицистикой. В знаменитом труде «Россия и Европа» (первое издание – в 1918 г., Вена) он подчеркивал, что национальное возрождение славянских народов с самого начала имело «более или менее выраженную панславистскую программу»². Первые опыты Т. Г. Масарик расценивал как «академический панславизм», который впоследствии был заменен осознанным «чешством» (česství – по его терминологии). «Малым панславизмом» он называл австрославизм³. Разработанная Т. Г. Масариком типология развития славизмов в России и Европе была похожа на концепцию русского академика либерального

¹ О роли Т. Г. Масарика в межвоенный период см. исследования Е. Фирсова и Е. Серапионовой.

² Masaryk T. G. Rusko a Evropa. Díl. 1. Praha, 1930. S. 472.

³ Ibid. S. 476: "... panslavism, jakožto neurčity kosmopolitism, byl nahrazen plně uvedomělým češtvím, na místo "velikého" panslavismu byl postaven panslavism "malý", totiž austoslavism" (... панславизм, как некий неопределенный космополитизм, был заменен сознательным чешством, вместо «большого» панславизма был создан панславизм «малый»).

направления А. Н. Пыпина, выдвинутую в его книге «Панславизм в прошлом и настоящем» (1878; 1903). Хотя сам Т. Г. Масарик на эту работу не ссылаясь. Возможно, оба ученых пришли к схожим выводам самостоятельными путями.

Типология славизмов в России включала, по мнению Т. Г. Масарика, следующие направления: славянофильство; западничество; панрусизм; консерватизм. Славянофильство характеризовалось им как консервативная философская система – «особый тип русского романтизма» с абсолютизацией Православия и «классического национализма»¹. В отличие от славянофилов, для западников (П. Я. Чаадаев, Н. Г. Чернышевский, А. Н. Герцен) славянская идея не имела ключевого значения. Скорее, использовалась ими для доказательства тезиса, что Россия сама способна воплотить социализм и «омолодить» Европу². К панрусистам он относил М. П. Погодина и С. В. Шевырева, доказывая их принципиальное отличие от славянофилов³. Консервативная доктрина в России, писал Т. Г. Масарик, подменяет религиозные размышления «официальным клерикализмом и русификаторской церковной политикой Синода»⁴. Он резко критиковал русский консерватизм, называя его «официальной теократией с национально-шовинистическим содержанием»⁵.

По политическим взглядам Т. Г. Масарик был близок к русским либералам. Неудивительно, что он воспринимал российский консерватизм, к которому относил М. Н. Каткова, Победоносцева, Достоевского, Н. Я. Данилевского, сквозь призму либеральной критики и использовал ту же аргументацию. Он не понял и не хотел понять природы российского консерватизма, подчеркивая в нем только «реакционное начало».

В 1921 году один из первых исследователей творчества Т. Г. Масарика – чешский ученый А. Черны – проанализировал русские источники его воззрений. Он доказал, что идеи В. С. Соловьева, М. Н. Милюкова, Н. И. Кареева оказали наибольшее влияние на формирование концепции «критического славянства» Т. Г. Масарика⁶. Вслед за русскими либеральными мыслителями, Т. Г. Масарик понимал, что в России первично «чувство национальности», а все славянские идеи – вторичны. Само влияние русских панславистов было, по его мнению, сильно преувеличено западной публицистикой, намеренно нагнетавшей «русско-славянскую угрозу» в европейском обществе. На самом деле панславистские увлечения разделял довольно узкий круг интеллигенции. Доказательство этому утверждению Т. Г. Масарик видел в провале движения неославизма (по его терминологии – «панславистского славянофильства») в России в начале XX века⁷.

Гораздо большее внимание он уделял изучению природы коллективных идентичностей в Австро-Венгрии. Внимательно всматриваясь в современное ему общество, Т. Г. Масарик делал вывод, что национальное сознание наиболее успешно распространяется там, где резче проявляются контрасты «Своего» и «Чужого». В остром соприкосновении с «Другими» общество начинает на подсознательном уровне, а затем все более осмысленно понимать, где проходят границы собственной идентичности.

¹ Масарик особо подчеркивал: «Славянофильский мессианизм не тождествен национальному шовинизму и национальному панславизму» (Masaryk T. G. Op. cit. S. 496; 504).

² Ibid. S. 620–622.

³ Ibid. S. 492.

⁴ Ibid. S. 492.

⁵ Masaryk T. G. Rusko a Evropa. Díl. 2. Praha, 1930. S. 269.

⁶ Černý A. Masaryk a slovanstvo. Praha, 1921. S. 20–25.

⁷ Ibid. D. 1. S. 496.

Фактор неравенства всегда был стимулом национальной борьбы. Это обрекало многогосударственные государства либо искать консенсус, либо распасться. Но одновременно действовал и другой фактор, сдерживавший процессы фрагментации и сепаратизма. Это – общая повседневная жизнь разнородных сообществ в одном государстве, историческая привычка к совместному проживанию. Подобная дихотомия, отмеченная Т. Г. Масариком, действительно оказывала влияние на все стороны жизни «старой, доброй Австрии». Сепаратизм удивительным образом уравнивался историческим сознанием «общей родины». Будучи искусственным политиком, он прекрасно осознавал, как важно находить баланс между национальными и общегосударственными интересами. Но реализовать этот опыт в практической политике Первой Республики так и не смог, наделив чехов доминирующими позициями в новом государстве.

Чешский крен проявлялся и в оценках внутренних ресурсов словацкой политики, явно недооцененной Т. Г. Масариком. Он не скрывал критического отношения к «идее славянской взаимности», созданной словаком Яном Колларом. В труде «Чешский вопрос» доказывал, что это лишь повторение идей немецкого философа Гердера, к которым было добавлено собственное понимание славянского мессианизма. Он критиковал Коллара за «философско-историческую двойственность», колебание между «гуманистической взаимностью и панславизмом национального толка»¹. Учение Коллара, в котором воспевалась идентичность «татранских славян» (словаков), расценивалось им как вызов доктрине «чехословакизма», согласно которой чехи, словаки и моравы образуют единый народ. На этом идеологическом фундаменте возводилась Первая республика в межвоенный период. Иные толкования воспринимались как эклектичные и неполноценные.

Неудивительно, что в трудах Масарика последовательно проводилась мысль, что именно чешские слависты Йозеф Добровский и Павел Шафарик оказали прямое влияние на мировоззрение Яна Коллара и создали «академический панславизм» в противовес пангерманскому движению².

В сравнительных исследованиях он нередко использовал один и тот же прием, противопоставляя идеи словака Яна Коллара и чеха – Карла Гавличка – Боровского. Так выстраивалась дихотомия двух начал – «умозрительного, общеславянского» и национального, чешского. Эволюция славянской идеи была представлена им как непрерывная традиция: Добровский – Коллар – Гавличек-Боровский – Палацкий. Согласно его концепции, первые формы проявления патриотизма имели общеславянские черты, но постепенно из них стала выкристаллизовываться чешская идентичность и понимание собственных национальных интересов. Он ставил также в вину Яну Коллару антагонистическое противопоставление немцев и славян. Такой подход, по его мнению, создавал «барьеры на пути к чешскому равноправному положению в Австро-Венгрии»³.

Т. Г. Масарик предлагал другое видение славянской идентичности, удачно используя две метафоры. Если в первой половине XIX в. многие разделяли позицию

¹ Masaryk T. G. Česká otázka. S. 118–119; Idem. Jana Kollara slovanská vzájemnost // Naše doba. Praha, 1893. 4/1; Praha, 1894. S. 724–726.

² Ibid. S. 724–726.

³ Idem. Rusko a Evropa. Díl. 1. S. 473. О противостоянии чехов и немцев много писали в межвоенный период. См.: Bittner K. Herders Geschichtsphilosophie und die Slawen. Reichenberg, 1929; Reinhold E. R. Herder and Foundation of German Nationalism. New York, 1931; Wiskeman E. Czechs and Germans. London, 1938. VIII; Krebs P. Kampf in Böhmen. Berlin, 1936; Radl E. Der Kampf zwischen Tschechen und Deutschen. Reichenberg, 1928.

ученого-слависта Йозефа Юнгмана – «славянин и патриот», то после революции 1848 г. под влиянием идей Франца Палацкого и Карла Гавличка-Боровского укрепилось другое убеждение – «чех, не славянин»¹. Во многом благодаря трудам Масарика и его политическому авторитету, в коллективной памяти чехов закреплялась общая установка – гуманистическая, но абстрактная идея славянства неизбежно должна была переродиться в чешскую национальную идею.

В эту линейную схему был вписан дискуссионный сюжет о русофильстве австрийских славян. Масарик и здесь нашел объяснение, намеренно упрощая всю его сложность и многогранность. Согласно его объяснениям, в первой половине XIX в. австрийские славяне идеализировали Россию, испытывая «естественные надежды на самосохранение», «русославизм или русофильский панславизм, или прямо панрусизм»². Но постепенно осознали, что нужно верить только в собственные силы.

Таким образом, концепция «критического славянства» Т. Г. Масарика, которую он последовательно развивал с конца XIX в. вплоть до 1920-х гг., включала три основных компонента. Во-первых, обоснование последовательного перехода от общеславянской к национальной идентичности у народов монархии Габсбургов. Во-вторых, осмысление общности малых народов, проживавших на территории монархии Габсбургов, их общего исторического опыта и политических интересов. В-третьих, либеральную интерпретацию развития славянской идеи в России. Эта триада не только не развеялась со временем в чехословацкой историографии, но напротив, еще глубже вошла в концептуальное пространство исторической науки. По сути, она стала той безусловной позицией а priori в последующих исторических исследованиях, которая уже не требовала дополнительных доказательств, а принималась не только учеными, но и обществом как достоверное явление.

Несмотря на видимые искажения и политизацию, его концепция «критического славянства» стала особым явлением в национальной историографии, вызвав резкую поляризацию исследовательских позиций. С межвоенного времени до конца 1960-х годов чехословацкая историография развивалась в дискуссиях о смыслах славянской идеологии и политики. Хотя высказывались различные взгляды, но политическая актуализация темы «славянство и Россия» была характерна для всех направлений. Это была как раз та ситуация, когда грани между исторической наукой, памятью и политикой оказались весьма подвижными. При этом они быстро изменялись под влиянием международных трансформаций.

В труде профессора Пражского университета Ярослава Бидло «История Славянства» было показано, как пространство Восточной Европы соединяет в себе влияния «греко-славянского» и «романо-германского» культурно-исторических типов. Славянская идея, по его мнению, сыграла важнейшую роль в становлении идентичностей славянских народов, без нее не смогла сформироваться ни одна из современных славянских наций³. Но общеславянские мотивы изжили себя, констатировал этот авторитетный ученый, во главу угла нужно ставить сугубо национальные интересы.

В противовес этому подходу звучали другие мнения. Знарок творчества Коллара, М. Вайнгарта, выступал с идеей создания особой «науки о славянской взаимности». Цель ее – комплексный анализ синхронных процессов в развитии славянских

¹ Masaryk T. G. Jana Kollara slovanská vzájemnost. S. 754.

² Ibid. S. 739.

³ Bidlo J. Dejiny slovanstva. Praha, 1927. S. 255–256.

культур, политики и общественных устремлений. М. Вайнгарт предлагал разработать вертикальную и горизонтальную шкалу для сравнительного изучения трансформаций славянских идей и теорий. Следующей ступенью должен был стать, по его мнению, более сложный синтез социологических и структурных методов. Изучение синхронных и асинхронных процессов позволило бы лучше понять, по его мнению, динамику европейской истории¹. Эти идеи были вообще характерны для межвоенного времени, когда среди гуманитариев было распространено представление, что развитие человечества можно измерять циклами и закономерностями.

Иное понимание славянского фактора в европейской политике содержалось в трудах известного политика – Карла Крамаржа. В определенной степени он был антиподом Т. Г. Масарика. Активно продвигал общеславянские идеи в конце XIX – начале XX вв. Имел обширные связи в российских политических и торгово-финансовых кругах. Если бы не крах Российской империи, возможно, его политическая карьера могла бы высоко взлететь. В отличие от Т. Г. Масарика, он высоко оценивал влияние славянской идеи на чешское движение. Будучи убежденным русофилом, Карл Крамарж так и не принял русскую революцию. Он считал, что Российскую империю погубила антигосударственная фронда интеллигенции. Но не был склонен идеализировать и монархию Романовых, критикуя бездарную социальную политику, коррумпированность государственной бюрократии, приверженность высшей власти к традиционализму и опасение либеральных реформ. В то же время Карл Крамарж отдавал должное последовательной славянской политике России, которая была направлена на защиту интересов зарубежных славян, их моральную и финансовую поддержку². Наиболее яркие, мы полагаем, современные исследования, посвященные Карлу Крамаржу, были изданы в Германии и России, несмотря на то, что библиография насчитывает несколько десятков книг [4; 7].

В 1927 году был создан Славянский институт в Праге, целью которого стало комплексное изучение культуры, истории и политики славянских народов. На страницах его изданий постоянно проявлялась полемика между сторонниками и оппонентами концепции критического славянства. Даже в трагический для Чехословакии 1938 год в материалах Славянского института, посвященных столетнему юбилею трактата Яна Коллара о славянской взаимности, снова сталкивались два подхода. В статье ученого из Братиславы Франка Воллмана в очередной раз выстраивалась типология идей славянского мессианизма. Он не признавал существование цельной панславистской доктрины, но указывал на существование двух исторических «доминант». Первая – интеграционная, рожденная из осознания общности всех славян. Вторая – «доминанта дифференционная», которая возводит «в абсолют индивидуализм каждого славянского народа». По мнению Ф. Воллмана, она – чужеродна и была привнесена западным влиянием. В душе каждого славянина происходит «диалектическое взаимодействие этих двух доминирующих начал», поэтому развитие славянских народов виделось ему как непрерывная цепь сменяющихся друг друга идеологических систем – интеграционной и дифференционной³.

¹ Weingart M. *Slovanská vzájemnost*. Bratislava, 1926. S. 192.

² Kramář K. *Ruská krize*. Praha, 1921; Idem. *Pět přednášek o zahraniční politice*. Praha, 1922; Idem. *Na obránu slovanské politiky*. Praha, 1926.

³ Wollman F. *Kollarův mesianismus // Slovanská vzájemnost. 1836–1936*. Praha, 1938. S. 34–59. Эти же идеи Франк Воллман высказывал в своей книге: *K methodologii srovnávací slovesnosti slovanské*. Brno, 1936. S. 39; 56–57.

Такой подход резко критиковал А. Штефанек, который подчеркивал, что формирование чехословацкой нации основывается «на национальном сознании, а не отвлеченных славянских построениях»¹. А. Штефанек выступал с позиций «критического славянства». Этот же подход разделяли ученые-слависты М. Мурко, Й. Горах, Я. Якубец². Ему была созвучна тональность книги Йозефа Ирасека «Россия и мы» (1929 г.). Она содержала упрощенную трактовку русско-чешских отношений и доказывала, что в основе чешского русофильства было «сознание собственной малочисленности и слабости», в то время как в России интерес к чехам был вызван «только желанием утвердить там Православие»³. Односторонность этого вывода не смущала автора, который не вдавался в тонкости анализа русских источников и доводил постулаты Т. Г. Масарика до ригористических формулировок.

В традиционные дискуссии включались и новые силы. Основным представителем коммунистического направления в чехословацкой историографии стал Зденек Неядлы. В чешском русофильстве он вводил новую классификацию по классовому критерию: «реакционное царофильство» и «прогрессивную, революционную борьбу». Критерием служило польское национальное движение. З. Неядлы вообще позволял себе произвольные политические аналогии и метафоры. Польское движение XIX века он напрямую ассоциировал с современной ему советской Россией, а сам открыто признавал, что для него идеалом славянской взаимности является Советский Союз⁴. По сути, это была попытка противопоставить концепции «критического славянства», имевшей много сторонников среди историков и политиков, концепцию «революционного славянства», которая стала утверждаться не только среди коммунистов Восточной Европы, но прежде всего в советской историографии.

Подобный подход был характерен и для первой книги Вацлава Жачека, изданной в 1935 г. в Славянском институте. Полонофильство в чешской патриотической среде отражало, по мнению автора, освободительную, «прогрессивную тенденцию», которой противостояла «реакционная» идея интеграции славянских народов под эгидой царской России⁵. Так закладывалась новая система координат в осмыслении славянской идеологии. Если в имперской традиции ядром «славянского мира» выступала Россия, то в коммунистической историографии ее замещала революционная Польша. Эта смена акцентов неизбежно вела к искажению исторической реальности, но облегчала национальным историографам Восточной Европы поиск оптимальных ориентиров. Можно было отойти от «неудобных» дискуссий о роли русского фактора и перенести внимание на революционные смыслы национальных движений.

Несмотря на различие в подходах, концепции межвоенного времени так или иначе выстраивались вокруг тех проблем, которые были поставлены в трудах

¹ Stefanek A. Kollaruv nacionalismus // Ibid. S. 378–379.

² Murko M. Jan Kollar, der Dichter und philosophisches Begruender der literarischen Panslavismus // deutsche Einflusse auf die Anfaenge der boehmischen Romantik. Wien, S. 226; Idem. Slovanska myslenska pred Kollarem // Slovanska vzajemnost. S. 71–78.

³ Jirasek J. Rusko a my: studie vztahu ceskoslovensko-ruskych od pocatku 19. Stoleti do R. 1867. Praha, 1929. S. 180–193.

⁴ Nejedly Z. Ceske rusofilstvi // Nove Rusko. № 1. Praha, 1925. S. 50–54; Idem. Slovanstvi. Var. 4. Praha, 1925–26. S. 497–498.

⁵ Začek V. Ohlas polskeho povstani R. 1863 v Čechach. Praha, 1935. S. 26–28.

Т. Г. Масарика. Ученые пытались дать на них свои ответы в зависимости от профессионального опыта и личных убеждений. За рассуждениями об исторических судьбах славянской идеи прослеживались острые общественные дискуссии о молодой чехословацкой демократии, ее отношении к своему прошлому и к СССР.

Список литературы

1. Доубек В. Динамика критики антидемократического режима. Т. Г. Масарик, Э. Бенеш и большевистская революция // Россия и Чехия. Научные, культурные и общественные связи: материалы Комиссии историков и архивистов Российской Федерации и Чешской Республики. СПб.: Алетейя, 2016.
2. Задорожнюк Э. Г. Т. Г. Масарик и Россия // Россия в глазах славянского мира. М., 2007.
3. Задорожнюк Э. Г. Идеи Т. Г. Масарика о государственности малых народов и славянской федерации: история и современность // Россия и Чехия. Научные, культурные и общественные связи: материалы Комиссии историков и архивистов Российской Федерации и Чешской Республики. СПб.: Алетейя, 2016. С. 110–137.
4. Серапионова Е. П. Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы. М: Наука, 2006.
5. Československá slavistika v letech 1918–1939. Praha, 1977.
6. Opat J. Pruvodce životem a dílem T. G. Masaryka. Česká otázka včera a dnes. Praha, 2003.
7. Winkler M. Karel Kramář (1860–1837). Selbstbild, Fremdwahrnehmungen und Modernisierungsverständnis eines tschechischen Politikers. München, 2002.

Поступила 5.09.2017; принята к публикации 5.10.2017

Павленко Ольга Вячеславовна, кандидат исторических наук, доцент, проректор по научной работе, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, *olgapavlenko@mail.ru*

THE CONCEPT OF “CRITICAL SLAVICISM” BY T. G. MASARYK AND CZECHOSLOVAK STUDIES OF THE INTERWAR PERIOD

O. V. Pavlenko

The article examines the history of the Slavs in Czechoslovakia in 1920–1930-s of the twentieth century. This period was marked by large-scale Slavic studies conducted at the Russian Free University, which received subsidies from the government of the Czechoslovak Republic. The key figure in the historiography of that period is President Tomáš Garik Masaryk, who left a significant intellectual legacy. His research is devoted to the history of Slavic identity in Russia and Europe, as well as the study of Russian conservatism, which T. Masaryk perceived through the lens of liberal criticism and used the same argument. T. Masaryk paid considerable attention to the study of collective identities in Austria-Hungary. In his opinion, the national consciousness is most successfully spreading where the contrasts of “His” and “Alien” are sharper. Nevertheless, regional separatism was counterbalanced by the historical consciousness of the “common homeland”, enshrined in the experience of several centuries. The concept of “critical slavicism”, developed by T. G. Masaryk, included three main components:

the rationale for a consistent transition from the all-Slavonic to the national identity among the peoples of the Habsburg monarchy; comprehension of the commonality of the small nations living on the territory of the Habsburg monarchy; liberal interpretation of the development of the Slavic idea in Russia. This triad became dominant in subsequent historical studies of Czechoslovak scholars in the interwar period. The approaches of K. Kramárz, A. Stefanek, Z. Nejedli and V. Zhachek, who belonged to different directions of Czechoslovak historiography, which in their works either developed Masaryk's ideas or oppose him, are also considered in the article. The article concludes that despite the difference in approaches, the concepts of the interwar period somehow or other were built around the problems that were posed in the works of T. G. Masaryk. The scientists tried to give their answers to them, depending on their professional experience and personal convictions. The discussion of the historical destinies of the Slavic idea was followed by sharp public discussions about the young Czechoslovak democracy, its attitude towards its past and the USSR.

Keywords: T. G. Masaryk, “critical Slavdom”, Czechoslovak studies, the interwar period, historiography, collective identity.

Citation for an article: Pavlenko O. V. The concept of “critical slavicism” by T. G. Masaryk and Czechoslovak studies of the interwar period. West – East. 2017, no. 10, pp. 127–135. DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-127-135

References

1. Doubek V. Dinamika kritiki antidemokraticeskogo rezhima. T. G. Masarik, Je. Benesh i bol'shevistskaja revolucija [Dynamics of criticism of the anti-democratic regime. T. Masaryk, E. Benes and the Bolshevik Revolution]. *Rossija i Chehija. Nauchnye, kul'turnye i obshhestvennye svjazi: materialy Komissii istorikov i arhivistov Rossijskoj Federacii i Cheshskoj Respubliki* = Russia and the Czech Republic. Scientific, cultural and public relations: materials of the Commission of Historians and Archivists of the Russian Federation and the Czech Republic, Saint Petersburg: Aletejja, 2016. (In Russ.).
2. Zadorozhnjuk Je. G. T. G. Masarik i Rossija [Masaryk and Russia]. *Rossija v glazah slavjanskogo mira* = Russia in the eyes of the Slavic world, Moskow, 2007. (In Russ.).
3. Zadorozhnjuk Je. G. Idei T. G. Masarika o gosudarstvennosti malyh narodov i slavjanskoj federacii: istorija i sovremennost' [Masaryk about the statehood of small nations and the Slavic federation: history and modernity]. *Rossija i Chehija. Nauchnye, kul'turnye i obshhestvennye svjazi: materialy Komissii istorikov i arhivistov Rossijskoj Federacii i Cheshskoj Respubliki* = Russia and the Czech Republic. Scientific, cultural and public relations: materials of the Commission of Historians and Archivists of the Russian Federation and the Czech Republic, Saint Petersburg: Aletejja, 2016. (In Russ.).
4. Serapionova E. P. Karel Kramarzh i Rossija. 1890–1937 gody [Karel Kramarzh and Russia. 1890-1937]. Moskow: Nauka, 2006. (In Russ.).
5. Československá slavistika v letech 1918–1939 [Czechoslovakian Slavonic Studies in 1918–1939]. Praha, 1977. (In Czech.).
6. Opat J. Pruvodce životem a dílem T. G. Masaryka. Česká otázka včera a dnes [Wizard through the life and work of T. Masaryk. The Czech question yesterday and today]. Praha, 2003. (In Czech.).
7. Winkler M. Karel Kramář (1860–1837). Selbstbild, Fremdwarnehmungen und Modernisierungsverständnis eines tschechischen Politikers [Karel Kramář (1860–1837). Self-image, foreign perception and modernization understanding of a Czech politician]. München, 2002. (In Czech.).

Ol'ga V. Pavlenko, Ph. D. (History), Associate Professor, Russian State University for the Humanities, Moskow, olgapavlenko@mail.ru

УДК 94(437.3)

**ИЗМЕНЕНИЯ ИМИДЖА МОЛОДОГО КЛЕМЕНТА ГОТВАЛЬДА
ПОСЛЕ 1948 ГОДА****Юрай Бенко**

Статья посвящена анализу имиджа президента ЧССР Клемент Готвальда в период его деятельности в Словакии, входившей в состав социалистической Чехословакии (1948–1989). Эта часть жизни Готвальда, представлявшая непродолжительный и специфический период в самом начале политической карьеры, предшествовала его карьерному росту в структурах как Коммунистической партии Чехословакии, так и государственной власти. В центре внимания автора – два произведения, посвященные исследованию этого периода и появившиеся на двух разных этапах социалистической диктатуры: историческая монография Зденки Голотиковой, увидевшая свет в 1953 г., а также словацкий исторический кинофильм «Зрелая молодость» (1983 г.). В период между появлением этих двух произведений изменилось состояние исторического познания. В 1960-е годы из историографии исчезли многие интерпретационные догматические схемы, включая и образ молодого Готвальда, утратившего прометеевский пафос. Однако последовавший затем период нормализации повернул вспять этот процесс, что не могло не отразиться и на фигуре Готвальда, который снова был превращен в стабилизирующий элемент режима. В результате каноническое изображение молодого Готвальда в двух указанных произведениях, как и в других работах, не претерпело существенных изменений. Образ изменился, скорее, в деталях, но они являлись в основном свидетельскими. Исследование показывает, как изменения политической ситуации в Чехословакии и Советском Союзе оказывали влияние на появление или изъятие из исторического контекста той или иной фигуры. Наличие или отсутствие исторических фигур – соратников Готвальда в период формирования коммунистического движения в Словакии в 1920-е гг. – в официальной памяти режима являлось в меньшей степени отражением исторической реальности, а в большей – следствием отлучения и реабилитации в рамках коммунистического движения.

Ключевые слова: Клемент Готвальд, историография, историческая память, социалистическая диктатура, Чехословакия 1948–1989, пропаганда, кинофильм.

Благодарность: статья подготовлена в рамках проекта «Kontinuity a diskontinuity politických a spoločenských elít na Slovensku v 19. a 20. storočí» («Непрерывность и прерывность политической и социальной элиты Словакии в XIX и XX веках»), поддержанного Агентством поддержки исследований и развития; договор № APVV-14-0644.

Статья переведена в рамках проекта РФНФ № 16-01-14040.

Для цитирования: Бенко Ю. Изменения имиджа молодого Клемент Готвальда после 1948 года // Запад – Восток. 2017. № 10. С. 136–153.

DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-136-153

Коммунистическая диктатура в Чехословакии формировалась после 1948 г. по советской модели, с помощью Советского Союза и под его контролем. Во многом она являлась отражением сталинского режима на его поздней стадии.

Сходство было значительным также и в одной из специфических системных черт сталинского режима – в **культе личности**. Зарождение культа личности И. В. Сталина в Советском Союзе восходит к концу 1920-х годов [7, s. 450; цит. по: 1]. В Чехословакии он стал составной частью официальной пропаганды и культуры после прихода к власти Коммунистической партии Чехословакии в феврале 1948 года. Он функционировал параллельно с намного более молодым, но не менее мощным культом лидера КПЧ, а с 1948 г. и президента Клемента Готвальда. В отличие от СССР, культ личности в коммунистической Чехословакии просуществовал гораздо меньше времени; не произошло его безбрежного расширения и использования всего потенциала. Критика же культа Сталина Хрущевым получила резонанс и у его сателлитов, включая Чехословакию, где в конце 1950-х гг. проходило устранение основных негативных тенденций этого периода. Одним из конкретных результатов переоценки предшествующей практики властей явился следующий факт: тело Готвальда, тщательно подготовленное после смерти для бальзамирования и выставленное в его собственном мавзолее по образцу Ленина, Сталина и Г. Димитрова, в 1962 г. в конце концов было кремировано.

Культом вождя в процессе советизации служил, прежде всего, стабилизации режима и интеграции общества. Фигура Готвальда являлась зачастую предметом, в первую очередь, монументальных и портретных изображений. Этот метод изображения производил особенно сильное впечатление, оптимально выполняя функцию глорификации вождя, а его создатели не должны были слишком обременять себя историческими реалиями. Как раз поэтому в жанрах, в которых не так просто избежать исторического контекста, реалий и детализации его жизни, например, в исторической монографии или в документальном кино, работ, изображающих жизнь «первого рабочего президента», значительно меньше. Но и они в большей степени концентрируются, скорее, на другой части его политической карьеры – вхождении во власть во второй половине 1920 гг., и в первую очередь на финальной фазе его восхождения на политический Олимп. Фундаментальных работ, в которых предметно рассматривается деятельность Готвальда в Словакии в 1921–1924 гг., т. е. в начале его политического пути, всего несколько. Собственно говоря, их всего лишь две: монография Зденки Голотиковой «Клемент Готвальда в Словакии в 1921–1924» [5], вышедшая в 1953 г., а также исторический фильм «Зрелая молодость» («Zrelá mladost») (1983 г.) [см. также 11]. Даже при их чувствительном отношении к другим темам режима они не приняли иного подхода, кроме явного обожания.

Молодой Готвальд Зденки Голотиковой

В настоящей статье предпринят анализ двух указанных работ. Первая ее часть будет сосредоточена на монографии З. Голотиковой, которая представляет собой главным образом каноническую работу о Клементе Готвальде в ключевой период построения социалистической диктатуры советского типа в Чехословакии – в пятидесятые годы. Во второй части рассматривается вышеупомянутый фильм.

Единственным цельным трудом в Словакии, посвященным пребыванию и деятельности К. Готвальда в Словакии в течение нескольких лет, является книга

З. Голотиковой «Клемент Готвальд в Словакии в 1921–1924 гг.», изданная в 1953 году [6]. Если бы мы искали в ней исчерпывающий ответ на вопрос, кто ожидал в Быстрице Готвальда, прибывшего в сентябре 1921 г. в Словакию, и кто в последующие годы составлял неотъемлемую часть его политической жизни, мы нашли бы лишь искусную историографическую ретушь. Сохранившимися остались только те, кто оставался верным партии и ее лидеру в течение следующих десятилетий. В 1953 году, когда умер Готвальд, их политические судьбы совпадали с поэтапно создававшейся историей «революционного движения». И, напротив, в соответствии с официальной памятью, которая зарождалась в пятидесятые годы, из нее безжалостно исключались все те, кто не совпадал с нею. Вступало в действие простое правило прямой пропорциональности: чем больше личная биография касалась людей – товарищей, сопровождавших Готвальда на пути к власти, тем большую часть их работы можно было положить на алтарь культа.

Труд З. Голотиковой можно назвать, скорее, агиографическим, чем историографическим. Он вышел вскоре после кончины «первого рабочего президента», тем самым даже это событие начала 1953 г. внесло свой вклад в окончательную его версию. В то время, когда группа советских специалистов приступила к мумификации тела покойного президента, официальный дискурс в области искусства, журналистики, науки или политики полностью ориентировался на показатель траур по умершему вождю [см. также: 20, s. 283–303]. Культ личности Готвальда достиг кульминации. Как и в Советском Союзе в случае со Сталиным, так и в коммунистической Чехословакии фигура Готвальда в любой сфере становилась объектом безграничной популяризации и глорификации, но ни в коем случае не предметом критического анализа, включая даже общественные науки. Вот почему и с этой точки зрения следует трактовать этот дебют автора: считать его не столько биографией, сколько прежде всего праздничным некрологом, который должен был внести свою лепту в продвижении Готвальда на центральное место в пантеоне чехословацкого коммунистического движения.

В тот период З. Голотикова работала в Институте истории Коммунистической партии Словакии (далее КПС), основанном в памятный 1953 году. История государственной партии этим актом институционализировалась в качестве самостоятельной научной дисциплины. Создание Института истории КПС полностью отвечало проводившейся политике в историографии, свойственной и другим странам советского блока. Исследование истории партии и рабочего движения в Словакии подчинялось диктовавшейся политической линии, стремившейся «установить параллели между историей Коммунистической партии Чехословакии, Коммунистической партии Словакии и историей Коммунистической партии Советского Союза» [6, s. 111]. Организации, которые занимались исследованиями по этой теме, являлись одновременно составной частью правящих коммунистических партий.

Результатом подобного рода специализации и изоляции явилось то, что «партийная история создала чрезвычайно «чистые» и закрытые интерпретационные структуры...» [6, s. 111]. Идеологический тон задавал пражский Институт истории Коммунистической партии Чехословакии (далее КПЧ). В период жесткой централизации в государстве и партии в его режиссуре формировалась и история КПС, которой надлежало быть полностью согласованной с историей КПЧ. В целом словацкая марксистско-ленинская историография 1950-х гг. придерживалась жесткого идеологического шаблона тридцатых годов, содержавшегося в письме Сталина редакции

журнала «Пролетарская революция» в 1931 году. В нем советский лидер обращал внимание на то, что «основным источником и отправной точкой для исследования историка Коммунистической партии должны быть не архивные материалы, а постановления высших партийных органов и высших должностных лиц» [18, s. 36]. Работа Института истории КПС почти до конца 1950-х гг. велась в соответствии с этой инструкцией и в значительной степени ограничивалась решением пропагандистских задач и публикацией трудов коммунистических идеологов [6, s. 111].

Свидетели и очевидцы

Образ молодого Готвальда создается в основном с опорой на два вида источников. С одной стороны, это статьи Готвальда первой половины 1920-х гг. в словацкой коммунистической прессе; с другой – подлинность реконструированного прошлого должны были гарантировать воспоминания его соратников. В заключении труда говорится: «Данная работа написана на основе материалов, опубликованных в 1921–1925 гг. в журналах «Нас ľudu», «Pravda chudoby» и «Spartakus», воспоминаний современников Клемента Готвальда, изданных и лично собранных в Банскобыстрицком и Врутцком краях, а также с опорой на фонды документов, хранящихся в Канцелярии президента республики в Праге, в Институте истории КПЧ в Праге и в Институте истории КПС в Братиславе» [см.: 5, s. 137].

Однако в годы становления культа личности право выступать и быть выслушанным публично предоставлялось не всем свидетелям и очевидцам, а только тем, кому режим в 1950-е годы разрешал вспоминать. Их отношение к партии и членство в ней не претерпели драматических поворотов. Принцип отбора наметили составители одной из книги воспоминаний о периоде становления коммунистической партии в Чехословакии, которая была опубликована к 40-й годовщине Октябрьской революции в России. Право говорить об истории партии получили те, кто остался верен партии, в отличие от более слабых, которые «откололись и исчезли, а некоторые превратились в подлых предателей» [12, s. 390].

Тщательно отобранные свидетели деятельности К. Готвальда в Словакии становятся тем самым сотворцами его культа, что, в свою очередь, приносило им престиж и прибыль в годы становления режима и его официальной памяти. Их воспоминания о событиях, происходивших несколько десятилетий назад, выполняли актуальный «социальный заказ» (возможно, приспособившись к нему). Деформирующий и избирательный механизм индивидуальной памяти, который в работе с показаниями свидетелей являл собой основной подводный камень в критической «устной истории», стал конструктивным и желанным элементом в становлении коллективной памяти коммунистического режима. Более важной по сравнению с сочетанием свидетельств и исторических фактов явилась гармония с официальным, сфабрикованным изображением истории КПЧ.

Свидетели работы Готвальда в Банской Быстрице и во Врутках никоим образом не затеняли его деятельность¹. В движении их нельзя причислить к той категории лидеров, которые могли бы в исторической реальности либо в вымышленных событиях конкурировать с главным героем своим положением или своей значимостью. Их свидетельства и действия представляют, скорее, гармоничный хор на таком фоне, который позволял особо выделить его поступки. Это выражается даже в форме

¹ В числе названных в книге: М. Вавакова, О. Стриежа, Аргалашова.

ссылки автора на источники: часто упоминаются коллективы товарищей из Сасовой, из Вруток, из Сучан, из Быстрицы. Между центральной фигурой и хором свидетелей – зияющая пустота, которая могла бы поведать критическому читателю о том, что перед ним не картина исторической реальности, а, скорее, легенда из жизни святых.

Те же, кто вначале заполнял вакуум между святым и свидетелями его деятельности, в начале пятидесятых годов оказались за пределами представлений основателей движения и были исключены из официальной памяти.

Провалы памяти и замалчивание

Речь пойдет не о каких-то второстепенных лицах, а о ключевых фигурах словацкого коммунистического движения как в Банской Быстрице, так и во Врутках, т. е. в тех местах, где работал К. Готвальд. И хотя агиографический труд Голотиковой далеко выходит за рамки профессиональной исторической работы, нельзя не отметить: он являет собой неукоснительное соблюдение намерения автора.

С одной стороны, в деятельности заселенной людьми книги несколько раз появляется «верный соратник» Карол Бацилек. Следует упомянуть и такой пассаж: «Во Врутках, как и в Банской Быстрице, Готвальд скромно живет в секретариате партии, где у него только кровать и умывальник. Вместе с ним остается на ночлег и часто живет в секретариате его верный соратник Карол Бацилек. Такой была жизнь наших товарищей, наполненная отречением и трудом» [5, s. 55]. В момент издания книги, в 1953 г., он был, безусловно, важной и влиятельной фигурой в КПЧ, но в первой половине 1920-х гг. оказался относительно маргинальной, поскольку деятельность его ограничивалась лишь локальным уровнем коммунистического движения – организацией во Врутках. В этот период его можно квалифицировать, скорее, как трудно контролируемый радикальный элемент¹.

Роль и значение Бацилека не поддаются никакому сравнению с ролью тех, кого сложно найти в книге о Готвальде, но кто в первой половине двадцатых годов играл в словацком коммунистическом движении гораздо более значимую роль, нежели Бацилек. Если говорить об организации коммунистического движения в Банскобыстрицком крае, то нельзя обойти вниманием областного секретаря КПЧ Ладислава Шварца. А в связи с коммунистической прессой и в первую очередь с организацией женского движения трудно не вспомнить Барбору Резлерову-Шварцову. Как и Готвальд, они прибыли в Словакию из чешской среды, но, в отличие от него, были уже опытными организаторами, агитаторами и редакторами. Точно так же нельзя не упомянуть, говоря о деятельности Готвальда во Врутках, скажем, Штефана Дарулю, Людо Кореня или Гермину Пфайлмайрову. В контексте общесловацкого движения нужно назвать Матея Кршиака, Карола Светлика, Германа Таусига. И уже абсолютно немыслимо именно в связи с Готвальдом пройти мимо личности Юлиуса Верчика.

Из жизни Готвальда, изображенной в книге З. Голотиковой, они исчезли, и на то имеются свои причины. Решающими в создании официальной памяти коммунистического режима оказались исторические факты более позднего периода. Супруги Шварц в середине двадцатых годов эмигрировали в Советский Союз, но в конце тридцатых годов стали жертвами сталинских репрессий. Другие лидеры еще

¹ Verčík J. Životopis J. Verčíka I–IV. [Strojopis]. Archiv Národního muzea. Praha. F. Verčík. Kr. 1. A. j. 2b. Fol. 135–136.

в 1920-е гг. добровольно вышли из движения либо же были исключены из него. В культовом образе 1953 года им с их «ошибками», «провалами», «вероотступничеством» и «предательством» места не было. Важным критерием их лояльности можно считать 1929 год, когда была завершена программа большевизации КПЧ. Символом начала новой эры явилось занятие Клементом Готвальдом лидирующих позиций в партии. Имена большинства ближайших соратников Готвальда в Банской Быстрице или во Врутках – вскоре после этого важнейшего перелома в развитии КПЧ межвоенного периода – обнаружить в движении уже невозможно. Словацкое коммунистическое движение оказалось в глубоком упадке и из него исчезло подавляющее большинство его основателей, организаторов и агитаторов [8, s. 96].

Значительная их часть, дабы избежать абсолютного греха, вернулась к социал-демократии. Но этим они еще в большей мере теряли право на соответствующее место как в истории партии, так в официальной памяти коммунистического режима. Исключение составляет Вацлав Хлумецкий, который также в годы большевизации вышел из партии. Он был легендой социалистического движения, автором социалистических романов, поэзии и редактором социалистической и коммунистической печати, сенатором от КПЧ. В 1958 году опубликована его биография, написанная Я. Плевой [см.: 14].

В 1953 году «верный соратник» К. Бацилек, в отличие от них, находился на пике своей политической карьеры, став одним из самых важных людей в стране: первый секретарь ЦК КПЧ, член политического секретариата ЦК КПЧ, и, наконец, даже внушавший страх министр национальной безопасности, осуществлявший контроль за подготовкой и драматургией политических процессов. Это, вероятно, и позволило ему занять важное место наряду с К. Готвальдом и в далеком прошлом словацкого коммунистического движения.

Верчик vs Готвальд

Отдельную главу в эпическом образе «Готвальд в Словакии» представляет Юлиус Верчик. И не только потому, что он в тот период являлся одной из ключевых фигур в Словакии. Его взгляды также являются красноречивым мемуарным источником о молодом Готвальде. Во время пребывания в Словакии они тесно сотрудничали, организовали движение, редактировали печать и вели агитацию. Более опытный и искушенный Верчик стал, скажем так, наставником молодого Готвальда. Во второй части своих четырехтомных воспоминаний он посвящает ему множество обширных упоминаний, которые совпадают с освященным образом и вносят коррективы в сложившуюся на то время историографию коммунистической партии.

Верчик – важный источник информации об этом периоде жизни Готвальда. При нем Готвальд нашел работу, ближе познакомился с партией и идеологией, которые позднее вывели его на пост главы государства. Он делил с Верчиком жилье, причем Верчиковцы в течение некоторого времени взяли даже на себя заботу о Марте, внебрачной дочери Готвальда. Стойкий и целеустремленный Готвальд превращался в Словакии в игрока первой лиги, находясь при этом в тени Верчика. Тот был, видимо, благодаря и этому, источником воспоминаний о начинающем редакторе и администраторе, которые никак не вязались с его глорификацией, особенно тех из них, которые были абсолютно неприемлемыми для культа Готвальда. Пожалуй, наибольшей скандальностью поражают его воспоминания о встрече Готвальда со своей будущей женой Мартой Голубовой. Она якобы была

очень красивой женщиной, но легкого нрава. Ротмистр Готвальд познакомился с нею в конце 1919 г., а в августе 1920 г. у них родилась дочь Марта. Однако жить вместе с ними он не стал, а в сентябре 1921 г. и вовсе исчез в Словакии. Как вспоминает Верчик, в один прекрасный день, в 1922 г., после переезда редакций всех словацких коммунистических журналов во Врутки, в редакцию вбежала Голубова и положила на типографский станок ребенка примерно двухлетнего возраста со словами: «Вот твой внебрачный». После того, как Готвальд сбежал через редакционное окно, коммунисты Вруток накормили обоих и отправили домой. Через полгода они вернулись назад. Мрачный Готвальда утверждал, что не станет жить «с этой шлюхой». Нужно учесть, что некоторое время назад Готвальд выпустил брошюру о моральных принципах коммуниста. Отвечая на упреки своих коллег, он в конце концов признал, что Марта является лишь жертвой несправедливой капиталистической системы.

Иконописное изображение Готвальда ставили под угрозу не только воспоминания Верчика, но и весь архив того периода. Фигура Верчика в истории коммунистической партии в Словакии, особенно в первой половине 1920-х гг., в отличие от Готвальда, является доминантной. Это опровергает один из повторяющихся тезисов догматической марксистско-ленинской историографии о том, что у словацкого коммунистического движения «не было лидера» до Готвальда [9, s. 356–357]. Слишком значимый вес Верчика и свидетельства в архивном материале по истории коммунистического движения представляли для готвальдовского культа иконоборческую угрозу¹.

Поэтому удивительно, что в конце книги З. Голотиковой он все же появляется. Тем не менее он несет конкретную, хотя и воображаемую функцию – являет собой контрапункт твердому и безупречному характеру К. Готвальда, а также играет роль его побежденного политического соперника. Несмотря на щедрое признание его риторических способностей и журналистского мастерства, все последующее омрачено негативными коннотациями. В 1920 году Верчик приехал на несколько месяцев в Россию, чтобы ознакомиться с функционированием советского государства [см. подробнее: 3]. Автор приписала Верчику «склонность к демагогии и позерству, его нездоровое честолюбие и диктаторские наклонности» [5, s. 124].

Как отмечал в этом контексте Я. Млинарик, имя Верчика не было в «догматической историографии» пятидесятых годов абсолютно табуировано: «Оно повторяется слишком часто в исторических работах, однако деятельность личности, которой это имя принадлежит, совершенно не оценивается и не анализируется. Оно приводится в качестве примера постыдной позиции, как отпугивающий факт предательства, национализма и так далее... Оказалось, что «пнуть» Верчика квалифицировалось как истинное проявление научности и партийности...» [9, s. 346].

Эпитеты, характеризующие имя Верчика, отталкивающие: «опасный мародер, националист и карьерист», «агент националистической словацкой буржуазии» в словацком движении, «предатель», «ликвидатор», «оппортунист» с «преувеличенными амбициями и гигантоманией».

Однако ни добровольный выход Верчика из коммунистической партии в 1930 г., ни даже обвинения в многочисленных неудачах и политических уклонах в годы

¹ Из автобиографии Верчика об этом периоде можно почерпнуть несколько релевантных сведений: был активным делегатом двух съездов КПЧ в 1921 году. На II и IV съездах партии избирался в Центральный исполнительный комитет КПЧ, а на IV конгрессе Коммунистического интернационала (далее КИ) возглавлял чехословацкую делегацию. В 1924 г. на V конгрессе КИ вошел в состав ее руководящего органа – Исполкома. Сам Готвальд был избран в Исполком КИ в 1928 году.

его деятельности на лидирующих постах в КПЧ не стали главными в причинах, по которым впоследствии он оказался за рамками подвижной границы официальной памяти коммунистического режима. Самым тяжким грехом Верчика считался поступок, связанный с периодом Словацкого государства. В 1942 году, после проведенного органами государственной безопасности расследования, он специально написал антисоветский и античешский сборник «Мое отношение к национальному вопросу». По его словам, тем самым он пытался обмануть власти и получить алиби, поскольку его обвиняли в том, что он представляет угрозу для Словацкого государства¹.

Но этим он прежде всего обманул послевоенные следственные органы, а затем это же сослужило добрую службу компрометирующим и фальсификаторским стремлениям стражей культа Готвальда – прежде всего главному архитектору историографического канона по истории рабочего движения и КПЧ в Словакии Милошу Госиоровскому². Верчика, используя компиляции, обвинили в пособничестве в становлении фашистского режима и коллаборационизме, приговорив к четырем годам лишения свободы. Как утверждает Млынарик, обвинительный акт приписывал ему и более серьезные прегрешения, которые, однако, не были доказаны. Тем самым сочинение «Мое отношение к национальному вопросу» стало главным аргументом обвинения [см.: 9, s. 348–349].

Воспоминания Верчика, написанные в 1940-е гг., указывают на замалчиваемую историю Коммунистической партии в Словакии. Историография начала систематически открывать его лишь в 1960-е гг. (особенно во второй половине), когда догматический подход, опирающийся на предельно искаженные воспоминания и свидетельства, отступил в результате политической разрядки, в том числе в сфере общественных наук, и особенно поворот *ad fontes*. Стали появляться работы, в конце 1960-х гг. отторгшие и сломавшие априорный шаблон о деятельности Коммунистической партии в межвоенный период «как революционного авангарда пролетариата, которая в результате процесса большевизации сумела, под руководством Готвальда, во все большем масштабе правильно применять верную линию международного коммунистического движения в чехословацких условиях; как массовой политической партии с весьма значительным (или даже решающим) влиянием на политическое развитие страны» [18, s. 37].

Работы, опирающиеся на источники, вытесняли из истории Коммунистической партии Словакии первой половины 1920-х годов Клемента Готвальда и возвращали в нее Верчика, Шварца и других бывших грешников [см.: *Ibidem*]. В 1963 году один из самых известных словацких историков-марксистов Людовит Голотик обратился к личности Верчика в своей статье по тематике съезда в Любохне в январе 1921 г., правда, в несколько амбивалентном ключе. В начале статьи он априори заявляет, что «революционерами не считаются те радикалы, которых вынесла революционная волна, но которые по самым различным причинам уже в двадцатые

¹ Verčík J. Životopis J. Verčíka IV. [Strojopis]. Archiv Národného múzea. Praha. F. Verčík. Kr. 1. A. j. 2b. Fol. 71–72.

² Историк-самоучка М. Госиоровский с 1949 г. был заведующим кафедрой истории ЧСР, СССР и стран народной демократии, в 1950–1953 гг. – член ЦК КПС, в 1951–1953 гг. – ответственный за работу партийного отдела пропаганды и отдела образования, науки и культуры. Автор первого марксистско-ленинского издания «Очерки истории рабочего класса в Словакии» (*Príspevok k dejinám slovenského robotníckeho hnutia*. Bratislava, 1951).

годы отошли от движения» [4, s. 339]. Наряду с критикой выступления Верчика на съезде и осторожной похвалой («Все же доклад Верчика на любохнянском съезде нельзя оценивать негативно»), в примечании автор констатировал: «В первой половине двадцатых годов он относился к ведущим деятелям КПЧ в Словакии» [4, s. 351].

Созданный вокруг Клемент Готвальда вакуум, ставший одним из основных характерных черт истории КПЧ в 1950-е гг., начал постепенно заполняться. Логическим следствием было то, что все значения и заслуги, которые ранее в тщательно заретушированных образах Готвальда были связаны лишь с его именем, в результате архивных исследований и ослабления политического контроля перераспределялись и на тех, кто оказывался рядом с ним.

Итогом поворота к источникам, а также одним из последних примеров отголосков потепления в издательской политике во второй половине 1960-х гг. явился обобщающий труд «Краткая история КПЧ в Словакии», изданная в 1971 году. З. Голотикова написала в нем часть, включающую и период деятельности Готвальда в Словакии. Хотя данный обобщающий труд нельзя сравнивать с хвалебной работой 1953 года, все же следует отметить, как тот же автор приблизился к человеку, который почти двадцать лет до этого стал центральной фигурой ее монографии. На первый взгляд, совершенно очевидно, что первые труды о коммунистическом движении в Словакии, которые возникли на основе последовательно строгих архивных исследований в 1960-е гг., вернули Готвальда из божественного одиночества первой половины 1950-х гг. туда, где он фактически находился – в узкий круг отлученных коммунистических активистов, с которыми он пришел в Быстрицу, а через год – во Врутки. С сентября 1922 г. издавались «Hlas ľudu», «Proletárka», «Spartakus», а также многие другие профсоюзные журналы во Врутках [см.: 8, s. 72].

В их числе – Верчик, ранее предатель, позер и фразер, а сейчас уже сложившаяся личность, напористый, покладистый, смелый, в разговоре и в письме гибкий и отзывчивый [16, s. 116–117; 9, s. 351]; жертвы сталинских процессов Ладислав Шварц и Барбора Резлерова-Шварцова; те, кто вышел из движения уже в середине 1920-х гг. (национал-большевик Людо Корень или староста Вруток от КПЧ и коммунист-депутат Штефан Дарула) и другие.

И напротив, Карол Бацилек, который в 1953 г. сумел вспомнить отшельническую историю Клемент Готвальда, был в гораздо более заполненном людьми обобщающем труде перемещен в 1930 год. Хотя уже в первой половине 1920-х гг. он стал одним из известных представителей местной организации во Врутках, а в движении был более заметным по сравнению с Готвальдом, он даже приблизительно не имел такого радиуса воздействия и влияния, как Верчик. Например, Млынарик опубликовал в своей книге статистические данные публичных выступлений и пришел к следующему выводу: «Из ораторов, которые являлись также ведущими деятелями КПЧ в Турце и в северо-западной Словакии, чаще всего можно было услышать выступления коммунистов, живших во Врутках, например, Юлиуса Верчика, то есть самого активного и известного деятеля словацкого коммунистического движения в двадцатые годы, которого как выдающегося оратора чаще всего посылали на собрания и массовые мероприятия. Часто выступали на собраниях и Юрай Штясны, Людовит Корень, Рудольф Минарик, А. Бартош, Йозеф Варга, Карол Бацилек, иногда Клемент Готвальд, а из женщин – прежде всего

Гермина Пфайлмайерова и Зузана Голанова» [8, s. 86]. Однако Верчик в обобщающем труде получил определенную сатисфакцию за якобы свои неудачи в двадцатые годы, когда он находился в политическом зените. В вопросе его деятельности в роли инструктора по Словакии была отвергнута его ответственность за недостатки в работе партии в годы его работы на посту инструктора ЦК КПЧ по Словакии, за что его критиковало руководство КПЧ [16, s. 158] и прежде всего: было признано авторство Готвальда в спорном и подвергшемся критике руководством КПЧ документе от июля 1926 г.: «Освободите Словакию от угнетательского аппарата буржуазии» [8, s. 154].

Однако даже эти осторожные оценки в последующий период нормализации подверглись нападкам. На шахматной доске словацкой историографии Верчика снова передвинули в безымянное поле, тогда как Готвальд триумфально возвращался на передовую позицию – на этот раз прежде всего в трудах Вильяма Плевзы¹ [15].

Нормализация, культ, фильм

В годы нормализации культ Готвальда в чехословацком обществе снова ожил, хотя и не приобрел такой интенсивности, как в 1950-е годы. Его тщательно сконструированный и глорифицированный образ приходит в мысли и сердца населения, хотя в более умеренном виде, но более широкими и общепринятыми путями, которые создавались вместе с распространением новых средств массовой информации. Революционным инструментом стало телевидение. Оно, в отличие от 1950-х гг., открыло невиданные ранее возможности для использования кинопродукции в идеологических целях, которая еще с межвоенного периода являлась мощнейшим пропагандистским оружием. Это можно отнести и к жанру исторического фильма. Внимание коммунистических элит в Чехословакии было приковано к нему на начальном этапе построения социалистической диктатуры. В постановлении (1950 г.) Президиума ЦК КПЧ указывалось, «что исторический фильм должен обращаться к актуальному настоящему, показывать прогрессивные традиции народа и подчеркивать роль коммунистической партии в борьбе рабочего класса против капитализма и за торжество социализма» [17, s. 25].

Эта точка зрения, которая последовательно воплощалась в 1950-е гг., с новой интенсивностью возвращалась и в период нормализации. Новое и более широкое значение приобретало осмысление, поскольку оно относилось уже не только к тому фильму, который имел свое зарезервированное место в публичных кинотеатрах, но к фильму телевизионному и серийному творчеству, которое ежедневно транслировалось в домах широких слоев населения.

Убедительность изображавшегося фильмом действия заключается в его визуальной конкретике. Исторический фильм, который претендует на изложение для зрителей картин прошлого и тем самым конкурирует с историческим текстом, может – как и текст – скрывать что-то только тем, что оно не отражается в конкретной сцене. Но если в тексте о короле можно обойти факт, что он голый, то в фильме сделать это не так просто. Кинообраз должен отражать «полностью» свой персонаж, особенно если он находится в центре внимания – с большим количеством черт и взаимодействий с внешним миром; тогда он сможет достичь своей цели. Нужно дать

¹ Плевза, который был научным редактором труда «Prehľad dejín KSČ na Slovensku», в середине 1970-х годов написал работу о коммунистическом движении в Словакии: «Trvalé hodnoty»; в ней он фактически вернулся к догматическому канону и стереотипам 1950-х годов.

зрителю ощущение, что для него возродилось прошлое, чтобы избежать впечатления, будто он видит всего лишь пустую и примитивную пропаганду. Эффективность фильма заключается в том, что своими специфическими средствами он потенциально может как можно теснее приблизиться к представлению Ранке о роли истории, представлять, «как было на самом деле». При этом в каждом случае невыполнимое требование подобной комплексности кроется и его уязвимом месте. Создатель фильма либо добросовестно реконструирует полную картину реальности на основе исторических фактов, либо же он вынужден их выдумать. У него нет выбора – в последовательности изображений он обязан предъявить конкретную тотальность, либо изложить совокупность исторических реалий. В этих требованиях кроются фактографические слабые стороны исторического фильма как такового, но в этом заключается и сила его психологического убеждения, его потенциал для использования в целях пропаганды.

Авторы одного из немногих исследований, которые занимаются изображением К. Готвальда в чехословацком кино и на телевидении, ссылаются в этой связи на слова философа Мирослава Петржичка: «Кино, а в этом заключается его (риторическая) сила, всегда несет в себе нечто из не вызывающего сомнений фотоснимка: так было. Но это – иллюзия ничуть не больше, нежели во многом проблематичная вера в истинность истории Мишле. Кино, как и книга, воскрешает прошлое по тем следам, которые после него остаются. Цитируемый в тексте документ является столь же реальным, как и костюм в историческом фильме; в обоих случаях речь идет об определенном отборе фактов, который подчинен общему понятию или образу. И в этом плане фильм всегда будет более эффективным, если речь идет о реконструкции прошлой жизни. Исторические фигуры на киноэкране оживают» [13, s. 15–16; см. также: 2, s. 4, 6].

Если говорить о фильме «Зрелая молодость» периода нормализации – единственном в чехословацком кинематографе, посвященном деятельности Готвальда в Словакии, то упоминавшаяся вера в правдивость его персонажей точно так же проблематична, как и вера в истинность книги 1950-х гг. о молодом Клементе Готвальде.

Кинофильм «Зрелая молодость» (1983)

Работа над фильмом велась ключевой инстанцией по изучению истории партии в Словакии – Институтом марксизма-ленинизма ЦК КПС. Он был создан 1 июня 1971 г. на основе постановления Президиума ЦК КПС, на базе бывшего Института истории КПС и являлся идеологическим гарантом нормализации в области общественных наук, в первую очередь в историографии. Профессиональным консультантом фильма стала сотрудница Института З. Голотикова, автор глорифицированного портрета Готвальда 1953 года. За тридцать лет, которые отделяют одно произведение от другого, словацкая история и сама историография коммунистической партии в Словакии пережили драматическое развитие и многие повороты.

Фильм «Зрелая молодость» – уже второй фильм, который появился в годы нормализации о начале политической карьеры К. Готвальда. Первым стал фильм «Двадцать девятый» (1976), который отражает ключевую веху в его жизни и в развитии КПЧ – год 1929. В этом году завершился проходивший в течение нескольких лет процесс большевизации Коммунистической партии Чехословакии, неразрывно связанный с карьерным ростом Готвальда – от поста главного редактора

словацкой коммунистической прессы до лидирующей роли в общегосударственной партии. Кинофильм «Зрелая молодость» посвящен еще более раннему периоду деятельности Готвальда в Словакии, т. е. 1921–1924 годы. Общим для двух этих фильмов является тот факт, что сценарии к ним были отмечены наградами на конкурсе литературных идей, объявленном в связи с 25-й годовщиной «Победоносного февраля». Одна из тем конкурса – жизнь и деятельность Клемента Готвальда. Сценарий фильма «Двадцать девятый» Ярослава Матейки и Антонина Кахлика получил в этой номинации первую премию, а сценарий фильма «Твердый хлеб» Максимилиана Нитры, являвшийся предвестником фильма «Зрелая молодость», получил широкое признание [2, s. 7–8].

В 1983 году авторы сценария получили уникальную возможность по-новому сконструировать образ «Готвальда в Словакии». История, начинающаяся с приезда Готвальда в Банскую Быстрицу в сентябре 1921 г., тем самым могла после трех десятилетий развернуться снова, на этот раз как на киноэкране, так и на экране телевизора. Но шанс этот был в большей или меньшей мере заранее обречен. Изображение Клемента Готвальда и кинореконструкция его пребывания в Словакию полностью соответствуют каноническому изображению Готвальда периода 1950-х годов. Учитывая, что съемки фильма проходили в начале 1980-х, а не 1950-х годов, а также то, что речь шла о фильме, а не о тексте, этот догматический канон выстраивался с еще большими трудностями, хотя и не без успеха.

Моментом истины, который многое открывает в степени инноваций в разработке темы, является одна из вводных сцен фильма. Первым, кого Готвальд встретил после своего прибытия на железнодорожную станцию в Банской Быстрице, был Карол Бацилек. Зовут его Карол Бачик, он бежит от жандармов. Но в фильме он появляется и несколько позднее, после приезда Готвальда во Врутки – в типографии «Братство», представ перед Готвальдом в очках и с фальшивыми усами, которые с него со смехом срывают стоявшие рядом работники типографии. Тот его узнает, и с этого момента Бацилека нередко можно видеть в окружении Готвальда.

Частое появление этой веселой, беззаботной, вплоть до комедийности, фигуры рядом с Готвальдом во Врутках, но также место и значимость других персонажей красноречиво говорят о том, кто же был главным источником вдохновения для создателей фильма. Они справились с задачей изображения истории политически-конформистскими методами и закрепили ее в официальных источниках, которые легли в основу деятельности Готвальда и в 1950-е годы. Из титров фильма узнаем, что над ним, помимо Института марксизма-ленинизма и Музея революционной прессы Клемента Готвальда, работали и многие живущие очевидцы. В 1983 году это могла быть только Мария Вавакова (1893–1985), которая являлась важным свидетелем в книге З. Гологиковой, вышедшей в 1953 г., а в самом фильме она представлена как одна из важнейших опор Готвальда. Это ангажированная театралка, организатор и воодушевленный агитатор, «мать и сестра» – как величает ее в конце фильма Готвальд.

Кто получал слово, тот и фигурировал в фильме. Из сопоставления воспоминаний следует, что, помимо М. Ваваковой, к ним относился и плотник-коммунист, участник Сопrotивления в годы войны, общественный деятель и обладатель нескольких наград Ондрей Стриж (1890–1961) из Банской Быстрицы. Среди свидетелей он занимал видное место – в пятидесятые годы при создании глорифицированного образа Готвальда в Словакии ему принадлежит роль главного свидетеля его приезда в Банскую Быстрицу [5; 12].

Общий настрой фильма возносит Готвальда в статус Прометея. Его решительность и авторитет проявляются не только в подготовке коммунистической печати и организации физкультурного движения, но и в любительском ангажированном театре. Он управляет, организует, комментирует, пишет, общается, достает велосипеды для проведения агитационной работы и в конечном счете в деревне, в которой ведет агитацию, помогает тушить горящий дом¹. О «твердокаменном» характере Готвальда, представленном в фильме «Зрелая молодость», можно сказать то же, что и о фильме «Двадцать девятый». Мы видим его «как молодого, полного решимости бороться человека, который ведет борьбу за рабочих... Он поступает мудро, не поддается эмоциям, как некоторые его однопартийцы... Фильм предлагает взглянуть на частную жизнь Готвальда, но даже эти сцены не выдают в этом политике человека, а лишь служат еще одним доказательством его изображения как коммунистического лидера. В официальной «твердокаменности» просто немыслимо было найти место для частной жизни, важнее было создать образ человека в высшей степени политического, человека-борца» [2, с. 7–8].

В фильме разыгрывается небольшой, но не раскрытый до конца сюжет – история любовных взаимоотношений К. Готвальда и деревенской девушки Милки. Готвальд отказывается от любви во имя работы в партии и коммунистической печати и – в стиле романтических революционеров штуровского типа – «следует за идеей» во Врутки. Задумчивое меланхолическое настроение вследствие несостоявшихся отношений, приукрашенное музыкой Светозара Страчины, тут же сменяется радостной атмосферой типографии «Братство» во Врутках, в которой разыгрываются сцены, лучше всего передающие настроение фильма. Там Готвальд оказывается в ситуации, которая описывается и в монографии З. Голотиковой. Он приходит с просьбой оказать помощь в издании газеты «Нлас Гуду». Все радостно окружают и приветствуют его, после чего он с воодушевлением принимается за работу над новым номером газеты. Еще более красноречивой выглядит другая сцена, когда Готвальд оказывается в своей комнате – одном из мест в типографии, которое ему выделили для проживания и работы. В небольшой комнатке вокруг гостя столпились одиннадцать человек. Люди, стоящие полукругом за спиной Готвальда, создают впечатление компании энтузиастов, которые слушают Готвальда и кивают. Они не перебивают друг друга, каждый говорит по отдельности, краткими фразами: металлическую кровать со словами «Клемо, она будто создана для тебя» – пробует собственным весом Бацилек; «ну что же вы хотите, металлическая кровать, твердые идеи» – приговаривает после него машинист Вавак; «белье тебе буду стирать я» – предлагает одна из женщин в платке; «наконец-то ты среди нас» – говорит в конце мастер из типографии. Затем все с улыбкой и удовлетворением наблюдают, как Готвальд радуется своему жилью².

Контрапунктом личности Готвальда снова, как и тридцать лет назад, выступает личность Верчика. В фильме это персонаж с фамилией Лакшик. По сравнению с книгой 1953 года он изображен более детально. Поначалу он вызывает симпатию, хотя его стихийно-крамольное поведение Готвальду сразу же не понравилось. Постепенно в его характере появляется все больше предостерегающих негативных черт.

¹ Фильм идет 44 минуты.

² 37,44–38,20 мин.

В ответственные моменты он проявляет нерешительность, в то время как Готвальд, в отличие от него, является воплощением решимости и рациональности. Когда его показывают в конкретных ситуациях, повторяются стереотипы, изображающие Верчика в 1950-е годы. Лакшику вменяется в вину, что из своей пятитысячной парламентской зарплаты он не отдает даже одной тысячи на прессу – «так, как это делают другие депутаты-коммунисты»¹. Он пытается поднять в коммунистической среде «судьбоносный национальный вопрос». Хотя Готвальд соглашается с ним, но, в соответствии с ортодоксальной политической линией, назидательно говорит: «В условиях капитализма решить национальный вопрос в принципе невозможно». Лакшик изображается человеком, который больше говорит, нежели работает, а при решении вопроса о трагической забастовке текстильщиков в Тренчине его изгоняют из типографии. Последняя сцена с ним уже прямо указывает на его «обуржуазивание». В полупьяном виде и с бутылкой шампанского в руке, среди ночи, он стучит в окно, за которым работает Готвальд. Он говорит ему, что жизнь нужно понимать и познавать, что его тянет к отдыху, развлечениям и наслаждениям. За его спиной стоят две смеющиеся дамы в городской одежде. Усталый и недовольный Готвальд, конечно же, отказывается от столь сомнительного предложения.

Заметное изменение в готвальдовской мифологии по сравнению с 1950-ми годами произошло в связи с двумя другими персонажами. Пострадавшие от сталинских репрессий Барбора Резлерова-Шварцова и Ладислав Шварц, которые в процессе десталинизации в Чехословакии вернулись в официальную память, также появляются в «Зрелой молодости». Они, в отличие от Верчика, остаются на стороне правых, но находятся на заднем плане.

В отличие от 1950-х годов, Ладислав Шварц в 1980-е гг. в официальной памяти уже был частично реабилитирован и возвращен в историю КПЧ в Словакии как видный деятель движения. В изданном в 1976 году обширном биографическом очерке читаем: «В течение всего периода его деятельности в 1921–1925 гг. (до лета) не было ни одной недели, чтобы мы с ним не встречались на различных рабочих мероприятиях – будь то организация партийных собраний, публичные партийные митинги, массовые собрания, заседания муниципального совета города Банская Быстрица, подготовка строительства Рабочего дома и пр. Везде мы видели его в качестве не только организатора, но и пламенного оратора и агитатора коммунистической политики» [10, с. 110].

Что касается трагического конца Шварца, палец умолчания на устах историографов остался. После отъезда в Россию он стал жертвой сталинских процессов, но до сих пор в наиболее полном биографическом издании, которое ему посвящалось в научной литературе, говорится предельно кратко: «умер в Москве» [Ibid., с. 112]. В 1938 году Ладислава Шварца арестовали, обвинили в шпионаже, он исключен из ВКП (б) и осужден на 5 лет тюремного заключения. Умер в тюрьме в 1940 году.² Такая же участь постигла и Барбору Резлерову, которая также закончила свой жизненный путь в Советском Союзе как жертва сталинского режима. В годы сталинских чисток она находилась под следствием, была исключена из партии, а в 1941 г. подверглась тюремному заключению и в том же году умерла.

¹ Верчик был депутатом Национального собрания в 1925–1929 годах.

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Опись 272. Дело 523.

В последнее время о Барборе Резлеровой появилась большая статья Э. Угровой [19, s. 66–77]. Оба они – Шварц и Резлерова – после 1956 г. реабилитированы по-смертно, что дало им возможность снова вернуться в историю Чехословакии. Барбора Резлерова после возвращения в чехословацкую историографию в начале 1960-х гг. даже стала появляться в обывательском дискурсе. Ее личностью заинтересовался журнал для женщин «Slovenka», который уделял ей внимание как основательнице издания «Proletárka» [19, s. 76].

Персонаж фильма Барушка – Барбора Резлерова-Шварцова – в отличие от фиктивной Милки и свидетеля Марии Ваваковой – полноценно дополнила женскую линию в фильме. Опытный редактор, организатор и агитатор рядом с Готвальдом, в интерпретации Дианы Хорватовой она предстает, скорее, как визионер, устремленный в будущее, а также как муза, которая вдохновляла его творчески. Это является и ее ограниченностью. Воодушевленная, она вдохновляет и помогает найти точку опоры в моменты сомнения тому, от кого исходят реальные решения, статьи и поступки – Готвальду. Резлерова является повтором фигуры Ваваковой. Как и Марушка Вавакова во Врутках, так и Барушка Резлерова в Быстрице вселяют в Готвальда в минуты сомнений надежду и решительность. И Марушка, и Барушка – женщины замужние, но личность Готвальда обеим явно импонирует и во многих отношениях затеняет фигуры их мужей – Йозефа Вавака и Ладислава Шварца. Их взгляды – но легко поддаются впечатлению, что и сердца тоже – принадлежат Готвальду.

Фильм заканчивается первомайским днем 1924 г. во Врутках и пением Интернационала. Вместе с переездом партийной печати и ее редактора Клемент Готвальда в Оставу. В последних сценах он оказывается уже только на первом плане кучки прощающихся людей – сначала типографских работников в Братиславе (которые дарят ему трубку), а затем товарищей из Вруток и Быстрицы на железнодорожной станции. Среди них можно увидеть и тех, кто в 1950-е гг. еще не имел права быть изображенным в прометеевском образе «Готвальда в Словакии». В конце фильма 1983 года можно было бы использовать те же слова, какие отыскиваются в хвалебной книге 1953 года: он уходит после того, как «внес огромный вклад в основание партии, укрепил ее организационно, вознес идеологически, воспитал для партии преданных работников...» [5, s. 6]. Остается фактом, что историческая реальность наряду с однозначно хвалебной трактовкой личности Готвальда в очередной раз оказалась в проигрыше.

После 1989 года молодой Готвальд в образе Прометея, как и другие реквизиты, среди исторического хлама. Но до этого времени режим заботливо культивировал и ревниво оберегал его. Канон его эпических изображений, особенно тех, которые предназначались для широкой публики в пятидесятые годы, а затем в период нормализации, не претерпел существенных изменений. Как было продемонстрировано на двух «просветительских» произведениях, непосредственно затрагивавших тему «Готвальд в Словакии», его имидж менялся лишь в деталях. Тем не менее их можно считать в значительной мере показательными, отражавшими те изменения, которым подвергался режим не только в Чехословакии, но и в Советском Союзе. На иконном изображении можно было увидеть отдельных персонажей, появившихся в ближайшем окружении Готвальда. Их присутствие или отсутствие в официальной памяти режима было гораздо красноречивее, нежели простое отражение

исторической реальности, и являлось, скорее, следствием отлучения и чисток в рамках «святого сообщества» коммунистического движения.

Перевод со словацкого Э. Г. Задорожнюк

Список литературы

1. Дэвлин Дж. Миф о Сталине: развитие культа // Труды «Русской Антропологической школы». Вып. 6. М., 2009. С 213–240. URL: <http://ec-dejavu.ru/s-2/Stalin.html>
2. Bednařík P., Dominik Š. Zobrazení Edvarda Beneše a Klementa Gottwalda v československé kinematografii a televizních seriálech v období normalizace // Pražské sociálně vědní studie. Mediální řada. MED-018. Praha, 2011.
3. Benko J. Cesta Júliusa Verčička do Ruska v období diferenciacie sociálnej demokracie (1920) // Věstník grantu. KSČ a radikální socializmus v Československu 1918–89. Č. 10. Praha, 2004.
4. Holotík L. Sjazd sociálnodemokratickej strany (ľavice) na Slovensku v januári 1921 // Historický časopis. 1963.
5. Holotíková Z. Klement Gottwald na Slovensku v rokoch 1921–1924. Bratislava, 1953.
6. Hudek A. Najpolitickéjšia veda. Slovenská historiografia v rokoch 1948–1968. Bratislava, 2010.
7. Lewin M. Russian Peasants and Soviet Power. New York and London, 1968.
8. Mlynárik J. Robotnícke hnutie v Turci 1918–1938. Banská Bystrica, 1969.
9. Mlynárik J. Spor o Júliusa Verčička // Historický časopis. 1994. Roč. 42. Č. 2.
10. Motoška V. et al. Z prvých bojov a víťazstiev. Banská Bystrica, 1976.
11. Nečásek F. Mláďi Klementa Gottwalda. Praha, 1950.
12. Október 1917: spomienky na jeho ohlas u nás. Ed. Ján Mlynárik. Bratislava: SNPL, 1957.
13. Petříček M. Filmové dějiny // Film a dějiny. Ed. P. Kopal. Praha, 2004.
14. Pleva J. Václav Chlumecký. Martin, 1958.
15. Plevza V. Trvalé hodnoty. Zv. 1. Bratislava, 1976.
16. Prehľad dejín KSČ na Slovensku. Ed. V. Plevza. Bratislava, 1971.
17. Rak J. Film v proměnách moderního českého historizmu // Film a dějiny. Ed. P. Kopal. Praha, 2004.
18. Šuchová X. KSČ na Slovensku v medzivojnovom období ako predmet slovenskej historiografie // Věstník grantu. KSČ a radikální socializmus v Československu 1918–89. Č. 3. Praha, 2002.
19. Uhrová E. Česká novinářka Barbora Rezlerová-Švarcová. Neznámá postava v zrcadle známých udalostí v 1. polovině 20. století // Bolševismus, komunizmus a radikální socializmus v Československu. Sv. V. Praha, 2005.
20. Zavacká M. Slzy smútku, slzy radosti, zlé a dobré správy. Reakcie štátu a obyvateľstva na smrť J. V. Stalina a K. Gottwalda // Petruš P. a kol. Slovensko a Československo v XX. storočí. Bratislava, 2010.

Поступила 12.07.2017; принята к публикации 12.08.2017

Бенко Юрай, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела новейшей истории, Исторический институт Словацкой академии наук, г. Братислава, Словацкая Республика, juraj.benko@savba.sk

**CHANGES IN THE IMAGE
OF THE YOUNG KLEMENT GOTTWALD AFTER 1948**

Juraj Benko

The article is devoted to the analysis of the image of Klement Gottwald during his activity in Slovakia, which was formed during the years of socialist dictatorship in Czechoslovakia (1948–1989). This part of Gottwald's life, representing a short and specific period at the very beginning of his political career, preceded his career growth in the structures of both the Communist Party of Czechoslovakia and the state power. The author focuses on two works devoted to the study of this period and appeared at two different stages of the socialist dictatorship: the historical monograph of Zdenka Holotíková, which was published in 1953, and the Slovak historical film “Mature Youth” (1983). In the period between the appearance of these two products, the state of historical knowledge has changed. In the 1960s, many interpretative dogmatic schemes disappeared from historiography, including the image of the young Gottwald, who lost his Promethean pathos. However, the subsequent normalization period reversed this process, which could not but be reflected in the figure of Gottwald, which again was turned into a stabilizing element of the regime. As a result, the canonical image of the young Gottwald in the two works mentioned, as in other works, did not undergo significant changes. The image has changed, more likely, in details, but they were mainly witnesses. The study shows how the changes in the political situation in Czechoslovakia and the Soviet Union influenced the appearance or removal from the historical context of a particular figure. The presence or absence of historical figures – Gottwald's associates in the period of the formation of the communist movement in Slovakia in the 1920s. – in the official memory of the regime was to a lesser extent a reflection of historical reality, and more – a consequence of excommunication and rehabilitation within the communist movement.

Keywords: Klement Gottwald, historiography, historical memory, socialist dictatorship, Czechoslovakia 1948–1989, propaganda, film.

Acknowledgements: the article was prepared within the framework of the project “Kontinuity a diskontinuity politických a spoločenských elít na Slovensku v 19. a 20. storočí”, supported by the Agency for the Support of Research and Development; Contract No. APVV-14-0644.

The article was translated in the framework of the project of the Russian State Humanitarian Fund № 16-01-14040.

Citation for an article: Benko J. Changes in the image of the young Klement Gottwald after 1948. *West – East*. 2017, no. 10, pp. 136–153.

DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-136-153

References

1. Devlin J. Mif o Staline: razvitie kul'ta [Myth about Stalin: cult development]. *Trudy «Russkoj Antropologicheskoy shkoly»* = Proceedings of the “Russian Anthropological school”, issue. 6. Moscow, 2009, pp. 213–240. Available from: <http://ec-dejavu.ru/s-2/Stalin.html> (In Russ.)
2. Bednařík P., Dominik Š. Zobrazení Edvarda Beneše a Klementa Gottwalda v československé kinematografii a televizních seriálech v období normalizace [The presentation of Edvard Beneš and Klement Gottwald in Czechoslovak cinematography and television series in the period of normalization]. *Pražské sociálně vědní studie. Mediální řada* = Prague Social Science Study. Media series, MED-018, Praha, 2011. (In Czech.)

3. Benko J. Cesta Júliusa Verčiča do Ruska v období diferenciacie sociálnej demokracie (1920) [Július Verčič's Way to Russia in the Period of Social Democracy Differentiation (1920)]. *Věstník grantu. KSČ a radikální socializmus v Československu 1918–89* = Grant Bulletin. Communist Party and radical socialism in Czechoslovakia 1918–89, Č. 10. Praha, 2004. (In Slovak.).
4. Holotík L. Sjazd sociálnodemokratickej strany (ľavice) na Slovensku v januári 1921 [Meeting of the Social Democratic Party (Left) in Slovakia in January 1921]. *Historický časopis* = Historical magazine. 1963. (In Slovak.).
5. Holotíková Z. Klement Gottwald na Slovensku v rokoch 1921–1924 [Klement Gottwald in Slovakia in the years 1921–1924]. Bratislava, 1953. (In Slovak.).
6. Hudek A. Najpolitickjšia veda. Slovenská historiografia v rokoch 1948–1968 [The most political science. Slovak historiography in the years 1948–1968]. Bratislava, 2010. (In Slovak.).
7. Lewin M. Russian Peasants and Soviet Power. New York and London, 1968. (In Engl.).
8. Mlynárik J. Robotnícke hnutie v Turci 1918–1938 [The Workers' Movement in Turks 1918–1938]. Banská Bystrica, 1969. (In Slovak.).
9. Mlynárik J. Spor o Júliusa Verčiča [The dispute over Július Verčič]. *Historický časopis* = Historical magazine, 1994. Roč. 42. Č. 2. (In Slovak.).
10. Motoška V. et al. Z prvých bojov a víťazstiev [From the first battles and victories]. Banská Bystrica, 1976. (In Slovak.).
11. Nečásek F. Mláďi Klementa Gottwalda [Youth of Klement Gottwald]. Praha, 1950. (In Czech.).
12. Október 1917: spomienky na jeho ohlas u nás [October 1917: memories of his response to us]. Ed. Ján Mlynárik. Bratislava: SNPL, 1957. (In Slovak.).
13. Petříček M. Filmové dějiny [Film history]. *Film a dějiny* = Film and History, ed. P. Kopal. Praha, 2004. (In Czech.).
14. Pleva J. Václav Chlumecký [Vaclav Chlumecky]. Martin, 1958. (In Slovak.).
15. Plevza V. Trvalé hodnoty. Zv. 1 [Permanent values. Vol. 1]. Bratislava, 1976. (In Slovak.).
16. Prehľad dejín KSČ na Slovensku [Overview of the CPC History in Slovakia]. Ed. V. Plevza. Bratislava, 1971. (In Slovak.).
17. Rak J. Film v proměnách moderního českého historizmu [Film in Transformations of Modern Czech Historism]. *Film a dějiny* = Film and History, ed. P. Kopal. Praha, 2004. (In Czech.).
18. Šuchová X. KSČ na Slovensku v medzivojnovom období ako predmet slovenskej historiografie [KSČ in Slovak Republic in the Interwar Period as Subject of Slovak Historiography]. *Věstník grantu. KSČ a radikální socializmus v Československu 1918–89* = Grant Bulletin. Communist Party and radical socialism in Czechoslovakia 1918–89, Č. 3. Praha, 2002. (In Slovak.).
19. Uhrová E. Česká novinářka Barbora Rezlerová-Švarcová. Neznámá postava v zrcadle známých udalostí v 1. polovině 20. Století [Czech journalist Barbora Rezlerová-Švarcová. Unknown figure in the mirror of known events in the first half of the 20th century]. *Bolševismus, komunizmus a radikální socializmus v Československu* = Bolshevism, communism and radical socialism in Czechoslovakia, Sv. V. Praha, 2005. (In Czech.).
20. Zavacká M. Slzy smútku, slzy radosti, zlé a dobré správy. Reakcie štátu a obyvateľstva na smrť J. V. Stalina a K. Gottwalda [Tears of sorrow, tears of joy, evil and good news. State and Population Reactions to the Death of J. V. Stalin and K. Gottwald]. *Petruf P. a kol. Slovensko a Československo v XX. storočí* = Petruf P. et al. Slovakia and Czechoslovakia in XX. century, Bratislava, 2010. (In Slovak.).

Submitted 12.07.2017; revised 12.08.2017

Juraj Benko, Ph. D. (History), Research Fellow at the Department of Interwar and WWII history, Institute of History of Slovak Academy of Sciences, Bratislava, Slovak Republic, juraj.benko@savba.sk

УДК 930

СЛОВАЦКИЕ КОНТАКТЫ РОМАНА ЯКОБСОНА**М. Завацка**

Рассматривается деятельность известного русского и американского филолога и историка литературы Р. О. Якобсона (1896–1982) во время его пребывания в Чехословакии. В центре внимания автора статьи история развития академических и личных связей ученого со словацкими лингвистами и литераторами на протяжении почти пятидесяти лет, а также возможность его влияния на словацкое академическое сообщество. Автором на основе архивных материалов и опубликованных документов представлен круг интересов и знакомств филолога в период его пребывания в Праге, Брно и Братиславе, начиная с его первого посещения в 1920 году и до последнего – в 1968 году. Статья содержит оценку деятельности Якобсона в период эмиграции в США, когда он тесно сотрудничал с чехословацким правительством в эмиграции и способствовал созданию кафедры богемистики им. Масарика в Колумбийском университете. На основе уникальных архивных материалов, в частности агентурных сообщений полицейской слежки за ученым, в статье показаны обстоятельства официальных визитов Якобсона на заседания славистов в Праге и Братиславе. Представлен круг словацких ученых, с которыми Якобсон поддерживал контакты, сделана попытка проанализировать возможное влияние известного лингвиста на словацких студентов. Подробно проанализированы все обстоятельства нечастых визитов Якобсона в Словакию, от которых зависела возможность и интенсивность его контактов со словацкими политическими деятелями и представителями академического сообщества славистов. Особое внимание в статье уделено оценке в Словакии деятельности «опального» ученого в конце 1950-х годов, когда наступило некоторое потепление во времена хрущевской оттепели, и в 1960-е годы. Восстановлены подробности его краткого пребывания в Братиславе в августе 1968 года, когда он посетил целый ряд научных учреждений и получил Золотую медаль Словацкой академии наук.

Ключевые слова: Р. Якобсон, языкознание, структурализм, Братиславский лингвистический кружок, научные контакты.

Благодарность: статья подготовлена в рамках проекта «Zmeny, premeny a výmeny slovenských politických, kultúrnych a intelektuálnych elít v rokoch 1938–1958» («Изменения и преобразования словацкой политической, культурной и интеллектуальной элиты в 1938–1958 годах») в Институте истории Словацкой академии наук при поддержке контракта VEGA № 2/0142/16. Статья переведена в рамках проекта РГНФ № 16-01-14040.

Для цитирования: Завацка М. Словацкие контакты Романа Якобсона // Запад – Восток. 2017. № 10. С. 154–162.

DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-154-162

Научные и дружеские контакты Р. Якобсона со словацкими деятелями культуры берут начало в межвоенный период его пребывания в Чехословакии, куда он приехал в 1920 году. Первоначально он занимал пост сотрудника российской миссии Красного Креста, но вскоре приступил к продолжению занятий филологией в Карловом университете и в пражском Немецком университете. Одновременно он служил в советской торговой миссии, а позднее – в советском дипломатическом представительстве в Праге, где в 1925 г. работал в должности заведующего бюро печати [6, с. 272–275]. Несмотря на постепенное ужесточение требований к дипломатическим кадрам, руководителю полпредства В. А. Антонову-Овсеенко до конца 1920-х годов удавалось сохранять за Якобсоном место внештатного сотрудника.

В этот период Якобсон завязал дружеские контакты со многими известными гостями знаменитой виллы «Тереза», в которой располагалась резиденция миссии. В этот круг входил и словацкий публицист и поэт, убежденный коммунист Лацо Новомеский, активно включившийся позднее в политику. Он помог Якобсону наладить тесные связи с молодыми словацкими интеллектуалами коммунистической ориентации, группировавшимися вокруг литературного журнала «Дав»¹.

Налаживанию контактов Якобсона со Словакией способствовала и пражская университетская среда, благодаря которой, например, завязалось его знакомство с будущим прославленным словацким лингвистом Людовитом Новаком², а также с его коллегами, тогдашними студентами.

В середине 1930-х годов Якобсон стал преподавателем русской филологии в Университете имени Масарика в Брно. Вследствие малочисленности рядов академического сообщества удержание на плаву новых кафедр в Братиславском университете зависело от «чемоданных профессоров», приезжавших на преподавательскую работу из Праги или Брно, которые в свою очередь привлекали для чтения лекций, проведения бесед, полевых исследований и экскурсий своих коллег и знакомых [2, с. 139].

То же самое касалось и театра, литературы и других сфер культуры, для которых были характерны тесные чешско-словацкие контакты. О естественности такого рода культурной диффузии говорит в своих воспоминаниях словацкая писательница Зузка Згуришка³, жившая в 1930-е гг. в Словакии. Она описывает историю знакомства с Якобсоном следующим образом: во время одного из многочисленных посещений оперы в Брно она и ее муж познакомились с художником Йозефом Шимой, который жил в Париже, но часто приезжал в Брно к отцу и брату. Потом она сблизилась и с приятелем Шимы, поэтом Витезславом Незвалом, и вошла в круг его знакомых. Затем на выставке живописных работ Шимы в братиславской

¹ *Ладислав (Лацо) Новомеский* (1904–1976) – поэт, редактор, педагог, член КПЧ с 1925 г., участник антифашистского сопротивления, политик. Был заместителем председателя Словацкого национального совета во время Словацкого национального восстания 1944–1945, уполномоченным по образованию и просвещению в 1945–1950 гг., членом президиума ЦК КПС. В 1951–1955 годы – политический заключенный по делу о «буржуазных националистах». Выйдя из заключения, работал в пражском Памятнике национальной письменности, а после реабилитации в 1963 г. – в братиславском Институте словацкой литературы САН. После ввода войск Варшавского договора в Чехословакию снова занял пост члена президиума ЦК КПС и председателя Матицы словацкой.

² *Людовит Новак* (1908–1992) – ученый-лингвист, в 1926–1932 гг. учился в Карловом университете в Праге, а в 1932–1934 годы – в Сорбонне.

³ *Зузка Згуришка* (псевдоним Зузаны Дворжаковой, в девичестве Шимоновичовой (1900–1984), словацкая писательница и переводчица.

галерее «Умелецка беседа» рядом оказались портреты Незвала, Згуришки и первой жены Якобсона Софьи (Сони) Фельдман¹.

Позднее Незвал пригласил с собой в поездку из Брно в Братиславу и самого Якобсона. Вместе с Яном Мукаржовским, преподававшим в те годы эстетику в Университете им. Коменского, Зузка Згуришка вместе с мужем посадила в одно воскресное утро всех троих в автомобиль, и они поехали по хуторам в окрестностях ее родного городка Мьявы [9, с. 151–152]. По некоторым источникам этот контакт также считается «чешским», ведь Згуришка была женой чешского адвоката Ярослава Дворжака, и ее настоящая фамилия была Дворжакова. Подобным образом «скрыта» еще одна словачка из круга тогдашних коллег Якобсона – жена известного чешского лингвиста Франка Вольмана, публицист Нина Файнорова-Вольманова, происходившая из известной словацкой протестантской семьи интеллектуалов Файноров².

Еще один визит Якобсона в Братиславу зафиксировал в своих мемуарах публицист и драматург Тидо Й. Гашпар³, который тогда активно сотрудничал с «давистами», а в 1935 г. даже выступил с главной речью в Словацком национальном театре на мероприятии в честь Дней советской культуры, организованном Обществом культурных и экономических связей с СССР [4, с. 57]. Он вспоминает, что его друг Владимир Клементис⁴ часто приводил к нему домой «Илью Эренбурга, Романа Якобсона и других гостей из России», так что у него возникло ощущение, что сам он становится частью их дорожных записок как «некая словацкая диковинка» [5, с. 103].

О степени прямого и косвенного влияния Якобсона на словацких студентов и преподавателей в этот период свидетельствует высокая оценка в его адрес профессора Микулаша Бакоша, который отвел ему одно из первых мест в истории развития словацкой лингвистики [1, с. 170].

После развода с первой женой в 1935 году Якобсон женился на чешской лингвистке Сватаве Пирековой⁵, с которой в разгар войны уехал в эмиграцию – сначала в Скандинавию, а после в США. Здесь он тесно сотрудничал с чехословацким правительством в эмиграции и способствовал созданию кафедры богемистики им. Масарика в Колумбийском университете. Этот поступок имел большое символическое значение, поскольку во время войны на территории «протектората Богемии и Моравии» нацисты закрыли все университеты.

После войны телеграмма Якобсона о готовности снова занять место профессора пришла в Брно сразу же после возобновления телеграфной связи. Имея в виду перспективу возвращения в Чехословакию, он вначале даже отказался от предложенного места в Гарварде [7, с. 81], однако по мере усиления коммунистов его возвращение в Брно под бюрократическими предложениями откладывалось и так и не осуществилось вплоть до их прихода к неограниченной власти в 1948 году.

¹ По данным Йозефа Моймира Веймана от 1996 г., портрет является в настоящее время частной собственностью потомков Софьи Фельдман-Гаасовой (Софья Николаевна Фельдман (1899–1982), во втором браке Гаасова), а именно – ее дочери Ольги Смрчковой-Гаасовой (Weimann, Josef Mojmir. Tjojí setkání s Romanem Jakobsonem).

² Анна Эмилия (Нина) Файнорова-Вольманова-Дакснерова (1902–1984) – писатель, переводчик, редактор.

³ Тидо Гашпар (1893–1972) – писатель, драматург, журналист, близкий к группе «ДАВ». В 1941–1945 гг. – глава Департамента пропаганды профашистского Словацкого государства. После войны осужден на пожизненное заключение, амнистирован в 1958 году.

⁴ Владимир Клементис (1902–1952) – словацкий публицист, юрист, политик-коммунист.

⁵ Сватава Пирекова-Якобсон (1908–2000) – чешская переводчица, социолог и этнограф.

В самой Чехословакии после войны удалось на несколько лет возобновить деятельность Пражского лингвистического кружка, а в конце 1945 г. второе поколение словацких структуралистов основало на базе Университета им. Коменского родственный ему Братиславский лингвистический кружок [3, с. 88–89]. После 1948 года некоторые из ведущих ученых Лингвистического кружка лишились своих академических постов, получив ярлык «буржуазных националистов» или «классовых врагов», а другие подчинились «новым тенденциям» в языкознании по советскому образцу. В результате кружки прекратили свое существование.

В этот период жертвами сталинизма стали и многие люди из широкого круга словацких друзей Якобсона межвоенного двадцатилетия, начиная с Владимира Клементиса, ставшего после войны министром иностранных дел, чья жизнь закончилась в 1952 году на виселице. Лацо Новомеский находился в заключении с 1952 по 1955 годы. Преследованиям как подозрительная личность и «троцкист» подвергся и Арношт Унгар из городка Дольный Кубин на севере Словакии, который был родственником казненного литературоведа и критика Завиша Каландры¹. Как свидетельствуют документы Архива органов безопасности Чешской Республики, Людовит Новак жил практически во «внутренней эмиграции» на севере Словакии в городке Стара Любовня².

В официальной кампании чехословацких сталинистов против космополитизма в лингвистике, развязанной в печати в 1951 г., и сам Якобсон стал одной из наиболее одиозных фигур как «эмигрант-антисоветчик, космополит и скрытый троцкист, поистине злой гений нашего языкознания»³. В это же самое время в США маккартисты пытались приклеить Якобсону ярлык коммуниста; с другой стороны, ему старались помочь знакомые еще с военного времени, когда он сотрудничал с чехословацким правительством в изгнании на Западе, действовавшим теперь под эгидой Совета свободной Чехословакии. Пост его председателя занимал в то время бывший министр внутренних дел правительства в изгнании Юрай Славик-Нересницкий, уроженец села Добра Нива близ города Зволен, который, будучи послом Чехословакии в США, поддержал в 1947 г. намерение Якобсона вернуться в Университет им. Масарика [8, с. 279–338].

Академические связи Якобсона с Чехословакией в этот период по понятным причинам полностью прервались. Если можно говорить о его «словацких научных контактах» в эти годы, то они сводились к сотрудничеству с людьми из среды антифашистской, а позднее – антикоммунистической эмиграции, например, с Клементом Шимончичем, который после войны остался в качестве преподавателя словацкого языка в Колумбийском университете⁴, или с профессором Йозефом Диешкой, работавшим после эмиграции в 1948 г. в университетах Джорджтауна и Дейтона.

Прямые контакты с чешским и словацким лингвистическим сообществом удалось возобновить лишь в период хрущевской оттепели. Этому способствовали более «нейтральные» условия в социалистической Югославии, куда в 1956 г. чехословацкие власти разрешили выехать группе лингвистов для участия в международной славистической конференции, причем организаторы мероприятия уже могли позволить

¹ Завиш Каландра (1902 –1950) был осужден и казнен в результате сфабрикованного судебного процесса над Миладой Гораковой.

² ABS ČR, 305-740-2, с. 209, сообщение агента «Блиски» (Морица Митгельмана-Дединского) от 24.9.1957.

³ Sgall Petr. Stalinovy práce o jazykovědě a pražský lingvistický strukturalismus. Tvorba. Č. 28. 1951. S. 674–676.

⁴ ABS ČR, 305-740-2, s. 212, сообщение от 24. 9. 1957.

себе пригласить в Белград и «американского ученого». Словацких ученых здесь представлял литературовед и историк театра Андрей Мраз¹, активно работавший еще в межвоенный период, а из чешских делегатов в донесении чехословацкой тайной полиции упоминается лишь имя профессора Богуслава Гавранека².

После поездки в Югославию Якобсона уже пригласили в Москву, на заседание Международного комитета славистов. Таким образом, партийное руководство Чехословакии лишилось главного аргумента, на который оно могло бы ссылаться, препятствуя его въезду в страну. В лингвистическом сообществе страны такого рода потепление политической атмосферы проявилось вначале в осторожных публикациях высказываний, очевидно расходившихся с официальной позицией властей первой половины 1950-х годов. Потом было уже достаточно представить убедительный и более или менее приемлемый в политическом отношении повод для приглашения Якобсона в Чехословакию. И таким поводом в итоге стала общереспубликанская конференция славистов, запланированная на конец января – начало февраля 1957 г., накануне открытия которой в Праге было проведено организационное заседание Международного комитета славистов по подготовке Съезда славистов в Москве 1958 году³.

В рамках мероприятий, связанных с Пражской общереспубликанской конференцией, удалось организовать не только ее выездную секцию в Оломоуце, но и доклады приглашенных участников – Р. Якобсона и С. Г. Шенефельда, с которыми они выступили в Чехословацко-советском Институте Словацкой академии наук в Братиславе⁴. Если относительно пражской части пребывания Якобсона сохранились детальные описания полицейской слежки⁵, из которых мы узнаем о возобновлении его личных контактов с проживавшим там Лацо Новомеским, с Зузкой Згуришкой и другими давними словацкими знакомыми, то полицейские данные о его пребывании в Братиславе более скупы и были получены от присутствовавшего там агента лишь спустя месяц после самого события⁶. По его показаниям, среди присутствовавших на докладе были преимущественно старые знакомые Якобсона по лингвистическому кружку (упомянуты Микулаш Бакош, Андрей Мраз, Эуген Паулини, Йозеф Ружичка, Людовит Новак), а затем все они продолжили дискуссию в ресторане отеля «Девин». Согласно донесению Якобсон в своем докладе положительно охарактеризовал современную американскую и советскую славистику, а также в целом положение в советской науке, которое уже тогда отличалось большей фактической свободой по сравнению с самой Чехословакией.

Осенью 1957 года Якобсон посетил Чехословакию вновь, уже в качестве участника конференции, посвященной деятельности Яна Амоса Коменского, однако на этот раз в Словакию его путь не лежал. Видимо, кроме еще одной встречи с Лацо Новомеским, он контактировал только с теми словацкими лингвистами, которые участвовали в конференции. По донесению агента, он положительно отзывался,

¹ Андрей Мраз (1904–1964) – историк литературы и театра, литературный критик.

² ABS ČR, 305-740-2, s. 110.

³ ABS ČR, 305-740-2, s. 2.

⁴ *Hayeková M.* Slavisti R. Jakobson a H. C. Schoneveld v Bratislave // *Slovenská reč*. Č. 4. 1957. S. 266.

⁵ ABS ČR, 305-740-2, passim.

⁶ ABS ČR, 305-740-2, s. 110–111. Агентурное сообщение № 472 от 6. 3. 1957, источник – театральный критик и переводчик Мориз Миттельман-Дединский, подписавшийся своим псевдонимом как агент «Блиска».

в частности, о докладе специалиста по Коменскому доктора Яна Чапловича¹. Политический зажим в стране опять усилился, и в 1958 г. недостаточно лояльные к режиму лингвисты вновь стали объектом кампании преследования в масштабах всей страны, сопровождаемой чистками в академических кругах. Якобсон также был причислен к вражеским агентам, космополитам и проч.².

Насильственно прерванные научные связи удалось восстановить лишь в середине 1960-х годов. Однако при общем потеплении политической атмосферы формальной реабилитации Якобсона в Чехословакии препятствовали оставшиеся на прежних постах партийные кадры сталинских времен, все еще руководившие сферой науки. В результате этого, даже несмотря на всемерные усилия коллег, празднование его 70-летия в 1966 г. ограничилось лишь появлением нескольких публикаций в литературной и научной периодике. Из словацких материалов можно назвать статьи Эугена Паулини «За что мы благодарны Якобсону» и Шимона Ондруша «Якобсон и современная наука», напечатанные в занимавшей прогрессивные позиции газете «Культурны живот», поздравительную статью Норы Краусовой в литературно-критическом журнале «Ромбоид» и выход тематического номера журнала «Словенска речъ» в начале 1967 года³. Но официального приглашения в адрес Якобсона лично посетить Чехословакию, в котором выразилось бы признание его заслуг в развитии чешского и словацкого языковедения, даже в связи со столь знаменательной датой в его жизни добиться не удалось.

Однако празднование юбилея побудило к деятельности широкий круг его ранее пассивных поклонников и последователей, использовавших теперь любую возможность проявить себя. И университетские, и академические сообщества единодушно ратовали за достойную оценку вклада Якобсона в чешское и словацкое языковедение. Их усилия привели к синергетическому эффекту в начале 1968 г., когда власть чехословацких коммунистов-догматиков существенно ослабла, пусть и на короткое время. И Якобсону, принявшему приглашение участвовать в VI Международном съезде славистов, в Праге были вручены дипломы почетного доктора наук: 13 августа в Карловом университете, 15 августа – в университете г. Брно, а в ходе краткого, но насыщенного пребывания в Братиславе, когда он посетил целый ряд научных учреждений, он получил именно 21 августа 1968 г. золотую медаль Словацкой академии наук (САН).

Лацо Новомеский, будучи сотрудником Института словацкой литературы САН и одним из главных инициаторов присуждения Якобсону медали, очевидно тоже воспользовался возможностью встретиться с ним. Академическую часть его визита в Братиславу в 1968 г. обеспечивал германист профессор Йозеф Ружичка⁴. Согласно косвенным данным, Якобсону удалось выделить один вечер для встречи со старыми знакомыми из «неакадемической» сферы, примыкавшими в межвоенный период к группе «ДАВ» – с супругами Эугеном и Фрици Лёбл и со вдовой Оскара Лангера. Эуген Лёбл и Оскар Лангер принадлежали к числу тех друзей

¹ ABS ČR, 305-740-2, s. 212, донесение агента «Блиски» от 24. 9. 1957.

² Štěpánek Vladimír. Kde už nejde o vědecké styky // Rudé právo. 26. apríla 1958. S. 2.

³ Pauliny Eugen. Za čo vďačíme Jakobsonovi. In. *Kultúrny život*. Č. 42. 1966. S. 8; Ondruš Šimon. Jakobson a moderná veda // *Kultúrny život*. Č. 42. 1966. S. 9; Krausová Nora. K 70. Romana Jakobsona // *Romboid* č. 2, 1966, s. 31–32; юбилейный номер журнала *Slovenská literatúra*. Č. 1. 1967.

⁴ Центральный архив САН (ÚA SAV), фонд RO SAV, kr. 2698, i. j. Jakobson, отчет Йозефа Ружички от 3 сентября 1968 года.

Яacobсона, кто во время его прошлого визита в 1957 г. еще находились в заключении по приговорам сталинских судебных процессов.

В целом программа поездки Яacobсона в 1968 г. включала в себя в основном организованные мероприятия с участием приглашенных лиц из академических кругов. Длительный перерыв в живых контактах со здешним научным сообществом сказался и на естественном выборе приглашенных из числа «старых знакомых», причем для многих из них приглашение участвовать в столь важном событии и публичное общение «со старым другом, профессором из Гарварда» также было моментом своего рода гражданской реабилитации¹ или свидетельством их все еще прочных позиций в условиях расшатывания идеологических табу.

Вместе с тем, организация визита Яacobсона в период отпусков и его ограничение академическими институтами (включая дискуссию в Институте языкознания и в Институте словацкой и мировой литературы САН), оставляя за его рамками Университет, не позволили сложиться личным впечатлениям от встреч с Яacobсоном у более широкого круга представителей молодого поколения. Такой возможности оказались лишены студенты и многие молодые научные сотрудники.

Таким образом, можно предполагать, что в ходе этого последнего визита имело место, скорее, возобновление старых дружеских отношений, а не установление новых контактов. Вплоть до следующего потепления после 1989 г. о впечатлениях от личных встреч с Яacobсоном мы узнаем почти исключительно от представителей старшего поколения лингвистов.

Перевод со словацкого языка Л. Широковой

Список литературы

1. Bakoš Mikuláš. Avantgarda 38. Štúdie, články, dokumenty. Bratislava, 1969.
2. Ducháček Milan. Václav Chaloupecký: hledání československých dějin. Praha: Karolinum, 2014.
3. Ďurovič Ľubomír. Začiatky štrukturalizmu na Slovensku a Bratislavský lingvistický krúžok // Jazykovedný časopis č. 2, 2000. URL: http://www.juls.savba.sk/ediela/jc/2000/2/jc2000_2.pdf
4. Čierna-Lantayová Dagmar. Pohľady na východ. Postoje k Rusku v slovenskej politike 1934–1944. Bratislava: Veda, 2002.
5. Gašpár Tido J. Pamäti II. Bratislava, SSS. 2004.
6. Glanc Tomáš (ed.) Roman Jakobson. Formalistická škola a dnešní literární věda ruská. Brno 1935. Praha: Academia, 2005.
7. Havránková Marie, Toman Jindřich. Quadrilog. Bohuslav Havránek, Zdeňka Havránková, Roman Jakobson, Svatava Pírková-Jakobsonová. Vzájemná korespondence. Praha: Karolinum, 2001.
8. Michálek Slavomír a kol. Juraj Slávik-Neresnický – od politiky cez diplomaciu po exil. Bratislava, 2006.
9. Zguriška Zuzka. Strminou liet. Bratislava: Slovenský spisovateľ, 1972.

Поступила 12.07.2017; принята к публикации 12.08.2017

Марина Завацка, Mgr., Ph. D., Исторический институт Словацкой академии наук, г. Братислава, Словакия, hitzava@savba.sk

¹ В связи с этим к наградам были представлены и другие лица: под тем же инвентарным номером находится представление о награждении почетной грамотой им. Людовита Штура лингвиста и старого приятеля Яacobсона Людовита Новака.

SLOVAK CONTACTS OF ROMAN JAKOBSON**M. Zavacká**

The study explores the complex history of the relations of the academic environment in Czechoslovakia with the famous Russian and American philologist and historian of literature R. O. Jakobson (1896–1982). The author concentrates on Jakobson's academic and cultural relations in this country, tracing especially his ties to the Slovak academic and cultural community, which lasted for more than half of the 20th century. Based on an extensive analysis of archival documents as well as a wide range of published memoirs, the text presents the spectrum of his interests and circle of his acquaintances, developed during his stays in Prague, Brno and Bratislava, beginning with his first visit in 1920 to the last one in 1968. The article assesses Jakobson's activities during the period of his emigration in the United States, where he cooperated with the Czechoslovak government in exile and contributed to the creation of the Masaryk chair of Czech studies at Columbia University. Unique archival materials, especially reports of continuous secret police surveillance of Jakobson's participation and interaction at meetings of Slavists in Prague and Bratislava, help to shed light on contemporary routines of official academic visits. The study follows a circle of Slovak scientists with whom Jakobson maintained contacts and examines possible influence of a well-known linguist on Slovak students. The author analyses, in detail, political circumstances of Jakobson's infrequent post-war visits to Slovakia. These circumstances crucially influenced the possibility and intensity of his contacts with the Slovak academic community. Particular attention is paid to the attempts of local academic community during the Khrushchev thaw in the late 1950s and in the 1960s to rehabilitate Jakobson, who had been repeatedly politically attacked as a "disgraced" scientist. The study offers details of his brief stay in Bratislava in August 1968, when he visited a number of scientific institutions and received the Gold Medal of the Slovak Academy of Sciences.

Keywords: R. Jakobson, linguistics, structuralism, Bratislava linguistic circle, scientific contacts.

Acknowledgements: the article was prepared within the framework of the project *Zmeny, premeny a výmeny slovenských politických, kultúrnych a intelektuálnych elít v rokoch 1938-1958*, at the Institute of History, Slovak Academy of Sciences, supported by the VEGA Contract No. 2/0142/16.

The article was translated in the framework of the project of the Russian State Humanitarian Fund № 16-01-14040.

Citation for an article: Zavacká M. Slovak contacts of Roman Jakobson. *West – East*. 2017, no. 10, pp. 154–162. DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-154-162

References

1. Bakoš Mikuláš. *Avantgarda 38. Štúdie, články, dokumenty* [Avantgarda 38. Studies, articles, documents]. Bratislava, 1969. (In Slovak.)
2. Ducháček Milan. *Václav Chaloupecký: hledání československých dějin* [Václav Chaloupecký: The Search for Czechoslovak History]. Prague, Karolinum, 2014. (In Czech.)

3. Ďurovič Ľubomír. Začiatky štrukturalizmu na Slovensku a Bratislavský lingvistický krúžok [The beginnings of structuralism in Slovakia and the Bratislava linguistic ring]. Jazykovedný časopis č. 2, 2000 = *Linguistic magazine no. 2, 2000*. Available from: http://www.juls.savba.sk/ediela/jc/2000/2/jc2000_2.pdf
4. Čierna-Lantayová Dagmar. Pohľady na východ. Postoje k Rusku v slovenskej politike 1934–1944 [Looking east. Attitudes towards Russia in Slovak politics 1934–1944]. Bratislava: Veda, 2002. (In Slovak.)
5. Gašpár Tido J. Pamäti II [Memories II]. Bratislava, SSS, 2004. (In Slovak.)
6. Glanc Tomáš (ed.) Roman Jakobson. Formalistická škola a dnešní literární věda ruská [Roman Jakobson. Formalist school and today's Russian literary science]. Brno, 1935. Praha, Academia, 2005. (In Czech.)
7. Havránková Marie, Toman Jindřich. Quadrilog. Bohuslav Havránek, Zdeňka Havránková, Roman Jakobson, Svatava Pírková-Jakobsonová. Vzájemná korespondence [Quadrilog. Bohuslav Havránek, Zdeňka Havránková, Roman Jakobson, Svatava Pírková-Jakobsonová. Mutual correspondence]. Praha: Karolinum, 2001. (In Czech.)
8. Michálek Slavomír a col. Juraj Slávik-Neresnický – od politiky cez diplomaciu po exil [Juraj Slávik-Neresnický – from politics through diplomacy after exile]. Bratislava, 2006. (In Slovak.)
9. Zguriška Zuzka. Strminou liet [Fly through the air]. Bratislava. Slovenský spisovateľ, 1972. (In Slovak.)

Submitted 12.07.2017; revised 12.08.2017

Marína Zavacká, Mgr., Ph. D., Institute of History, Slovak Academy of Sciences,
Bratislava, Slovakia, hitzava@savba.sk

УДК 94(437.3)

**МОДИФИКАЦИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕИ.
К 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ДУБЧЕКА**

Э. Г. Задорожнюк

В статье рассматриваются некоторые вехи активности чехословацкого государственного деятеля Александра Дубчека в ракурсе его отношения к социалистической идее. В центре внимания автора статьи взгляды А. Дубчека к социалистической идее как в целом, так и в ее модифицированном виде «социализма с человеческим лицом». Представлены наиболее важные моменты из биографии чехословацкого президента, которые оказали влияние на формирование его мировоззрения. А. Дубчек был последовательный приверженец идеи социализма во втором поколении, его родители в свое время отыскивали корни социализма и в США и в СССР. Хронологически анализ социалистической идеи Дубчека ограничивается периодом до и после «нежной»/«бархатной» революции 1989 года, так как в литературе эта тема не получила должного внимания. Встав во главе возрождавшейся социал-демократии в Чехословакии после ноябрьских событий 1989 года, Дубчек принял активное участие в возрождении социал-демократического движения в Словакии. Словацкие социал-демократы считали экономическую реформу неизбежной, однако некоторые радикальные шаги по ее реализации обуславливали принятием мер социальной политики. Некоторые идеи этой программы нашли отражение в одном из документов Архива Горбачев – Фонда. В статье впервые вводится в научный оборот и проанализирован фрагмент документа из этого архива – стенограмма официальной встречи А. Дубчека с М. Горбачевым, которая состоялась 21 мая 1990 года в Москве. Сделан вывод, что Дубчек по-своему спасал и спас идею социализма в условиях, когда эта идея в европейских странах отодвигалась на второй план, и это важнейший итог его жизни и судьбы. Статья написана к 95-летию юбилею, и, по мнению ее автора, есть все основания предполагать, что в полной мере масштабы личности А. Дубчека и результаты его деятельности, будут выявлены к 2021 году, к 100-летию его юбилею.

Ключевые слова: Александр Дубчек, идея социализма, Пражская весна, «нежная» / «бархатная» революция, «социализм с человеческим лицом», советская перестройка.

Благодарность: статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 16-01-14040.

Для цитирования: Задорожнюк Э. Г. Модификация социалистической идеи. К 95-летию со дня рождения Александра Дубчека // Запад – Восток. 2017. № 10. С. 163–179.

DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-163-179

В начале XXI века социалистическая идея в регионе Центральной и Юго-Восточной Европы вовсе не отпрявлена «на свалку истории», как в свое время

предрекал американский президент Р. Рейган. В этом не последнюю роль сыграл видный словацкий/чехословацкий/словацкий государственный и политический деятель Александр Дубчек, который ввел в общеполитический дискурс идеологему «социализм с человеческим лицом» («socializmus s ľudskou tvárou») и ориентировал свою деятельность в качестве политического и государственного деятеля на ее воплощение в жизнь. Следует отметить, что существует несколько версий появления идеологемы «социализм с человеческим лицом». Ее авторство приписывается то Артуру Хедли, автору книги «Власть с человеческим лицом» [8], то чехословацкому философу Радовану Рихте, от которого Дубчек якобы ее услышал, и другим¹. Но чаще всего утверждается, что впервые данная идеологема прозвучала в выступлении лидера КПЧ 18 июля 1968 г., призвавшего «проводить такую политику, чтобы социализм не утратил свое человеческое лицо»². Данная идеологема именно в этом регионе получала новые и часто противоречивые импульсы развития в плане не только теоретических изысканий, но и политической практики. Достаточно вспомнить, скажем, варианты или модели национально ориентированного социализма – югославский самоуправленческий социализм, венгерский «гуляш-социализм» и другое. Но наибольший международный резонанс получила модель «социализма с человеческим лицом», неразрывно связанная с жизнью и судьбой А. Дубчека.

Анализируя непростые и в чем-то судьбоносные модификации идеи социализма в мыслях и жизни Александра Дубчека, надо вспомнить, что он – последовательный приверженец этой идеи во втором поколении. Его родители отыскивали корни социализма сначала в Америке, куда эмигрировали и где поженились, а с 1926 г. – в Советском Союзе, в Киргизии. Здесь группа приехавших в СССР словацких коммунистов организовала кооператив «Итергельпо», впоследствии семья Дубчеков переехала в г. Горький (Нижний Новгород). Александр учился в средних школах Фрунзе и Горького, воспринимая реалии социализма с неподдельным энтузиазмом.

В 1938 году родители Дубчека вернулись домой, в Словакию, не отказавшись от социалистических идей, сопоставляя их при этом с социализмом – в социал-демократических проявлениях – в западноевропейских странах и категорически не приемля национал-социализма. За это Штефан Дубчек, отец Александра, был заключен в концлагерь Маутхаузен. Александр же, после возвращения в Чехословакию, стал работать на одном из заводов Тренчина слесарем. Однако вскоре, в 1939 г., Чехословакия прекратила свое существование: чешские земли оккупировали нацисты, а в Словакии было создано формально независимое, союзное Германии государство. Но очень многие словаки (особенно левых взглядов), в том числе и А. Дубчек, не приняли такой независимости. В 18-летнем возрасте он вступил в Компартию, несколько лет поддерживал связь с коммунистическим подпольем, а в 1944 г. принял участие в антифашистском Словацком национальном восстании, был дважды ранен (его брат Юлиус погиб).

До 1949 года Дубчек продолжал работать на заводе в Тренчине, а впоследствии стал продвигаться по партийной линии. В 1951–1955 годы он учился на юридическом факультете Братиславского университета и одновременно делал карьеру в рядах Компартии, успешно совмещая учебу с руководством местными организациями КПЧ

¹ URL: <http://www.bibliotekar.ru/encSlov/17/156.htm> (дата обращения: 20.12.2016).

² Rudé právo. 1968.19.VII.

в Тренчине и Банской Быстрице и заседаниями в Национальном собрании в Праге. По окончании университета Дубчека направили в Высшую партийную школу в Москву, где он обучался с 1955 по 1958 годы [подробнее см.: 5; 7; 8; 11; 12; 13]¹.

Необходимо учитывать эти и другие факты, анализируя траектории поиска и утверждения А. Дубчеком идеи «социализма с человеческим», а в чем-то – с «общечеловеческим» лицом. Это и побуждает к рассмотрению его жизненного пути, сложнейшей политической биографии и эволюции идейных позиций этого великого сына словацкого народа, которому было суждено стать одним из выразителей того, что писатель М. Кундера назвал высоким проявлением «чешской доли» (в его полемике с В. Гавелом). Она в конце 1960-х годов сводилась к тому, что именно чешский (точнее было бы сказать чехословацкий – отодвинув в сторону все аллюзии на чехословакизм) народ выступил побудителем пересмотра – но не отрицания! – идеи социализма в целом [2, с. 261–275].

В настоящей статье рассматриваются лишь некоторые вехи активности Дубчека-политика в данном направлении. При этом сознательно будут опущены перипетии его деятельности, связанные с Пражской весной, поскольку этот период достаточно детально рассмотрен как в словацкой, так и в чешской литературе. В то же время в ней практически не уделялось внимания отношению А. Дубчека к социалистической идее как в целом, так и в ее модифицированном виде после «нежной»/«бархатной» революции 1989 года. В частности, так и не было прослежены модификации этой идеи при ее сопоставлении с идеями западноевропейского социал-демократизма, хотя материалы для этого имелись (достаточно обратиться к рассмотрению его контактов с видными западноевропейскими политиками – социал-демократами, ряду мемуарных свидетельств и интервью).

Следует подчеркнуть, что возрождение социал-демократии в Чехословакии после ноябрьских событий 1989 г. во многом предстало как возрождение надежд на усиление потенциала общеевропейского движения левого толка в целом, поскольку данное движение представляла аутентичная Чехословацкая социал-демократическая партия [подробнее см.: 1, с. 3]. Параллельно восстановлению аутентичной партии в масштабах всей страны проходило возрождение словацкой социал-демократии при непосредственном активном участии А. Дубчека, ставшего в 1992 г. ее председателем. Позднее, в августе 1992 года, А. Дубчек отметил: «Сейчас мои друзья снова упрекают меня в том, что я вступил в Социал-демократическую партию, хотя когда я вступал, у нее было всего 0,8 процентов голосов. Я ведь мог вступить в ряды победившей партии Мечьяра! Но принципиально не сделал этого» [6, с. 197].

Учредительный съезд Социал-демократической партии в Словакии (с 1993 г. – Социал-демократическая партия Словакии) – СДПС, состоялся 3–4 февраля 1990 г. в Братиславе (в 2004 г. произошло объединение СДПС с партией Направление, позднее получившей название *Направление – Социал-демократия*, во главе с Р. Фицо). СДПС поставила своей целью создание демократического, социально справедливого, экономически мощного общества. Она объявила о своей приверженности фундаментальным принципам Социалистического Интернационала (СИ) –

¹ Los Angeles Times Interview: Alexander Dubcek: The Former Czech Leader Surveys Another «Prague Spring». 1992. August 09. Garrett White. URL: http://articles.latimes.com/1992-08-09/opinion/op-6367_1_alexander-dubcek (accessed 25.12.2016).

свободе, справедливости, демократии и солидарности. Эти принципы СДПС конкретизировала на последующих своих форумах, а также в ходе предвыборных кампаний 1990 и 1992 годов. Словацкие социал-демократы считали экономическую реформу неизбежной, однако некоторые радикальные шаги по ее реализации объясняли необходимостью принятия мер социальной политики. СДПС выступала в поддержку эффективных форм государственной, кооперативной и частной собственности, за умеренную приватизацию, высказывалась за федерацию двух равноправных республик, против националистическо-сепаратистских тенденций, которые противоречили тенденциям объединенной Европы, принципам мирного сосуществования народов и народностей.

Позднее эти и другие идеи и представления словацких социал-демократов, разделявшиеся А. Дубчеком, получили отражение в одном из документов Архива Горбачев-Фонда (фрагменты его вводятся в научный оборот впервые). Документ этот – стенограмма официальной встречи А. Дубчека с другим носителем идеи социализма, не отказавшимся от нее в сложнейшие времена – М. Горбачевым, также пытавшимся (к сожалению, робко и непоследовательно, а главное – с огромным опозданием) эволюционировать к социал-демократизму. Встреча проходила в весенней Москве 21 мая 1991 г.¹, когда Дубчек занимал во многом церемониальный в своей пока единой стране пост председателя Федерального собрания ЧСФР.

Горбачеву же к тому времени пришлось в полной мере ощутить вызванные последствия им же самим вызванных потрясений и готовиться к занятию тоже церемониальных постов, а затем и вовсе всех их лишиться.

О чем же шла речь на встрече лидеров двух федеративных государств, вскоре распавшихся не в малой степени и из-за отказа от идеи социализма? Для Горбачева она (по времени, но не по значению) – некое срединное событие между 15 марта 1990 г., когда он был избран президентом СССР Третьим съездом народных депутатов (12–15 марта 1990 г.) «в обмен» на отказ от 6-й статьи Конституции СССР о руководящей роли КПСС, и Первым съездом народных депутатов РСФСР, когда председателем Верховного Совета РСФСР стал Б. Ельцин. Вскоре – в июле – состоялся 28 съезд КПСС, на котором Ельцин заявил о выходе из нее, а Горбачев провел довольно аморфное и анемичное, а главное – запоздавшее – программное заявление «К гуманному, демократическому социализму». Как раз такому социализму, положение которого Дубчек – в самом начале февраля 1990 г. – уже зафиксировал в документах созданной по его инициативе Социал-демократической партии Словакии (СДПС) [подробнее см.: 1, с. 72–77; 281–303]. Летом 1990 года Дубчек стремился усилить ее позиции, но его авторитет уже угасал: и в Чехословакии, и в Словакии тон после первых свободных парламентских выборов (8–9 июня 1990 г.) стали задавать носители других политических идей. В 1992 году он лишился поста председателя Федерального собрания Чешской и Словацкой Федеративной Республики, а осенью того же года погиб в результате автокатастрофы [подробнее см.: 14].

Прежде чем изложить и прокомментировать данный документ, уместно еще раз вспомнить некоторые биографические вехи, определившие динамику изменений

¹ Председатель Федерального Собрания Чешской и Словацкой Федеративной Республики А. Дубчек находился в СССР 18–21 мая 1990 г. с рабочим визитом по приглашению Верховного Совета СССР. 21 мая состоялась его беседа с М. С. Горбачевым, на которой присутствовал посол ЧСФР в СССР Р. Слански.

политического облика Дубчека и модификации его идейных позиций. Как уже отмечалось, в 1925–1938 гг. он жил в СССР, куда позднее, получив в Братиславе диплом профессионального юриста, и вернулся, чтобы продолжить обучение в Высшей партийной школе при ЦК КПСС с 1955 по 1958 г. С этого времени начинается его партийная карьера: секретарь КПС в Братиславе (1958–1960), затем КПЧ в Праге (1960–1962), снова КПС в Братиславе (1962–1968), а с января 1968 г. – первый секретарь КПЧ снова в Праге. Годы же пребывания в СССР стали временем знакомства с реалиями социализма, не всегда приемлемыми человеком европейской культуры. И все же Саша, как именовали его друзья и коллеги, стал в стране строящегося социализма своим.

Вернемся с учетом и этого ракурса к рассмотрению уже упомянутой стенограммы. О чем же говорили два лидера, предвидя и даже ощущая тектонические сдвиги и в своих политических ожиданиях, и в надеждах на обновление идеи социализма? В этом достаточно объемном и емком по содержанию документе отражена позиция двух реформаторов по самым различным проблемам, ставших на тот период времени для двух все еще остававшихся федеративными государствами актуальными.

Уникальность его, помимо прочего, заключается еще и в том, что документ дает возможность проследить отношение этих знаковых фигур практически на закате карьеры как Горбачева, так и Дубчека (для него это был еще и закат жизни, трагически оборвавшейся осенью 1992 года). В разное историческое время оба они пришли к выводам о необходимости реформирования существовавшего строя – не останавливаясь перед необходимостью пересмотреть устоявшееся отношение к социалистической идее как таковой и даже допуская возможность ее модификации – особенно Дубчеком.

Судя по стенограмме, Горбачев как раз и начал встречу с уверенности в жизнеспособности идеи гуманистического, демократического обновления социалистического общества в интересах человека труда. Он подчеркнул: «Первая проба такого обновления была предпринята в Чехословакии в 1968 году». Следует отметить, что это, пожалуй, одно из первых признаний Горбачева о взаимосвязи Пражской весны и советской перестройки, взаимосвязи, которую он в течение длительного времени упорно и категорически отрицал. «Но, – подчеркнул инициатор советской перестройки, – крутой поворот осуществляется как раз сейчас в Советском Союзе. Без перемен в СССР не было бы серьезных надежд на обновление социализма. Без этого было бы трудно надеяться на ускорение перемен во всем мире»^{1,2}.

Для этого, по его словам, необходимо по-новому осмысливать свое прошлое и настоящее, сопоставлять положение у себя и у соседей, во всем мире, чтобы смелее заглядывать в будущее. Это позволяет увереннее продвигаться вперед, несмотря на болезненность процессов, связанных с преодолением прошлого. Отказываться от собственной истории нельзя, ибо целыми поколениями многое пережито, но многое и создано. «Целый ряд политиков, определенный режим, определенные модели развития, несомненно, заслуживают самой суровой критики и осуждения. Но никто не имеет права обвинять народ, партию в целом»³, – резюмировал

¹ Горбачев М. С. Собрание сочинений. Т. 20. Май – июнь 1990 г. М., 2011. С. 46.

² В этом издании публикуются лишь части беседы, отражающие позицию советской стороны.

³ Горбачев М. С. Собрание сочинений. Т. 20. Май – июнь 1990 г. М., 2011. С. 46.

он, хотя первый и вторая как раз в это время начали делиться в своих ожиданиях относительно будущего.

«Вместе с нами, – продолжал Горбачев, – тяжелые испытания прошли и близкие нам восточноевропейские страны, каждая по-своему. То, что были опрокинуты попытки обновления Чехословакии в 1968 году, обернулось крупным стратегическим просчетом, который негативно сказался и на развитии Советского Союза (курсив мой. – Э. З.). Ведь когда в октябре 1964 года к руководству страной пришел Брежнев, то поначалу были предприняты некоторые далеко идущие прогрессивные шаги. Я имею в виду мартовский Пленум по сельскому хозяйству, начавшуюся экономическую реформу, да и в союзных странах стали появляться свежие подходы, попытки облагородить систему. Однако, предпринятое военно-силовое давление в августе 1968 года, по сути дела, похоронило все эти новации и реформы. Все мы потеряли очень много времени, но без тех попыток, которые были предприняты раньше, может быть, не было бы и сегодняшних перемен»¹.

Горбачев отметил, что у него всегда было самое доброе отношение к Чехословакии. «У меня были хорошие контакты с Г. Гусаком, и когда я в ходе официального визита в вашу страну увидел лозунг: «Михаил, останься у нас хоть на год»², я понял, что назревает новый кризис доверия руководству. В результате моих откровенных товарищеских объяснений с Гусаком он решил уступить свой пост новым людям. К руководству пришел Якеш. Но думаю, весьма активную роль сыграл и в это время Ваш земляк В. Биляк. По-моему, он руководствовался, главным образом, личными амбициозными соображениями. До меня дошла даже примерно такая его фраза: «Подождем, в Москве в конце концов сломают голову те, кто увлекается перестройкой, и придут новые люди»³.

Естественно, оба лидера негативно отнеслись к подобному заключению Биляка, который, к слову, оказался неплохим провидцем судьбы Горбачева. На вердикт Биляка в изложении Горбачева прозвучал следующий ответ Дубчека: «К сожалению, это не только фраза. За ней стояла активная работа, а ждали на самом деле не новых людей, а приверженцев всего старого»⁴. Горбачев заверил, что это было «напрасное ожидание, потому что советское общество в целом стало уже другим и к прошлому не вернется, страна уже другая, хотя и впереди у нас путь нелегкий. Будет немало трудностей и болезненных моментов, но мы хотим удержать высокую динамику движения вперед, учитывая опыт ошибок, который мы приобрели уже в ходе перестройки»⁵. Далее он отметил, что в Москве «с удовлетворением заметили недавнее заявление президента В. Гавела, который высказался против запрещения КПЧ, против предъявления коллективных обвинений членам Компартии»⁶. Конечно, это

¹ Горбачев М. С. Собрание сочинений. Т. 20. Май – июнь 1990 г. М., 2011. С. 46, 47.

² Речь идет об официальном визите Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева в Прагу в апреле 1987 г. Тогда Горбачев не решился менять оценки советского Политбюро. Официально Советский Союз последним из социалистических стран решил на переоценку событий 1968 года в начале декабря 1989 г. на совещании руководителей стран Варшавского договора в Москве.

³ Горбачев М. С. Собрание сочинений. Т. 20. Май – июнь 1990 г. М., 2011. С. 47.

⁴ Архив Горбачев-Фонда. Фонд 1 – Фонд Горбачев М. С. Запись беседы М. С. Горбачева с председателем Федерального собрания Чешской и Словацкой Федеративной Республики А. Дубчеком. 21 мая 1990 г. С. 2.

⁵ Горбачев М. С. Собрание сочинений. Т. 20. Май – июнь 1990 г. М., 2011. С. 47.

⁶ Там же. С. 48.

правильно, согласился Дубчек, подчеркнув, что у него с Гавелом «на эту тему был не один разговор»¹.

«Что касается наших отношений с Чехословакией, – сказал М. С. Горбачев, – то важно сохранить все ценное и взаимопольное, что было достигнуто за многие годы. Хотелось бы, чтобы с чехословацкой стороны и в нынешних новых условиях понимали, что мы вам нужны, и думаю, не меньше, чем прежде»². Продолжая тему советско-чехословацких отношений, он акцентировал внимание на следующем: «...Мы за то, чтобы в них было больше реализма. В Советском Союзе твердо и однозначно исходят из уважения права народов Чехословакии, как и других стран, свободно выбирать пути и модели собственного развития. Это гарантия от ошибок, которые допускались в прошлом. Можете воспринимать сказанное мной как мое приветствие Александра Дубчека в Москве и как аргумент в пользу того, что трудные годы жизни прошли не даром, не зря»³ [2, с. 49].

В следующей обширной ответной реплике Дубчека отмечалось: «Я испытываю особое расположение к Вам, ко всей Вашей деятельности. Все мои выступления с самого начала и по сей день, на всех уровнях, в том числе и на нынешнем высоком государственном посту, неизменно звучали и звучат в поддержку советской перестройки, нового политического мышления, которое связано с Вашим именем. Я был и остаюсь защитником советской перестройки. Говорю об этом во всех своих беседах с парламентариями, с которыми приходится встречаться. В 1968 году, когда я понял, что необходимы поиски новых путей, что продолжать жить и работать так, как мы жили и работали раньше, нельзя, я делал все для того, чтобы процесс начавшегося возрождения не повернулся вспять. Но не вышло. Уверен, что у вас, в Советском Союзе, поворот назад невозможен. А те, кто хотел бы вернуть «золотые времена» Новотного и Брежнева, те способны лишь толкнуть всех в глубокую пропасть»⁴.

Если взять пример Чехословакии, то там, по констатации Дубчека, вследствие поворота 1968 г. дело дошло до тупика: «из КПЧ исключили не просто 500 тысяч человек, а полмиллиона активных, сознательных людей». Свыше 300 тысяч из них имели партийный стаж более 20 лет и честно служили народу. И именно они оказались выброшенными из общества, в результате ослабли все его сферы: и партия, и наука, и производство.

Такая дискриминация оказалась продленной во времени, хотя уже с обратным знаком: «Ведь трудно было себе представить, что в нашей стране с ее демократическими традициями и культурой разыграются такие антикоммунистические, антисоциалистические настроения, как сейчас». Дубчек отмечал в беседе, что на протяжении ряда лет он настойчиво предлагал сделать по крайней мере три шага, которые позволили бы преодолеть кризисное состояние общества: отменить исключение из партии всех тех, кто выразил несогласие с вводом войск

¹ Архив Горбачев-Фонда. Фонд 1 – Фонд Горбачев М. С. Запись беседы М. С. Горбачева с председателем Федерального собрания Чешской и Словацкой Федеративной Республики А. Дубчеком. 21 мая 1990 г. С. 4.

² Горбачев М. С. Собрание сочинений. Т. 20. Май – июнь 1990 г. М., 2011. С. 48.

³ Там же. С. 49.

⁴ Архив Горбачев-Фонда. Фонд 1 – Фонд Горбачев М. С. Запись беседы М. С. Горбачева с председателем Федерального собрания Чешской и Словацкой Федеративной Республики А. Дубчеком. 21 мая 1990 г. С. 6.

в 1968 году; отмежеваться от одобрения ввода войск; признать, что лозунг «социализм с человеческим лицом» не был контрреволюционным. Если бы к этому, подчеркнул он, прислушались раньше, то можно было снять напряжение в обществе. В конструктивную работу включились бы многие активные и сознательные люди, в том числе и ветераны войны, которых больно задела и оскорбила акция 1968 года. Однако ничего подобного сделано не было. В результате ширились настроения неприятия режима. Они обращались против КПЧ. «К сожалению, – посетовал Дубчек, – внутри партии не нашлось никого, кто поднял бы флаг борьбы за ее [т. е. КПЧ] оздоровление. Напротив, тщательно подбирались ссылки на то, что, мол, в Советском Союзе не намерены пересматривать оценки 1968 года»¹.

Упомянутые Дубчеком «ссылки» нельзя назвать необоснованными, поскольку СССР с опозданием пошел на переоценку чехословацких событий 1968 года. Фраза же Дубчека о том, что в СССР «не намерены пересматривать» укоренившиеся оценки являла собой, по сути, упрек не только Горбачеву. Она адресовалась также и тем правящим силам в Чехословакии, которые сдерживали оздоровление КПЧ. Оно, кстати говоря, все-таки прошло едва ли не одновременно – когда состоявшее практически из коммунистов Федеральное собрание ЧССР (ФС ЧССР) единогласно избрало президентом экс-диссидента В. Гавела в самом конце 1989 года. «Оздоровившиеся» коммунисты удовлетворились тем, что их бывший и всемирно известный лидер – А. Дубчек – стал председателем ФС ЧССР по взаимной и не в полной мере открытой договоренности.

Вернемся к документу. Никто уже с началом перестройки, по словам Дубчека, вовремя не опомнился, несмотря на все предупреждения и увещания, которые шли и извне, и изнутри. Более того, благодаря карьеристам тотально дискредитировалось само название «Коммунистическая партия». Мало кто осознавал необходимость полного оздоровления, идейного и организационного размежевания с людьми прошлого, чтобы вновь завоевать доверие людей. «Не было, – делает важный вывод Дубчек, – да и сейчас еще по-настоящему нет понимания, что необходимы полное оздоровление, идейное и организационное размежевание с людьми прошлого. Надо было идти к народу, чтобы он почувствовал поворот. Необходимо вновь завоевывать доверие людей»².

В результате провала КПЧ, по его словам, образовался вакуум, который используют правые и который начинают заполнять далеко не лучшие силы. «Думаю, – продолжал он, – что это по-своему закономерно и другого пока не может быть: ведь самых активных, сознательных людей объявили антисоциалистическими, ревизионистскими, оппортунистическими элементами. А теперь ограничились, по сути дела, тем, что исключили из партии несколько человек; но ведь новой-то солидной платформы нет. Думаю, что надо было бы сохранить все ценное из того, что было наработано в 1968 году. Я до сих пор тяжело переживаю ситуацию. И теперь, уже будучи Председателем Федерального собрания, нередко засыпаю с тяжелыми мыслями о том, что будет завтра, кто выйдет на политическую арену, кому освободить простор для полезной деятельности?»³.

¹ Архив Горбачев-Фонда. Фонд 1 – Фонд Горбачев М. С. Запись беседы М. С. Горбачева с председателем Федерального собрания Чешской и Словацкой Федеративной Республики А. Дубчеком. 21 мая 1990 г. С. 6.

² Там же. С. 7.

³ Там же.

Далее Дубчек с горечью поведал о том, что о нем в Чехословакии все чаще говорят: «Не верьте ему, он марксист». Между тем, по его словам, он, как Председатель Федерального собрания, старался занимать широкие гражданские позиции, хотя и ситуация в КПЧ не могла его не беспокоить. Коммунисты, по его убеждению, должны полностью размежеваться с теми, кто причастен к событиям августа 1968 года, и на этом заново строить свою работу. На вопрос Горбачева: «хватит ли у них на это сил?», Дубчек так спрогнозировал дальнейшее развитие событий в своей стране: «Может быть, соберутся с какими-то силами, но уже после выборов... Политические клубы, кружки, объединения очень разобщены, каждый играет в свой песочек и не хочет иметь дело друг с другом. Но, думаю, что это где-то в перспективе пройдет. Компетенции нашего Федерального Собрания – 2 года, и уже к будущим выборам в республиканские и федеральный парламенты, по-моему, политическая ситуация станет более определенной»¹.

Горбачев уточнил, что многое будет зависеть от тех процессов, которые пойдут в базисе, экономике и затем скажут и на надстроечных институтах, на политических настроениях людей. «Очевидно, – подчеркнул он, – еще придется объединять силы против резких социальных потрясений, которые не исключены»².

На встрече поднимались экономические проблемы с акцентом, в частности, на целесообразности развития многоукладной экономики. «Было бы большим политическим выигрышем, – говорил Дубчек, – если бы удалось на ближайшие 5 лет более или менее сохранить нынешние государственные и кооперативные предприятия; к примеру, во Франции они занимают довольно прочное место в экономике; в целом следовало бы избежать монополии какой-либо одной формы хозяйствования»³. Он рассказал далее, что в Чехословакии «сейчас идут крутые споры о путях дальнейшего экономического развития. Большинство выступает против шоковых методов, предпочитают средний путь при том понимании, что осторожность не должна сводиться к топтанию на месте»⁴.

Следующий сюжет диалога – вывод советских войск из Чехословакии. В этой связи Дубчек поделился с советским лидером возникшими в чехословацком обществе опасениями: не задержится ли вывод войск из Чехословакии так, как это происходит в ГДР? Тем более что, по аргументам Дубчека, «вопрос о выводе войск имеет широкое общеевропейское значение. И не случайно с Запада постоянно будируют этот вопрос»⁵.

В ответ Горбачев заверил, что вывод войск из Чехословакии «будет осуществляться в точном соответствии с договоренностями и тормозиться не будет»⁶. В свою очередь, он поделился с собеседником своими опасениями относительно возможного объединения Германии. Этот фрагмент диалога выглядит так: «М. С. Горбачев: В связи с нынешними процессами объединения Германии мы перед ФРГ, и перед США поставили ряд вопросов, над которыми им придется

¹ Архив Горбачев-Фонда. Фонд 1 – Фонд Горбачев М. С. Запись беседы М. С. Горбачева с председателем Федерального собрания Чешской и Словацкой Федеративной Республики А. Дубчеком. 21 мая 1990 г. С. 8.

² Горбачев М. С. Собрание сочинений. Т. 20. Май – июнь 1990 г. М., 2011. С. 50.

³ Архив Горбачев-Фонда. Фонд 1 – Фонд Горбачев М. С. Запись беседы М. С. Горбачева с председателем Федерального собрания Чешской и Словацкой Федеративной Республики А. Дубчеком. 21 мая 1990 г. С. 8.

⁴ Там же. С. 9.

⁵ Там же.

⁶ Горбачев М. С. Собрание сочинений. Т. 20. Май – июнь 1990 г. М., 2011. С. 50.

поразмисляць сэр'ёзна. Мы веда не можам не ведаць стремленне некаторых палітычных сіл Запада «пагрэць рукі» на труднасцях, звязаных з перастройкай у СССР, на складнасцях пераўтварэнняў у Усходняй Еўропе. Ігра ідзе крупная. Канечна, у ёй будуць втягивать і вас, і венграв, і полякаў¹. *А. Дубчек*: Полякі, імаючы ў вачынах неопрэделеннасць пазіцыі Коля па пытаннях аб усходняй мяжы аб'яднаенай Германіі, ведадуць сябе доваольна насторожана. Ведаюць яны-та асабліва добра помняць, як з Германіі прыйшлі дзве сусветныя вайны² [см. такжа: 3, с. 31–32].

Затем паследаваў не менш значымы дыялог: «*А. Дубчек*: Вездзе, дзе можна, я гаворю нашым: «Братцы, асцярожна, нельга ігнараваць аб'ядненне Германіі, празмерна упавать на эканамічныя сувязі з Западам. Можна папаць у кабалу. І тагда не дапаможа размахіванне нацыянальным флагам – суверенітэт уйдзе». *М. С. Горбачев*: Думаю, Чэхаславакія важна асабліва уважліва аднесціся да з'яўлення аб'яднаенай Германіі³. *А. Дубчек*: Для нас ісклучітэльна важна, развіваючы эканамічныя сувязі з Западам, не губляць узаімавыгадных адношэнняў з Савецкім Саюзам»⁴.

У Еўрапейскім парламенце, прадаўжаў Дубчек, прыймаецца сталківацца са зглядамі, сагласна котрым Еўропа канчаецца на ўсходзе ў Польшчы і Чэхіі. «Я жа, – утвэрждаў ён, – ведага гаворыў у такіх сучаях: “Нет, Еўропа ідзе да Урала”»⁵. Сагласівашыся з такой канстатацыяй, Горбачев развіў сваю мысль у следуючым, как вскорэ аказалася, ашыбочным направаленні. «Пажалуй, – сказаў ён, – у апошняе врэмя чаща ведага аб неабходнасці дыстанцавання ад Савецкага Саюза ў эканамічным плане гаворыць у еўрапейскіх краінах СЭВ. Но пры гэтым заападные краіны, у асабнасці ФРГ, как раз сёчас ствараюць наладзіць болае тесныя эканамічныя адношэнні імянна з Савецкім Саюзам, а не са краінамі Усходняй Еўропы. Так что ўсходнееўрапейскія краіны могуць у гэтай сітуацыі многа губляць. І над гэтым стоіла бы поразмисляць»⁶. Как паказалі паследауючыя сучая, «многа губляў» как раз СССР, дэлаючы неаправаданную ставку ісклучітэльна на краіны Запада.

Затрагывался на встраве і такой вельма шепетільны для савецкай староны вправа, как так называемае «прыгласітэльнае пісьмо». Вот что па гэтым паводу сказаў Дубчек: «Хотел бы посоветоваться с Вами, Михаил Сергеевич, по одному острому для нас вопросу. Я имею в виду письмо с приглашением советских войск в Чехословакию, которое подписали ряд бывших руководителей КПЧ и ЧССР. Наши историки говорят, что такое письмо было передано послу Червоненко через Индру. Кое-кому, видимо, хотелось бы и меня как-то припутать к этому событию. В. Биляк опубликовал в «Шпигеле» фальшивку, в которой утверждалось, будто я вместе с ним 3 августа в Братиславе заявил, что Чехословакия находится под угрозой контрреволюционного переворота. Мне трудно тогда было выступать с прямым опровержением этой фальшивки. Но тем не менее через итальянских друзей

¹ Горбачев М. С. Собрание сочинений. Т. 20. Май – июнь 1990 г. М., 2011. С. 50.

² Архив Горбачев-Фонда. Фонд 1 – Фонд Горбачев М. С. Запись беседы М. С. Горбачева с председателем Федерального собрания Чешской и Словацкой Федеративной Республики А. Дубчеком. 21 мая 1990 г. С. 9.

³ Горбачев М. С. Собрание сочинений. Т. 20. Май – июнь 1990 г. М., 2011. С. 52.

⁴ Архив Горбачев-Фонда. Фонд 1 – Фонд Горбачев М. С. Запись беседы М. С. Горбачева с председателем Федерального собрания Чешской и Словацкой Федеративной Республики А. Дубчеком. 21 мая 1990 г. С. 14.

⁵ Там же. С. 15.

⁶ Горбачев М. С. Собрание сочинений. Т. 20. Май – июнь 1990 г. М., 2011. С. 53.

мне удалось опубликовать заявление о том, что это ложь, фальсификация. Характерно, что после этого у нас сразу в пропаганде замолчали эту версию. Я подал протест в суд. Предлагал привлечь в качестве свидетеля Ленарта. В суде не давали ход этому делу в течение 4 лет. И я тоже не стал настаивать на его рассмотрении, поскольку я по природе человек не мстительный, но вместе с тем и не отзывал свой иск. Не собираюсь я поднимать это дело и сейчас, когда я уже, что называется, поднялся с полу, куда был брошен раньше. О наличии письма говорят наши историки, ссылаются на мемуары Биляка, Кадара. Об этом говорит и советский журналист А. Бовин, который был в свое время советником Брежнева. Однако советская сторона отказывается дать нам письмо или его копию, сообщить имена людей, подписавших его. Встает вопрос, морально ли, защищая несколько человек, бросать тень на целую партию? Дело осложняется тем, что, видимо, в парламенте может быть поднят этот вопрос. Ряд оппозиционных деятелей и партий попытаются таким образом бросить тень и на меня, и на всех коммунистов, в том числе тех, кто был исключен в 1968–1969 годах из КПЧ. Ведь к этим людям в народе в целом относятся хорошо. Но теперь находятся такие, кто хотел бы и их скомпрометировать как «бывших». По моему мнению, стоило бы морально осудить этих 18 человек, не доводя дело до суда, то есть поступить примерно так, как я поступил в отношении инсинуаций Биляка»¹.

Последовал следующий уклончивый ответ Горбачева: «Я думаю, что во всех этих вопросах вы должны разобраться сами. У вас есть для этого достаточно политического материала. Если речь идет об ученых, историках, то, наверное, они могли бы контактировать по этим вопросам с нашими историками. Я же письмо, о котором вы говорите, не видел и не знаю, существует ли оно в природе или нет. Могу Вам сказать, что сейчас у нас под руководством А. Н. Яковлева работает Комиссия по реабилитации жертв репрессий [19]30–[19]50 годов. И вот ей приходится сталкиваться с тем, что многие документы были в свое время уничтожены, очевидно, теми лицами, которых эти документы компрометировали»².

Инициатор Пражской весны Дубчек уточнил свой вопрос, заметив, что, по воспоминаниям Кадара, Биляк передал это письмо Брежневу³. «Ну, – отреагировал на это инициатор советской перестройки Горбачев, – может быть, оно у Брежнева в кармане и осталось, трудно сказать. Словом, мы исходим из того, что вы сами можете и, наверное, должны разобраться и определиться в таких делах. Кроме того, моему, сейчас уже важен не столько юридический, сколько политический анализ событий того времени ...»⁴.

В самом конце встречи чехословацкий государственный деятель обратил внимание собеседника на то, что многие люди в ЧСФР «понимают важность сохранения и развития добрых отношений с Советским Союзом». В качестве примера он привел свою встречу с работниками известного чехословацкого кооператива «Слушавице», специально подготовивших к визиту Дубчека в Москву технический проект фермы и села, который они планировали реализовать в СССР «под ключ» по договору. Характерно, что это были не только слова. «Я, – сказал Дубчек, –

¹ Архив Горбачев-Фонда. Фонд 1 – Фонд Горбачев М. С. Запись беседы М. С. Горбачева с председателем Федерального собрания Чешской и Словацкой Федеративной Республики А. Дубчеком. 21 мая 1990 г. С. 10–11.

² Горбачев М. С. Собрание сочинений. Т. 20. Май – июнь 1990 г. М., 2011. С. 51.

³ Архив Горбачев-Фонда. Фонд 1 – Фонд Горбачев М. С. Запись беседы М. С. Горбачева с председателем Федерального собрания Чешской и Словацкой Федеративной Республики А. Дубчеком. 21 мая 1990 г. С. 12.

⁴ Горбачев М. С. Собрание сочинений. Т. 20. Май – июнь 1990 г. М., 2011. С. 51.

хотел бы передать Вам сейчас этот проект»¹. В своем ответе Горбачев назвал «особенно ценным» то, что понимание взаимной полезности советско-чехословацких связей живет на уровне простых людей.

Как видно, в разговоре превалировали вопросы практического характера. Для обсуждения вопросов теоретического характера у собеседников тогда не нашлось времени, но Дубчек никогда не терял интереса к идеям социал-демократии. Так, в августе 1992 г., незадолго до своей трагической кончины, он дал интервью гамбургскому ежемесячнику «Мериан»²; на словацком языке оно появилось в 2009 году [10; 6, s. 195–206]. Тогда корреспондент журнала спросил: «Вы сейчас заявляете о приверженности социал-демократии. Какой путь Вы прошли? Когда пришло понимание, что Вы уже не коммунист?». В ответ он услышал следующее объяснение Дубчека: «...Это был долгий путь. При этом роль сыграли три фактора: моя личная жизнь, учеба в высшей школе в Москве во времена Хрущева и западная социал-демократия – с огромным вниманием я относился к идеям Вилли Брандта и политике, проводившейся Пальме и Крайским...» [6, s. 197–198].

По словам Дубчека, «созревание» его проходило в шестидесятые годы. «Когда в октябре 1967 г., – уточнил он, – на пленуме партии я представил свои предложения по смене курса, все выглядели как ошпаренные, никто тогда еще меня не понимал. Это значит, что избранный мною момент оказался правильным» [6, s. 198].

Далее прозвучал еще один вопрос корреспондента: была ли у Дубчека перспектива, хотел ли он уже тогда ввести демократию? Ведь, по утверждению корреспондента, В. Гавел уже в то время настаивал на создании социал-демократической партии. Дубчек так ответил на него: «Создание такой партии было исключено. Нашим единственным шансом являлась попытка реформирования коммунистической партии изнутри. Ведь мы видели занесенный над нашими головами гигантский Дамоклов меч. Нет, создание такой партии было абсолютно невозможно. У нас имелись определенные контакты с другими движениями, но им я сразу сказал, не получится. Наши противники искали тогда предлога для нанесения удара, а главным их обвинением явилось следующее: то, чего мы добиваемся, является социал-демократическим, оппортунистическим и ревизионистским» [6, s. 198–199].

Интервьюер журнала «Мериан» конкретизировал свой вопрос относительно событий двадцатилетней давности: «В 1988 г. в интервью газете «Унита» Вы сказали: «Социализм и демократия неразрывны». Сегодня Вы придерживаетесь того же мнения?». В своем ответе Дубчек сделал акцент на следующем: «Нужно понять: то, что у нас было, не было никаким социализмом. Сегодня перед нами стоит задача нового направления, оправдавшего себя в западных демократиях: это курс социалистического интернационала (журнал привел эти слова не с заглавной буквы. – Э. З.). Поэтому я вступил в социал-демократическую партию даже несмотря на то, что она является всего лишь маргинальной. И вопреки этому я хочу поддерживать именно такое развитие. Считаю это важным, поскольку левая ориентация социал-демократии формирует равновесие сил. Это та цель, которой мне хотелось бы достичь, пока еще молод...» [6, s. 204–205].

¹ Архив Горбачев-Фонда. Фонд 1 – Фонд Горбачев М. С. Запись беседы М. С. Горбачева с председателем Федерального собрания Чешской и Словацкой Федеративной Республики А. Дубчеком. 21 мая 1990 г. С. 14.

² Dubček mal ešte niekoľko dní pred autohaváriou veľké politické plány // TASR. 2012.01.09. URL: <http://spravy.pravda.sk/domace/clanok/247873-dubcek-mal-este-niekolko-dni-pred-autohavariou-velke-politicke-plany/> (дата обращения: 25.12.2016).

«Полагаете ли Вы, – спросил корреспондент, – что ваша страна будет когда-нибудь социал-демократической?». Прозвучал следующий ответ А. Дубчека: «Думаю, что да. Доказательством является то, что без социальной демократии не существовала бы и нынешняя политическая система на Западе. И в плюралистических демократиях социал-демократия играет решающую роль в балансе сил. Ведь первоначальный капитализм под давлением социальных движений существенно изменился – нельзя же сказать, что капитализм победил, а социализм проиграл» [6, s. 204].

Эти и другие установки в плане модификация социалистических идей получили отражение и в программе СДПС «Программа достойного сегодня, гуманного завтра», принятой в Братиславе 11 апреля 1992 г., в год его председательства в партии и в год трагической гибели. Ключевое слово «Введения» к программе СДПС – гуманизация, причем оно трактовалось в двух аспектах: как общий фундамент укрепления демократии в стране и как побуждение к раскрытию социального и гуманистического потенциала каждого индивида. В результате процесса гуманизации может быть достигнуто более тесное приобщение к Европе, точнее – более тесная идентификация с ней. Призывы к гуманизации, пронизывавшие программу, сочетались с лозунгами социального активизма. Социал-демократия, как указывалось в программе, «требует безоговорочного соблюдения гражданских прав и свобод, правового государства и парламентской демократии. Но она считает наличествующую политическую демократию недостаточной. Демократия, в которой у нас у всех имеются равные политические права, но при этом действие «чистого» рынка одних приговаривает к прозябанию, а другие несметно обогащаются, экономическая политика, которая не формирует равных социальных шансов для всех – такие демократия и политика недостаточны» [1, с. 282] Демократия, констатировалось в документе, должна быть социальной. «Главной задачей, – подчеркивалось далее в ней, – социал-демократического движения в течение всей его истории является расширение демократии из сферы политико-правовой в сферу экономическую, культурную, региональную, следовательно, нацеливание демократии на равные социальные шансы, социальную справедливость, устранение неравенства, существующего лишь потому, что человек родился в неблагоприятных условиях. Поэтому и экономическая политика должна быть демократической, социально чуткой, эффективной, но не циничной, не должна приумножать богатство одних за счет человеческого горя, трагедий, бессилия слабых. **Демократия должна быть солидарной**» (выделено в оригинале – Э. З.) [1, с. 282].

Третий раздел программы посвящался экономическим проблемам. «Нет никаких сомнений, – подчеркивалось в документе, – в том, что социал-демократия последовательно выступает за трансформацию нашей экономики в функциональную социальную рыночную систему. Однако пути и представления о способе перехода отличаются от сегодняшнего правительственного сценария, придерживающегося больше идеологических догм правых теоретиков, нежели реальных потребностей экономики и населения» [1, с. 289]. В программе поддерживались все виды кооперативов, поскольку в ряде сфер они высокоэффективны, а в других выполняют важнейшие социальные функции. «Развитие кооперативной идеи имеет в Словакии глубокие традиции, направлено на укрепление гуманистического характера нашего общества» [1, с. 294], – фиксировалось в программе. «В условиях Словакии, – говорилось далее, – перспективной и эффективной формой ведения хозяйства

мы считаем кооперативы собственников, причем не только в области первичного производства, но также и в сфере обработки сельскохозяйственной продукции, сбыте и торговле. Одновременно мы предоставляем полный простор свободе предпринимательства и конкуренции через фермы частных крестьян и агропредпринимателей, акционерные и торговые общества» [1, с. 296].

В документе выражалась заинтересованность в том, чтобы «Словакия за короткий срок присоединилась к европейскому цивилизационному течению, но не на его консервативных задворках, а на вершине. Чтобы мы внесли вклад в развитие Европы не монополий, финансистов, Европы богатых, а Европы социальной и демократической, богатой для всех. **Мы не допустим пути в Европу на поезде, в котором поместилась бы 1/3 населения, а 2/3 остались на станции нищеты**» (выделено в оригинале. – Э. З.) [1, с. 295].

Развивая мысли относительно социальных аспектов экономического развития страны, А. Дубчек в интервью газете «Лос-Анджелес Таймс» 9 августа 1992 г. утверждал, что именно политика открывает путь к экономическим реформам. «Наша идея заключается в том, что политика должна быть для людей, что она должна способствовать развитию демократии и социального обеспечения, культуры и все, что связано с жизнью человека. Это и есть мое понимание политики»¹, констатировал он.

Цепь бурных событий в Чехословакии не позволила модификатору социалистической идеи воплотить в жизнь свои замыслы и намерения. Его трагическая гибель в результате автокатастрофы привлекла всеобщее внимание и практически в каждом из многочисленных некрологов отмечалось, что именно он был носителем идеологии «социализм с человеческим лицом». Так или иначе подчеркивалась их утопичность, но, на наш взгляд, хоронить социализм – по совету Рейгана – на кладбище истории преждевременно. Отсюда и заметное место Александра Дубчека в истории и в памяти приверженцев идей социализма, которое останется в течение и XXI века. Можно сказать, что он по-своему спасал и спас идею социализма в Европе. И это важнейший итог его жизни и судьбы даже в условиях, когда эта идея в современных европейских странах отодвигается на второй план, забывается и дискриминируется.

Следует подчеркнуть, что уже к 90-летнему юбилею Дубчека о данной разновидности социализма проводились конференции и выпускались труды, такого рода работа ведется и в 95-летнюю годовщину со дня его рождения. Но есть все основания предполагать, что в полной мере масштабы личности Александра Дубчека и результаты его деятельности, так или иначе вдохновляемые идеей «социализма с человеческим лицом», будут выявлены к началу третьего десятилетия нового века, к 2021 году, к 100-летнему его юбилею, когда эти поиски обретут второе дыхание.

Список литературы

1. Задорожник Э. Г. Социал-демократия в Центральной Европе. М., 2000.
2. Задорожник Э. Г. Чешская доля: иллюзии и реальности (полемика Милана Кундеры и Вацлава Гавела) // *Poznańskie Studia Slawistyczne*. Poznań, 2014. № 6.

¹ Los Angeles Times Interview: Alexander Dubcek: The Former Czech Leader Surveys Another «Prague Spring». 1992. August 09. Garrett White. URL: http://articles.latimes.com/1992-08-09/opinion/op-6367_1_alexander-dubcek (дата обращения: 25.12.2016).

3. Задорожнюк Э. Г. На переломе десятилетий: поиски вектора внешнеполитической ориентации региона (конец 1989–1991 гг.) // Между Москвой и Брюсселем. М., 2016.
4. Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. Т. 2. М., 2005.
5. Benčík A. Utajovaná Pravda o Alexandru Dubčekovi. Drama muže, který předběhl svou dobu. Praha, 2001.
6. Dejiny nie sú reťaz víťazstiev. Exkluzívny rozhovor s Alexandrom Dubčekom (pre časopis «Merian») // Lалуha I. a kolektív. Alexander Dubček: jeho doba a súčasnosť. Bratislava, 2014.
7. Dubček A. Nádej zomiera posledná. Bratislava, 1993.
8. Ferenčák T. Dubček – kontroverzná osobnosť. Bratislava, 2010.
9. Hadley A. T. Power's Human Face, N.-Y., 1965.
10. Kálay K., Feldek L. Alexander Dubček. Posledná kapitola. Bratislava, 2009.
11. Lалуha I. Alexander Dubček, politik a jeho doba. Bratislava, 2000.
12. Lалуha I. Alexander Dubček (spomienky, úvahy, komentáre). Nitra, 2006.
13. Lалуha I., Petrovičová E., Pekník M. Alexander Dubček – politik, štátnik, humanista. Bratislava, 2009.
14. Маха Н. Alexander Dubček – člověk v politice (1990–1992). Bratislava; Brno, 1998.
15. Žatkuliak J., Lалуha I. Alexander Dubček. Od totality k demokracii. Prejavy, články a rozhovory. Výber 1963–1992. Bratislava, 2002.

Поступила 20.09.2017; принята к публикации 20.10.2017

Задорожнюк Элла Григорьевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая отделом современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, Институт славяноведения Российской академии наук (ИСЛ РАН), Россия, г. Москва, elzador46@mail.ru

**MODIFICATION OF THE SOCIALIST IDEA.
ON THE 95TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF ALEXANDER DUBČEK**

E. G. Zadorozhnyuk

The article examines some milestones of the activity of the Czechoslovak statesman Alexander Dubcek in the foreshortening of his attitude to the socialist idea. The author focuses on Dubcek's views on the socialist idea both in general and in its modified form of "socialism with a human face." The most important moments from the biography of the Czechoslovak president, which influenced the formation of his worldview, are presented. A. Dubcek was a consistent supporter of the idea of socialism in the second generation, his parents at one time found the roots of socialism in the US and the USSR. Chronologically, the analysis of the socialist idea of Dubcek is limited to the period before and after the "tender" / "velvet" revolution of 1989, as in the literature this topic was not given proper attention. Having assumed the leadership of the revived Social Democracy in Czechoslovakia after the November 1989 events, Dubcek took an active part in the revival of the Social Democratic movement in Slovakia. The Slovak Social Democrats considered economic reform unavoidable, however, some radical steps towards its implementation stipulated

the adoption of measures of social policy. Some ideas of this program are reflected in one of the documents of the Gorbachev Foundation-Fund. The article introduces into the scientific circulation for the first time and analyzes a fragment of the document from this archive—a shorthand record of the official meeting of A. Dubcek with M. Gorbachev, which took place on May 21, 1990 in Moscow. It is concluded that Dubcek in his own way saved and saved the idea of socialism in conditions when this idea in European countries was relegated to the background, and this is the most important result of his life and destiny. The article is written for the 95th anniversary, and in the opinion of its author, there is every reason to assume that the full scope of A. Dubcek's personality and the results of his activities will be revealed by the year 2021, by his 100th anniversary.

Keywords: Alexander Dubček, the idea of socialism, the Prague Spring, “soft”/“velvet” revolution, “socialism with a human face”, the Soviet perestroika.

Acknowledgements: the article was prepared as part of the project of the Russian State Humanitarian Fund № 16-01-14040.

Citation for an article: Zadorozhnyuk E. Modification of the socialist idea. On the 95th anniversary of the birth of Alexander Dubček. West – East. 2017, no. 10, pp. 163–179. DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-163-179

References

1. Zadorozhnyuk E. G. Social-demokratiya v Central'noj Evrope [Social Democracy in Central Europe]. Moscow, 2000. (In Russ.)
2. Zadorozhnyuk E. G. Cheshskaya dolya: illyuzii i real'nosti (polemika Milana Kundery i Vaclava Gavela) [Czech share: illusions and realities (polemics of Milan Kundera and Vaclav Havel)]. *Poznańskie Studia Slawistyczne*. Poznań, 2014, no. 6. (In Russ.)
3. Zadorozhnyuk E. G. Na perelome desyatiletij: poiski vektora vneshnepolicheskoy orientacii regiona (konec 1989–1991 gg.) [At the turn of the decades: the search for a vector of the foreign policy orientation of the region (late 1989–1991)]. *Mezhdru Moskvoy i Bryusselem* = Between Moscow and Brussels, Moscow, 2016. (In Russ.)
4. Chekhiya i Slovakiya v XX veke. Oчерki istorii [Czechia and Slovakia in the twentieth century. Essays on history]. Vol. 2, Moscow, 2005. (In Russ.)
5. Benčík A. Utajovaná Pravda o Alexandru Dubčekovi. Drama muže, který předběhl svou dobu [The Classified Truth about Alexander Dubcek. The drama of a man who has overtaken his time]. Praha, 2001. (In Czech.)
6. Dejiny nie sú reťaz víťazstiev. Exkluzívny rozhovor s Alexandrom Dubčekom (pre časopis «Merian») [History is not a chain of victories. Exclusive interview with Alexandr Dubcek (for «Merian» magazine)]. *Laluha I. a kolektív. Alexander Dubček: jeho doba a súčasnosť* = Laluha I. and colleagues. Alexander Dubcek: his time and present, Bratislava, 2014. (In Slovak.)
7. Dubček A. Nádej zomiera posledná [Hope dies last]. Bratislava, 1993. (In Slovak.)
8. Ferencák T. Dubček – kontroverzná osobnosť [Dubcek – Controversial personality]. Bratislava, 2010. (In Slovak.)
9. Hadley A. T. Power's Human Face. N.-Y., 1965.
10. Kálay K., Feldek L. Alexander Dubček. Posledná kapitola [Alexander Dubček. The last chapter]. Bratislava, 2009. (In Slovak.)
11. Laluha I. Alexander Dubček, politik a jeho doba [Alexander Dubcek, politician and his time]. Bratislava, 2000. (In Slovak.)

12. Laluha I. Alexander Dubček (spomienky, úvahy, komentáre) [Alexander Dubcek (memories, considerations, comments)]. Nitra, 2006. (In Slovak).

13. Laluha I., Petrovičová E., Pekník M. Alexander Dubček – politik, štátnik, humanista [Alexander Dubček – politician, statesman, humanist]. Bratislava, 2009. (In Slovak).

14. Maxa H. Alexander Dubček – člověk v politice (1990–1992) [Alexander Dubcek – a man in politics (1990–1992)]. Bratislava; Brno, 1998. (In Czech).

15. Žatkuliak J., Laluha I. Alexander Dubček. Od totality k demokracii. Prejavy, články a rozhovory. Výber 1963–1992 [Alexander Dubček. From totalitarianism to democracy. Speaking, articles and interviews. Selection 1963–1992]. Bratislava, 2002. (In Slovak).

Submitted 12.07.2017; revised 12.08.2017

Ella G. Zadorozhnyuk, Dr. Sci. (History), Leading Researcher, Head of the Department of Contemporary History of Central and South-Eastern Europe, Federal Budget Institution of Science Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (ISI RAS), Russia, Moscow, elzador46@mail.ru

УДК 821.162.4

**ЛИТЕРАТУРА КАК ЗЕРКАЛО ИСТОРИИ
(ТЕМА 1968 ГОДА В СЛОВАЦКОЙ ПРОЗЕ)****Л. Ф. Широкова**

В статье рассматривается отражение темы событий 1968 года в словацкой литературе конца XX – начала XXI веков. Показана история появления этой темы года на страницах словацкой художественной литературы: от самых ранних откликов, относящихся к 1968–1969 годам, до произведений более позднего периода, увидевшие свет лишь после 1989 года. Среди них и стихи, и публицистические выступления писателей, появлявшиеся в словацкой и зарубежной печати, в самиздате. В настоящее время тема 1968 года нашла широкое отражение в разных жанрах словацкой литературы, в первую очередь это воспоминания современников и участников событий, а также политические триллеры и психологические романы. В этих произведениях присутствуют эпизоды, мотивы, сцены событий 1968 г., а также мемуары политических деятелей. В качестве первоисточника достоверных сведений автором статьи анализируется книга воспоминаний А. Дубчека «Надежда умирает последней». Показана модификация названной темы в романах современных словацких прозаиков. Среди наиболее приближенных к документальным источникам произведений, по мнению автора статьи, являются книги Й. Банаша «Зона энтузиазма» (2008) и «Остановите Дубчека!» (2009), написанные в жанре политического триллера и беллетризованной биографии. Эти произведения затрагивают проблему исторической памяти, забвения или почитания национальных героев как показателя нравственной зрелости и общества, и конкретного человека. Подробно анализируются объемные, многостраничные романы П. Ранкова и В. Климачека, а также семейная сага П. Криштуфека «Дом глухого» (2012). Исследование, проведенное автором статьи, наглядно демонстрирует, как в словацкой литературе сохранились переживания современников событий 1968 года, насколько правдиво в ней были запечатлены, несмотря на художественную образность, достоверные картины той эпохи, а также то, как расставлялись акценты в отражении темы в зависимости от реалий современности.

Ключевые слова: Словакия, история, художественная литература, жанры, документальность, психологизм.

Благодарность: статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 16-01-14040.

Для цитирования: Широкова Л. Ф. Литература как зеркало истории (тема 1968 года в словацкой прозе) // Запад – Восток. 2017. № 10. С. 180–190.

DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-180-190

Сведения о событиях 1968 года в Чехословакии содержатся в многочисленных публикациях документов, исследованиях историков, свидетельствах очевидцев. Однако еще одной важной составляющей, без которой картина не была бы целостной,

является художественное видение проходивших тогда процессов, а главное – человеческих судеб, отразившееся в литературных произведениях. По характеру, времени написания, жанру они весьма разнообразны. В их числе и самые ранние отклики, относящиеся к 1968–1969 годам. Это стихи и публицистические выступления писателей, появившиеся в словацкой и зарубежной печати, в самиздате, и произведения более позднего периода, увидевшие свет лишь после 1989 г., в которых присутствуют эпизоды, мотивы, сцены событий 1968 г., а также мемуары политических деятелей, в которых взгляд с временной перспективы часто сочетается с эмоциональностью очевидца исторических событий.

Открыто тема 1968 года смогла зазвучать в литературе только после «нежной революции» 1989 г., когда были сняты цензурные ограничения и восстановлена свобода слова. Однако нужно отметить, что сюжеты событий более чем двадцатилетней давности не привлекали тогда сколько-нибудь заметного внимания писателей, особенно молодого поколения, приходящих на смену старшим – их гораздо больше интересовали современные реалии девяностых. Важным источником знаний о замалчивавшихся страницах прошлого, в том числе, о событиях 1968 г., становится литература факта. Особый всплеск она переживала в 1990-е годы, когда авторы получили возможность открыто публиковать копившиеся годами впечатления и записи, подводить собственные итоги пережитого. Среди таких публикаций – а здесь встречаются и книги-эссе, и документальные свидетельства, и историко-культурные исследования – значительное место занимают мемуары. Для этого типа литературы, представляющего собой сплав документального и беллетристического, повествование от лица непосредственных участников исторических событий, наряду с его фактографической ценностью, важен и личностный аспект, раскрытие внутреннего мира автора. Особый интерес представляют воспоминания людей, активно участвовавших в политической, общественной жизни тех лет.

В массе публикаций – научных исследований, исторических документов и других свидетельств, касающихся процесса реформ чехословацкой «весны», августа 1968 г., а также его драматических и весьма долговременных последствий, художественная литература занимает особое место. Она представляет гуманистический, внутренний взгляд на события, передает психологическую глубину и эмоциональную напряженность связанных с ними переживаний, служит своего рода зеркалом, в котором отразились и запечатлелись достоверные при своей художественной образности картины эпохи.

Тема 1968 года отражена в разных жанрах словацкой литературы, прежде всего – прозы. Это и упомянутые воспоминания современников и участников событий (в том числе, книга воспоминаний А. Дубчека [3]), и эссе (публицистика В. Минача [7]), и мозаичная композиция, коллаж (поздние произведения Д. Таттарки), и политический триллер (книги Й. Банаша, Л. Юрика), и психологический роман (П. Ранков, В. Климачек и др.).

Литература с этой тематикой имеет свою историю развития. В 1970–1980-е годы по понятным причинам она не могла появиться в официальной печати, поэтому многие писатели на время замолчали или перешли к другим темам. В числе таких авторов был и Винцент Шикла (1936–2001), чей роман «Орнамент», написанный еще в 1969 г., не смог увидеть свет более 20 лет. Первоначальный вариант финала романа был опубликован лишь в 2008 г. в журнале «РАК» с комментарием вдовы писателя, литературоведа А. Благовой-Шикловой. В нем представлено

несколько эпизодов событий августа 1968 г. в восприятии героя романа, Матея Гоца. Писатель передает его ощущения горечи и недоумения при виде военной техники на улице родного города: «Один из танков опрокинул уличный фонарь, загородив проход. Я замер, глотая гарь и пыль, а рядом грохотали стальные гусеницы. Не помня себя, я бросился бежать, в глазах слезы, дым и отчаяние». Свой протест он пытается выразить лозунгами на стенах домов: «Мы писали известью: “Зачем вы к нам пришли?”», “Да здравствует Александр Дубчек!”». Гуманистический оптимизм, присущий творчеству В. Шикеры, выразился и в этих сценах; он увидел возможность человеческих контактов даже в такой напряженной ситуации: «Русский офицер увидел, что Матей Гоз держит в руках кисть с известью. Их взгляды встретились, и они понимающе кивнули друг другу» [9, с. 32].

После «нежной революции» в 1990-е годы на первый план вышли другие темы, отражались новые реалии социальных изменений, гротескные картины «дикого» капитализма (романы П. Пиштянека, В. Климачека). Был опубликован и ряд запрещенных ранее книг, и произведения ранее не публиковавшихся авторов.

И лишь в 2000-е годы стал заметен все возрастающий интерес писателей к событиям прошлого, к событиям словацкой истории XX века. В литературе разных жанров стала не только затрагиваться, но и подробно отражаться, в том числе, и тема 1968 года как исторического перелома, поворотной точки в судьбах людей. Многим из этих книг свойственна подчеркнутая документальность, выражаемая разными художественными средствами.

Среди наиболее приближенных к документальным источникам произведений – книги Йозефа Банаша (р. 1948) «Зона энтузиазма» (2008) и «Остановите Дубчека!» (2009), написанные в жанре политического триллера и беллетризованной биографии.

В предисловии ко второй книге автор пишет и о своей цели, и об источнике сведений, о прообразах своих героев: «Будучи политиком и писателем, я много общался с молодыми людьми. И часто испытывал при этом разочарование. О нашем недавнем прошлом они знали до обидного мало. И даже эти скудные знания они почерпнули из сочинений “носителей истины в последней инстанции”, которые взяли за мемуары после “нежной революции” 1989 года. Я стал думать, что с этим можно сделать. И вот на помощь мне пришел всеведущий подсказчик – сама Жизнь. Я написал историю» [2, с. 10].

В книге «Зона энтузиазма» 1968 год – точка отсчета и исторических перипетий, отраженных в особых вставках курсивом, и сюжетного времени, – жизни трех основных героев – персонажа с автобиографическими чертами Йозефа Балажа, советской девушки Александры и немца из Западной Германии Томаса Анкермана. Подчеркивая достоверность описываемого, автор высказывает в начале повествования благодарность, указывая на конкретных людей, которые предоставили ему материал, рассказали о своих личных историях. Это немец Томас Ангерман, беседы с которым послужили основой романа, Ольга и Михаил Обицкие из деревни Колодное, которые познакомили автора с бывшим военным Иваном Ивановичем Пауком, участвовавшим в 1968 г. в чехословацких событиях. Его рассказы помогли автору, по его словам, «заглянуть в душу советского солдата того времени» [1, с. 5].

Наряду с вымышленными или беллетризованными героями, в книге выступают и реально существовавшие лица – политические деятели, писатели, дипломаты. Эпизоды, где представлены исторические фигуры, также беллетризованы – автор

описывает не только их дела и поступки, но и мимику, детали поведения, проникает в их мысли, делая из них персонажей художественного произведения почти в той же мере, что и основные герои.

Две упомянутые книги Банаша во многом базируются на одном первоисточнике – на собственных мемуарах А. Дубчека, увидевших свет в 1993 г., уже после его безвременной кончины. Примечательна история написания этих воспоминаний. Дубчек, вернувшийся после «нежной революции» 1989 г. на руководящие государственные посты, находил время для бесед с журналистами, которые записывали его рассказы о родителях, о годах детства, проведенного в Советском Союзе, о начале его сознательной борьбы с догматиками и консерваторами за обновление общества, о планах и крушении «Пражской весны». Последним эпизодом в его воспоминаниях стала сцена многотысячного митинга в Праге в ноябре 1989 г., который восторженно приветствовал А. Дубчека и В. Гавела. Последующие события остались уже за рамками повествования. После смерти политика журналист и редактор И. Гохман собрал и отредактировал записанные материалы, обращаясь за уточнениями к историкам, а также к друзьям и близким А. Дубчека.

А. Дубчек – ключевая фигура словацкой политики и общественной жизни второй половины XX в., один из главных инициаторов реформаторского движения «Пражской весны» 1968 года. «Самый известный словак», «нравственный человек в политике», «символ надежды», как называли его современники, испытал на протяжении своей жизни драматические перипетии и виражи личной и политической судьбы. Не была однозначной и оценка роли Дубчека в общественно-политических процессах в Чехословакии 1950–1990-х годов. Представляется вполне логичным, что наряду с многочисленными историческими исследованиями, посвященными его деятельности, возникают и художественные произведения, основанные на материалах его биографии, чертах личности и характера.

Книга воспоминаний А. Дубчека богата по своему содержанию и широте охвата событий. Автор предоставляет разнообразный и редкий по аутентичности материал, касающийся истории страны, показывает суть противоборства партийных группировок и интересов, кадровых перестановок и судьбоносных решений. Важной представляется характерная для автора личная человеческая позиция, искренность и эмоциональность высказывания. Известный словацкий ученый-литературовед Я. Штевчек в одном из своих эссе назвал А. Дубчека «политиком сердца», обладающим «чувством правды и справедливости», «несокрушимой культурой нравственности». «Доброта и чистота сердца, – писал он, – вынесла Александра Дубчека из казематов партийной политики на солнечную улицу политических будней, к людям, равным ему, к народу» [10, с. 76–77]. Человечность, искренность собеседника (или противоположные качества) являются для Дубчека одним из главных критериев в обрисовке тех или иных фигур. Так, говоря о Г. Гусаке, он часто использует не политические характеристики, а эмоциональные эпитеты – «сухой», «бесчувственный», «расчетливый». Описывая свою принудительную депортацию в СССР и переговоры с членами Политбюро перед подписанием пресловутого «Московского протокола», Дубчек с искренним огорчением замечает бесцеремонность, высокомерие советских партийных руководителей. В ответ на свое открытое, почти доверительное выступление в защиту чехословацких реформ, попытку объяснить ошибочность и пагубность военного решения проблемы, он услышал резкую отповедь Брежнева, в которой «идеи и идеалы были отброшены куда-то на задворки»: «Брежнев

вскочил, лицо его побагровело, густые брови сдвинулись, и он начал на меня кричать». «Он разоблачил себя и все политбюро, – пишет Дубчек. – Это была кучка циничных и наглых бюрократов с феодальными взглядами, которые давно уже перестали служить чему бы то ни было, кроме собственных интересов» [3, с. 222].

В центре внимания автора постоянно оказываются гуманитарные аспекты, защита прав человека, свободы слова. За это он ратовал и в начале процесса преобразований: «Я знал, что необходима свободная печать, которая поможет открыть дорогу коренным политическим и экономическим реформам» [3, с. 149], и в трудных условиях первых месяцев после ввода войск: «На меня оказывали давление, чтобы я ввел не только жесткую цензуру, ... но и полный контроль над средствами массовой информации. Однако в этих вопросах я никогда не сдавался» [3, с. 231].

Автор приоткрывает перед читателем и многие стороны своей частной жизни, рассказывая о семье, о детстве и юности, проведенных в Советском Союзе, о перипетиях своей политической карьеры, о гонениях, слежке и других испытаниях, выпавших на его долю в пору «нормализации». Книга А. Дубчека – яркий и убедительный литературный документ эпохи, живой автопортрет автора – политика и человека.

Рассказ Дубчека о своей личной судьбе и об исторических событиях в Словакии, в ЧССР, в Европе, начиная с 1920-х годов – это в первую очередь мемуары политика. Поэтому именно политические процессы, противоборства, интриги находятся в центре интересов автора; даже представленные в книге эпизоды частной жизни Дубчека тесно связаны с определяющей фабулой его идейного становления. И если изначально «частное» преобладает в повествовании, когда он говорит об истории семьи, то затем на первый план выступают его размышления, наблюдения, воспоминания о партийной борьбе, пленумах и съездах, о политических противниках и соратниках. Однако и здесь ясно звучит авторский голос, высказывающий личное, выстраданное отношение к описываемым событиям и фактам.

Воспоминания Дубчека – это история испытаний, борьбы и разочарований, унаследованной от родителей, интернационалистов и энтузиастов, «чистой и полной вере в коммунизм», представлявший ему самому в годы юности вполне достижимым идеалом свободы и справедливости. «Ради более счастливой жизни человечества, – пишет он, – я был готов отдать свой разум, сердце и всю свою душу» [3, с. 66]. В книге этапы идейного прозрения, кристаллизации идеи «социализма с человеческим лицом» и трагического краха реформаторских усилий в ЧССР после 1968 г. прослеживаются на фоне событий жизни Дубчека.

Центральными – и композиционно, и по своему значению – становятся в книге события «Пражской весны». Дубчек рассказывает о своих стратегических и тактических действиях по созданию «штаба реформаторов», о выработке и принятии в апреле 1968 г. «Программы действий», предусматривающей демократизацию партии и общества, реформирование экономики, федерализацию государства и др. Огромных усилий по политическому маневрированию требовало от него и противодействие со стороны консерваторов, как внутренних, так и внешних. Дубчек подробно пишет о нарастающем и все более жестком давлении на себя и свою команду со стороны советского руководства и руководителей компартий стран социалистического лагеря.

Событиям, последовавшим за вводом 21 августа 1968 г. в Чехословакию войск пяти стран-участниц Варшавского договора, посвящены главы с красноречивыми названиями «Вторжение и похищение», «В Кремле», «Московский диктат». Примечательно, что большую часть повествования занимают размышления Дубчека

о политическом безрассудстве этого шага, о вероломстве, о нарушении норм морали, а также о своих личных переживаниях, то есть о нравственной стороне произошедшего. Скупое, немногословное, хотя и эмоциональное описание самих действий и поступков послужило затем фабулой для последующих, беллетризованных биографий А. Дубчека.

Поводом для написания книги «Остановите Дубчека!»¹, по словам ее автора, стало незнание молодыми словаками героев собственной истории. «Я верю, – пишет он, – что эта книга поможет им не забывать человека, который принес нам надежду» [2, с. 10]. Повествование в событийном плане основано на воспоминаниях А. Дубчека, однако в конце своего политического романа Й. Банаш, подчеркивая его документальную достоверность, приводит большой список использованной при его создании литературы. В числе этих источников перечислены и воспоминания В. Биляка, идеологического противника А. Дубчека, и эссе писателя и публициста В. Минача «Возвраты к переворотам», и научные сборники, посвященные А. Дубчеку и социально-политической проблематике Чехословакии второй половины XX века.

Автор использует в романе свой излюбленный композиционный прием – документальные или стилизованные под документальность вставки, выделенные в тексте курсивом и дающие информацию о ходе политических процессов, о выступлениях исторических деятелей и так далее. Так, например, описывается одно из знаковых событий кануна «Пражской весны»: *«С двадцать седьмого по двадцать восьмое июня 1967 г. в Праге проходил IV съезд Союза чехословацких писателей, который знаменовал собой невиданный дотоле диалог государственной власти с культурой и существенно ускорил подготовку процессов обновления в 1968 г.»* [2, с. 139].

Наряду с такого рода элементами, подчеркивающими историческую достоверность повествования, в романе Й. Банаша много и художественного вымысла, реконструкций и предположений. Дубчек выступает здесь как литературный герой с индивидуальными чертами, внутренними монологами, авторскими допущениями при воссоздании его внутреннего мира, сценами и диалогами не только с реально существовавшими лицами, но и с многочисленными вымышленными персонажами.

Банаш уделяет в своем романе большее, чем в воспоминаниях Дубчека, внимание сценам, в которых описываются арест и интернирование руководства КПЧ в Москву в августе 1968 г., напряженный ход переговоров лидеров «Пражской весны» с членами Политбюро КПСС. При этом он часто дословно воспроизводит отдельные фрагменты его мемуаров. Например, Дубчек так описывает свое состояние растерянности в ночь на 21 августа 1968 г.: «Я невольно посматривал на телефоны на своем рабочем столе, словно ожидая – вдруг кто-нибудь позвонит и скажет, что все это лишь большое недоразумение» [3, с. 195]. А так, уже от 3-го лица, показывает эту сцену Банаш: «Он смотрел на телефон, стоявший на столе, и ждал, когда тот зазвонит, и кто-то объяснит ему, что речь идет лишь о большом недоразумении» [2, с. 204].

Для книг Банаша характерна напряженность и динамизм действия, писатель часто использует гиперболу и гротеск, особенно в описании реалий советского застоя и чехословацкой нормализации с их дефицитом и засильем бюрократизма. В документальных сценах, выделяемых в тексте курсивом, автор тяготеет к фарсу,

¹ В названии книги автор использовал реальные или вымышленные цитаты из критических выступлений в адрес А. Дубчека высших партийных деятелей соцстран – В. Ульбрихта, Л. И. Брежнева и других.

даже политическому анекдоту. Документальность своего повествования он подчеркивает не только ссылками на реальных лиц, но и фотографиями, как в книге «Остановите Дубчека!», хронологической последовательностью повествования.

В одной из последних глав романа под названием «Загадка 88-го километра» Банаш детально описывает историю трагической автомобильной аварии, в которой Дубчек получил тяжелые травмы, приведшие вскоре к его смерти. Ключевым моментом, указывающим на возможные причины этой трагедии, представлена здесь пропавшая важная улика: «Чемоданчик, в котором Дубчек вез секретные документы и приглашение в Москву на заседание Конституционного суда, лежал на траве. Позднее следователи забрали чемоданчик – и с тех пор его никто не видел» [3, с. 348].

С загадки черного чемоданчика начинается еще одна книга, посвященная А. Дубчеку, – роман Любоша Юрика (р. 1947) «Год длиннее века» (2015)¹, который повествует о последних днях жизни политика, проведенных им на больничной койке. Написанный от первого лица, роман представляет собой длинный внутренний монолог героя, в котором фрагменты воспоминаний о прожитой жизни чередуются с рефлексией, попытками осмыслить, оправдать или осудить собственные поступки. Автор так передает состояние своего героя, а заодно и обозначает принципы построения сюжета романа: «Я то приходил в себя, то задремывал, то проваливался в забытие, а потом снова ощущал собственное тело и воспринимал все окружающее, понимал, что лежу в больнице после аварии, но тут же поток мыслей и образов уносил меня куда-то в прошлое» [4].

Л. Юрика, как и самого Дубчека в его мемуарах, интересуют прежде всего нравственные аспекты событий прошлого и настоящего, необходимость восстановить историческую и человеческую справедливость, детективная же завязка отходит на второй план.

«Где мой чемоданчик? – спросил я. – Маленький черный чемоданчик. – Главврач посмотрел на меня непонимающе. – У меня там были документы, – сказал я. – Важные документы...» [4]. Л. Юрик устами своего героя более подробно рассказывает о предполагаемом содержимом таинственного чемоданчика, о бумагах, с которыми политик собирался ехать в Москву на заседание Конституционного суда, а после возвращения – решать вопрос о судьбе единого государства чехов и словаков: «Меня пригласили, чтобы я дал показания по делу о запрете деятельности Коммунистической партии Советского Союза. Кроме того, я хотел получить оригинал письма, послужившего одним из поводов для оккупации Чехословакии [4]. Еще у меня лежала там почти готовая речь, в которой я призывал депутатов Федерального собрания не допустить распада Чехословакии» [4].

Л. Юрик затронул в своем романе еще одну важную проблему – проблему исторической памяти, забвения или почитания национальных героев как показателя нравственной зрелости и общества, и конкретного человека. Эта проблема (упомянутая и в книге Й. Банаша) преломляется, в частности, в поколенческом споре, в неприятии или, точнее, непонимании молодыми ценностей их отцов. Тяжело больной Дубчек слышит разговор пожилого главврача и молоденькой медсестры: «Кто этот человек, господин главный врач? – промолвила вдруг сестричка, и в ее

¹ Книжному изданию предшествовала публикация романа в электронном виде на сайте газеты «Новое слово» («Rok dlhší ako storočie. Posledné dni Alexandra Dubčeka») (URL: http://www.noveslovo.sk/c/Rok_dlhsi_ako_storocie_Posledne_dni_Alexandra_Dubceka_10). Цитаты приводятся по электронному изданию.

голосе я уловил нечто для себя неприятное. – Вы ни об одном пациенте так не заботитесь, как об этом. Он что, важнее других?» – Главврач с минуту молчал. «Сестра, вы не знаете, кто такой Александр Дубчек?» – спросил он, и в его голосе я услышал не только упрек, но и скрытое неодобрение, почти возмущение. «Что, какая-то шишка?» – Пауза была долгой. «Это легенда, – сказал главврач тихо. – Символ “Пражской весны”. Самый знаменитый словак! Надо бы вам это знать... Стыдитесь!» [4].

Собеседником, а часто и оппонентом Дубчека выступает в романе именно этот персонаж – главный врач больницы, чья судьба была искалечена событиями августа 1968 г. и времен «нормализации», когда ему, восторженному стороннику «Пражской весны», пришлось ради выживания пойти на сделку с собственной совестью. Так, предметом их острого спора стала отставка Дубчека с поста руководителя КПЧ: «Вы знали, что этим кончится? – спросил главврач, и в его голосе вновь зазвучал характерный для него сарказм, – Знали и вели себя так, будто собирались остаться еще на пару лет... Разве это не было наивно? – Не говорите мне о наивности, – ответил я раздраженно. – Хотя вы правы, я надеялся... вывести страну из кризиса. Ведь нас все еще многие поддерживали» [4].

Герою романа Л. Юрика при всей его принципиальности свойственны и сомнения, и ощущение личной ответственности за события: «Действительно, мне приписывали эти качества. Мечтатель, визионер, наивный политик... Я втянул в свои мечты миллионы людей. Сколько их потом было выброшено на задворки общества? Сколько судеб оказалось сломано?» [4].

Дискуссии такого рода представляют собой, разумеется, авторское допущение – реальное состояние здоровья А. Дубчека вряд ли позволяло их вести; тем не менее эти художественные приемы расширяют возможности характеристики героя. В целом же сопоставление его образа в трактовках романов Й. Банаша и Л. Юрика с автобиографическим героем книги «Надежда умирает последней» дает читателю возможность более объемно представить себе А. Дубчека не только как выдающуюся личность, но и как политика «с человеческим лицом», во многом опередившего свое время.

Объемные, многостраничные романы Павла Ранкова, Вильяма Климачека и др. затрагивают тему 1968 года в социально-психологическом плане.

П. Ранков, автор нескольких сборников рассказов, опубликовал в 2010 г. книгу «Это случилось первого сентября (или когда-то еще)», жанр которой он обозначил как «исторический роман из времен с 1938 по 1968 год». По своей композиции это «роман в эпизодах»; главы, из которых он состоит, обозначены годами – от «Эпизода 1938» до «Эпизода 1968». В романе ненавязчиво и убедительно воссоздается живая картина самых драматических моментов словацкой – и не только словацкой – истории XX века.

На протяжении тридцати лет автор-повествователь «от третьего лица» прослеживает судьбы трех героев – чеха Яна, венгра Петера и еврея Габриэля, чья дружба зародилась еще в ранней юности в городке Левице, на этнически пестром южном пограничье Словакии. Документальные «кадры исторической хроники» XX века представлены как часть повседневной жизни героев. В каждом из эпизодов повествователь обрисовывает исторический момент, проецируя его на поступки и переживания каждого из друзей. Драматический, а то и трагический пафос запечатленных в романе событий «большой истории» часто снижается комизмом или гротеском конкретных ситуаций, в которых оказываются герои.

Сами общественно-политические события, смена правительств, государственных символов, вождей, политических лозунгов – показаны фрагментарно и, как правило, через эмоциональное восприятие героев – их очевидцев и участников. Документальные «кадры исторической хроники» XX века представлены как часть повседневной жизни героев. Так, Ян участвует в боевых действиях в Израиле 1948 г., а затем в событиях 1956 г. в Венгрии, журналист Петер активно включается в движение «Пражской весны» 1968 г. и становится автором знаменитого лозунга «социализм с человеческим лицом». В соответствующих по времени эпизодах в романе появляются и исторические персонажи, государственные деятели, политики – Хорти, Тисо, Гусак, Новотный, Дубчек, показанные часто в гротескном ключе, в анекдотических, бытовых сценках.

Героиня романа Мария вспоминает об эйфории начала 1968 года: «Полные ожидания, мы приникали к радиоприемникам и телевизорам, радостно раскупали газеты и говорили о новостях дома и на работе. Социализм снова стал для нас притягательным и интересным» [8, с. 316]. Но события августа разводят друзей по разным странам, они эмигрируют. По ходу сюжета происходит постоянное чередование главных героев – Яна, Петера и Габриэла; лишь в финальном «эпизоде» повествование ведется от лица Марии в форме ее внутреннего монолога. Она, единственная из дружной компании, не эмигрировала из Чехословакии после 1968 г. и теперь предается горьким размышлениям о «своих мальчишках» и «несбывшейся жизни» [8, с. 327].

Переломные моменты недавней словацкой истории стали сюжетной основой и для романа «Горячее лето 68» (2011) В. Климачека. Действие романа развивается последовательно, в отдельных эпизодах из жизни героев – детей и родителей трех близких друг другу семей; лишь некоторые обстоятельства проясняются экскурсами в их прошлое. В начале повествования представлены почти идиллические картины: любящие семьи, живописные улочки Братиславы, планы на будущее. Автор перемежает фабульную линию своими рассуждениями и оценками, так характеризуя, например, начало 1968 г.: «Страна из месяца в месяц менялась к лучшему, распахивались настежь окна. Ощувив внезапно избыток свежего воздуха, все ходили, словно пьяные. После серых десятилетий палитра жизни раскрасилась вдруг в целый спектр цветов» [5, с. 51–52]. Все это трагически обрывается в августе 1968 г. с приходом танков. Семьи разлучаются, и для тех, кто спешно эмигрировал за границу, начинается долгое «хождение по мукам», безработица, голод, ностальгия по дому и покинутым близким. Тех же, кто остался, ждет такой же долгий период несвободы и безвременья [5, с. 243].

События 1968 года отражены и в романе – семейной саге – Петера Криштуффика «Дом глухого» (2012), в которой на фоне бурных исторических перипетий с начала XX в. до наших дней прослеживаются судьбы и одного рода Трновских, и малого словацкого социума – условного провинциального городка Брежаны. Герой-рассказчик описывает внезапный приход танков в городок, сравнивая его со стихийным бедствием, ночным землетрясением. Он так рисует картину разрушения: «Колонна прошла по южной стороне парка, танки прокладывали себе путь, где придется. Они вывернули с корнем двухсотлетний могучий платан» [6, с. 384]. Последовавшие вслед за этим застойные годы «нормализации» заставили героев романа приспособиваться к «гибкому режиму» и унынию, когда «в этой духоте и безветрии оставалось только пить, бегать за женщинами, по выходным ремонтировать дачу и снова пить» [6, с. 406].

Литературе всегда свойственно возвращаться к событиям, темам, реалиям, которые стали поворотными, судьбоносными для страны и отдельного человека. 1968 год стал одним из важнейших рубежей в послевоенной истории Чехословакии в самых разных аспектах – в политическом, государственном, идеологическом, культурном. Поворотным пунктом оказался он и для словацкой литературы. В ряду известных «роковых восьмерок», знаменовавших собой поворотные исторические моменты (среди них – революционный 1848 г., образование первой Чехословацкой республики в 1918 г. и ее крушение в 1938 г, коммунистический переворот 1948 г.) 1968 г. занимает свое определенное место, а его значение выходит далеко за временные рамки ближайших к нему лет.

Отзвуки 1968 года сказались на последующем развитии страны, вплоть до «бархатной революции» 1989 г.; слышны они в Словакии и до сих пор. Если же обратиться от этой точки отсчета во времени назад, то становится очевидно, что происходившие тогда события имели и весьма глубокие исторические корни. События «Пражской весны» или, по А. Дубчеку, «чехо-словацкой весны» 1968 года явились, по сути, кульминацией общественно-политических процессов прошлых десятилетий, и далеко не последнюю роль в них играли деятели культуры и литературы.

Список литературы

1. Банаш Й. Зона энтузиазма. М.: МИК, 2016.
2. Banáš J. Zastavte Dubčeka! Bratislava, 2009.
3. Dubček A. Z pamäti. Nádej zomiera posledná. Bratislava, 1993.
4. Jurík Ľ. Rok dlhší ako storočie. URL: http://www.noveslovo.sk/c/Rok_dlhsi_ako_storocie_Posledne_dni_Alexandra_Dubceka_10
5. Klímáček V. Horúce leto 68. Bratislava, 2011.
6. Krištúfek P. Dom hluchého. Bratislava, 2012.
7. Matejovič P. Vladimír Mináč a podoby literárneho diskurzu druhej polovice 20. storočia. Bratislava, 2013.
8. Rankov P. Stalo sa prvého septembra (alebo inokedy). Bratislava, 2010.
9. Šikula V. Ornament (Veterná ružica) // RAK. 2008. № 8.
10. Števček J. V pasci (politické úvahy). Bratislava, 1995.

Поступила 20.09.2017; принята к публикации 20.10.2017

Широкова Людмила Федоровна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения Российской академии наук, г. Москва, shirocco@mail.ru

LITERATURE AS A MIRROR OF HISTORY (THE THEME OF 1968 IN SLOVAK PROSE)

L. F. Shirokova

The reflection of the events of 1968 in the Slovak literature of the late XX-early XXI centuries is considered. The article shows the history of the appearance of this theme of the year on the pages of Slovak fiction: from the earliest responses relating to 1968–1969 years to the works of a later period, which were published only after 1989.

Among them poems and publicistic speeches of writers are, which appeared in the Slovak and foreign press, in samizdat. At present, the 1968 theme is widely reflected in different genres of Slovak literature, first of all it is the memoirs of contemporaries and participants of events, as well as political thrillers and psychological novels. In these works there are episodes, motives, scenes of events of 1968, as well as memoirs of politicians. As a primary source of reliable information, the author of the article analyses the memoirs of A. Dubcek, "Hope dies last". The modification of the named theme in the novels of modern Slovak prose writers is shown. Among the closest to the documentary sources of works, according to the author of the article, books J. Banasa "Area of passion" (2008) and "Stop dubček!" (2009) are, written in genre of political thriller and fictionalized biography. These works touch on the problem of historical memory, oblivion or veneration of national heroes as an indicator of moral maturity and society, and a particular person. Analyzed voluminous, multi-page novels P. Rakova, V. Climatica and family Saga P. Kristufek "House of the deaf man" are (2012). The research carried out by the author of the article demonstrates how the Slovak literature preserved the experiences of contemporaries of the events of 1968, how truthfully it was depicted in spite of the artistic imagery authentic paintings of that era, as well as how the emphasis was placed in the reflection of the topic, depending on the realities of our time.

Keywords: Slovakia, history, fiction, genres, documentary, psychology.

Acknowledgements: the article was prepared as part of the project of the Russian State Humanitarian Fund № 16-01-14040.

Citation for an article: Shirokova L. F. Literature as a mirror of history (the theme of 1968 in Slovak prose). West – East. 2017, no. 10, pp. 180–190.
DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-180-190

References

1. Banash I. Zona entuziazma [A zone of enthusiasm]. Moskow: MIK, 2016. (In Russ.).
2. Banáš J. Zastavte Dubčeka! [Stop Dubcek!]. Bratislava, 2009. (In Slovak.).
3. Dubček A. Z pamäti. Nádej zomiera posledná [From Memory. Hope dies last]. Bratislava, 1993. (In Slovak.).
4. Jurík L. Rok dlhší ako storočie [A year longer than a century]. Available from: http://www.noveslovo.sk/c/Rok_dlhsi_ako_storocie_Posledne_dni_Alexandra_Dubceka_10 (In Slovak.).
5. Klimáček V. Horúce leto 68 [Hot summer 68]. Bratislava, 2011. (In Slovak.).
6. Krištúfek P. Dom hluchého [House deaf]. Bratislava, 2012. (In Slovak.).
7. Matejovič P. Vladimír Mináč a podoby literárneho diskurzu druhej polovice 20. Storočia [Vladimír Mináč and the forms of literary discourse of the second half of the 20th century]. Bratislava, 2013. (In Slovak.).
8. Rankov P. Stalo sa prvého septembra (alebo inokedy) [It happened on 1st September (or sometime)]. Bratislava, 2010. (In Slovak.).
9. Šíkula V. Ornament (Veterná ružica) [Ornament (Wind rosette)]. RAK, 2008, no. 8. (In Slovak.).
10. Števček J. V pasci (politické úvahy) [In Trap (Political Considerations)]. Bratislava, 1995. (In Slovak.).

Submitted 12.07.2017; revised 12.08.2017

Liudmila F. Shirokova, Ph. D. (Philology), Senior Researcher, Institute of Slavic studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, shirocco@mail.ru

УДК 94(100)"1939/45"(437)

**О ВСТУПЛЕНИИ СЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ (1939–1945)
В ВОЙНУ ПРОТИВ СССР ЧЕРЕЗ ТРИ ЧЕТВЕРТИ СТОЛЕТИЯ****Й. Быстрицки**

В статье на основе архивных и опубликованных документов анализируется участие Словакии в войне против СССР в 1941–1945 годы. Рассмотрены исторические условия и обстоятельства объявления Словацкой республикой войны США и Великобритании. Показана активная роль словацкого правительства в присоединении словацкой армии к нападению Германии на СССР. Критикуются словацкие авторы, публикующие недостоверные факты, приукрашивающие роль и значение словацкой армии, пытающиеся бездоказательно «переписать» историю. В частности, критике подвергнута работа Т. Клуберга (2016), в которой искажены исторические обстоятельства вступления Словакии в войну, и роль словацкого правительства в принятии этого решения. Подробно рассмотрены обстоятельства разрыва дипломатических отношений Словацкой республики с СССР, а также начала боевых действий против СССР на стороне Германии. Критике подвергнуты оценки словацкого историка П. Мечианика, которые он в духе официальной пропаганды периода начала войны без какого-либо критического отношения к ней, объясняет причины объявления войны СССР, в частности говоря о борьбе христианского мира с большевизмом и противодействии советской агрессии на словацких землях. В статье критикуются взгляды части «молодых» словацких историков за их объяснение причин вступления Словакии в войну против Советского Союза. В частности, подвергнуто сомнению встречающееся в современной историографии (М. Лацко) утверждение о необходимости превентивных военных акций, которые могли бы отвлечь угрозу «завоевания Словакии большевистским Советским Союзом». М. Лацко известен работами, в которых он выступает как защитник президента Йозефа Тисы и словацкого государства 1939–1945 гг., а также выражает свое негативное отношение к Словацкому национальному восстанию и освободительной миссии Красной армии. Автор статьи подкрепляет все свои оценки ссылками на исторические источники, в том числе на малоизвестные архивные материалы.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Словакия, Восточный фронт, Быстрая и Охранная дивизии.

Благодарность: перевод статьи подготовлен в рамках проекта РГНФ № 16-01-14040.

Для цитирования: Быстрицки Й. О вступлении Словацкой республики (1939–1945) в войну против СССР через три четверти столетия // Запад – Восток. 2017. № 10. С. 191–213.

DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-191-213

Одной из основных характеристик Словацкой республики (1939–1945) можно считать то, что это государство послало свои войска воевать на стороне Вермахта уже рано утром 1 сентября 1939 года. Военный союз с нацистской Германией Словацкая республика подтвердила вступлением в войну против Советского Союза в июне 1941 г. и 12 декабря 1941 г., когда была объявлена война США и Великобритании¹.

Президент д-р Йозеф Тисо союз с Великогерманской империей выдвигал на первый план даже незадолго до ее окончательного поражения. В приказе по армии, который он отдал в марте 1945 г. по случаю 6-й годовщины тогдашней Словацкой республики, он призывал «верностью отплатить за великодушие и истинную дружбу Великогерманской империи, которая не только является ведущей силой европейских держав, но и стоит во главе государств, которые признают нашу национальную самобытность и государственную независимость. Дружба, выросшая из верности, освященная кровью наших героев, является истинным союзом для всех нас, живущих словаков, кто в борьбе против безбожного и рабовладельческого большевизма проявили упорство, выстояли как крепкие скалы, и за окончательную победу под нашим лозунгом «За Бога – за народ» жертвовали всем – жизнями и имуществом»².

Вступление Словацкой республики в войну против Советского Союза в чехословацкой, а после 1993 г. и в словацкой историографии преимущественно трактовалось как результат давления Германии³. В результате работы в словацких и немецких архивах в последние годы удалось установить активную роль словацкого правительства в присоединении словацкой армии к нападению Германии на СССР.

Анализ приказа № 21 (план Барбаросса) ясно показывает, что руководство Германии первоначально вовсе не рассчитывало на активное участие словацкой армии в войне против Советского Союза⁴. В рамках подготовки к наступлению на СССР Словакия воспринималась им скорее как важный транспортный коридор. Это подтверждается словацко-немецким Соглашением от 30 апреля 1941 г. о переходе границы и пребывании немецких войск в Словакии, в котором обговаривались

¹ Министерство иностранных дел Словацкой республики вечером 12 декабря 1941 г. сообщило посольствам в Берлине и в Риме об объявлении войны Великобритании и США. На другой день словацкий посол в Берлине М. Чернак посетил государственного секретаря внешнеполитического ведомства Эрнста фон Вайнцакера и по поручению правительства официально заявил ему: «По решению словацкого президента согласно пакту трех держав с сегодняшнего дня Словакия в состоянии войны с США и Великобританией, и об этом уже сообщили по радио». [1.1. Dok. č. 34, s. 185].

² Vojenský historický archív Bratislava (VHA Bratislava). F. PS III. 1945. Šk. 1. Veliteľstvo technického zboru, dôverný rozkaz č. 19 z 10. marca 1945.

³ С подобной оценкой вступления Словакии в войну с Советским Союзом мы можем встретиться и в новейших публикациях. Так, например, в предисловии к книге «Словацкая армия в агрессии против Советского Союза, I, (1941–1945) ее автор утверждает: «Военно-политическое руководство Словацкой республики под немецким давлением решило вступить в войну против Советского Союза, который был после подписания пакта Риббентроп – Молотов 23 августа 1939 г. в союзе Великогерманской империей и Словацкой республикой» [2. I, s. 7]. Еще одним примером является публикация «Словацкая история. V., 1938–1945 (Slovenské dejiny V, 1938–1945): «Утром 22.6.1941 меня навесил Людиг Тука и официально сообщил о вступлении Германии в войну против Советского Союза. Причем от Словакии он потребовал присоединиться к этой операции [3, s. 104–105].

⁴ 17.3.1941 г. на совещании по плану Барбаросса А. Гитлер по поводу Словакии заявил: «Словаки – славяне. Речь об их использовании, вероятно, пойдет позже (в качестве оккупационных войск) [4, с. 140].

вопросы, связанные с пребыванием немецких частей, перебрасываемых с Балкан в Восточную Словакию, а далее в Генерал-губернаторство. Немецкая позиция изменилась незадолго до нападения на Советский Союз¹. Этому предшествовала инициатива словацкого министра национальной обороны Фердинанда Чатлоша, который в конце апреля – начале мая 1941 г. попросил немецкого военного атташе в Братиславе подполковника Генриха Беккера передать в Берлин, что в случае, если в немецкой военной операции против СССР будет участвовать Венгрия, к ней хотела бы присоединиться и словацкая армия. Беккер информировал об этом генеральный штаб сухопутных войск – отдел военных союзников в сообщении от 2 мая 1941 г.² Словацкому правительству пришлось подождать реакции Берлина до визита в Братиславу начальника генерального штаба сухопутных войск генерала Франца Гальдера 19 июня 1941 г. Тогда Гальдер ознакомил шефа немецкой военной миссии в Братиславе генерала Пауля фон Отто с «желанием вождя, чтобы словацкая армия приняла участие в какой-либо возможной акции». 21 июня генерал Отто информировал об этом немецкого посла в Братиславе Ганса Эларда Лудина, который в тот же день сообщил в Берлин: «Я неформально посетил председателя правительства Туку и президента Тису, чтобы спросить, согласны ли они в принципе с участием словацкой армии в возможных действиях. Они оба однозначно это одобрили» [6. Dok. č. 400, s. 1093]³. На другой день 22 июня 1941 г. в 9 утра Лудин официально довел до сведения словацкого правительства о начале войны против Советского Союза. Не прошло и двух часов как он отправил в Берлин телеграмму с сообщением, что В. Тука ознакомлен с телеграммой Риббентропа, которая в связи с началом войны против СССР была разослана немецким послом в 12 европейских государств⁴. Одновременно он сообщил о пожелании Туки передать имперскому министерству иностранных дел, что «1. Словакия хочет немедленно прервать дипломатические отношения с СССР и ждет на это согласия. 2. Словакия убедительно просит разрешить выполнить пожелание немецких военных властей и определенным контингентом принять участие в борьбе против СССР» [1. Dok. č. 1, s. 96]⁵. В ответ на просьбу Туки

¹ Еще 14.6.1941 г. начальник генерального штаба сухопутных войск Ф. Гальдер записал в своем дневнике: «Словакии также пока что не следует сообщать никаких сведений об операции. После начала боевых действий словацкому командованию будет указано на необходимость приведения своих войск в боевую готовность, чтобы не допустить вторжения противника в Словакию. (Желательно использовать словацкие части на русской границе южнее 17-й армии)» [5, с. 49–50].

² Кроме всего прочего Беккер в этом сообщении упоминал, что, по словам Чатлоша, в Словакии много говорят о русском вопросе и что «допускают возможность какой-либо военной акции», в которую вероятно включатся румыны и венгры. Далее он сообщал, что Чатлош его попросил передать в соответствующие немецкие органы, «что в этом случае словацкая армия не хотела бы быть отстающей, и хотела бы участвовать в акции» [6, s. 1078–1079].

³ В противоречие процитированному документу историк Т. Клуберт без каких-либо доказательств утверждает, что Лудин передал «словацкому председателю правительства желание Гитлера, чтобы СР “сразу же” и “добровольно” включилась в кампанию против СССР» [7, s. 93].

⁴ В телеграмме поручалось сообщить правительствам в Риме, Токио, Хельсинки, Будапеште и Бухаресте, что Германия рассчитывает, что в этом наступлении сможет во всем положиться на тамошнее правительство. Остальным правительствам (включая Словакию) предписывалось сообщить, что империя полагается на симпатии этого правительства [1. Poznámka č. 12, s. 96].

⁵ Посол Словацкой республики в Москве Юлиан Шимко отправил ноту о разрыве дипломатических отношений Словацкой республики с СССР народному комиссару иностранных дел В. М. Молотову 23.6.1941 [8, с. 22–23].

Риббентроп в тот же день выслал телеграмму Лудину. В ней имперский министр иностранных дел просил посла передать Туке одобрение того, чтобы «Словакия немедленно прервала отношения с СССР», а также согласие Гитлера «с участием словацкого контингента в войне против СССР» [1. Dok. č. 2, s. 97]¹. Между тем словацкий посол в Берлине Матуш Чернак посетил государственного секретаря ведомства иностранных дел Эрнста Вайцзаккера, чтобы передать ему, что «словацкое правительство в нынешней ситуации желает сотрудничать с немецким правительством в военных вопросах», прервало дипломатические отношения с Советским Союзом и просило шведское правительство представлять словацкие интересы в СССР [1. Dok. č. 3, s. 98]. Вечером 22 июня Чернак еще раз встретился с Вайцзаккером, чтобы информировать его о том, что «словацкое правительство в ближайшие часы вступит в войну с СССР» [1. Dok. č. 4, s. 99]. Желание словацкого правительства немедленно начать военное сотрудничество с Германией в наступлении на СССР конкретизировано в дневниковой записи начальника генерального штаба Ф. Гальдера от того же числа: «Словакия предлагает немедленно предоставить в наше распоряжение одну подвижную группу в составе усиленного полка, которая к вечеру 23.6 сосредоточится в Прешове. Германское командование выразило свое согласие на участие этой группы в наступлении. Группа будет передана в 17-ю армию. Далее к 25.6 будут готовы две спешно мобилизованные дивизии, которые также будут переданы в 17-ю армию» [5, с. 59]².

Приказ о тайной мобилизации и создании Быстрой группы отдал министр обороны генерал Ф. Чатлош 22 июня 1941 г. Буквально через два дня (24.6.1941) совет министров под председательством В. Туки объявил 22 июня за начало боеготовности государства и министр внутренних дел Александр Мах прочитал по радио объявление о вступлении Словацкой республики в войну против СССР. Населению Словакии в нем сообщалось: «В полной солидарности с Великогерманской империей словацкий народ занимает свое место в обороне европейской культуры, части нашей армии перешли границы, чтобы присоединиться к воюющим немецким войскам»³.

О решении словацкого правительства присоединиться к наступлению на СССР немецкое правительство было незамедлительно уведомлено телеграммами, посланными президентом Й. Тисо А. Гитлеру и председателем правительства В. Тукой министру иностранных дел Й. Риббентропу. Тисо уверял Гитлера в «верности и союзе словацкого народа и его правительства, а также в несокрушимой вере в победу»⁴, а Тука в телеграмме Риббентропу твердил, что «словацкий народ

¹ После того как Лудин ознакомил В. Туку с процитированной телеграммой, немецкий военный атташе подполковник Г. Беккер информировал генеральный штаб, что не только В. Тука, но и министр обороны Ф. Чатлош, и президент Й. Тисо «просили, чтобы словацкие военные силы могли сразу же поднять оружие» [9, s. 550].

² 25.6.1941 г. в дневнике Гальдера прибавилась запись: «28–29.6. будут готовы к отправке на фронт из района Прешова словацкие войска (управление корпуса и две дивизии). Они будут направлены в группу армий “Юг”» [5, с. 71].

³ Объявление подписал президент д-р Й. Тисо и министр национальной обороны генерал Ф. Чатлош [10, s. 5].

⁴ «По случаю, когда Словакия с оружием в руке присоединяется к судьбоносной борьбе европейской государственности за сохранение справедливости и цивилизации, позвольте Ваше Превосходительство снова уверить в верности и союзничестве словацкого народа и его правительства, а также в несокрушимой вере в победу. Да благославит Господь наше решение» [11, s. 74].

решил активно и всеми силами встать на сторону великого немецкого народа»¹. Информацию о вступлении в войну против СССР содержала и телеграмма посла Лудина в дипломатическое ведомство в Берлине 24 июня в 13 час. 15 мин.: «Только что меня принял председатель правительства и министр иностранных дел д-р Тука и сообщил мне, что Словацкая республика с этого момента официально вступает в войну против СССР» [9, s. 540].

Вступление Словакии в войну против Советского Союза официальной пропагандой [12, с. 36–37; 13, с. 33–51] того времени оправдывалось тем, что речь якобы шла о «сохранении самых дорогих ценностей нашей национальной жизни: веры, христианско-католической церкви и независимости, словом о наследии наших отцов святых Кирилла и Мефодия² в борьбе против большевизма, о сохранении порядка, справедливости и социального прогресса³, и наша обязанность идти в бой потому, что мы хотим жить как культурные люди, культурный народ, верящий в Бога и исполняющий свое национальное предназначение» [14, s. 1]. С подобным отношением к обоснованию вступления Словацкой республики в войну против СССР можно встретиться и в настоящее время. И в лучшем случае повторяется пропаганда того времени без какого-либо критического отношения к ее содержанию. Так, например, П. Мичианик пишет: «Деятели политической, военной и религиозной сферы⁴ независимо друг от друга оценивали вступление Словакии в войну против СССР как словацкий ответ на агрессивные захватнические планы Советского Союза, которые непосредственно касались Словакии. Все они подчеркивали необходимость защиты религиозных, национальных и культурных ценностей, которые в случае советского вторжения были бы уничтожены подобно тому, как это произошло на оккупированных в 1939–1940 гг. Советским Союзом землях... Словацкая политическая элита считала войну против СССР защитой христианства от атеистического большевизма, с одной стороны, и одновременно защитой национальных и государственных интересов Словацкой республики, с другой стороны» [2. I, s. 57–58]. К этому еще затем прибавляет: «Словакия на востоке однозначно никаких военно-политических целей не преследовала. Целью Словакии было получить обратно оккупированную Венгрией в 1938–1939 гг. территорию» [2. I, s. 58–59].

¹ «В эти судьбоносные минуты, когда началась война за победу духа, справедливости и порядка, и за сохранение культуры, с радостью доводим до сведения вашего превосходительства, что словацкий народ решил активно и всеми силами встать на сторону великого немецкого народа. Небольшая словацкая армия, которая уже в польском наступлении скрепила братство по оружию с немецкими военными силами и идет в этот час снова с немецкими соратниками в бой против совместного врага» [11, s. 74].

² Военный викарий епископ Д-р Михал Бузалка: «Хотя мы, словаки, и не имели общих границ с Советами, мы присоединились к немецкому народу в этой борьбе так как для нас речь шла о сохранении самых дорогих ценностей нашей национальной жизни: о вере, о христианско-католической церкви и независимости, словом о наследии отцов наших св. Кирилла и Мефодия [2. I, s. 57].

³ Президент Й. Тисо в Михаловцах 7.7.1942: «Не дайте себя обмануть, это не война против России, это борьба за Россию, чтобы русский народ освободился от старого проклятья. Нет, мы не воюем против русских братьев, мы воюем против сатаны, вышедшего из пекла, и будем бороться, пока не уничтожим большевизм. Таким образом, мы сохраняем порядок, цивилизацию, справедливость и социальный прогресс» [2. I, s. 56].

⁴ В этой связи он ссылается на президента республики д-ра Й. Тису, министра национальной обороны генерала Ф. Чатлоша, министра А Маха и епископа д-ра М. Бузалку. По словам П. Мечианика, указанные лица «даже не могли предположить», что «Гитлер решил вести на Востоке войну истребительную, а не освободительную» [2. I, s. 57].

Наряду с некритическим отношением к объяснению причин вступления Словакии в войну против Советского Союза у части «молодых» историков¹ можно встретить утверждения о необходимости превентивных военных акций, которые могли бы отвратить угрозу «завоевания Словакии большевистским Советским Союзом»². Как пример можно привести слова П. Мичианика, который утверждал, что коммунистическая идеология «со своими целями мирового господства, для реализации которых Советский Союз уже с 1938 г. стал разрабатывать конкретные планы, иных намерений в отношении Словакии иметь не могла. Никаких доводов поддерживать независимость Словакии от Германии не было. Наоборот, зависимая от немцев Словакия была бы легкой добычей для СССР. Официальное признание Словацкой республики ничего не меняло в общих стратегических планах советского руководства в Центральной и Западной Европе. Его целью был захват и последующая советизация Европы, как первый шаг на пути к мировой революции [17]. В другом месте этот же автор утверждает: «Можно было ожидать, что в случае советско-германской войны мишенью советских военных операций окажется Словакия. Эти подозрения и предположения вполне подтверждали советские военные приготовления и планы... Задачей могучей оккупационной советской армии было занятие и последующая советизация всей Европы включая Словакию»³.

В опубликованных работах некоторых словацких историков, занимающихся военной историей Словакии в 1939–1945 гг., нельзя не заметить тенденцию к идеализации словацкой армии и частей, направленных на войну против Советского Союза. Наиболее ярко это проявилось в четырехтомной монографии «Словацкая армия в борьбе против Советского Союза (1941–1944)» [2]. В первом томе автор даже утверждает, что «создание и комплектование словацкой армии в 1939–1945 гг. «принадлежит “к закладным камням современной словацкой военной традиции”, а ее участие в войне против Советского Союза стало «выдающимся эпизодом в истории словацких вооруженных сил» [2.1, s. 44]. В заключении к четвертому тому он констатирует: «Первая Словацкая республика создала армию, которая с честью выстояла на самом крупном поле сражений – Восточном фронте... Словаки как солдаты на Восточном фронте отличились во всех отношениях»

¹ Их наиболее активным представителем является Мартин Лацко (1976 г. р.), известный как защитник президента Йозефа Тисы и словацкого государства 1939–1945 гг., а также своим негативным отношением к Словацкому национальному восстанию и освободительной миссии Красной армии. По случаю 60-летней годовщины освобождения Словакии и окончания Второй мировой войны в Европе этот историк призвал к «переоценке» действий Красной армии на территории Словакии в период с сентября 1944 г. до начала мая 1945 г. В этой связи он предложил вопросы, можно ли вообще употреблять термин «освобождение» и в случае прихода Красной армии в Словакию, идет ли речь об освобождении? При этом в качестве примера он указывал на прибалтийские государства, где, по его мнению, совершенно ясно говорят, что ни о каком освобождении речь не шла, а это было началом нового периода несвободы». Он предложил в качестве «исторически более верного, более корректного и объективного термина», который бы заменил слово «освобождение» термин «занятие» [15].

² При оправдании необходимости превентивной военной акции против СССР они опираются в основном на аргументацию, данную в книгах Виктора Суворова и Марка Слонима, по словам М. Лацко, «одного из выдающихся современных историков Второй мировой войны в России» [16, s. 21].

³ По словам указанного автора, подтверждением такой задачи Красной армии были ее боевые действия в начале Великой Отечественной войны: «Агрессивные наступательные действия, какими Красная армия непосредственно реагировала на немецкое вторжение, и показания многих пленных и перебежавших советских солдат и офицеров однозначно подтверждают намерения и подготовку СССР напасть летом 1941 го на Великую немецкую империю и ее союзников» [2, s. 11].

[2.IV, s. 446]. И далее он утверждает: «Поступки и поведение большинства словацких солдат заслуживают признания и восхищения и без сомнения могут стать источником вдохновения для следующих поколений» [2. IV, s. 453]¹. В этой связи даже о Быстрой дивизии вразрез с историческими реалиями он пишет: «Быстрая дивизия была создана как элитное подразделение словацкой армии» и характеризовалась «очень хорошей дисциплиной, моральным духом и единством. Большинство словацких солдат и офицеров гордились, что служат в БД... Быстрая дивизия осталась единственным примером словацкого элитного боевого подразделения в современной истории словацкого народа, которое показало себя в тяжелейших боевых условиях» [2.III, s. 398]².

Также совершенно неоправданным, как и идеализация действий частей словацкой армии на советско-германском фронте, является ограничение ее активных действий в войне против СССР периодом с 1941 по 1944 гг. Это можно видеть помимо прочего уже в самих названиях томов указанной четырехтомной монографии П. Мичианика [2]. По словам этого историка, «последняя боевая часть, задействованная в войне против СССР» перестала существовать в июне 1944 г., когда словацкая 1-я пехотная дивизия (до середины 1943 г. Быстрая дивизия) была реорганизована в техническую дивизию и «боевое использование словацкой армии на Восточном фронте закончилось» [2.IV, s. 7]. В согласии с ним и другой историк Т. Клуберт утверждает, что «словацкая армия на Восточном фронте воевала только с 24 июня 1941 по 1 июня 1944 г.» [7, s. 5]. Такую же позицию, ограничивающую период участия словацкой армии в войне против СССР, занял и историк Мартин Лацко, подсчитывая потери «словацкой армии, участвовавшей в течение в трех лет» [20] в «войне против СССР (1941–1944)» [21]³.

На самом деле история действий частей армии Словацкой республики на советско-немецком фронте закончилась не в середине, и даже не во второй половине 1944 г., а взятием в плен остатков ее частей Красной армией на территории Австрии и Чехии в мае 1945 г. Началась же она с подчинения Быстрой группы словацкой армии 17-й немецкой армии и переброской ее частей через Дуклинский перевал в район восточнее Кросно 24 июня 1941 года⁴. По этому случаю министр национальной обороны генерал Ф. Чатлош издал приказ, в котором подтвердил, что словацкие части перешли границу, «чтобы соединиться с немецкими соратниками

¹ Указанный автор в других работах в противоречии с этим утверждением пишет о военных преступлениях словацких солдат, которые они совершали во время войны против СССР [18, s. 252–272]. Идеализация действий словацкой армии на Восточном фронте не чужда также и историку Томашу Клуберту: «Наиболее ярко словацкая армия проявила себя в войне против Советского Союза... Несмотря на то, что она опять выступила на стороне агрессора, она сохранила по возможности чистый щит. На Украине, в Белоруссии и в России словацкие солдаты быстро сближались с местным населением, память о них в этих странах жива до сих пор. Такие же хорошие воспоминания о наших солдатах остались в Италии, куда их направили осенью 1943 г. для работ по сооружению и реконструкции укреплений» [7, s. 5].

² Такая оценка не отвечала действительному состоянию морального духа и дисциплины в частях Быстрой дивизии. Подробнее [19, s. 76–92].

³ Такое же ограничение по времени участия словацкой армии в составе немецких войск в войне против СССР есть и в 12-томной публикации «Великая Победа. Освобождение»: «Словацкая армия в составе вермахта участвовала в 1941–1944 гг. в сражениях на Восточном фронте, а также выполняла охраняющие функции на оккупированной территории Западной Белоруссии и Западной Украины» [22, с. 425].

⁴ Быстрая группировка возникла по личному приказу министра национальной обороны и командующего армией генерала Ф. Чатлоша от 22 июня 1941 г. В ее составе находилось 1910 человек.

в борьбе», и призывал солдат, чтобы они доказали, что могут быть «верными союзниками и надежными воинами, которые обеспечат народу счастливое и стабильное будущее [23, s. 203]». Однако командир Быстрой дивизии полковник Р. Пилфоусек видел цель использования подчиненных ему частей несколько по-иному. По прибытию в Гачево он послал телеграмму командиру 17-й немецкой армии генералу фон Штюльпнагеру, в которой уверял, что «словацкие подразделения будут самоотверженно сражаться за новую Европу Адольфа Гитлера» [24, s. 12].

В выступлении для печати в тот же день, когда части Быстрой группы перешли границы Словакии, решение словацкого правительства вступить в войну против СССР прокомментировал премьер В. Тука. Кроме всего прочего он поведал: «Когда в воскресенье перед полуднем... посол Великогерманской империи официально сообщил мне, что Германия вступает в войну против Советского Союза, не было никаких сомнений, что и Словакия вступит в это сражение. У нас два соглашения с Германской империей, которые обязывают нас, чтобы мы вели внешнюю политику в полном согласии с Великогерманской империей. Тройственный пакт обязывает нас, чтобы мы в случае необходимости встали бок о бок с немецкой армией¹. Я ему заявил, что в свете выше указанных событий мы хотим сразу же прервать все дипломатические отношения с СССР, который оказался в состоянии войны с Великогерманской империей. На этом основании я прервал всякие отношения с местным советским посольством, а словацкий посол в Москве получил подробные указания прервать все отношения с Советами.

Не было никаких сомнений, что Словакия будет участвовать в борьбе, если пойдет дело до того, чтобы помериться силами на востоке. Наши моторизованные части уже покинули пределы нашей республики и участвуют в боях. Это может показаться комичным, что Словакия объявляет войну такой огромной державе. Но мы не должны забывать, что после подписания соглашения о присоединении к Тройственному пакту, все три мировые державы приняли нас как союзника. Уже тогда, когда я возвратился из Вены, рассудок говорил мне, что присоединение к Тройственному акту потребует огромных жертв, но, с другой стороны, нам выпала честь, что великие державы считают нас народом, способным содействовать победе и тем самым завоевать право на свободную жизнь всех словаков» [27; 11, s. 88].

22 июня в первый день боев на советско-немецком фронте в Словакии началась скрытая мобилизация. В ходе нее на службу в армии было призвано 68 018 военнослужащих запаса. К 4 июля 56 858 из них действительно поступили на службу. Это позволило увеличить численный состав армии до 90 533 человек и при отправке на фронт сформировать армейскую группировку (две пехотные дивизии, два артиллерийских полка, армейские части и соединения воздушных сил) под командованием министра национальной обороны и командующего армией генерала Ф. Чатлоша.

¹ В статье 3 Пакта трех держав от 27.09.1940 его подписанты обязывались «поддерживать друг друга всеми политическими, экономическими и военными средствами в случае, если на одну из сторон нападет держава, которая в настоящее время не участвует в европейской войне либо в японско-китайском конфликте» [25, s. 220]. Протокол о присоединении Словацкой республики в Тройственном пакту подписал 24. 11. 1940 г. в Берлине председатель словацкого правительства и министр иностранных дел В. Тука. Как и В. Тука, игнорируя содержание статьи 3 Тройственного пакта, ставившую условием взаимной поддержки подписавших соглашение сторон *нападение на какую-либо из них* другим государством, современный словацкий историк Петр Мулик утверждает: «После присоединения Словакии к Пакту оси мы были вынуждены участвовать в войне против СССР» [26].

В ее соединениях было задействовано в целом 50 685 офицеров, сержантов и солдат. Их переброска на фронт началась 1 июля 1941 года. По этому случаю президент Й. Тисо обратился к солдатам и офицерам армейской группировки со следующей речью: «Мы заняли свое место у оборонительной черты от наплыва большевизма, который грозил наброситься и на наш народ и государство, чтобы уничтожить его в культурном, экономическом и социальном плане. Должны были гореть наши деревни и города, разрушены быть наши семейные очаги, порушены наши костелы и национальные святыни, приостановлено наше национальное и государственное развитие, которое шло весьма успешно, а из наша прекрасная Словакия должна была превратиться в большевистскую пустыню без Бога, без любви к своей родине, без культуры и нравов... Вы по праву превращаетесь в христианских рыцарей антибольшевистской борьбы за Бога и народ, за христианство и социальную справедливость, за честь и право своего народа. Мы не отправляемся на разбой, так как никакому словаку не нужно чужое, а защищаем только свое, чтобы большевистский паводок не перешел на территорию нашей родины» [14].

6 июля 1941 г. словацкая армейская группировка сосредоточилась в районе Добромил – Хиров – Старый Самбор. Здесь на краткое время Ф. Чатлош соединил с ней и части Быстрой группы, сформировав из нее Быструю бригаду¹.

Широкая мобилизация, проходившая в Словакии с 22 июня 1941 г., сопровождалась дискуссией о том, какое место будет занимать словацкая армия на фронте. О конкретном использовании ее частей в составе немецких вооруженных сил должно было договориться министерство национальной обороны с немецкой военной миссией. Последняя, учитывая недостаточную подготовку словацкой армии, не рекомендовала боевое использование словацких частей на фронте, а предлагала использовать их для служб обеспечения на занятой территории. В этой связи в сообщении о деятельности немецкой военной миссии в Словакии с 22.06.1941 г. по 1.10.1941 г. констатировалось, что Словакия «вступила в войну совершенно неожиданно», армия «не готова к выполнению важных боевых задач и может быть использована лишь для обеспечения и прикрытия. На родине осуществляется достаточно масштабное создание подразделений из недостаточно обученных солдат и офицеров запаса, в сухопутные войска призвано коло 70 000 человек, из них 40 000 отправлены на фронт. Неоправданно масштабная мобилизация произошла из-за не просчитанных потребностей применения и переоценки своих сил, кроме того свою роль сыграли и напряженные отношения с Венгрией» [1, s. 166–167]².

Ожидания, что словацкая армейская группировка под командованием генерала Ф. Чатлоша будет использована на фронте в качестве единого целого, оказались нереальными. За исключением того, что Быстрая бригада, починенная командованию 17-й немецкой армии, приняла участие в боях под Липовцами, армейская группировка оставалась в тылу немецких войск и имела задачу поддерживать порядок на занятой территории. Большие потери словацких пехотных дивизий при переброске не позволяла задействование армейской группировки в боевых

¹ К 21 июля 1941 г. количественный состав бригады вырос до 4902 человек.

² Необычайно масштабная мобилизация и ее ход в выше цитированном донесении были названы главной причиной последовавших трудностей, в результате которых большая часть запасников, составлявших 60 % армии, оказалась на фронте, но для боевых действий была недостаточно обучена, а из действующего состава была сформирована небольшая Быстрая дивизия, а оставшиеся действующие солдаты и офицеры были объединены в Охранную дивизию.

действиях на фронте. Поэтому командование дивизией¹ уже 16 июля предложили Чатлошу оставить на поле брани только Быструю бригаду, выделить 2 или 3 батальона для несения охраны в тылу немецких войск, а остальные войска вернуть в Словакию. Чатлош отверг их предложения, также как и предложение А. Малара создать единую комбинированную дивизию, и 25 июля после предварительного получения согласия А. Гитлера² отдал приказ о реорганизации армейской группировки с целью создания Быстрой дивизии (БД) для борьбы на фронте и Охранной дивизии (ОД) для выполнения задач на оккупированной территории. Остаток солдат должен был вернуться в Словакию.

После осуществления реорганизации словацкой армейской группировки командование войсками на поле боя взял на себя 12 августа 1941 г. генерал Антон Пуланих, а вместо командования армейской группировкой возникло командование полевым корпусом. Но и оно уже 20 сентября было заменено Объединенным штабом, который затем 8 декабря 1941 г. также был ликвидирован. Постепенно снижалось и количество военно-воздушных частей, в результате чего из первоначальных 5 эскадрилий (три разведывательные и две истребительные) осталось к концу второй декады августа 1941 г. всего две (1-я разведывательная и 12-я истребительная). Во второй половине октября и эти эскадрильи вместе с командованием воздушных сил вернулись в Словакию. К середине декабря 1941 г. количество словацких солдат на Восточном фронте снизилось до 15 072 человек. До конца октября 1943 г., то есть до переброски частей Технической бригады, созданной из 2-й пехотной (ранее Охранной) дивизии в Италию, количество словацких солдат на Восточном фронте в разные месяцы колебалось от 12 000 до 18 500. При этих подсчетах учитывались и те части, которые достаточно длительное время действовали вне состава Охранной и Быстрой дивизий³.

Охранная дивизия⁴ начала выполнять задачи на оккупированной территории Украины 25 августа 1941 г., когда взяла на себя охрану коммуникаций и других важных объектов в районе Староконстантинов – Полонне – Шепетовка. Буквально через несколько дней дивизия была передислоцирована и заняла район от Житомира до Мозыря. Основные усилия ее частей были направлены на охрану шоссе и железнодорожных коммуникаций на отрезках Житомир – Овруч – Мозырь, Сарны – Киев, Казатин – Киев, а с апреля 1942 г. и железнодорожного пути Пинск – Гомель на отрезке от деревни Старушки до Речицы. Охрану железнодорожного пути

¹ Полковники Аугустин Малара и Йозеф Туранец.

² А. Гитлер приветствовал желание Словакии и дальше активно участвовать в борьбе против СССР и, учитывая потребности военной экономики, согласился со снижением численного состава словацкой армии. Об этом свидетельствует запись отделения «Ausland IX OKW» от 25.7.1941: «В отношении словацких намерений Вождь принял следующие решения. 1) желание Словакии и далее активно содействовать борьбе против советской России определенным количеством сил и усиление бригады Пилфоуска приблизительно до размеров дивизии удовлетворить; 2) словацкие сухопутные войска объединением обеих охранных дивизий будут составлять боеготовную силу в 32 000 человек; 3) предстоящее в скором времени сокращение войск, находящихся на фронте для выполнения охранных задач в интересах военной экономики» [28, s. 567].

³ Конкретно речь шла о 13-й истребительной эскадрильи (на советско-германском фронте действовала с ноября 1942 г. до конца октября 1943 г.), 41-й эскадрильи бомбардировщиков (с июля до конца октября осуществляла боевую подготовку в Крыму), двух отдельных добровольческих рот, роте телеграфистов и строителей, двух рот железнодорожных строителей, из которых во второй половине июня 1942 г. в составе Охранной дивизии возник 12-й батальон железнодорожников.

⁴ Подробнее о действиях Охранной (2-й пехотной) дивизии см.: [2. II; 29, s. 29–54; 30, s. 35–52].

Казатин – Киев Охранная дивизия передала в начале мая 1942 г. венгерским частям. Это произошло после того, как ее боевая сила снизилась из-за переброски 31-го артиллерийского полка в 6-ю немецкую дивизию в район 60 км к северо-востоку от Харькова. 10 апреля 1942 г. этот артиллерийский полк был послан для поддержки 17-го немецкого корпуса, а через месяц, точнее 12 мая 1942 г. в боях у Тарнова потерял большинство орудий.

В связи с немецким наступлением против партизан в окрестностях Мокрого части Охранной дивизии были сняты с охраны железнодорожного пути Пинск – Гомель и в конце марта 1943 г. им был поручен район, ограниченный чертою Козенки (юго-западнее Мозыря) – Брагин – Рудня Мечная (северо-восточнее Овруча) – шоссе и железная дороги из Ельска до Козенок. Здесь после выполнения боевых задач они стали готовиться к переброске в район Минска, которая началась в конце июня 1943 года. К этому времени положение в частях дивизии стало критическим, значительно ослабла дисциплина и участились случаи перехода к партизанам. Командир дивизии, которая 1 августа 1943 г. была переименована во 2-ю пехотную, был вынужден уже 22 сентября предупредить министра национальной обороны, что ее дальнейшее использование на востоке становится рискованным из-за опасений перехода к партизанам целых частей. Усилившуюся ненадежность 2-й пехотной дивизии отмечало и немецкое командование, которое предлагало реорганизовать ее в строительную бригаду и использовать ее для выполнения задач вне фронта в Италии. Реорганизация дивизии в Техническую бригаду осуществлялось с 21 по 25 октября 1943 г. Затем последовал ее перевод через Варшаву, Ополе, Гёрлиц, Мюнхен, Норимберг и Бренер в район Имола – Равена – Римини. Часть словацких сухопутных войск, таким образом, оказалась в районе военных действий сил западных союзников антифашистской коалиции.

Быстрая дивизия¹ с 23 августа 1941 г. находилась в составе немецкой группы войск Юг и в подчинении командованию 6-й армии. Первое боевое крещение этой дивизии состоялось 15–22 сентября в районе южнее Киева, где в составе немецкого 34-го корпуса защищала западный берег реки Днепр. 2 сентября она была сосредоточена в районе Белой церкви и после короткого отдыха продолжала продвижение на юго-восток, при этом 28 сентября перешла в подчинение 1-й танковой группы. В ее составе она продвигалась к Азовскому морю, где в начале ноября ей была поручена охрана побережья на отрезке от Мариуполя до Таганрога. 24 ноября 1942 г. главные силы дивизии заняли оборону на линии Октябрьский – Каменно Тужловка – Кумшатский – Право Тужловский и 1 декабря отступили за реку Миус, в район западнее населенного пункта Голодаевка, почти в 60 км севернее Таганрога. В течение следующих дней туда были переправлены и части, действовавшие до того на побережье Азовского моря.

В оборонительных боях у реки Миус Быстрая дивизия задержалась до конца второй декады июля 1942 г. Днем 20 июля она перешла в наступление в направлении на Ростов, северных окраин которого части дивизии достигли вечером 23 июля. Утром 26 июля за рекой Дон они прорвались к железнодорожному пути Батайск – Ольгинская, 4 августа достигли г. Кропоткин, 8 августа форсировали реку Кубань и продвинулись к реке Лаба, где 9 августа соорудили переправу у деревни Тенгинская.

¹ Подробнее о действиях Быстрой дивизии (1-й пехотной, 1-й технической) см.: [2, III, IV; 31, s. 40–65; 32, s. 54–74; 33, s. 66–84; 34, s. 39–61; 35, s. 9–25].

Главные силы дивизии затем придвинулись к реке Пшиш и в конце второй декады августа перешли к обороне у реки Псекупс (юго-восточнее города Горячий ключ).

В начале января 1943 г. войска Красной армии предприняли наступательную операцию с целью освобождения северного Кавказа. В середине января они начали наступление и в районе сосредоточения Быстрой дивизии. 23 января, когда дивизии уже грозило окружение, ее части получили приказ к отступлению, которое закончилось переброской их в Крым. До середины марта 1943 г. были сосредоточены в районе Михайловки (севернее Мелитополя), откуда они в начале апреля 1943 г. были отправлены в район Геническа – Джанкоя, где должны были охранять морские проливы между северным Крымом и югом Украины, а также часть черноморского побережья восточнее реки Днепр. 27 октября 1943 г. (после реорганизации, уже как 1-я пехотная) дивизия получила приказ занять оборону на линии Аскания Нова–Дмитриевка (на юго-восток от Каховки). Эту задачу она должна была выполнить без командования 20-го пехотного полка, его 2-го и 3-го батальонов, 14-й, части 13-й и 9-й батарей противовоздушной обороны, которые остались в Крыму. Новые оборонительные позиции части главных сил дивизии заняли вечером и ночью 29 октября. Рано утром 30 октября советские танковые и кавалерийские части неожиданно начали наступление. Красная армия захватила в плен по большей части без какого-либо сопротивления 2 200 солдат дивизии. Оставшиеся части в беспорядке отступили за реку Днепр. Исключение составил П/11-й артиллерийский дивизион, до 7 ноября сражавшийся в составе 101-й немецкой дивизии у Каховки. С 5 ноября остатки главных сил 1-й пехотной дивизии занимали оборону левого берега реки Буг Лимана (южнее Николаева). В то время, когда главные силы 1-й пехотной дивизии сражались юго-восточнее Каховки, подобным же выше описанному образом закончилось использование на фронте словацкой 13-й разведывательной эскадрильи, 41-й эскадрильи бомбардировщиков, находившихся в Крыму, а также и 2-й пехотной (ранее Охранной) дивизии на оккупированной территории Белоруссии. Но боевое использование частей 1-й пехотной дивизии продолжалось. Об этом свидетельствует не только выше указанное участие ее главных сил в обороне левого берега Буга Лимана, но и действия 20-го пехотного полка в Крыму, продолжавшиеся до середины апреля 1944 года.

В начале последней декады декабря 1943 г. главные силы 1-й пехотной дивизии выполняли работы по строительству укреплений у Николаева. Часть из них (артиллерийский полк, разведывательное отделение, рота противотанковых орудий, артиллерийская батарея 21 пехотного полка) была подчинена 5-й немецкой воздушно-полевой дивизии и находилась в районе ее сосредоточения у реки Буг. Во второй половине февраля 1944 г. 1-я пехотная дивизия (без подразделений, подчиненных 5-й авиаполевой дивизии, и подразделений 20-го пехотного полка, находившихся в Крыму) передвинулась в район Березивки (северо-западнее Николаева), где участвовала в сооружении линии обороны «*Adler Stellung*». Там она оставалась до конца марта. Затем последовала ее передислокация в молдавский Григориополь, а в конце апреля 1944 г. в районе южнее Тирасполя с ней соединились части 20-го пехотного полка, переброшенные из Крыма. Кроме того, в это время еще действовал П/11 артиллерийский дивизион, находившийся в подчинении 79-й немецкой дивизии и 41 передовой батальон, подчиненный командованию немецких передовых войск 30-го армейского корпуса.

Приказом от 25 мая 1944 г. министр национальной обороны и главнокомандующий генерал Ф. Чатлош велел с 1 июня переименовать 1-ю пехотную дивизию в 1-ю техническую и провести ее реорганизацию, которая означала изменение характера действий частей словацкой армии, находившихся на Восточном фронте, на «технические»¹. В течение июня – начале июля 1944 г. происходило постепенное перемещение части дивизии в район Болград – Кагул, причем некоторые части приняли участие в строительстве противотанковых заграждений севернее моста через реку Янгупол на трассе Болград – Вулканешти. В начале июля дивизия получила приказ принять участие в сооружении немецкой оборонной линии «Ferdinand Stellung» у реки Прут недалеко от города Вадени. Спустя 6 недель части дивизии были переброшены в район Бацау – Пятра Неамт². В начале последней декады августа 1944 г.³ в результате наступления войск Красной армии в ходе Яско-Кишиневской операции их переброска была перенаправлена через Аджут на Онешти, Таргу Очна и Команешти (долина реки Тротосул в румынской Трансильвании), а оттуда в район Дитрау – Топлита – Деда – Зегин (пойма реки Муресул).

30 августа 1944 г. командование 1-й технической дивизии получило приказ министра национальной обороны Ф. Чатлоша возвратиться в Словакию. Но выполнить этот приказ не удалось, так как 31 августа немецкие части разоружили командование дивизии, а в первые два сентябрьских дня и всю дивизию⁴. Затем в течение сентября 1944 г. части дивизии составляли отрезок оборонной линии «Maros Stellung» между реками Муресул и Бистрица, а в начале октября оборонительных позиций немецких войск в районе юго-восточнее Баиа Маре. 10 октября они начали длительный переход Кештелы–Кискомаром в южной части венгерского Балатона, где должны были принять участие в строительстве оборонительной линии «Margareta Stellung». На Балатоне части дивизии оставались до начала января 1945 г., а потом постепенно были переведены на сооружение оборонительных рубежей и ремонт дорог северо-западнее Баконского леса. В последней декаде марта 1945 г. командование дивизии и несколько подчиненных частей находилось в районе городов Тет и Папа (южнее города Гиёр). Здесь командир дивизии полковник Ян Морвиц, начальник штаба стотник⁵ Войтех Бошшаны и другие офицеры вместе с командованием 20-го пехотного полка подполковником Мартином Палковичом и подчиненными ему частями (в целом 3 000 человек) были взяты в плен Красной армией. В тылу 3-го Украинского фронта они потом выполняли разные вспомогательные работы. Больных постепенно отпускали на свободу, часть солдат были отпущены в Словакию, а около тысячи из них в июне 1945 г. оставались в городе Сегед как пленные. Они были 1 июля переведены в румынский город Фокшаны, а затем на корабле

¹ Учитывая их новый характер, они предназначались для ведения земляных работ и строительства различных объектов.

² Об использовании словацкой 1-й технической дивизии на территории Румынии в 1944 г. см.: [33, s. 65–84; 36, s. 33–49].

³ В середине августа 1944 г. дивизия перешла из подчинения командованию 6-й армии под начало командования 8-й армии (командующий генерал Отто Вёхлер) группы армий Южная Украина.

⁴ Разоружение 1-й технической дивизии стало реакцией немецкого командования на вспыхнувшее в Словакии восстание. Из офицеров и солдат немецкой национальности, находившихся в то время в 1-й технической дивизии были сформированы части в составе 430 человек, которые вечером 5 сентября покинули дивизию и через два дня включены в добровольческий полк СС «Siebenbürgen», действовавший в рамках 8-й кавалерийской дивизии СС.

⁵ Капитан.

из порта Констанца отправлены в Новороссийск. Их перемещение закончилось в Донбассе, откуда они в феврале 1946 г. были отправлены (кроме офицеров) на родину. Остальные части 1-й технической дивизии отступили в Австрию, где для немецких войск строили оборонительные сооружения и ремонтировали дорожные коммуникации. Севернее австрийского города Амстеттен 8 мая 1945 г. их взяли в плен части Красной армии, а в середине месяца они были сосредоточены в районе Вены Новое место. Оттуда в конце первой декады июня 1945 г. они были отправлены в Словакию.

В связи с приближением Восточного фронта к границам Словакии Наивысший совет обороны государства уже в январе 1944 г. принял решение о строительстве оборонительных рубежей на северной границе восточной Словакии¹ и отправке туда войск словацкой армии. В конце того же месяца министр обороны Ф. Чатлош создал командование работами по сооружению укреплений, располагавшееся в Прешове, и во главе его поставил полковника Р. Пилфоуска. А еще через два месяца министерство обороны призвало в армию солдат запаса 1937 и 1938 гг. с целью создать условия для формирования войск, которые могли бы занять оборону в северо-восточной Словакии. 18 мая в Прешове было создано командование армией во главе с генералом А. Маларом. Под его командованием на северо-востоке Словакии были сосредоточены войска, состоявшие из двух пехотных дивизий, различных армейских подразделений, группировки воздушных сил и командования работами по строительству укреплений². С 1 мая 1944 г. все подразделения, подчиненные армейскому командованию, провозглашены были войсками на фронте³. В этом подразделении, обозначенном как Восточнословацкая армия, находилось 38 000 солдат⁴.

29 июля 1944 г. министр национальной обороны Ф. Чатлош приказал генералу А. Малару объявить район командования армией территорией оперативного подчинения и ввести там чрезвычайное положение. А затем 1 августа он сообщил правительственному кабинету, всем министерствам и канцелярии президента, что соответствии с законом об обороне республики территория Шаришско-земплинской жупы, также как районов Стара Любовна, Спишска стара вес и Кежмарок объявляется прифронтовой территорией⁵. Спустя два дня 3 августа Восточнословацкая

¹ Согласно Главного руководства Вермахта (OKW) на строительство укреплений на северо-восточных границах Словакии министру национальной обороны Ф. Чатлошу передал немецкий генерал при словацком МНО Фриц Шлипер 15.02.1944.

² Vojenský historický archív (VHA) Bratislava. F. MNO 1939–1945. Sp. taj.,šk. 31. Inv. č. 92. Č. j. 70. 767/Taj. I-2-1, 1944.

³ Фронтовыми частями кроме войск Восточнословацкой армии считались также две технические дивизии, находившиеся на территории Румынии и Италии, и в качестве подразделений противовоздушной артиллерийской обороны, размещенные в центральной и западной Словакии.

⁴ Включая солдат четырех батальонов, переброшенной группы «Канак», которые строили оборонительные рубежи для немецких войск в районе между рекою Сан и северной границей восточной части Словакии.

⁵ VHA Bratislava. F. MNO 1939–1945. Sp. dôv. Šk. 450. Inv. č. 265. MNO Č. 474622, I/7, 1944. Согласно закону об обороне государства понятие «прифронтовая территория» означало «территорию, на которой располагались подразделения действующей армии (боевые и вспомогательные), подчиняющиеся главнокомандованию». Она делилась на оперативное пространство и тылы. Оперативным пространством считалась передовая часть прифронтовой территории, на которой находились подразделения, задействованные в боевых операциях. Все политические органы министерства внутренних дел и других центральных органов власти на оперативном пространстве переходили в ведение главнокомандующего. Территория Восточной Словакии, обозначенная министром национальной обороны как «прифронтовая» приказом командующего Восточнословацкой армией генерала А. Малара от 3 августа 1944 г. объявлялась словацким военным оперативным пространством.

армия была подчинена командованию группы армий «Северная Украина»¹, и ей была поставлена задача обеспечить безопасность Словакии «на приграничных позициях в качестве защиты за немецким фронтом в Генерал губернаторстве против Советского Союза» [37, Dok. č. 51, s. 129]².

Иное использование Восточнословацкой армии предусматривал план военного переворота, подготовленный генералом Ф. Чатлошом³ и план нелегального Военного центра во главе с подполковником Голианом восстания против правящего в Словакии режима и немецких оккупационных войск. В обоих случаях задачей этой армии должна была стать помощь Красной армии в преодолении карпатских перевалов и выходу на территорию Словакии и совместно с ней освобождение своей страны. Но ни в том. Ни в другом случае до начала Словацкого национального восстания ни командованием, ни непосредственно в войсках Восточнословацкой армии не было проведено никакой организационной подготовки, которые создали бы условия для реализации этих планов. И не только это. Не было проведено никакой подготовки, позволявшей отступление Восточнословацкой армии на территорию повстанцев.

Неготовность Восточнословацкой армии выполнять плановые задачи, а с другой стороны, реакция немецкого командования на развитие ситуации в Румынии в последнюю декаду августа 1944 г.⁴ наконец привели к ее ликвидации. Под влиянием перехода Румынии на сторону антигитлеровской коалиции и в связи с нарастающей ненадежностью словацких войск командование группы армий Северная Украина уже 24 августа начало подготовку к ее разоружению⁵. Приказ о немедленном разоружении командование отдало 31 августа в 13:08 [37, s. 508], и в течение последующих

¹ С 10 августа 1944 г. Восточнословацкая армия в составе группы армий Северная Украина подчинялась командованию группы армий Паус (Raus), в середине августа переименованной в группу армий Хейнрици (Heinrici).

² Приказ командования группы армий Северная Украина от 6 августа ставил Восточнословацкой армии задачу совместно с командованием XXIV-го танкового корпуса провести разведку у словацких границ на глубину 20 км. и доложить, какие мероприятия она провела для уничтожения существующей конницы противника» [37. Dok. č. 52, s. 131–32]. Приказом главнокомандования Вермахта от 14 августа 1944 г. восточная Словакия была сразу же объявлена оперативной территорией немецких сухопутных войск [37. Dok. č. 61, s. 144; Dok. č. 64, s. 147].

³ Этот план, известный под названием «Меморандум Чатлоша», был передан при посредничестве делегации Словацкого национального совета и нелегального военного центра в Москву в начале августа 1944 г. Подробнее см.: [13, с. 204–208].

⁴ В это время немецкое командование уже считало словацкую армию ненадежной. В заключении донесения немецкого генерала при словацком МНО Ф. Шлипера президенту Й. Тисо о недостатках словацкой армии от 20.06.1944 г., например, констатировалось: «Оборонная мощь Словакии не способна противостоять кризисам, она не выдержит при серьезном наступлении противника и в боевом противостоянии против большевизма. Она не является тем инструментом, которое необходимо руководству государства» [37. Dok. č. 40, s. 111].

⁵ Об этом свидетельствует и запись в военной хронике XXIV танкового корпуса от 24.08.1944: «События в Румынии и то обстоятельство, что словацкая армия до сих пор не предприняла никаких энергичных мер против действий банд в Словакии – части нередко примыкали к бандам – означает, что в будущем придется встретиться с большими трудностями со словацкой армией. Чтобы мы могли эти трудности вовремя и быстро преодолеть, корпус заранее приказывает дивизиям быстро сформировать соответствующий отдел в каждой дивизии» [37, s. 495]. В приказе командования группы армий Северная Украина армейской группировке Хейнрици (Heinrici) от 27.08.1944 говорилось: «Армейская группа Хейнрици незамедлительно готовится к разоружению словацкой армии на территории оперативных действий в Восточной Словакии, чтобы можно было в любое время осуществить операцию “сбор картофеля” (“Kartoffelernte”))» [37, s. 500].

двух дней созданным для этой цели немецким частям удалось разоружить все подразделения Восточнословацкой армии¹. Лишь небольшой части сухопутных войск в ходе отступления удалось перейти к партизанам на территорию, охваченную восстанием. Не дали себя разоружить летчики военно-воздушных сил в Прешове, которые 1 сентября 1944 г. перелетели через фронт к Красной армии.

С началом Словацкого национального восстания (29.08.1944 г.) произошел распад тогдашней армии Словацкой республики. Новое словацкое правительство, возглавляемое Штефаном Тисо, под контролем немецких оккупационных органов старалось как можно скорее создать новую армию, но к середине сентября 1944 г. могло располагать лишь 6 955 солдатами и офицерами из гарнизонов западной Словакии, 600 служащими трудового корпуса и около 1000 служащих Словацкой трудовой службы. После призыва части служащих запаса в декабре 1944 г. министру национальной обороны Штефану Гашику удалось к концу года увеличить число военнослужащих до 23 000, 17 260 из которых находились на территории Словакии, а остальные на территории Венгрии и Италии. Дальнейшее увеличение числа военнослужащих произошло за счет мобилизации, объявленной 12 января 1945 г. Ее осуществление привело к тому, что к концу января численность армии увеличилась до 41 500 человек. Последняя мобилизация прошла в начале марта 1945 г. в 7 районах западной Словакии и призвана была привлечь еще 12 000 солдат и офицеров. Таким образом, число военнослужащих словацкой армии теоретически могло возрасти до 53 500 человек. Но ввиду приближения фронта и стремлению призывников избежать воинской службы, достичь этого числа было не реально.

Основой «обновленной армии», предназначенной для ведения боевых действий, стали части Домобраны. Ее первый пехотный полк официально возник 30 сентября 1944 г.², второй – в течение октября. Одновременно с созданием этих подразделений шла и организация передового, автомобильного батальонов и батальона связи. Кроме того существовал авиационный полк (без воздушной техники) и противовоздушный артиллерийский полк. Интенсивно создавались женские строительные части. К концу октября 1944 г. возникло 85 строительных рот, которые в декабре объединили в 8 инженерно-строительных групп Технического корпуса³. В первой половине февраля 1945 г. инженерно-строительные группы объединили в две технические дивизии (номер 3 и 4), частью Технического корпуса стали и две технические дивизии (1-я и 2-я), расположенные на территории Венгрии и Италии. Отношения Домобраны и Технического корпуса официально определялись таким

¹ Служащие Восточно-словацкой армии, которые в ходе разоружения немецкими частями не оказывали сопротивления, считались не пленными, а интернированными. После отправки на территорию Германии они были включены в различные трудовые части под немецким командованием. Большинство из них до конца 1944 г. вернулись в Словакию и вошли в строительные и технические части армии Словацкой республики.

² В приказе по армии, изданном 8.10.1944 г. по случаю возникновения Домобраны, президент д-р Й. Тисо уверял, что после подавления восстания «реорганизованная словацкая оборонная мощь находится в боеготовности под названием Домобрана, которая приняла на вооружение все то, что отличало словацкого солдата: честность, героизм и верность. Честность в каждом жизненном начинании, героизм в боях и верность знамени, идеям, товарищам и союзникам. Прежде всего верность Великой германской империи, ее вооруженной мощи, которая служит нам не только примером в борьбе за свою национальную жизнь и культуру Европы против большевизма, но своей союзнической верностью к нам побуждает нас к верности в боях и отваге» [38, с. 1].

³ Технический корпус возник во второй половине декабря 1944 года.

образом, что части Технического корпуса составляли «саперные»¹ строительные подразделения словацкой оборонной мощи Домобраны.

После реорганизации Технического корпуса в феврале 1945 г. организационная структура армии (Домобраны) окончательно определилась. Ее главными составляющими стали: 1-й и 2-й пехотные полки, противоздушный артиллерийский полк, артиллерийская батарея, авиационный полк (без техники), саперный батальон, инженерный парк, батальон связи, связной парк, автомобильный батальон, автомобильная колонна, автомобильный парк, Технический корпус (4 технические дивизии), Трудовой корпус, Словацкая трудовая служба и Гражданская противоздушная оборона.

Все части, подразделения и органы «обновленной» словацкой армии, находившиеся на территории Словакии были объявлены распоряжением правительства от 22 сентября 1944 г. полевой армией с 1 сентября 1944 года².

Главной задачей «обновленной» армии было строительство оборонительных сооружений для немецкой армии на территории Словакии и за ее пределами. На территории Словакии части Технического корпуса участвовали в сооружении двух немецких оборонительных линий. Первая из них шла через долину реки Ваг от Жилины через Пухов, Тренчин, Нове-Место-над-Вагом, Пештяны и Трнаву к Братиславе, а вторая через Мартин, долиной Турца на Нитринское Правно, к долине Нитры на Топольчаны, а оттуда через Хлоховец к Трнаве. Они принимали участие также в строительстве других оборонительных сооружений, например, оборонительных укреплений на территории Братиславы. В боях против партизан и на фронте против Красной армии участвовали лишь небольшие подразделения пехотных полков и артиллерийской батареи.

Вся словацкая армия с сентября 1944 г. находилась под жестким немецким контролем. Словацкое правительство, в частности его министерство национальной обороны, не имело никакого влияния на части, призванные выполнять боевые или трудовые задачи, так как до конца войны ни действовали под прямым командованием соответствующих немецких структур. Они находились, например, в составе боевой группы Шилл (Kampfgruppe Schill), танковой дивизии Татра (Panzer-Division Tatra), 154-й полевой учебной дивизии (154. Feldasbildungs-Division)³, частей, подчиненных командованию крепости Братислава (Festung Bratislava, Festung Pressburg), боевой группы Татра, 182-й запасной дивизии (182. Reserve-Division)⁴, в 48-й пехотной дивизии (48. Infanterie-Division) и в составе боевой группы Дем (Kampfgruppe Dehm)⁵.

В условиях наступления войск Красной армии с конца марта 1945 г. подразделения словацких вооруженных сил постепенно распались, и только часть из них отступила в Моравию, Чехию и на территорию Австрии. Последние боевые задачи части словацкой армии выполнили во второй половине апреля 1945 г. под австрийским городом Рабенсбурге и в конце первой недели мая 1945 г. в Чехии – недалеко от восставшей Праги.

¹ Женские.

² ABS Praha. F. 215-43-1. Hlavné veliteľstvo žandárstva v Bratislave. Č. j. 73/dôv./1944.

³ В феврале 1945 г. она была переименована в 154-й дивизион инфантерии.

⁴ В начале апреля 1945 г. переименована в 182-ю пехотную дивизию.

⁵ Части 3-й и 4-й технических дивизий с середины марта 1945 г. выполняли задачи в подчинении Высшего инженерного командования (Hö-Pi-Fü), располагавшегося в Пештянах и Топольчанах.

Частью активного военного союза Словацкой республики с нацистской Германией можно считать возможность службы словацких немцев в войсках СС, в составе которых они участвовали в боях на Балканах, в Западной и Центральной Европе (во Франции, Голландии, Бельгии, Германии, Венгрии, Австрии, Чехии, осуществляли охранную службу в нацистских концентрационных лагерях на территории Польши, Австрии и Германии). Словацкие граждане немецкой национальности вступали в войска СС тремя способами: 1) на основе нелегального набора добровольцев¹, 2) при помощи набора, осуществляемого словацким государством или при его посредничестве², 3) обязательным набором на службу в войска СС согласно межправительственному соглашению от 7.06.1944 г. Реализация соглашения от июня 1944 г. о том, что словацкие немцы во время войны должны исполнять воинскую службу в немецких вооруженных силах, привела к тому, что в начале 1945 г. в войсках СС их насчитывалось 8500. Остальные служили в частях Домобраны – Heimatschutz (HS), которая в Словакии возникла на основе распоряжения обергруппенфюрера СС Готлоба Бергера в начале сентября 1944 г. В январе 1945 г. там служило свыше 8000 человек.

Перевод со словацкого языка Е. П. Серапионовой

Список литературы

1. Slovensko-nemecké vzťahy 1941–1945 v dokumentoch II. Od vojny proti ZSSR po zánik Slovenskej republiky v roku 1945. Slowakisch-deutsche Beziehungen 1941–1945 // Dokumenten II. Vom Krieg gegen die UdSSR bis zum Untergang der Slowakischen Republik im Jahr 1945. Prešov, 2011.
2. Mičianik P. Slovenská armáda v ťažení proti Sovietskemu zväzu I. (1941–1944). V operácii Barbarossa. Banská Bystrica, 2007; Slovenská armáda v ťažení proti Sovietskemu zväzu II. (1941–1945). Zaisťovacia divízia a železniční pionieri. Banská Bystrica, 2008; Slovenská armáda v ťažení proti Sovietskemu zväzu III. (1941–1944). Rýchla divízia. Banská Bystrica, 2009; Slovenská armáda v ťažení proti Sovietskemu zväzu IV. 1. pešia divízia. Slovenský vojak. Banská Bystrica, 2012.
3. Letz R. Slovenské dejiny V. 1938–1945. Bratislava, 2012.
4. Марьина В. В. СССР – Словакия 1939–1945 гг.: Военно-политические аспекты. М., 2017.
5. Гальдер Ф. Военный дневник (июнь 1941 – сентябрь 1942). М.; Владимир, 2010.
6. Slovensko-nemecké vzťahy 1938–1941 v dokumentoch I. Od Mníchova k vojne proti ZSSR. Slowakisch-deutsche Beziehungen 1938–1941 // Dokumenten I. Prešov, 2009. Dok. č. 393.
7. Klubert T. Slovenská armáda v druhej svetovej vojne slovom a obrazom. Bratislava, 2016.
8. Документы внешней политики СССР. Том 24. 22 июня 1941 г. – 1 января 1942 г. М., 2000.
9. Historický časopis. 2010. Roč. 58. Č. 3.
10. Prehľad operácií slovenskej armády od 23. júna do 30. júla 1941. Bratislava: MNO. Čas 1942.
11. Pyšný E. Oceľ a myšlienka. Žilina: MNO. Čas. 1941.
12. Марьина В. В. Словакия в войне против СССР // Новая и новейшая история. 2011. № 4.
13. Марьина В. В. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время второй мировой войны. 1939–1945 гг. Кн. 2. 1941–1945 гг. М., 2000.
14. Slovenský vojak. 1941. 9. 7. Č. 1.
15. Lacko M. Oslobodenie či obsadenie? (K otázke terminológie záveru druhej svetovej vojny na Slovensku) // Kultúra. 2005. Roč. 8. Č. 11.

¹ До конца 1941 г. нелегальным набором в войска СС вступили 600 добровольцев.

² К январю 1944 г. на службу в войска СС добровольно поступило в целом 4907 словацких немцев.

16. Dotyky s boľševizmom. Dokumenty spravodajstva slovenskej armády 1940 – 1941 / Lacko M. (ed). Bratislava, 2009.
17. Mičianik P. Slovenská samostatnosť v strategických plánoch Sovietskeho zväzu (1939–1945) // Polis Revue, Elektronický magazín (e-zin) pre politológiu, medzinárodné vzťahy a najnovšie dejiny. – <http://polisrevue.blogspot.com/2007/07/slovensk-samostatnos-v-strategickch.html>
18. Mičianik P. Vojnové zločiny slovenských vojakov v rokoch 1941–1944 // Slovenská republika 1939–1945 očami mladých historikov. Zv. 7. Perzekúcie na Slovensku v rokoch 1938–1945. Zborník z medzinárodnej vedeckej konferencie Bratislava 21.–23. apríl 2008. Bratislava, 2008.
19. Bystrický J. Prejavy krízy v Rýchlej divízii na kaukazskom fronte a počas jej presunu na Krym // Uhrin, Marian a kol. Slovensko v roku 1942. Politika – armáda-spoločnosť. Banská Bystrica, 2013.
20. Lacko M. Pred 70 rokmi Nemecko napadlo ZSSR. – <https://www.webnoviny.sk/pred-70-rokmi-nemecko-napadlo-zssr/>
21. Lacko M. Slovensko vo vojne proti ZSSR. (Ohliadnutie po sedemdesiatich rokoch) <http://www.druhasvetova.sk/view.php?navezclanku=slovensko-vo-vojne-proti-zssr-ohliadnutie-po-sedemdesiatich-rokoch&cislocclanku=2011070001>
22. Великая Победа. Т. 12: Освобождение. М., 2015.
23. Slovenské vojsko. 1941. 1. júla. Roč. II. Č. 13.
24. Ťaženie slovenskej rýchlej skupiny (brigády) v SSSR od 23. júna do 30. júla 1941. Bratislava – MNO. Čas. 1941.
25. Slovenský zákonník. Roč. 1941. Dok. č. 32. Bratislava, 1942.
26. Parlamentní listy. 2017. 8. 5. <http://www.parlamentnelisty.sk/arena/rozhovory/Slovenska-republika-nikdy-nebojovala-na-strane-Cervenej-armady-Jej-ozbrojene-zlozky-boli-v-Povstani-vyhlasene-za-ceskoslovenske-hovori-historik-287782>
27. Slovák. 1941. 26. 6. Č. 146.
28. Baka I., Tulkisová J. Vstup Slovenskej republiky do vojny proti ZSSR v dokumentoch nemeckej proveniencie // Historický časopis. 2010. Roč. 58. Č. 3.
29. Bystrický J. Zaisťovacia divízia na okupovanom území Ukrajiny a Bieloruska (september 1941 – november 1942) // Vojenská história. 1999. Roč. 3. Č. 4.
30. Bystrický J. Zaisťovacia divízia na okupovanom území Ukrajiny a Bieloruska (november 1942 – október 1943) // Vojenská história. 2000. Roč. 4. Č. 3–4.
31. Bystrický J. Rýchla divízia na východnom fronte v roku 1942 // Vojenská história. 2001. Roč. 5. Č. 1.
32. Bystrický J. Rýchla (1. pešia) divízia na Kryme a v bojoch na juh od Kachovky // Vojenská história. 2003. Roč. 7. Č. 3.
33. Bystrický J. 1. pešia divízia po bojoch pri Kachovke, jej reorganizácia a odzbrojenie 1. technickej divízie // Vojenská história. 2004. Roč. 8. Č. 4.
34. Bystrický J. Ťaženie slovenskej armády na východnom fronte v r. 1941 // Vojenská história. 1998. Roč. 2. Č. 2.
35. Bystrický J. Vojenský príspevok Slovenska k vojnovému úsiliu nacistického Nemecka v poslednom roku 2. svetovej vojny // Koniec druhej svetovej vojny a problémy cirkevnej politiky v nasledujúcom období. Bratislava, 2006.
36. Bystrický J. Slovenská 1. technická divízia na území Rumunska v roku 1944 // Historické štúdie 45. Ročenka Historického ústavu SAV. Bratislava, 2007.
37. Prečan V. Slovenské národné povstanie. Nemci a Slovensko 1944. Dokumenty. Bratislava, 1970.
38. Slovák. 1944. 8. 10. R. 26. Č. 229.

Поступила 20.09.2017; принята к публикации 20.10.2017

Быстрички Йозеф, полковник, кандидат наук, сотрудник Института военной истории, г. Братислава, Словакия

**ON THE ACCESSION OF THE SLOVAK REPUBLIC (1939–1945)
IN THE WAR AGAINST THE SOVIET UNION THROUGH
THREE QUARTERS OF A CENTURY**

J. Bystriczki

The article based on archival and published documents, examines the participation of Slovakia in the war against the Soviet Union in 1941–1945. The historical conditions and circumstances of the announcement of the Slovak Republic of the war the US and the UK are reviewed. The active role of the Slovak government in joining the Slovak army to the German attack on the USSR is shown. We criticize Slovak authors, who publish false facts, embellish the role and significance of the Slovak army, trying to “rewrite” history without evidence. In particular, the work of T. Kubert (2016), which distorted the historical circumstances of Slovakia's entry into the war, and the role of the Slovak government in making this decision, was criticized. The circumstances of the breakup of diplomatic relations between the Slovak Republic and the USSR, as well as the beginning of hostilities against the USSR on the side of Germany are considered in detail. Criticized the evaluation of the Slovak historian P. Mechanica is that he in the spirit of the official propaganda of the period beginning of the war without any critical relation to it explains the reasons for the Declaration of war with the Soviet Union, in particular speaking about the Christian world's struggle against Bolshevism and countering Soviet aggression in the Slovak lands. The article also criticizes the views of some “young” Slovak historians for their explanation of the reasons for Slovakia's joining the war against the Soviet Union. In particular, an occurring in modern historiography (M. Latsko) statement of the need for preventive military action is doubted, which could avert the threat of “Bolshevik conquest of Slovakia by the Soviet Union.” M. Lacko is known for works in which he appears as a defender of President Joseph Tisa and the Slovak state 1939–1945, and also expresses his negative attitude to the Slovak national uprising and the liberation mission of the red army. The author of the article supports all his assessments with references to historical sources, including low-availability archival materials.

Keywords: World War II, Slovakia, Eastern Front, East and Security divisions.

Acknowledgements: the article was translated in the framework of the project of the Russian State Humanitarian Fund № 16-01-14040.

Citation for an article: Bystritsky J. On the entry of the Slovak Republic (1939–1945) into the war against the USSR in three quarters of a century. *West – East*. 2017, no. 10, pp. 191–213. DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-191-213

References

1. Slovensko-nemecké vzťahy 1941–1945 v dokumentoch II. Od vojny proti ZSSR po zánik Slovenskej republiky v roku 1945. Slowakisch-deutsche Beziehungen 1941–1945 [Slovak-German relations 1941–1945 in documents II. From the war against the USSR after the demise of the Slovak Republic in 1945. Slowakisch-deutsche Beziehungen 1941–1945]. *Dokumenten II. Vom Krieg gegen die UdSSR bis zum Untergang der Slowakischen Republik im Jahr 1945* = Documents II. From the war against the USSR to the fall of the Slovak Republic in 1945, Prešov, 2011. (In Slovak.).
2. Mičianik P. Slovenská armáda v ťažení proti Sovietskemu zväzu I. (1941–1944). V operácii Barbarossa. Banská Bystrica, 2007; Slovenská armáda v ťažení proti Sovietskemu zväzu II. (1941–1945). Zaisťovacia divízia a železniční pionieri. Banská Bystrica, 2008; Slovenská armáda v ťažení proti Sovietskemu zväzu III. (1941–1944). Rýchla divízia. Banská Bystrica, 2009; Slovenská armáda v ťažení proti Sovietskemu zväzu IV. 1. pešia divízia. Slovenský vojak. Banská Bystrica, 2012. (In Slovak.).
3. Letz R. Slovenské dejiny V. 1938–1945 [Slovak history, 1938–1945]. Bratislava, 2012. (In Slovak.).
4. Mar'ina V. V. SSSR – Slovakiya 1939–1945 gg.: Voeno-politicheskie aspekty [USSR – Slovakia 1939–1945: Military and political aspects]. Moskva, 2017. (In Russ.).
5. Gal'der F. Voennyi dnevnik (iyun' 1941 – sentyabr' 1942) [Military Diary (June 1941 – September 1942)]. Moskva; Vladimir, 2010. (In Russ.).
6. Slovensko-nemecké vzťahy 1938–1941 v dokumentoch I. Od Mníchova k vojne proti ZSSR. Slowakisch-deutsche Beziehungen 1938–1941 [Slovak-German relations 1938–1941 in documents I. From Munich to the war against the USSR. Slowakisch-deutsche Beziehungen 1938–1941]. *Dokumenten I.* Prešov, 2009. Dok. č. 393. (In Slovak.).
7. Klubert T. Slovenská armáda v druhej svetovej vojne slovom a obrazom [Slovak Army in World War II by word and image]. Bratislava, 2016. (In Slovak.).
8. Dokumenty vneshnei politiki SSSR. Tom 24. 22 iyunya 1941 g. – 1 yanvarya 1942 g. [Documents of foreign policy of the USSR. Volume 24. June 22, 1941 – January 1, 1942]. Moskva, 2000. (In Russ.).
9. Historický časopis. 2010. Roč. 58. Č. 3.
10. Prehľad operácií slovenskej armády od 23. júna do 30. júla 1941 [Overview of operations of the Slovak Army from 23 June to 30 July 1941]. Bratislava: MNO. Čas 1942. (In Slovak.).
11. Pyšný E. Oceľ a myšlienka [Steel and thought]. Žilina: MNO. Čas. 1941. (In Slovak.).
12. Mar'ina V. V. Slovakiya v vojne protiv SSSR [Slovakia in the war against the USSR]. *Novaya i noveishaya istoriya* = New and Contemporary History, 2011, no. 4. (In Russ.).
13. Mar'ina V. V. Sovetskii Soyuz i chekho-slovatskii vopros vo vremena vtoroi mirovoi voyny. 1939–1945 gg. Kn. 2. 1941–1945 gg. [The Soviet Union and the Czech-Slovak Question during the Second World War. 1939-1945 Book. 2. 1941–1945]. Moskva, 2000. (In Russ.).
14. Slovenský vojak [Slovak soldier]. 1941. 9. 7. Č. 1. (In Slovak.).
15. Lacko M. Oslobodenie či obsadenie? (K otázke terminológie záveru druhej svetovej vojny na Slovensku) [Liberation or occupation? (On the question of the terminology of the conclusion of the Second World War in Slovakia)]. *Kultúra* = Culture, 2005, Roč. 8, Č. 11. (In Slovak.).
16. Dotyky s bolševizmom. Dokumenty spravodajstva slovenskej armády 1940–1941 [Touch with blasphemy. Documents of the Slovak Army News 1940–1941]. Ed. by M. Lacko. Bratislava, 2009. (In Slovak.).
17. Mičianik P. Slovenská samostatnosť v strategických plánoch Sovietskeho zväzu (1939–1945) [Slovak independence in the strategic plans of the Soviet Union (1939-1945)]. *Polis Revue, Elektronický magazín (e-zin) pre politológiu, medzinárodné vzťahy a najnovšie dejiny* = Polis Revue, Electronic Magazine (e-zine) for Political Science, International Relations and Recent History. Available from: <http://polisrevue.blogspot.com/2007/07/slovensk-samostatnos-v-strategickch.html> (In Slovak.).
18. Mičianik P. Vojnové zločiny slovenských vojakov v rokoch 1941–1944 [War crimes of Slovak soldiers in the years 1941-1944]. *Slovenská republika 1939–1945 očami mladých historikov.*

Zv. 7. *Perzekúcie na Slovensku v rokoch 1938–1945. Zborník z medzinárodnej vedeckej konferencie Bratislava 21.–23. apríl 2008* = Slovak Republic 1939–1945 by the eyes of young historians. Vol. 7. Persecution in Slovakia in 1938–1945. Proceedings of the International Scientific Conference Bratislava 21–23. April 2008, Bratislava, 2008. (In Slovak.).

19. Bystrický J. Prejavy krízy v Rýchlej divízii na kaukazskom fronte a počas jej presunu na Krym [The manifestations of the crisis in the Rapid Division on the Caucasus Front and during its transfer to the Crimea]. *Uhrin, Marian a kol. Slovensko v roku 1942. Politika – armáda-spoločnosť* = Uhrin, Marian et al. Slovakia in 1942. Politics – Army-society, Banská Bystrica, 2013. (In Slovak).

20. Lacko M. Pred 70 rokmi Nemecko napadlo ZSSR [70 years ago Germany attacked the USSR]. Available from: <https://www.webnoviny.sk/pred-70-rokmi-nemecko-napadlo-zssr/> (In Slovak).

21. Lacko M. Slovensko vo vojne proti ZSSR. (Ohliadnutie po sedemdesiatich rokoch) [Slovakia in the war against the USSR. (Seventy Years' View)]. Available from: <http://www.druhasvetova.sk/view.php?navezclanku=slovensko-vo-vojne-proti-zssr-ohliadnutie-po-sedemdesiatich-rokoch&cislocclanku=2011070001> (In Slovak).

22. Великая Победа. Т. 12: Освобождение [A great victory. T. 12: Liberation]. Moscow, 2015. (In Russ.).

23. Slovenské vojsko. 1941. 1. júla. Roč. II. Č. 13. [Slovak Army. 1941. 1 July. Vol. II. No. 13th]. (In Slovak.).

24. Ťaženie slovenskej rýchlej skupiny (brigády) v SSSR od 23. júna do 30. júla 1941. Bratislava – MNO. Čas. 1941. [Detachment of the Slovak Rapid Group (Brigade) in the USSR from 23 June to 30 July 1941. Bratislava - MNO. Time. 1,941th]. (In Slovak.).

25. Slovenský zákonník. Roč. 1941. Dok. č. 32 [Slovakian Code. Vol. 1941. Dok. no. 32]. Bratislava, 1942. (In Slovak.).

26. Parlamentní listy. 2017.8.5. <http://www.parlamentnelisty.sk/arena/rozhovory/Slovenska-republika-nikdy-nebojovala-na-strane-Cervenej-armady-Jej-ozbrojene-zlozky-boli-v-Povstani-vyhlasene-za-ceskoslovenske-hovori-historik-287782> (In Slovak.).

27. Slovák [Slovak]. 1941. 26. 6. Č. 146. (In Slovak.).

28. Baka I., Tulkisová J. Vstup Slovenskej republiky do vojny proti ZSSR v dokumentoch nemeckej proveniencie [The entry of the Slovak Republic into the war against the USSR in documents of German origin]. *Historický časopis* = Historical magazine, 2010, Roč. 58, Č. 3. (In Slovak).

29. Bystrický J. Zaisťovacia divízia na okupovanom území Ukrajiny a Bieloruska (september 1941 – november 1942) [Reinsurance Division in the Occupied Territories of Ukraine and Belarus (September 1941 – November 1942)]. *Vojenská história* = Military history, 1999, Roč. 3, Č. 4. (In Slovak.).

30. Bystrický J. Zaisťovacia divízia na okupovanom území Ukrajiny a Bieloruska (november 1942 – október 1943) [Reinsurance Division in the Occupied Territories of Ukraine and Belarus (November 1942 – October 1943)]. *Vojenská história* = Military history, 2000, Roč. 4, Č. 3–4. (In Slovak.).

31. Bystrický J. Rýchla divízia na východnom fronte v roku 1942 [Rychlé Division on the Eastern Front in 1942]. *Vojenská história* = Military history, 2001, Roč. 5, Č. 1. (In Slovak.).

32. Bystrický J. Rýchla (1. Pešia) divízia na Kryme a v bojoch na juh od Kachovky [Rýchla (1st Infantry Division) in the Crimea and in battles south of Kachovka]. *Vojenská história* = Military history, 2003, Roč. 7, Č. 3. (In Slovak.).

33. Bystrický J. 1. Pešia divízia po bojoch pri Kachovke, jej reorganizácia a odzbrojenie 1. technickej divízie [Pedestrian division after the Kachovka battles, reorganization and disarmament of the 1st Technical Division]. *Vojenská história* = Military history, 2004, Roč. 8, Č. 4. (In Slovak.).

34. Bystrický J. Ťaženie slovenskej armády na východnom fronte v r. 1941 [Excavation of the Slovak Army on the Eastern Front in 1941]. *Vojenská história* = Military history, 1998, Roč. 2, Č. 2. (In Slovak.).

35. Bystrický J. Vojenský príspevok Slovenska k vojnovému úsiliu nacistického Nemecka v poslednom roku 2. svetovej vojny [Vojenský contribution of Slovakia to the war effort of Nazi Germany in the last year of World War II]. *Koniec druhej svetovej vojny a problémy cirkevnej politiky v nasledujúcom období* = End of World War II and problems of church politics in the following period, Bratislava, 2006. (In Slovak).

36. Bystrický J. Slovenská 1. technická divízia na území Rumunska v roku 1944 [Slovenská 1. Technical Division on the territory of Romania in 1944]. *Historické štúdie 45. Ročenka Historického ústavu SAV* = Historical studies 45. Yearbook of the Historical Institute of SAV, Bratislava, 2007. (In Slovak).

37. Prečan V. Slovenské národné povstanie. Nemci a Slovensko 1944. Dokumenty [Slovenské národné povstanie. Germans and Slovakia 1944. Documents]. Bratislava, 1970. (In Slovak).

38. Slovák [Slovak]. 1944. 8. 10. R. 26. Č. 229. (In Slovak).

Submitted 12.07.2017; revised 12.08.2017

Josef Bystriczki, Colonel, Ph. D., associate of the Institute of military history (Bratislava), Bratislava, Slovakia

УДК 94"20"

**ОБМЕНИ НАСЕЛЕНИЕМ СССР
с ПОЛЬШЕЙ И ЧЕХОСЛОВАКИЕЙ в 1944–1947 гг.:
АНАЛОГИИ И РАЗЛИЧИЯ ЭРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ**

М. Шмигель

Миграционные процессы в Центральной Европе в первые годы после окончания Второй мировой войны – обмены и переселения населения, иногда называемые «великим политическим переселением народов» – были не только следствием войны, наследием ялтинско-потсдамской системы и политики Великих держав, о и стремлением создать этнически однородные государства, без национальных меньшинств. На пространстве Центрально-Восточной Европы во время Второй мировой войны, точнее в период ее завершения, на передний план вышел вопрос Польши, которая претерпела существенные территориальные изменения, в связи чем обмен населением между Польшей и СССР (на основании серии соглашений 1944–1945 гг.) был наиболее актуальным, хотя непосредственная его реализация произошла уже после окончания войны. Вслед за Польшей и Чехословацкая республика заключила в 1945–1946 гг. соглашения с Советским Союзом об взаимном обмене населением, причем в форме так называемых договоров об оптации. Их целью было переселение чехов и словаков из СССР в Чехословакию в обмен на россиян, украинцев, белорусов (эмигрантов), живущих в ЧСР, или русинов из Восточной Словакии. Фактически весь процесс оптации советского гражданства и переселения в СССР, реализованное в 1947 году, переросли в переселение почти 12,4 тысяч русинов из Словакии. Между данными процессами в контексте решения национального вопроса в двух странах (в том числе под влиянием изменяющейся геополитической ситуации в регионе Центрально-Восточной Европы) видны как явные аналогии, так и бесспорные различия.

Ключевые слова: национальный вопрос, обмен населением, оптация, международные соглашения, Центральная Европа после Второй мировой войны.

Благодарность: перевод статьи подготовлен в рамках проекта РГНФ № 16-01-14040.

Для цитирования: Шмигель М. Обмены населением СССР с Польшей и Чехословакией в 1944–1947 гг.: аналогии и различия эры политического переселения народов // Запад – Восток. 2017. № 10. С. 214–230.

DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-214-230

Вопреки утверждениям, что переселение народов как средство решения проблемы национальных меньшинств является характерным прежде всего для тоталитарных государств, уже в течение Второй мировой войны стало очевидным, что идея массовых переселений (особенно переселения немцев из Центральной Европы) нашла своих сторонников среди демократически ориентированных

политиков многих стран (Ф. Рузвельт, В. Черчилль, Э. Бенеш и др.). Несомненно, этому способствовало разочарование в системе охраны прав национальных меньшинств, которая потерпела крах в конце 30-х гг. XX в., а также сам факт актуализации конфликтов между столетиями соседствовавшими народами [2, с. 13–14].

Поворотным моментом в вопросе моральных основ проведения трансфера населения, несомненно, стала путь ко Второй мировой войне и сама война – как повод для переоценки системы охраны меньшинств, воцарившейся в постверсальской Европе¹. Новое восприятие вопроса *exchanges of populations* являлось следствием опыта действий немецких оккупационных властей не только на Востоке Европы, попытки согласовать планы по будущему предотвращению войны (вместе с мотивом не допустить нового укрепления Германии), и в конечном счете были связаны с идеей коллективного наказания немцев за военные преступления нацистского руководства. В то же время это означало, что новые концепции (с начала войны), а вскоре и готовые планы послевоенного урегулирования, предусматривали изменения границ (по меньшей мере, аннулирование изменений, проведенных после 1938–1939 гг., а затем – прежде всего со второй половины 1941 г., когда необходимо было принимать во внимание СССР – ограничение территории рейха на Востоке). Вместе с изменениями границ предусматривались и трансферы населения. Эта взаимная связь базировалась на приобретенном убеждении в том, что после войны нужно будет защищать внутреннюю стабильность государств и мир между ними [12, с. 666].

На пространстве Центрально-Восточной Европы во время Второй мировой войны, в частности в ее завершающий период, на первый план вследствие перемещения Восточного фронта вопрос о Польше, которая подверглась существенным территориальным изменениям. В этой связи наиболее актуальным стал обмен населением между Польшей и СССР, хотя его реализация в основном производилась в послевоенное время. Принимая во внимание то, что по сути речь идет о первом послевоенном обмене населением в Центральной и Восточной Европе, мы полагаем, что он был бесспорным прецедентом (особенно, что касается объема, интенсивности, а также толерантного отношения к такому трансферу) и, в конечном счете, ясным доказательством произошедших перемен в политическом восприятии вопроса переселения населения.

Планы западных союзников в вопросах переселений на территории Польши стали ясны после признания притязаний СССР на Западную Украину, Западную Белоруссию и Литву. Во время одной из дискуссий о будущих границах Польши, которые проходили в Тегеране в конце 1943 г., Ф. Д. Рузвельт спросил И. В. Сталина о том, задумывается ли он над обменом населением в регионе. Сталин, имевший

¹ На конференции в Версале одержала победу концепция охраны прав этнических, расовых и религиозных меньшинств, и лишь на Балканах решились на переселение национальных (религиозных) меньшинств. В его основу были положены турецко-болгарский договор об обмене населением в пограничных областях, заключенный в ноябре 1913 г., греко-болгарская конвенция о взаимном обмене населением, подписанная в ноябре 1919 г. в Нёйи-сюр-Сен и аналогичная греко-турецкая конвенция, которая появилась в июле 1923 г. в Лозанне. Последняя из приведенных, собственно говоря, уже в своих основах выхолащивала закрепленный в версальской системе принцип охраны прав меньшинств, став прецедентом для последующих обменов населением. Ни один из видных политиков того времени не осмелился предложить подобный проект переселения национальных меньшинств в других регионах Европы. Собственно балканский опыт в тот период оценивался как негативный, в первую очередь учитывая большие экономические и социальные затраты трансфера. Ввиду своей жесткости трансфер считался скорее решением, пригодным для Востока и не подходящим и даже неэффективным, например, для Центральной Европы.

богатый опыт массовых переселений в СССР, отвечал, что видит возможность в проведении подобных мероприятий. Известен и британский проект, который был вручен председателю польского эмигрантского правительства Станиславу Миколайчику в январе 1944 г.: «Британское правительство выступает за сильную, независимую, национально единую Польшу в границах приблизительно по линии Керзона и линии по Одру. В этом случае было бы произведено переселение всех поляков из восточных районов страны и возвращение поляков, вывезенных из Польши в Россию, а также удаление из Польши украинцев и белорусов. На Западе страны было бы произведено выселение из Польши немцев» [2, с. 14]. Решение национального вопроса на польском примере в полной мере позволяет уловить изменения политического понимания трансферов населения уже в период войны и после нее.

В условиях немецкой оккупации национальные проблемы в Польше вышли на новый уровень. Война одновременно обострила трения между разными народами и таким образом завершила раскол польского общества по национальному принципу (этнический антагонизм достиг своего апогея еще в последние предвоенные годы). Трагическая судьба польских евреев не привела к сотрудничеству между ними и поляками, хотя евреи и признавались поляками единственным меньшинством, действительно не сотрудничавшим с оккупационным режимом [14, s. 33]. Еще более высокого напряжения достигли отношения поляков с другими национальными меньшинствами, жившими в межвоенной Польше, особенно с украинцами (по причине все более набиравшего силу конфликта на Волыни – как кульминационной точки польско-украинского противостояния предыдущего периода)¹. Польское эмигрантское правительство вместе с командованием Армии Крайовой осознали, что среди украинцев, белорусов и литовцев преобладают антипольские настроения. Однако после войны они не смогли создать конкретной программы по уменьшению противостояния и мирного сосуществования с меньшинствами, ограничившись лишь общей декларацией о правах меньшинств. Программу их переселения сформулировали и реализовали на практике польские коммунисты. Существование больших непольских анклавов (немцев на Западе – на территории, которая должна была отойти Польше, и украинцев на Востоке) их планами не предусматривалось [2, с. 10–13]. Однозначно об этом свидетельствует факт, что одним из первых шагов правительства левых сил Польского комитета национального освобождения стало подписание соглашений о переселении польского населения из советских союзных республик и выселение из Польши украинского, белорусского и литовского населения. Это произошло в период после установления новой границы между Польшей и СССР по так называемой линии Керзона (де-факто в июле 1944 г., де-юре 16 августа 1945 года).

В сентябре 1944 года после переговоров в Люблине с делегациями трех советских республик были подписаны соглашения о взаимном обмене населением: 9 сентября 1944 г. с Украинской ССР и Белорусской ССР, а 22 сентября 1944 г. с Литовской ССР (так называемые Люблинские соглашения). Принцип обмена был одинаковым во всех трех соглашениях. Стороны договорились, что «взаимной эвакуации» подлежат польские граждане украинской, русской, русинской, белорусской и литовской национальностей, которые должны были быть переселены на Украину,

¹ Вследствие польско-украинского конфликта на Волыни в 1941–1943 гг. беженцами стали около 300 000 поляков, согласно оценкам, 50–60 тыс. из них в результате конфликта погибли (на украинской стороне погибли около 20–30 тыс. чел.) [9, s. 189–190].

в Белоруссию и Литву. В Польшу должны были переселиться поляки и евреи, которые до 17 сентября 1939 г. были польскими гражданами и проживали на территории вышеупомянутых республик¹ (после оккупации Польши нацистами только в 1939–1940 гг. на территорию СССР убежало около 300 тыс. польских евреев). Если в отношении представителей польской и еврейской национальности был применен принцип добровольности (они имели право, а не обязанность переселиться), то для представителей национальностей с противоположной стороны было установлено требование обязательной эвакуации [2, с. 17].

Ввиду того, что действие всех трех соглашений распространялось только на пограничные области и в сферу их регулирования не попадали поляки из центральных областей Советского Союза и Казахстана, польское посольство в Москве осаждали сотни желавших переселиться в Польшу поляков. Следует подчеркнуть, что долг союзника обязывал советское правительство смягчить свое отношение к бывшим гражданам Польши – в начале 1943 г. им начали выдавать советские паспорта, и в 1944 г. на основании решения правительства СССР происходило переселение поляков из Архангельской, Кировской, Новосибирской, Иркутской, Свердловской, Кемеровской областей, Красноярского края, Коми АССР и Якутской АССР на Украину и в южные регионы РСФСР. По этой причине 6 июля 1945 г. польское правительство заключило еще одно соглашение уже напрямую с правительством СССР. В этом случае речь шла о представителях польской и еврейской национальности, проживавших на всей территории Советского Союза. С противоположной стороны переселение опять касалось «русских, украинцев, русинов, белорусов и литовцев, проживающих на территории Польши»².

Осуществлявшаяся во время освобождения страны и в первые послевоенные годы польская миграционная политика базировалась на двух принципах: *возвращения всех поляков в Польшу и преобразования страны из мультиэтнической в этнически гомогенное государство*. Весьма ясно высказался по этому вопросу в одном из своих послевоенных новогодних обращений польский президент Болеслав Берут: «Вследствие войны и территориальных изменений польский народ трансформируется – мультиэтническое государство преобразуется в государство гомогенное» [11, s. 5]. Другими словами, параллельно с мерами по возвращению поляков в Польшу (кроме переселения из советских западных республик проходила репатриация и реэмиграция) правительство предпринимало шаги по выселению меньшинств – особое внимание при этом уделялось немцам [3, с. 141–142] (открыто, с принуждением) и украинцам (скрыто, но также с принуждением) – с целью подготовить (очистить) территорию для поляков, возвращающихся из СССР, с так называемых Восточных Кресов. Касательно польских евреев политика Варшавы в первые послевоенные годы сосредоточилась на признании их прав как оставаться в Польше, так и эмигрировать (однако скрыто и интенсивно поддерживался второй вариант) [2, с. 17–18].

Последствия этого масштабного обмена населением были впечатляющими. В конечном счете они превысили размеры эксперимента греко-турецкого обмена населением, проведенного после Первой мировой войны [см.: 16, s. 53–54].

¹ Українська РСР в міжнародних відносинах. Міжнародні договори, конвенції, угоди та інші документи, які складені за участю Української РСР або до яких вона приєдналася (1945–1957). Київ, 1957. С. 193–203.

² Repatriacja czy deportacja. Przesiedlenie Ukraińców z Polski do USSR 1944–1946 / Ed. E. Miśiła. Warszawa, 1996. Tom 1. Dokumenty 1944–1945. S. 140–143.

В 1944–1946 годы из Западной Украины в Польшу было переселено 787 674 человек. Из Литвы в Польшу переехало около 197 тыс. чел. и из Белоруссии в Польшу около 275 тыс. человек¹. Всего на основе польско-советского обмена населением с территории советской Украины, Белоруссии и Литвы в Польшу переселилось около 1 250 000 поляков и евреев. К приведенным данным необходимо еще добавить приблизительно 300 000 чел., которые перешли на территорию Польши перед приближением фронта в 1944 г. или же переселились неофициально в последующий период. Из центральных областей СССР в Польшу репатриировалось приблизительно 266 000 поляков². Всего, следовательно, переселилось в Польшу более чем 1 816 000 чел. польской и еврейской национальностей.

С противоположной стороны – из Польши на территорию Украины было переселено 488 057 чел. украинской, русской и русинской национальностей³. Из Польши в Литву было переселено около 2–3 тыс. литовцев и из Польши в Белоруссию – 36–38 тыс. белорусов. Следовательно, всего из Польши на территорию СССР было принудительно переселено около 530 000 чел. в основном украинской, белорусской, литовской, русской и русинской национальностей⁴.

Впрочем, к приведенным данным необходимо добавить (если речь идет об общих потерях населения, принадлежащего к меньшинствам) около 7 млн немцев, изгнанных и переселенных из Польши в Германию в 1945–1947-х гг. [21, s. 227] и 200 000 польских евреев, которые в это же время покинули страну из-за необузданного послевоенного антисемитизма в польском обществе [13, s. 234]. В целом можно говорить как минимум о 7,7 млн изгнанных, переселенцах и беженцах, покинувших Польшу в 1944–1948 годы.

Как демонстрирует пример Польши, события Второй мировой войны радикально изменили воззрения, убеждения и обязательства, закрепленные версальской системой. Миграционные процессы Центральной Европы в первые годы после Второй мировой войны – обмен и переселение населения, иногда называемые «великим политическим переселением народов» [8, s. 1] были не только следствием войны, наследием ялтинско-потсдамской системы и политики Великих держав, но и стремлением создать этнически гомогенные государства, без национальных меньшинств. Впрочем, идея этнически чистого национального государства была настолько действенной, что закрепленную за Лигой наций охрану меньшинств Организация Объединенных Наций (ООН) – в качестве ее преемника – после войны не приняла. «Этнические меньшинства после окончания войны рассматривались

¹ При этом не все поляки проявляли желание переселяться в Польшу. Определенную роль сыграли местные органы власти (особенно в Литве и Белоруссии), которые не поддерживали уменьшение численности населения отдельных областей. Поэтому после окончания польско-советского обмена населением в Белоруссии осталось приблизительно 600 000, а в Литве 200 000 поляков [18, s. 30].

² До второй половины 1950-х гг. в СССР оставалось более миллиона поляков. Около 250 000 из них переселились в Польшу в 1955–1959 годы [18, s. 31].

³ Украинский вопрос в Польше был окончательно решен в 1947 г. в ходе так называемой акции «Висла», во время которой было депортировано еще более чем 140 тыс. украинцев и русинов (лемков). Их оторвали от своей малой родины и дисперсно расселили с целью ассимиляции по западным и северным областям Польши, из которых было выселено немецкое население [9, s. 190].

⁴ Подсчитано на основе: Ciesielski S. et al. Przesiedlenie ludności polskiej z Kresów Wschodnich do Polski 1944–1947. Wybór dokumentów. Warszawa, 2000 [14, s. 35–64; 18, s. 30].

ведущими политиками в качестве причины конфликтов *per se*, которую необходимо не только устранить (например, путем интеграции с государствообразующей нацией), но и на будущее скорее напрямую их остерегаться и в коем случае не подвергать их охране» (в ООН вместо старой охраны меньшинств были закреплены правила охраны всеобщих прав человека). В целом к идее так называемых этнически чистых государств как западные, так восточные (советские) государственные деятели того времени относились с одобрением, базируясь на аналогичных по своей сути подходах [12, s. 670–671]. Британский министр иностранных дел Антони Иден в мае 1944 г. заметил: «Моей собственной политикой бы было ... в Европе не должно бы быть никаких национальных меньшинств» [6]. В целом о трансферах этнических общностей как о «богатырских лечебных средствах» высказывался и американский экс-президент Герберт Гувер, который кроме прочего сказал, что «жесткость, с которой проходят перемещения в другое место» хотя и велика, однако меньше чем «постоянное страдание меньшинств и постоянно повторяющиеся войны» [12, s. 670–671].

Подобной точки зрения придерживалось и чехословацкое эмигрантское правительство в Лондоне во главе с Эдвардом Бенешем. Уже в 1941 году Бенеш опубликовал статью в обозрении «*Nineteenth Century and After*», где заметил: «Проблему национальных меньшинств будут рассматривать более систематически и радикально, нежели это было после последней войны. Я принимаю принцип переселения населения» [20, s. 171]. «Вопрос меньшинств в будущей обновленной республике должен исчезнуть, а меньшинства как таковые существовать не должны», – писал 21 сентября 1942 г. личный секретарь Бенеша Смутный в письме чехословацкому послу Кучере в Стокгольме¹. Это де-факто указывает на точку зрения, которой придерживалось чехословацкое эмигрантское правительство. Э. Бенеш видел причину Мюнхенского кризиса и последовавшее в его результате исчезновение Первой республики именно в этническом разнообразии ЧСР. Меньшинства он считал проблемой и потенциальным дестабилизирующим Чехословакию фактором, от которого необходимо избавиться в послевоенной обновленной республике. Эту идею он был полон решимости продвигать даже вопреки тому, что «чехословацкая демократия всегда базировалась на противоположных принципах, в рамках которых на основе справедливого и свободного порядка граждане разных национальностей могут жить совместно в добрососедстве» [20, s. 171].

В отличие от колебаний польских политиков, чехословацкое эмигрантское правительство в Лондоне ясно наметило свои цели. Группе экспертов при Министерстве национальной обороны было поручено разработать проект реализации разных вариантов по переселению меньшинств в будущей обновленной республике. Этот проект был фактически разработан и содержал следующие формы устранения в Чехословакии принадлежащего к меньшинствам населения: а) насильственный – революционный способ; б) односторонний – по соглашению с Великими державами; в) обмен населением с соседними государствами; г) уступка значительной части территории вместе с проживающим на ней меньшинством, плюс дополнительное переселение еще значительного числа принадлежащего к меньшинству населения [1, с. 10; см. и ср.: 24, s. 14–15].

С высоты прошедшего времени, то есть с современной точки зрения, можно констатировать, что Чехословакия пошла по пути гомогенизации населения страны, реализованной в Польше. Соответственно, очевидны параллели развития послевоенного

¹ Dokumenty z historie československé politiky 1939–1943. Praha, 1966. D. 1. S. 295.

национального вопроса в ЧСР и Польши. Сценарий был реализован, то есть были в полной мере использованы первые три предложенные варианта по устранению принадлежащего к меньшинству населения в ЧСР. Так произошло при выселении более чем 3 млн немцев (первый и второй варианты) и обмене населением с Венгрией – третий вариант (74 тыс. венгров, переселенных из Словакии, и 73 тыс. словаков, переселенных из Венгрии). Одновременно третий и последний (четвертый) вариант в модифицированной форме были использованы при решении вопроса русинского (в то время украинского) меньшинства, когда был произведен взаимный обмен населением с СССР (1945–1947 гг.), а также в связи с выселением польского населения (на основе двухсторонних протоколов с Польшей) в 1948–1949-е годы.¹ Чехословакия как и Польша признала в первые послевоенные годы права евреев остаться в стране или эмигрировать (однако скрыто и активно поддерживался их отъезд)². Так же, как и в Польше, здесь шел процесс репатриации (особенно репатриация советских граждан) [см.: 4] и реэмиграции. Относительно проживавших за границей чехов и словаков была принята официальная программа по их переселению на родину, в правовом плане дополнительно подкрепленная межгосударственными соглашениями [19, s. 514–535].

Идея трансферов и обмена населением очень быстро укоренилась в послевоенной ЧСР. Кроме президента Э. Бенеша, она нашла также своих сторонников почти у всех политических субъектов Чехословакии. Исключением не стала и Словакия. Видный словацкий коммунист и государственный деятель Густав Гусак на пленарном заседании Словацкого национального совета 26 мая 1946 г. особенно подчеркивал: «Учитывая задуманное с широким размахом переселение населения, особенно инородного, и вместе с этим возвращение наших людей и их переселение из бедных районов Словакии, планируемые переселения настолько велики, что в истории такого малого народа нет им аналогов» [1, с. 11]. В июне 1945 года на страницах «Нового слова» Г. Гусак закончил свое замечание о решении проблемы национальных меньшинств в Чехословакии предложением, не требующим каких-либо дополнительных комментариев: «Вильсон видел гарантии мира в охране меньшинств. Сегодня мы видим его гарантию в их устранении» [7, s. 84].

Общая линия обновленной народно-демократической Чехословакии основывалась на том, чтобы республика возродилась как государство двух равноправных народов – чехов и словаков, избавилась от национальных меньшинств и не возвращалась к регулирующим их положение уставным документам периода Первой республики³. При этом национальные меньшинства в Чехословакии не были единым целым, а поэтому по отношению к ним не мог применяться единый подход. Кроме прочего

¹ Dokumenty a materiály k dějinám československo-polských vztahů. Praha, 1985. S. 77–78.

² Šišjaková J. Prejavy antisemitizmu na Slovensku v rokoch 1945–1948. Dizertačná práca. Banská Bystrica, 2009. S. 107–110.

³ Еще в мае 1946 г. в своем предвыборном обращении Центральный комитет Коммунистической партии Чехословакии (ЦК КПЧ) сделал достоянием гласности следующую, можно сказать, весьма красноречивую позицию: «Коммунисты хотят величия чешского и словацкого народа, это значит, что они хотят, чтобы наша Чехословацкая республика стала и навсегда осталась республикой славянских народов. Чтобы навсегда исчез для нас вопрос национальных меньшинств, который вел к Мюнхенскому пакту, чтобы выселение немцев и венгров, которое стало возможным только благодаря Советскому Союзу, было в ближайшее время закончено, новозаселенное пограничье постоянно укреплялось и чтобы границы нашей республики упрочнились благодаря искуплению старых обид» [5, s. 22].

был необходим и дифференцированный подход в этом вопросе, в случае славянских (русинского и польского) и неславянских (немецкого, венгерского, и даже еврейского) меньшинствах. Если немецкий и венгерский вопрос решался на международном уровне и с согласия великих держав, вопрос русинов (украинцев) и поляков – принимая во внимание их славянское происхождение, мог быть решен только на двухстороннем уровне с соседними государствами, то есть с СССР и Польшей.

После выселения судетских и карпатских немцев и начала процесса взаимного обмена населением между Словакией и Венгрией вскоре – в связи с ситуацией с Подкарпатской Русью и постановкой украинского вопроса в Восточной Словакии [см.: 22, s. 22–33] – пришел черед и словацких русинов. В их случае, как и в Польше, чехословацкое правительство заключило с правительством Советского Союза соглашения об обмене населением в форме так называемых договоров об оптации.

Первый из них появился в контексте уступки Подкарпатской Руси СССР и был одним из результатов так называемого московского арбитража по тешинскому вопросу (25–30 июня 1945 г.). Договор о передаче Подкарпатской Руси (в советском варианте Закарпатской Украины) СССР, заключенный в Кремле 29 июня 1945 г., содержал дополнительный протокол, согласно которому, с одной стороны, представителям словацкой и чешской национальности, постоянно проживавшим в Подкарпатье (Закарпатье), предоставлялось право оптации¹ чехословацкого гражданства и переселения на территорию ЧСР. На практике оптация была распространена и на «военных русской или украинской национальности, которые участвовали в рядах чехословацкой армии в войне против Германии за освобождение Чехословакии и членов их семей, проживающих на территории Закарпатской Украины». Согласно принципу взаимности, с другой стороны, лицам украинской и русской национальности, проживающим на территории ЧСР (в границах словацких округов), предоставлялось право оптации советского гражданства и переселения на территорию СССР².

В случае Протокола к договору о Закарпатской Украине от 29 июня 1945 г. согласно формальному признаку можно говорить о классическом договоре об оптации, содержащем сопровождающие данный институт атрибуты. Принимая во внимание фактическую сторону вопроса, необходимо отметить, что право оптации было связано с этнической принадлежностью гражданина, что в действительности было весьма далеко от свободы и справедливости³. В праве свободной оптации

¹ В международном публичном праве *оптацией* общепринято называть право физических лиц определять согласно собственному волеизъявлению свое отношение к государственной принадлежности. *Оптант*, то есть лицо, участвующее в оптации, имеет определенное гражданство и по праву оптации может выбрать другое гражданство или, по крайней мере, отказаться от уже определенного гражданства. Следовательно, под оптацией понимается право физических лиц выбирать между гражданством двух или более государств. Речь идет о прекращении существующего гражданства и одновременно получении нового гражданства. Наиболее часто оптация встречается при изменении государственных границ, при цессии территории (уступки территории одним государством другому), когда определенным категориям лиц, проживающих на конкретной территории, которая на основании международных договоров переходит под суверенитет другого государства, предоставляется возможность выбрать между существующим и новым гражданством [15, s. 148].

² Sbíрка zákonů a nařízení republiky Československé, č. 81/1946. Praha, 1947. S. 1176–1178, 1180–1182.

³ Как заметил историк С. Конечный, «на первый взгляд речь шла о логичном и правомерном решении выбора гражданства (лицами с уступаемой территории – прим. М. Ш.), однако, в действительности уже сама формулировка документа создавало большие проблемы, так как опиралась на принцип национальности, который, как правило, всегда несет большие трудности. Территориальное разграничение не было равноценным и вскрывало прагматический размер договоренной взаимности» [10, s. 31].

гражданства ЧСР было де-юре отказано бывшим чехословацким гражданам иных, нежели чешская и словацкая, национальностей – например, еврейской, венгерской, русской и украинской или русинской (то есть тем из них, кто не воевал в чехословацких подразделениях). Все они автоматически становились гражданами Советского Союза и оставались на территории СССР без права потребовать оптации чехословацкого гражданства и переселения на территорию ЧСР.

Все, таким образом, свидетельствовало о том, что правительство ЧСР имело интерес только к чехам и словакам, а также к военнослужащим-антифашистам, воевавшим за освобождение республики в рядах чехословацкой армии. «Чехословацкие органы государственного управления, находящиеся под сильным влиянием химеры строительства национального государства и значительно пронизанные коммунистами, имеющими сервильное отношение к интересам СССР, в этой области относились к русинам (закарпатским русинам – прим. М. Ш.) как мачеха» [10, s. 34]. Одним словом, другие национальности – потенциальные меньшинства их не интересовали. Это было и следствием позиции СССР, который не был абсолютно заинтересован в сильном уменьшении населения на присоединенных территориях.

Впоследствии, собственно перед реализацией оптации на базе протокола к договору о Закарпатской Украине (далее протокол к договору от 29 июня 1945 г.), 10 июля 1946 г. в Москве был подписана следующая договоренность, касавшаяся оптации и взаимного переселения населения между ЧСР и СССР. Подписание второго договора об оптации между Чехословакией и Советским Союзом означало, что чехословацкое правительство с особым вниманием относится к обмену населением, и именно на этот метод – метод оптации – продолжает в репатриации словаков и чехов из СССР, при этом преследуя цель переселения в СССР украинского и русского населения.

В отличие от первого договора об оптации второе чехословацко-советское соглашение от 10 июля 1946 г. было намного глубже продумано. Инициатива о заключении второго соглашения об оптации с СССР исходила со стороны чехословацкого правительства вследствие первоочередного интереса переселить чешское меньшинство из СССР (так называемых волыньских чехов из украинской Волыни) в Чехословакию¹.

При этом в качестве прецедента было взято соглашение правительства Украинской ССР с Польским комитетом национального освобождения о двухстороннем переселении 1944 г. (одно из так называемых Люблинских соглашений)². Именно такой договор подходил чехословацкому правительству, так как оно собиралась провести подобный обмен населением с СССР. «Соглашение между правительством Чехословацкой республики и правительством Союза советских социалистических республик о праве оптации и взаимного переселения граждан чешской и словацкой национальностей, проживающих в СССР на территории бывшей Волынской губернии, и чехословацких граждан украинской, русской и белорусской

¹ Официальные переговоры с СССР начались в июле 1945 г., когда чехословацкая делегация, воспользовавшись переговорами об уступке Подкарпатской Руси Советскому Союзу, предложила заместителю народного комиссара иностранных дел СССР А.Я. Вышинскому памятную записку (*aide-memoire*), касавшуюся условий переселения волыньских чехов. С этого времени переговоры проходили на уровне министерств иностранных дел [27, s. 70].

² Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5446. Оп. 48. Д. 50.

национальностей, проживающих на территории Чехословакии» (далее соглашение от 10 июля 1946 г.)¹ определяло, что взаимный переход из одного гражданства в другое и переселение из одного государства на территорию другого участвующего в соглашении государства должно осуществляться на принципе полной добровольности. Такой подход – принцип добровольности – явно выделялся (был явный контраст) на фоне польско-украинского соглашения.

Нужно подчеркнуть, что указанный принцип – принцип добровольности – в случае обоих соглашений об оптации чехословацкой стороной в полной мере и соблюдался (что нельзя сказать о следовании принятым на себя обязательствам советскими органами в случае оптации чехословацкого гражданства и переселении в ЧСР лиц словацкой и чешской национальности из Закарпатья – на основе протокола к соглашению от 29 июня 1945 г.) [см.: 26, s. 17; 10, s. 34]. Противоречивый характер обоих соглашений вскоре проявил себя при определении круга лиц, которые имели право оптации советского гражданства и переселения в СССР – чехословацких граждан украинской, русской и белорусской национальности. Очевидно, авторам соглашений была близка утонченная тактика. Как показала непосредственно реализация процесса, второе соглашение об оптации должно было распространяться как на русских, украинцев и белорусов – эмигрантов из Советской России, соответственно потом из СССР, которые в 1918–1939 гг. по той или иной причине покинули свою родину и нашли прибежище в ЧСР, так и на местных «украинцев и русских», то есть словацких русинов. Именно благодаря неоднозначному определению подпадающих под соглашение лиц, то есть русских, украинцев и белорусов, все дело свелось к такому положению, когда одна трактовка дополнялась другой, так как они не были взаимоисключающими. Одним из наиболее убедительных доказательств наличия такой ситуации является факт того, что оптация на основе соглашения от 10 июля 1946 г. распространялась на всю территорию ЧСР и районы оптации (где работали комиссии по оптации, принимавшие и регистрировавшие заявления об оптации) размещались как в западной части республики (Прага, Пльзень, Брно, Братислава), так и в восточной части страны (Бардеёв, Гуменне, Медзилаборце, Прешов). Следовательно, в потенциальных центрах проживания русских и украинцев – эмигрантов и в местах компактного проживания «русских и украинцев» – русинов.

Из-за трудностей, сопутствующих реализации обоих соглашений, общие результаты взаимного переселения между ЧСР и СССР не достигли установленных на основе взаимности величин, на которых настаивала советская сторона². На основе протокола к соглашению от 29 июня 1945 г. в 1946–1947 гг. в ЧСР переселилось (согласно советским официальным данным) 1551 семья – 5000 чел. (согласно чехословацким

¹ Archiv Ministerstva zahraničních věcí České republiky (A MZV ČR). F. TO SSSR 1945–1954. K. 42; ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 48. Д. 50. На чешском языке договор опубликован: ČSR a SSSR 1945–1948. Dokumenty mezinárodních jednání / Zost. K. Kaplan, A. Špiritová. Vmno, 1997. S. 241–246.

² А. Могила, главный уполномоченный правительства СССР по оптации и переселению, который имел богатый опыт по переселению украинцев и русинов из Польши (во время которого польская сторона интенсивно взаимодействовала с советской миссией по переселению), жаловался в вышестоящие органы советского правительства, что «чехословацкое правительство не скупится на приветствия и красивые слова, но работу откладывает и людей в Россию по всей видимости посылать не хочет». Такой ход дела, конечно, не удовлетворял советскую сторону, которая ставила себе цель получить как можно больше оптантов [1, с. 28–29]. В результате этого 27 декабря 1946 г. посол СССР в Праге В. Зорин по поводу оптации направил в МИД ЧСР ноту протеста [ČSR a SSSR 1945–1948. Dokumenty mezinárodních jednání. S. 247].

данным – 5377 чел.) оптантов из Закарпатья¹. Однако, по неофициальным данным, их количество было намного больше. На основе соглашения от 10 июля 1946 г. в Чехословакию из СССР в 1947 г. переселились 10 912 семей волыньских чехов – всего 33 077 человек².

Процесс оптации и переселения в СССР оптантов из Чехословакии начал реализовываться после окончания польско-советского обмена населением (15 июня 1946 г.). Тогда же состоявшая из 50 членов советская миссия по оптации, после некоторых изменений в своем составе, переехала на территорию ЧСР (6 декабря 1946 г.) Собственно переселение осуществлялось с 26 января по 10 мая 1947 г. На украинскую Волынь (в хозяйства переселенных волыньских чехов) на основе двух соглашений по оптации была переселена 2841 семья – 12 401 чехословацкий оптантов (из них из Восточной Словакии было переселено 2665 семей – 12 015 человек) [22, s. 155].

Общее количество чехословацких оптантов, переселенных в 1947 г. в СССР на основе чехословацко-советских соглашений об оптации (по отдельным оптационным районам в ЧСР)

Район переселения	На основе протокола к соглашению от 29 июня 1945 г.		На основе соглашения от 10 июля 1946 г.		Всего на основе двух договоренностей об оптации	
	семей	человек	семей	человек	семей	человек
Прага	–	–	109	236	109	236
Плзень	–	–	32	70	32	70
Брно	–	–	23	56	23	56
Братислава	–	–	12	24	12	24
Бардеёв	603	3046	678	2858	1281	5904
Гуменне	19	83	219	968	238	1951
Медзилаборце	131	543	575	2545	706	3088
Прешов	33	173	407	1799	440	1972
Всего	786	3845	2055	8556	2841	12401

Результаты оптации и переселения в СССР не соответствовали ожиданиям ни одной из заинтересованных сторон. Разочарование советских органов было связано с тем, что не удалось достичь запланированного, ранее установленного на основе взаимности, количества оптантов. Наконец, те, кого оптировали в СССР, были недовольны и с самого начала искали разные возможности обратного возвращения

¹ Однако эти данные оптантов из Закарпатской Украины не являются окончательными. В приведенных данных не были учтены те, кто подал заявления об оптации чехословацкого гражданства на территории ЧСР – в МВД ЧСР в соответствующих подразделениях в Праге, Братиславе и других городах (около 20 000 заявлений). Одновременно не были учтены лица, которые перешли на территорию ЧСР нелегально (то есть перешли границу, подделали необходимые документы или же, приехав в гости к родственникам, уже не вернулись в СССР и пр.) Исходя из этого, количество оптантов из СССР можно приблизительно определить на уровне 20 000 человек (не принимая во внимание тех, которые эмигрировали из Подкарпатской Руси в 1939–1945 гг., то есть 5078 семей – приблизительно 15 000 человек) [см.: 22, s. 155].

² A MZV ČR. F. MZV. K. 8/1949. „Závěreční protokol o ukončení práce československo-sovětské komise pro opci a přesídlení. Moskva, 14. 9. 1949“.

на родину. В Чехословакии не удалось организовать массовый набор людей, которые бы с энтузиазмом шли восстанавливать разрушенное войной советское народное хозяйство. В данном случае было невозможно реализовать сценарий принудительного переселения, который без проблем был осуществлен в прилегающей Юго-Восточной Польше.

Разочарованы были и те, кто верил, что с помощью переселения части населения в СССР удастся достичь определенного урегулирования сложившейся после войны в Восточной Словакии критической ситуации и одновременно решить «украинский» вопрос в Чехословакии.

Больше всего были разочарованы, а в некоторых случаях даже пережили роковую трагедию сами оптанты. Люди, которые шли искать лучшей жизни в стране советов, очень быстро поняли, что из-за собственной наивности и незнания подлинных условий жизни в СССР они стали жертвой советской пропаганды. Первый контакт с советской реальностью даже у тех, кто был наиболее отважным, вызвал разочарование и страх за свое будущее в новой социалистической родине, гражданство которой они добровольно выбрали.

Не менее важным является вопрос, связанный с анализом чехословацко-советских соглашений об оптации с точки зрения международного права. Необходимо отметить, что классическая оптация всегда связана с территориальными изменениями, то есть с уступкой (принятием), передачей части территории с населением под суверенитет другого, обычно соседнего государства. В этой связи возможна оптация – выбор между гражданством, настоящим или новым – и переселение населения, проживающего на данной территории (как это было в случае с оптацией населения на основе протокола к соглашению о передаче Подкарпатской Руси Советскому Союзу от 29 июня 1945 г.). В этом случае возможно говорить о классической оптации.

В отличие от первой оптации, которая распространялась, с одной стороны, на чехов и словаков, проживавших на переданной территории, и с другой – на украинцев и русских, заселявших пограничную территорию, в случае со второй оптацией речь, однако, не шла о территориальных изменениях. Следующей особенностью оптации на основе соглашения от 10 июля 1946 г. было то, что она распространялась не на жителей определенной части страны, а на лиц, проживавших на всей территории Чехословакии. При этом оптантам не предоставлялась возможность получить советское гражданство и остаться на территории ЧСР, они должны были обязательно переехать на территорию СССР. Уже только эти приведенные факты вносят в рассматриваемую проблематику определенные противоречия (если учитывать законность оптации как таковой). Как раз в связи с этим В. Оутрата, один из интерпретаторов международного публичного права, отмечает: «Международным договором оптация может быть определена и в случаях исключаящих территориальные изменения. Если причиной является взаимное преобразование пропорций национального состава населения в областях со смешанным в национальном плане населением, то в этих случаях говорят об обмене населением» [17, s. 138].

В принципе, обмен населением в своей основе не отличается от оптации. Он также проводится на основе международной договоренности и на основе принципа добровольности. В отличие от оптации обмен автоматически связан с выселением.

Одновременно категории лиц, которым предоставляется возможность обмена, определяются по национальному, религиозному и иному другому принципу [15, s. 217]. Таким образом, приведенные признаки обмена населения в полной мере соответствуют процессу оптации и переселения в СССР на основе соглашения от 10 июля 1946 года.

Современные интерпретаторы международного публичного права также согласны в том, что примером такого обмена населением в послевоенные годы как раз была реализация чехословацко-советского соглашения от 10 июля 1946 г. При этом его приравнивают к соглашению, заключенным Польшей с СССР в 1944–1945 гг. [см.: 25, s. 217; 23, s. 41–42; 15, s. 149–150]. Согласно современным оценкам с точки зрения международного публичного права чехословацко-советское соглашение от 10 июля 1946 г. относится к группе так называемых репатриационных договоров¹. Кроме чехословацко-советского соглашения 1946 г. к этой группе относились также и соглашения, заключенные Чехословакией с Францией (в Лондоне в 1944 г.), Румынией в 1946 г., Югославией с 1948 г. и Польшей (протокол о переселении лиц польской национальности из окрестностей г. Гуменне 1948 г. и протокол о переселении лиц польской национальности из Восточной Словакии в Польшу 1949 г.)² [17, s. 138; 25, s. 217].

Таким образом, учитывая вышеизложенное, можно констатировать, что правительство ЧСР, хотя и обозначило рассматриваемый нами процесс как оптацию и переселение, в действительности речь шла о процессе обмена населением с Советским Союзом. Целью этого обмена было в первую очередь возвращение волынских чехов на родину, за которых правительство было готово принести в жертву СССР главным образом население Северо-Восточной Словакии – русинов (официально – украинцев и русских). Этим правительство послевоенной Чехословакии преследовало скрытую цель – упростить сложные этнические и критические социально-экономические условия на смешанной в национальном плане территории Восточной Словакии после Второй мировой войны.

Учитывая время, когда подготавливали и потом реализовывали соглашение об оптации и взаимном переселении, необходимо обратить внимание на тот факт, что чехословацкое правительство не могло открыто говорить об обмене (или, как это было в случае Польши – об эвакуации) населения. Поскольку этим бы оно де-факто поставила так называемых чехословацких украинцев и русских, то есть русинов, в один ряд с венгерским населением Словакии, обвиненным в развале республики, поддержке ирреденты или коллаборационизме с фашизмом), которое было обменено на словаков из Венгрии. Кроме этого, данный шаг способствовал бы не только решительным протестам русинского населения и панике в Восточной Словакии, то есть еще больше усложнил ситуацию в этом регионе страны, но и одновременно поставил бы под сомнение славянскую политическую ориентацию Чехословакии, столь распространенную в послевоенный период. Полагаем, что именно по этим причинам чехословацкое правительство выбрало более спокойное название для акции, которую оно провело в 1947 году.

¹ В основе так называемых репатриационных договоров (или договоров о репатриации) лежит институт оптации. Они заключались с целью создать условия для возвращения переселенцев и их потомков, прошедших натурализацию в одном государстве, в государство их происхождения или в государство, в котором компактно проживали представители их национальности [25, s. 217. см. также: 15, s. 150].

² Dokumenty a materiály k dějinám československo-polských vztahů 1944–1948. S. 77–78.

Таким образом, название «оптация» в качестве обозначения обмена населением с СССР твердо закрепилось в сознании послевоенного общества, а также и в чехословацкой историографии. До 1989 года это не подлежало пересмотру, поскольку в противном случае означало бы новый взгляд на послевоенный период – время создания этнически гомогенного государства чехов и словаков без национальных меньшинств. Важным моментом является также такой нюанс – соглашение между правительством ЧСР и правительством СССР о праве оптации и взаимном переселении, подписанное в Москве 10 июля 1946 г., никогда не публиковалось в Сборнике законов и постановлений Чехословацкой республики.

Перевод со словацкого языка С. М. Слоистова

Список литературы

1. Ванат І. Волинська акція. Обмін населенням між Чехословаччиною і Радянським Союзом навесні 1947 року. Пряшів, 2001. 256 с.
2. Милакова Л. Б. Польша на пути к моноэтническому государству (1918–1947 гг.) // Международный исторический журнал. 2001. № 13. URL: http://www.hrono.ru/statii/2003/1918_47polon.html
3. Мурхауз Р. Перемещение восточной границы «Третьего рейха» и переселение населения (английская точка зрения) // Европа. Журнал Польского Института международных дел. 2004. Т. 4. № 2 (11). С. 141–154.
4. Шмигель М. Советская репатриационная операция в Словакии (1944–1950 гг.) как фактор последствий войны // Социальные последствия войн и конфликтов XX века: Историческая память / отв. ред. Е. П. Серапионова. М.; СПб., 2014. С. 257–270.
5. Bajcura I. Národnostné menšiny v politike KSC // Národnostná otázka a mládež v politike KSC / Ed. J. Briškár. Košice. 1983.
6. Chyský V. Doktrína etnických čistek – usilování o národnostně homogenní státy // Britské listy. 7.3.2007. URL: <http://blisty.cz/art/33232.html#sthash.WZ2Fm35i.dpuf>
7. Gabzdilová-Olejníková S., Olejník M. Karpatskí Nemci na Slovensku od druhej svetovej vojny do roku 1953. Bratislava, 2004. 206 s.
8. Gajdoš M., Sjusko I. Optácia obyvateľov Zakarpatska v československo-sovietskych vzťahoch v rokoch 1945–1947 // Človek a spoločnosť. 1999. Roč. 2. Č. 3. S. 27–34. URL: <http://www.clovekaspolocnost.sk/jquery/pdf.php?gui=TWT6TUB34SFJTUY7BYIIDLUSV>
9. Halczak B., Šmigel' M. K problematike postavenia Lemkov v Poľsku v prvej polovici 20. storočia a ich vysídlenie do Sovietskeho zväzu. Akcia „Visla“ // Acta historica Neosoliensia. 2004. T. 7. S. 187–198.
10. Konečný S. Zmluva o Zakarpatskej Ukrajine a optácia občianstva ZSSR na Slovensku po druhej svetovej vojne // Čo dala – vzala našim rodákom optácia / Ed. M. Gajdoš. Košice, Prešov, 2002. S. 30–38.
11. Kwiek J. Z dziejów mniejszości słowackiej na Spiszu i Orawie w latach 1945–1957. Kraków, 2002. 146 s.
12. Lemberg H. Hranice a menšiny ve východní Evropě – geneze a korelace // Soudobé dějiny. 2000, Roč. 7. Č. 4 S. 654–673.
13. Lowe K. Krutý kontinent. Bratislava, 2014. 496 s.
14. Mironowicz E. Polityka narodowościowa PRL. Białyсток, 2000. 285 s.
15. Mráz S., Poredoš F., Vrškany P. Medzinárodné verejné právo. Bratislava, 2003, 380 s.
16. Naimark N. Plameny nanávisti. Praha, 2006. 234 s.
17. Outrata V. Mezinárodní právo veřejné. Praha, 1960. 646 s.
18. Pociąg do historii. Wrocław, 2008.

19. Polónyová S. Reemigrácie a repatriácie zahraničných Slovákov do vlasti po roku 1945 (tzv. akcia „Mať volá“) // Mígračné procesy Slovenska (1918–1948). Banská Bystrica, 2014. S. 514–535.
20. Sacher V. Dukla bez legend. Bratislava, 1969. 348 s.
21. Šatava L. Národnostní menšiny v Evropě. Praha, 1994. 385 s.
22. Šmigel' M., Kruško Š. Opčia a presídlenie Rusínov do ZSSR (1945–1947): na základe československo-sovietskej dohody z 10. júla 1946. Bratislava, 2011. 340 s.
23. Špirko J. K niektorým právnym aspektom optácie // Čo dala – vzala našim rodákom optácia / Ed. M. Gajdoš. Košice, Prešov, 2002. S. 39–42.
24. Šutaj Š. Parížska konferencia 1946 a mierová zmluva s Maďarskom. Prešov, 2014. 402 s.
25. Tomko J. et al. Medzinárodné verejné právo. Bratislava, 1988. 421 s.
26. Vaculík J. Hledali svou vlast. Praha, 1995. 38 s.
27. Vaculík J. Reemigrace a usídlování volyňských Čechů v letech 1945–1948. Brno, 1984, 223 s.

Поступила 19.05.2017; принята к публикации 19.06.2017

Шмигель Михал, доцент, Университет им. М. Бела, Банская-Бистрица, Словакия.

**EXCHANGE OF POPULATION OF THE USSR
WITH POLAND AND CZECHOSLOVAKIA IN 1944–1947: ANALOGIES
AND DIFFERENCES OF THE ERA OF POLITICAL MIGRATION OF PEOPLES**

Michal Chmigel

Migration processes in Central Europe in the postwar period including resettlement and relocation of the citizens sometimes called “great political relocation of nations” – were the consequences of the war, the Yalta and Postupim system and the power policy, but also an effort to create ethnically homogenous states – countries without minorities. In Central and Eastern Europe, the question concerning Poland came into the forefront during and increasingly towards the end of the World War II. The territorial changes in Poland were very extensive and in this context, the issue of resettlement of citizens from Poland to the Soviet Union and vice versa (based on the Agreements from 1944 and 1945) was the most critical one though it was carried out mainly in the postwar period. As in Poland, the so-called “option agreements” on the resettlement were also concluded between Czechoslovakia and the Soviet Union during 1945 and 1946. Obvious analogies and some differences in these processes can be seen in the context of a new geopolitical situation in Central and Eastern Europe and how the national question in both countries was solved.

Keywords: national question, resettlement of citizens, option, international agreements, postwar Central Europe.

Acknowledgements: the article was translated in the framework of the project of the Russian State Humanitarian Fund № 16-01-14040.

Citation for an article: Chmigel M. Exchange of population of the USSR with Poland and Czechoslovakia in 1944–1947: analogies and differences of the era of political migration of peoples. *West – East*. 2017, no. 10, pp. 214–230.
DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-214-230

References

1. Vanat I. Volins'ka akciya. Obmin naselennyam mizh CHEkhoslovachchinoyu i Radyans'kim Soyuzom navezni 1947 roku [Volyn stock. Exchange of population between the Czechoslovakia and the Radian Union in the spring of 1947]. Pryashiv, 2001, 256 p.
2. Milyakova L. B. Pol'sha na puti k monoethnicheskomu gosudarstvu (1918–1947 gg.) [Poland on the way to a monoethnic state (1918–1947)]. *Mezhdunarodnyj istoricheskij zhurnal* = International Historical Journal, 2001, no. 13. Available from: http://www.hrono.ru/statii/2003/1918_47polon.html (In Russ.).
3. Murhauz R. Peremeshchenie vostochnoj granicy «Tret'ego rejha» i pereselenie naseleniya (anglijskaya tochka zreniya) [Moving the eastern border of the "Third Reich" and the resettlement of the population (English point of view)]. *Evropa. Zhurnal Pol'skogo Instituta mezhdunarodnyh del* = Europe. Journal of the Polish Institute of International Affairs, 2004, vol. 4, no. 2 (11), pp. 141–154. (In Russ.).
4. SHmigel' M. Sovetskaya repatriacionnaya operaciya v Slovaki (1944–1950 gg.) kak faktor posledstvij vojny [Soviet repatriation operation in Slovakia (1944–1950) as a factor of war consequences]. *Social'nye posledstviya vojn i konfliktov XX veka: Istoricheskaya pamyat'* = Social consequences of wars and conflicts of the XX century: Historical memory, ed. by E. P. Serapionova, Moscow, Saint-Petersburg, 2014, pp. 257–270. (In Russ.).
5. Bajcura I. Národnostné menšiny v politike KSC [National minorities in KSC politics]. *Národnostná otázka a mládež v politike KSC* = National Question and Youth in CPC Politics, ed. by J. Briškár, Košice, 1983. (In Slovak.)
6. Chyský V. Doktrína etnických čistek – usilování o národnostně homogenní státy [The doctrine of ethnic cleansing - striving for nationally homogeneous states]. *Britské listy* = British Letters, 7.3.2007. Available from: <http://blisty.cz/art/33232.html#sthash.WZ2Fm35i.dpuf> (In Czech.)
7. Gabzdilová-Olejníková S., Olejník M. Karpatskí Nemci na Slovensku od druhej svetovej vojny do roku 1953 [Carpathian Germans in Slovakia since World War II until 1953]. Bratislava, 2004, 206 p. (In Slovak.)
8. Gajdoš M., Sjusko I. Optácia obyvateľov Zakarpatska v československo-sovietskych vzťahoch v rokoch 1945–1947 [Ottoman occupation of Zakarpatska in Czechoslovak-Soviet relations in 1945–1947]. *Človek a spoločnosť* = Man and society, 1999, Roč. 2, Č. 3, pp. 27–34. Available from: <http://www.clovekaspolocnost.sk/jquery/pdf.php?gui=TWT6TUB34SFJTUY7BYIIDLUSV> (In Slovak.)
9. Halczak B., Šmigel' M. K problematike postavenia Lemkov v Poľsku v prvej polovici 20. storočia a ich vysídlenie do Sovietskeho zväzu. Akcia „Visla“ [The issue of Lemkov's position in Poland in the first half of the 20th century and their displacement in the Soviet Union. “Visla” action]. *Acta historica Neosoliensia* = Historical act Neosoliensia, 2004, vol. 7, pp. 187–198. (In Slovak.)
10. Konečný S. Zmluva o Zakarpatskej Ukrajine a opcia občianstva ZSSR na Slovensku po druhej svetovej vojne [Treaty on Transcarpathian Ukraine and Citizenship of the USSR in Slovakia after the Second World War]. *Čo dala – vzala našim rodákom optácia* = What she had – took our native opt-in, ed. by M. Gajdoš, Košice, Prešov, 2002, pp. 30–38. (In Slovak.)
11. Kwiek J. Z dziejów mniejszości słowackiej na Spiszu i Orawie w latach 1945–1957 [From the history of the Slovak minority in Spiš and Orava in the years 1945–1957]. Kraków, 2002, 146 p. (In Polish.)
12. Lemberg H. Hranice a menšiny ve východní Evropě – geneze a korelace [Borders and Minorities in Eastern Europe – Genesis and Correlation]. *Soudobé dějiny* = Contemporary History, 2000, Roč. 7, Č. 4, pp. 654–673. (In Czech.)
13. Lowe K. Krutý continent [Cruel continent]. Bratislava, 2014, 496 p. (In Czech.)

14. Mironowicz E. *Polityka narodowościowa PRL* [National politics of the Polish People's Republic]. Białystok, 2000, 285 p. (In Polish.)
15. Mráz S., Poredoš F., Vršanský P. *Medzinárodné verejné parvo* [International public law]. Bratislava, 2003, 380 p. (In Slovak.)
16. Naimark N. *Plameny nanávisti* [Flames of hatred]. Praha, 2006, 234 p. (In Czech.)
17. Outrata V. *Mezinárodní právo veřejné* [International public law]. Praha, 1960, 646 p. (In Czech.)
18. *Pociąg do historii* [Train to history]. Wrocław, 2008. (In Polish.)
19. Polónyová S. *Reemigrácie a repatriácie zahraničných Slovákov do vlasti po roku 1945 (tzv. akcia „Mať volá“)* [Re-emigration and repatriation of foreign Slovaks to their homeland after 1945 (so-called Mať volá action)]. *Migračné procesy Slovenska (1918–1948) = Migration Processes of Slovakia (1918–1948)*, Banská Bystrica, 2014, pp. 514–535. (In Slovak.)
20. Sacher V. *Dukla bez legend* [Dukla without legend]. Bratislava, 1969, 348 p. (In Slovak.)
21. Šatava L. *Národnostní menšiny v Evropě* [National minorities in Europe]. Praha, 1994, 385 p. (In Czech.)
22. Šmigel' M., Kruško Š. *Opcia a presídlenie Rusínov do ZSSR (1945–1947): na základe československo-sovietskej dohody z 10. júla 1946* [Option and Resettlement of the Rusyns to the USSR (1945–1947): on the basis of the Czechoslovak-Soviet Agreement of 10 July 1946], Bratislava, 2011, 340 p. (In Slovak.)
23. Špirko J. *K niektorým právnym aspektom optácie* [Some legal aspects of opt-in]. *Čo dala – vzala našim rodákom optácia = What she had – took our native opt-in*, ed. by M. Gajdoš, Košice, Prešov, 2002, pp. 39–42. (In Slovak.)
24. Šutaj Š. *Parížska konferencia 1946 a mierová zmluva s Maďarskom* [Paris Conference 1946 and Peace Treaty with Hungary]. Prešov, 2014, 402 p. (In Slovak.)
25. Tomko J. et al. *Medzinárodné verejné parvo* [International public parvo]. Bratislava, 1988, 421 p. (In Slovak.)
26. Vaculík J. *Hledali svou vlast* [They were looking for their homeland]. Praha, 1995, 38 p. (In Czech.)
27. Vaculík J. *Reemigrace a usídlování volyňských Čechů v letech 1945–1948* [Re-emigration and settlement of Volhynian Czechs in 1945-1948]. Brno, 1984, 223 p. (In Czech.)

Submitted 19.05.2017; revised 19.06.2017

Michal Chmigel, Associate Professor, Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia.

УДК 94(100)"1914/19"

**ВЫСТАВКА «ИССЛЕДОВАНИЯ И РАЗРАБОТКИ США»
В КАЗАНИ 1972 Г. В АМЕРИКАНСКИХ ИСТОЧНИКАХ**

А. Е. Фоминых

Ключевые слова: выставка, Казань, исследования и разработки США.

Для цитирования: Фоминых А. Е. Выставка «Исследования и разработки США» в Казани 1972 г. в американских источниках // Запад – Восток. 2017. № 10. С. 231–244.

DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-231-244

Выставка «Исследования и разработки США» (Research and Development – USA) стала одним из знаковых событий недолгой эпохи «разрядки» в советско-американских отношениях. В Казани, столице Татарской АССР, выставка проходила в течение месяца, с 17 июля по 17 августа 1972 года. Это был третий пункт пребывания передвижной экспозиции: в начале года эта выставка открылась в Тбилиси, затем переехала в Москву (22 марта – 18 апреля) и Волгоград (17 мая – 17 июня), а после Казани была показана в Донецке (14 сентября – 15 октября) и Ленинграде (4 ноября – 13 декабря).

Следует отметить, что выставочная деятельность была типичной формой культурной дипломатии периода холодной войны. Первый обмен национальными выставками между СССР и США состоялся в 1959 году – вскоре после подписания советско-американского соглашения о культурных обменах («соглашение Лэйси-Зарубина» 1958 г.): советская выставка была открыта в Нью-Йорке, а американцы провели свою национальную выставку в московском парке Сокольники. Всего до момента распада СССР Информационное агентство США (USIA) – главный правительственный институт, ответственный за реализацию программ публичной и культурной дипломатии – провело в Советском Союзе 19 тематических выставок в 25 городах. Советским посетителям демонстрировалась индустриальная мощь Америки, передовые научные достижения и технические новинки, в том числе бытового назначения, а также культурные явления и произведения искусства.

Выставка американских научно-технических инноваций в Казани проходила на противоречивом внешнеполитическом фоне. Незадолго до ее открытия, 22–29 мая 1972 года состоялся знаменательный визит президента США Ричарда Никсона в Москву, в ходе которого был подписан целый ряд важных межгосударственных соглашений, в том числе в области контроля над вооружениями (ОСВ-I, Договор по ПРО), а также по сотрудничеству в космосе (будущий проект «Аполлон-Союз»). «Разрядка» способствовала существенному оживлению советско-американских научных и культурных контактов. До конца 1970-х годов было сформировано около 240 двусторонних рабочих групп и комиссий, которые занимались реализацией совместных исследовательских проектов. Тысячи ученых и деятелей культуры участвовали в межгосударственных программах обмена [6]. Эта деятельность была свернута после ввода советских войск в Афганистан в 1979 году и восстановлена только в период перестройки.

Несмотря на определенное потепление в двусторонних отношениях, советско-американские культурные обмены в период «разрядки» окружала атмосфера взаимной подозрительности и недоверия. Директором Информационного агентства США в 1972 году был Фрэнк Шекспир – ярый антикоммунист, бывший топ-менеджер медиахолдинга CBS, получивший это назначение в знак признания его заслуг в проведении успешной президентской кампании Р. Никсона в 1969 году. В период, предшествовавший началу «разрядки», Ф. Шекспир уже отметился резонансными антисоветскими информационными акциями с использованием тематики еврейской иммиграции из СССР, нарушений прав человека и гражданских свобод в Советском Союзе. В качестве контрмер советское руководство инициировало в начале 1970-х глушение сигнала радиостанции «Голос Америки» и ограничило распространение на территории СССР иллюстрированного журнала «Америка» – единственного американского периодического издания, доступного для советской аудитории.

В этой связи, формально соблюдая свои международные обязательства, советская сторона пыталась всячески оградить население от информационных мероприятий USIA на своей территории – правда, с сомнительным успехом. Так, о выставке «Исследования и разработки США» радиостанция «Маяк» сообщила как бы «между делом», а советская печать ограничилась лишь краткими упоминаниями. Когда же экспозиция переехала в Казань, ситуация с освещением (или игнорированием) события в прессе повторилась. Однако, несмотря на усилия пропагандистов, выставку посетили более 2 млн. советских граждан в шести городах (из них 370 тыс. – в Казани). Эти показатели ставят экспозицию 1972 года на второе место по степени охвата аудитории после памятной Американской национальной выставки в Москве 1959 года, зарегистрировавшей 2,7 млн посетителей [4].

В своем стремлении исключить вероятность провокаций в ходе проведения американской выставки власти Казани пошли еще дальше. Местом проведения экспозиции была определена площадка в районе Центрального стадиона им. В. И. Ленина; непосредственно перед выставкой была снесена колокольня Успенского собора постройки 1799–1863 гг., поскольку она ясно просматривалась из района стадиона и могла «вызвать неудобные вопросы» о свободе вероисповедания в СССР со стороны американского персонала выставки (впоследствии

на месте разрушенного собора был построен культурно-развлекательный комплекс «Пирамида»¹.

Для жителей Казани, Татарской АССР и многих других сопредельных регионов американская выставка 1972 года стала событием огромной культурной важности. Подзабытый в наши дни эпизод «брежневской разрядки» для множества советских людей стал первым контактом с Америкой и американцами. Сама экспозиция также представила огромный интерес. Причем гораздо больший ажиотаж у зрителей вызвали не высокотехнологичные разработки и научные новинки (типа пилотируемой капсулы космического корабля «Аполлон», лазеров или компьютеров), а книги, значки, сувенирные пластиковые пакеты, журналы и особенно автомобили.

Огромным спросом пользовались глянцевые рекламные буклеты об автомобилях (у автора в коллекции был каталог моделей «Форда» 1972 года). Желанным для многих сувениром с выставки стали жестяные значки и пластиковые пакеты с ярким красно-синим логотипом. Некоторые участники событий утверждают, что три четверти посетителей шли на выставку именно за бесплатными сувенирами – с целью последующей раздачи друзьям и родственникам или перепродажи. На предприятиях или в учреждениях со строгим режимом выбирали сотрудников, которые брали больничный или отгул, а в действительности отправлялись на американскую выставку – за пакетами и буклетами. По воспоминаниям современников, пластиковые пакеты с выставки были яркими и прочными и служили модным аксессуаром, многократно стирались и использовались иногда в течение нескольких лет. Ходили слухи, что американцы на выставке разбрасывали в толпе посетителей жевательную резинку с целью вызвать давку и сфотографировать советскую публику в компрометирующей ситуации, однако эта информация не находит подтверждения в документальных источниках. Точно так же не находит подтверждения циркулировавшая в городах проведения выставки (в том числе Казани) легенда о якобы проводившейся американцами лотерее, участникам которой предлагалось подобрать из связки ключ зажигания к автомобилю «Линкольн-Континентал»: если бы машина завелась, то досталась бы в качестве приза. Американцы сетовали, что посетители скручивали и отламывали с выставленных машин зеркала заднего вида и эмблемы фирм-производителей на сувениры. В USIA даже выражали сожаление, что главный объект их гордости – спускаемый аппарат космического корабля «Аполлон 10» не вызвал такого ажиотажа, как автомобили.

Полностью оправдало себя решение USIA привлечь для работы на выставке в Казани гидов со знанием татарского языка. Одна из них – родившаяся в Швеции и проживающая в Нью-Йорке татарка по имени Гольнар Сала, отмечала, что посетители были поражены, что она свободно говорила по-татарски, но при этом совершенно не знала русского языка. Для советских татар было сложно отрешиться от привычной реальности и воспринимать своих соотечественников в нерусской культурной среде. Иногда оказывалось, что казанские татары в своих представлениях проецировали советский опыт русификации на межэтнические отношения в США. Так, многие казанцы с недоверием отнеслись к информации, что родители Гольнар Сола открыто исповедуют ислам, и американские власти не принуждают

¹ Казань, Собор Успения Пресвятой Богородицы, [Казань. Успенский собор]. URL: <http://sobory.ru/article/?object=32426> (дата обращения: 20.08.2017).

их говорить только по-английски. Для многих жителей ТАССР также стало открытием, что татарам в Америке разрешено получать образование, в том числе высшее, на общих основаниях, или что в паспортах или иных удостоверениях личности никак не регистрируется ни татарская, ни какая-либо иная этническая принадлежность граждан [4].

Многие посетители-татары жаловались гидам на трудности, связанные с получением образования на татарском языке. Еще одним раздражающим фактором было ограниченное число мест в высших учебных заведениях, что порождало, с одной стороны, коррупцию, с другой – жесткую конкуренцию между абитуриентами и углубление социально-культурного расслоения.

Маргинализация татарского населения, прежде всего молодежи, в современной городской среде в сочетании с эрозией национально-культурной идентичности и бедностью порождала протестные настроения, выразившиеся, в частности, в распространении в 1970-х гг. молодежной преступности (в будущем это явление получит известность как «казанский феномен») [5]. Американцы отметили, что если в других городах проведения выставки довольно типичными были вопросы и комментарии о разгуле преступности и насилия в США, то в Казани эта тема мало кого волновала, учитывая уровень уличного насилия и активность подростковых банд, поделивших город на сферы влияния.

Следует отметить, что наблюдения американских аналитиков в целом совпадают с оценками современных татарских историков. Так, А. Г. Галлямова характеризует проводившуюся в Татарской АССР социальную и культурную политику как «активную и комплексно проводившуюся этническую маргинализацию татар», что во многом было связано с процессами урбанизации: «Стремительно росло количество татар, ориентировавшихся на совершенное знание русского языка, что неизбежно вело к вытеснению родного языка из общеобразовательной школы... Половина горожан-татар во внутрисемейном общении пользовались русским языком... Многие татары старались не демонстрировать свою идентичность. На улицах редко можно было услышать татарскую речь. Городская молодежь переименовывала свои имена на русский лад» [1]. Американские организаторы выставки отметили большое количество вопросов от аудитории, посвященных отношению к религии в США, а также немало негативных комментариев в адрес насаждаемой в Советском Союзе политики атеизма.

Эти и другие аспекты межнациональных отношений в Татарской АССР, а также вопросы социальной стабильности, благосостояния граждан, их лояльности советским властям, отношению к западной информационной продукции и массовой культуре, интересе советских людей к жизни в США нашли отражение в аналитических записках (Research Memorandum), подготовленных USIA по итогам экспозиции. Наряду с доступными в Национальных архивах США (NARA) книгами рукописных отзывов советских посетителей документы USIA представляет собой, пожалуй, наиболее лаконичный и вместе с тем детальный анализ социально-экономической и политической ситуации в отдельно взятом советском провинциальном городе.

Аналитические записки содержат обзор впечатлений советской аудитории от основных экспонатов выставки и американского персонала, в том числе гидов, говорящих на татарском языке. Сотрудники агентства тщательно фиксировали типичные темы интереса советских граждан, их вопросы гидам, позитивные

и негативные комментарии, отражающие восприятие американских научно-технических достижений, внешней и внутренней политики США, популярной культуры, образа жизни американцев.

Казанская выставка «Исследования и разработки США» 1972 года отличается от показа в прочих городах СССР тем обстоятельством, что после нее Исследовательская группа USIA подготовила не один, а два отчета: один общий стандартный (по итогам мероприятия) и отдельный, посвященный положению татар в СССР и их политическому и социальному поведению. Небольшие по объему документы (по 4 страницы машинописного текста) резюмируют результаты опросов и наблюдений, сделанных сотрудниками Информационного агентства США в период пребывания экспозиции в Казани.

Введение в научный оборот русских переводов аналитических записок USIA позволяет передать атмосферу идеологического противостояния Востока и Запада, заложниками которого были простые люди. В то же время американские аналитики достаточно объективно зафиксировали многие явления социально-культурной жизни советской Татарии 1970-х годов: стремительную урбанизацию и индустриализацию, активное насаждение русского языка в сфере образования, отказ значительной части татар от использования родного языка и, как следствие, быстрое размывание этнической самоидентификации. В то же время в документах нашли отражение и тенденции к возрождению национального движения татар, проявившиеся уже в годы перестройки.

Перевод документа

(перевод с английского на русский выполнен автором вступительной статьи; особенности стилистики (подчеркивания, примечания и т. п.) по возможности были сохранены):

National Archives Records Administration, USA. Record Group 306.U.S. Information Agency. Entry 64. Office of Research and Media Reaction. Box 33. Research Memoranda, 1963-99. Research Memorandum M-79-72. National Attitudes of Soviet Tatars in Kazan

[Титульный лист]

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА

Информационное агентство США Исследовательская служба

M-79-72

Для служебного пользования

20 октября 1972 г.

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ СОВЕТСКИХ ТАТАР В КАЗАНИ

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ:

Настоящий документ дополняет четвертый по счету отчет (из шести отчетов), основанных на беседах между американскими гидами и советскими посетителями в каждом городе проведения выставки Информационного агентства США «Исследования и разработки – США» во время показа в Советском Союзе. Из-за значительного объема материала по межнациональным отношениям татар, собранного в Казани, в особенности татароговорящими гидами, указанная тема стала предметом отдельной аналитической записки, подготовленной с аннотациями

Исследовательской службы. Все прочие сведения, относящиеся к выставке в Казани, включены в обычный отчет, четвертый в серии (М-80-72). Предыдущие отчеты включают выставки в Тбилиси (М-29-72), Москве (М-54-72) и Волгограде (М-64-72). В следующих отчетах будут освещены Донецк (сентябрь-октябрь) и Ленинград (ноябрь-декабрь). По завершении экспозиции Исследовательская служба подготовит итоговый документ с оценками мероприятия.

*СПИСОК РАССЫЛКИ

[опускается]

[Конец титульного листа]

[Страница i – Содержание (опускается)]

[Страница ii]

ОСНОВНЫЕ ТЕЗИСЫ

Почти две трети от 370 000 посетителей выставки составляли лица неславянского происхождения, в основном татары.

Национальные вопросы играли важную роль в ходе экспозиции. За некоторыми исключениями, русские склонны демонстрировать снисходительное отношение к татарам.

Работавшие на выставке гиды со знанием татарского языка притягивали татарскую аудиторию как магниты. Татарские посетители доверительно сообщали им о своей озабоченности по поводу религии и предвзятого отношения, а также об угрозах их языковой и культурной целостности. Для татарских родителей на первом месте стояли проблемы национального образования и профессионального развития.

Татарское население Казани, по всей видимости, смирилось с русским доминированием, но идентифицирует себя исключительно как татары. Особый интерес они проявляли к жизни татар за рубежом.

Наряду с признаками снижения религиозности среди татар-мусульман наблюдались также и доказательства возрождения интереса к религии среди родителей детей младшего возраста.

Проявлялся интерес к трансляциям западных программ на татарском языке.

[Конец страницы ii]

[Страница 1]

Введение

Проводимая агентством выставка «Исследования и разработки – США» была несомненным успехом в Казани, столице Советского Татарстана. При том, что освещение события в прессе ограничилось заметками в одно предложение в день открытия мероприятия комментарии в газетах «Советская Татария» (на русском языке) и «Социалистик Татарстан» (на татарском языке), 370000 посетителей прошли через павильоны экспозиции в течение 28 дней показа (с 17 июля по 17 августа). Два гида со знанием татарского языка сделали все возможное для привлечения

местных татар на выставку. Почти две трети от 370 000 посетителей выставки составляли лица неславянского происхождения, в основном татары¹. Каждый четвертый посетитель выставки представлял молодежь в возрасте от 16 до 24 лет; соотношение мужчин и женщин было примерно одинаковым, каждый четвертый посетитель занимался ручным трудом.

Межнациональные отношения

Посетители задавали много вопросов о «национальности». Русские посетители были особенно настойчивы в выяснении национального происхождения гидов и редко довольствовались ответом «Я американец». Русские хотели выяснить все о русской общине в Америке, включая такие вопросы, как: действительно ли все русские в Соединенных Штатах мечтают вернуться на «родину». Немногие русские посетители выставки позволяли себе негативные комментарии в адрес татар, или вообще затрагивали в общении национальный вопрос, но несколько гидов отметили, что у них осталось впечатление, что русские в Казани относятся к своим татарским соседям пренебрежительно².

[Конец страницы 1]

[Страница 2]

Тем не менее некоторые русские уважительно относятся к татарам и татарской культуре. Один официант в столовой для персонала выставки отлично говорил по-татарски и его считали татаринном. Однако он оказался русским. «Я живу среди татар. Почему бы мне не говорить свободно на их языке?» – ответил он.

Русские посетители редко делились с русскоязычными гидами своими чувствами и наблюдениями по поводу отношений с татарами. В то же время татарские посетители были буквально «загипнотизированы» гидами со знанием татарского языка, и были гораздо более открыты к доверительным беседам. В разговорах с татароговорящими гидами наибольшую озабоченность у татарской части аудитории выставки вызывали вопросы религии, сохранения национального языка, культуры и идентичности. «На самом деле все мы – верующие», – часто сообщали татары шепотом. Татары также были склонны делиться с гидами своими переживаниями по поводу будущего татарской культуры. Несмотря на гордость татарскими театрами, книгоиздательством, многие отмечали, что татарский язык пребывает в упадке, ослабляясь многочисленными русскими заимствованиями³. Потеря

¹ Татары – пятая по численности советская национальность (5 млн 931 тыс. чел., по переписи 1970 г.), являются наследниками Золотой Орды, которая подчиняла себе Россию в Средние века и впоследствии попала под влияние ислама. Они являются частью большой группы советских граждан, принадлежащих к традиционно мусульманским национальностям (наряду с узбеками, казахами и др.), в настоящее время насчитывающей более 30 000 000 чел., большинство из которых имеют много общего в языковом и культурном отношении. До революции 1917 года татары обладали процветающими классами буржуазии и интеллигенции (здесь и далее примечания приведены, как в источнике).

² Отношение некоторых русских к татарам отражено в широко распространенной в СССР по сей день поговорке «Незванный гость хуже татарина».

³ В 1970 году на татарском языке было опубликовано 195 книг общим тиражом 2 891 000 экз. Ежемесячный литературный журнал на татарском языке «Казан Утлары» («Огни Казани») издается тиражом 90000 экз. Согласно переписи 1970 г., 89,2 % татар считали татарский своим родным языком, и 62,5 % свободно владели русским в качестве второго языка.

культурной идентичности особенно чувствуется среди городских татар¹. Гиды отмечали, что дети в городских татарских семьях часто отвечали своим родителям по-русски, даже если те обращались к ним по-татарски.

Родители иногда делали замечания детям за плохое знание татарского языка. «Видишь? – указал один из таких родителей на американских гидов, – У них в Америке нет татарских школ, ей уже 34 года, и она хорошо говорит по-татарски. А ты? Живешь среди своего народа и забываешь собственный язык!».

[Конец страницы 2]

[Страница 3]

Говорилось о том, что для татарских детей в Казани получить хорошее образование на родном языке почти невозможно. Как сообщали гидам посетители, хотя татары составляли до половины населения Казани, менее одной пятой от общего количества городских средних школ осуществляла обучение по-татарски, но и в них основным языком обучения был русский. Татарские средние школы, как оказалось, отличались от русских только тем, что предлагали изучение татарского языка и истории в качестве факультативных предметов². Образование являлось одной из главных тем интереса в Казани, как и в других городах проведения выставки. В Казани особую остроту приобрел вопрос о жесткой конкуренции между советскими студентами, пытающимися бороться за ограниченное количество мест при поступлении в высшие учебные заведения³. Это постоянное давление в сочетании с эрозией национально-культурной идентичности и неудовлетворительными условиями проживания приводят к неудовлетворенности среди многих казанских татар. «Мы не татары. Мы больше и не люди теперь», – жаловался один мужчина.

Один храбрец провел в библиотеке выставки получасовой семинар по истории татарского народа. Он рассказал об истории подавления татар со времен покорения Казани Иваном Грозным: «Она [Казань] никогда не будет такой, как прежде». Он знал все об организации «Идель-Урал» (общество татарских эмигрантов в Германии). «Даже здесь и сейчас нам не дают говорить на родном языке, – заявлял выступающий, – Мы не можем ничего сказать. Наши девушки не могут выйти замуж за татарских парней. Наш язык умирает из-за распадающихся семей и смешанных браков. Нас выдавливает из Казани растущее русское население. Понятно, что в Америке так плохо относятся к русским из-за того, что они сделали с татарами в Советском Союзе». С последним утверждением некоторые слушатели не были согласны. «Вам не следует так говорить», – пытались вмешаться

¹ Более подробный обзор жалоб на русификацию и другие притеснения по национальному признаку, нашедшие отражение в литературе на татарском языке, содержится в работе: Burbil G. "Like the Proverbial Phoenix..." *Mid East*. Washington, October 1969, pp. 45 ff.

² В отличие от других крупных мусульманских национальностей, татары не имеют статуса полноценной «союзной» республики с наличием внешней международной границы, а лишь «автономную» республику, или анклав, полностью окруженную территорией РСФСР. Тем самым их сопротивление языковой и культурной ассимиляции ослаблено по сравнению с другими мусульманами в СССР.

³ Для сведения, согласно переписи 1970 г., среди татар насчитывалось 11617 представителей научных профессий. Это количество в 10 раз больше, по сравнению с данными 1950 г. (в сопоставлении с шестикратным ростом той же категории среди русских за тот же период). Однако в пересчете на душу населения доля русских научных работников в 2,5 раза выше, чем татарских ученых.

некоторые. Но затем они продолжили этот самый настоящий семинар, задавая оратору все новые вопросы.

[Конец страницы 3]

[Страница 4]

Казанские татары, очевидно, не видят для себя выхода из сферы русского доминирования. Тем не менее они идентифицируют себя исключительно как татары¹. Но делают это преимущественно в своей среде, не так явно проявляя идентичность в отношениях с русскими. Русскоговорящим гидам на выставке посетители-татары задавали гораздо меньше вопросов, касающихся национальных отношений. В большинстве случаев вопросы были просты: «Где найти татароговорящих гидов?». Как только они их находили, беседа принимала доверительный характер.

Вопросы татар к гидам, владеющим татарским, фокусировались на жизни татарской общины в Соединенных Штатах, ее сплоченности, приверженности мусульманской вере и проявлениям дискриминации, если такие случаются. «Разрешается ли детям в татарских американских семьях вступать в браки не с татарами, например, с русскими или американцами?» – было одним из часто задаваемых вопросов. «Много ли татар на руководящих постах? Есть ли в США татары-миллионеры? Служат ли татары в американской армии?» – эти вопросы также вызвали интерес.

Отношение к религии

Многие пожилые татары в Казани полагают, что молодое поколение, как татары, так и русские, является потерянным для религиозной традиции, по крайней мере сейчас. «Я верю в Аллаха, и знаю, что вы, американцы, тоже верите в Аллаха», – с большим достоинством сказал один старик, «Но эти комсомольцы не верят ни во что. Они сами – ничто!». На этих словах русская женщина ударила его в спину, а другой мужчина начал выталкивать его из толпы. «Делайте со мной что хотите! Все, что я сказал – правда!», – продолжал кричать старик, пока не исчез из поля зрения гида.

[Конец страницы 4]

[Страница 5]

В словах другого татарина было несколько больше надежды. «В прошлом году поставили спектакль, в котором была сцена с мечетью, и люди ходили туда, чтобы помолиться Аллаху», – рассказывал он, – Это был большой успех. В этом году сценарий будет опубликован. Многие наши молодые люди не верят. Но, возможно, если такие пьесы разрешают, среди татарской молодежи еще произойдет религиозное возрождение».

¹ Советское исследование межэтнических отношений, проведенное и опубликованное в 1969 г., пришло к «общему заключению» по вопросу «существования двух типов национализма». Далее: «Один из них представляет собой традиционный тип предрассудков, происходящих от недостатка образования и межэтнических контактов – тип, который имеет тенденцию к уменьшению вследствие преодоления этих причин. Второй был определен как «национализм нового типа», возникающий в условиях смешанной национальной среды, «в которой наблюдается интенсификация конкуренции за престижную работу и т.п.». (Цит. по: Зев Кац. «Социология в Советском Союзе», Проблемы коммунизма, май – июнь 1971, с. 38).

Один из татароговорящих гидов отмечал, что у него сложилось впечатление, что среди подростков преобладают атеистические представления, однако, по мере взросления и особенно когда молодые люди становятся родителями, их интерес к религии возрастает.

Иностранские трансляции на татарском языке

Один посетитель-татарин все еще испытывал негодование из-за того, что «Голос Америки» прервал вещание своей татарской редакции, хотя это произошло 20 лет назад¹. «Мы можем только просить, но вы можете потребовать, чтобы они снова начали!» – умолял он.

Некоторое признание получила Татарская служба «Радио Свобода». Группа татарских редакторов задала вопрос о дикторах, читающих ролевые радиосериалы. Слушатели могли определить различия между мишарским (западным) и казанским акцентом [дикторов].

Однако один из умных и образованных татар отдавал предпочтение «Голосу Америки» и Би-Би-Си. «Они прекрасны, – такова была его оценка, – Все, что они делают, они делают хорошо. Они говорят нам все, что мы хотим знать. Но та, другая программа – она для нас оскорбительна». По его словам, иногда он встает поздно ночью, чтобы поймать трансляции программ «Голоса Америки» и Би-Би-Си.

[Конец страницы 5. Конец Документа]

Перевод документа:

National Archives Records Administration, USA. Record Group 306. U.S. Information Agency. Entry 64. Office of Research and Media Reaction. Box 33. Research Memoranda, 1963-99. Research Memorandum M-80-72 “Research and Development – USA Exhibit in Kazan”.

[Титульный лист]

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА

Информационное агентство США Исследовательская служба

M-80-72

Для служебного пользования

20 октября 1972 г.

ВЫСТАВКА «ИССЛЕДОВАНИЯ И РАЗРАБОТКИ – США» В КАЗАНИ

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ:

Настоящий отчет является четвертым в серии из шести отчетов, основанных на беседах между американскими гидами и советскими посетителями во всех городах проведения выставки «Исследования и разработки – США» в Советском Союзе. (Из-за объема данных по татарскому национальному вопросу, собранных в Казани, в особенности гидами, владеющими татарским языком, данная тема обсуждается в отдельной аналитической записке – M-79-72. В настоящем отчете обсуждаются другие аспекты казанской выставки).

¹ «Голос Америки» на татарском языке начал вещание в декабре 1951 г. и прекратил трансляции в конце 1953 года.

Предыдущие отчеты включают выставки в Тбилиси (М-29-72), Москве (М-54-72) и Волгограде (М-64-72). В следующих отчетах будут освещены Донецк (сентябрь-октябрь) и Ленинград (ноябрь-декабрь). По завершении экспозиции Исследовательская служба подготовит итоговый документ с оценками мероприятия.

*СПИСОК РАССЫЛКИ [опускается]

[Конец титульного листа]

[Страница i – Содержание (опускается)]

[Страница 1]

Введение

Как отмечалось в записке М-9-72, казанский показ выставки «Исследования и разработки США» привлек очень большое количество посетителей: 370000 в течение 28 дней (с 17 июля по 17 августа); освещение события в прессе состояло из заметки в одно предложение, опубликованного в день открытия в двух местных газетах. Согласно оценкам, каждый четвертый посетитель выставки представлял молодежь в возрасте от 16 до 24 лет; соотношение мужчин и женщин было примерно одинаковым, каждый четвертый посетитель занимался ручным трудом. Информация, представленная в данном отчете, основана главным образом на материалах бесед между американскими гидами и посетителями выставки. (Невозможно говорить о научном анализе взглядов всего населения, рассматривая лишь суждения посетителей отдельно взятой выставки. Отбор лиц, дававших комментарии, происходил стихийно, сам собой – вероятно, эти люди более открыты для международного общения. Кроме того, людей, которые действительно беседовали с гидами, методологически вряд ли можно считать типичной представительной группой населения).

Гражданские свободы

Ограничение, которое ощущали на себе большинство посетителей выставки, особенно молодые люди – почти полный запрет выезда за рубеж. Посетители хорошо осведомлены о том, что они не могут выезжать за границу, тем более – в Соединенные Штаты.

Общеизвестны ограничения, накладываемые на публичное высказывание своего мнения и иное самовыражение. Многие посетители, с которыми разговаривали гиды, знали о мерах по усилению режима, которые должны были помешать ведению продолжительных бесед между персоналом выставки и жителями Казани. «За вами, американцами, следят везде, куда бы вы ни пошли... Не останавливайтесь в темных углах, чтобы с кем-то поговорить. За каждым, с кем вы беседуете, следят... Будьте осторожны», – так два татарских милиционера предупреждали одного из татароговорящих гидов. С точки зрения простого обывателя, экономическое благополучие оказывается возможным только при смиренном принятии ограничений гражданских свобод. Люди не хотят понижения зарплаты или потери возможностей карьерного роста.

[Конец страницы 1]

[Страница 2]

Интерес к международным делам

Многие посетители задавали вопросы о действиях США во Вьетнаме. От бесед со многими из них осталось впечатление, что Вьетнам является единственным серьезным препятствием для дружественных отношений между США и СССР. Посетители желали выяснить, что общественность в США думает о вьетнамском конфликте: «Что средний рабочий думает о Вьетнаме?», «Что думают студенты колледжей... Многие ли из них участвуют в протестах? Разрешено ли это?».

Большое любопытство вызывала кампания по выборам президента. «За кого вы будете голосовать?» – было самым типичным вопросом. Многие русские составили положительное мнение о президенте Никсоне со времени его визита в Москву, но для многих русских позиция сенатора МакГоверна по окончании войны во Вьетнаме перевешивала их симпатии к президенту.

Вопросы по Анжеле Дэвис регулярно задавались во время выставки, при этом наибольший интерес вызывало, почему она находилась в заключении так долго и согласны ли гиды с тем, что она невиновна. Большинство комментаторов при этом были убеждены, что ее освобождение произошло благодаря общественной кампании, а не системе правосудия.

Не было практически никаких вопросов по ситуации на Ближнем Востоке.

Тема Китая является почти запретной. Лишь немногие посетители спрашивали, улучшаются ли отношения между США и Китаем. Некоторые отметили, что советско-китайские отношения сейчас «плохие».

[Конец страницы 2]

[Страница 3]

Оценки жизни в США

Живой интерес по отношению к Соединенным Штатам и американцам не отличался от того, что уже было в трех городах, где выставка показывалась ранее. Американский уровень жизни, наша образовательная система, меры по поддержке безработных, пожилых и инвалидов являлись предметами особого внимания. «Сколько зарабатывает средний американский рабочий?» – вопрос, который задавали в Казани чаще всего. Один из посетителей пытался завязать дискуссию о том, что высокий уровень заработной платы в Соединенных Штатах вводит в заблуждение, поскольку стоимость товаров и услуг также высока, однако в основном посетители соглашались с тем, что США сильно опережают их по качеству жизни. Экспозиция сама по себе усилила впечатление большинства посетителей о феноменальной покупательной способности среднестатистического американца. Что касается пенсий и здравоохранения, вопросы в основном касались размера выплат.

Большинство казанских посетителей выставки уверены в том, что черные в Америке – бедные, угнетенные и подверженные сегрегации от белых. Тема преступности в Америке не вызвала особенного любопытства, поскольку уличное насилие в самой Казани является общепризнанным фактом.

Продукция USIA

Радиостанцию «Голос Америки» слушают в самой Казани и в ее окрестностях, хотя говорят об этом мало. «Нам приходится держать это в секрете», – сказал один студент. Казанская молодежь хорошо знакома с западной музыкой, во многом благодаря «Голосу Америки» и Би-Би-Си. Немногочисленные критики обвиняли «Голос Америки» в клевете и лжи по отношению к Советскому Союзу, однако большинство посетителей демонстрировали позитивное или, по крайней мере, сдержанное отношение к трансляциям иностранных программ. Несмотря на глушение, сигнал «Голоса Америки» принимается на частоте 25 и 31 метр. Одна американофилка заявила, что слушает радио только при включенном глушении, поскольку помехи в эфире доставляют ей особенное удовольствие.

[Конец страницы 3]

[Страница 4]

На выставке в Казани был в наличии только один номер журнала *America Illustrated* [«Америка» – прим. пер.] с президентом и миссис Никсон на обложке. Те, кому удалось его получить, дорожили им, как сокровищем. Некоторые посетители подходили на раздачу три или четыре раза в надежде, что им удастся получить дополнительные экземпляры – уже после того, как все журналы были розданы. В самом городе, где, по условиям контракта, должно было поступить в продажу через «Союзпечать» 300 экземпляров, журналы отыскать не удалось. Одна решительная татарская женщина средних лет заявила, что знакома с кем-то, кто занимается распределением журнала «Америка» в Казани. Устроив за этим человеком настоящую охоту с целью заполучить свежий номер, она в итоге собрала целую стопку прошлых выпусков.

[Конец страницы 4. Конец документа]

Список литературы

1. Галлямова А. Г. Татарская АССР в период постсталинизма (1945–1985 гг.). Казань: Татар. кн. изд-во, 2015. С. 398–399.
2. Фоминых А. Е. Книги отзывов Американской национальной выставки в Москве 1959 года // Запад – Восток. № 3. 2010. С. 110–120.
3. Chronology: American Exhibits to the U.S.S.R. U.S. Department of State. Diplomacy in action, режим доступа: <http://www.state.gov/p/eur/ci/rs/c26473.htm#research>
4. Michael Parks. “Soviets Have No Idea What U. S. Life is Really All About,” *Baltimore Sun* (Baltimore, MD), Sept. 25, 1973). Quoted in: J. Miller. *Soviet and Eastern European Reactions to American Exhibitions: Cultural Exchange and the Cold War. 1961–1976*, p. 20.
5. Stephenson S. ‘The Kazan Leviathan. Russian street gangs as agents of social order’. *Sociological Review*, Vol. 59, Issue 2, May 2011, pp. 324–347.
6. Richmond Y. *Practicing Public Diplomacy: A Cold War Odyssey (Explorations in Culture and International History)* (Berghahn Books, 2008), 192 p., p. 137–138.

Поступила 15.09.2016; принята к публикации 15.10.2016

Фоминых Алексей Евгеньевич, кандидат политических наук, доцент, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, alex fom@volgatex.net

**EXHIBITION “RESEARCH AND DEVELOPMENT OF USA”
IN KAZAN, 1972, IN AMERICAN SOURCES**

A. E. Fominykh

Citation for an article: Fominykh A. E. Exhibition “Research and development of USA” in Kazan, 1972, in American sources. West – East. 2017, no. 10, pp. 231–244. DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-231-244

References

1. Gallyamova A. G. Tatarskaya ASSR v period poststalinizma (1945–1985 gg.) [Tatar ASSR in the period of poststalinist (1945–1985)]. Kazan': Tatar. kn. izd-vo, 2015, pp. 398–399. (In Russ.).
2. Fominykh A. E. Knigi otzyvov Amerikanskoj natsional'noi vystavki v Moskve 1959 goda [Book reviews of the American national exhibition in Moscow, 1959]. *Zapad – Vostok* = West – East, no. 3, 2010, pp. 110–120. (In Russ.).
3. Chronology: American Exhibits to the U.S.S.R. U.S. Department of State. Diplomacy in action. Available from: <http://www.state.gov/p/eur/ci/rs/c26473.htm#research>
4. Michael Parks. “Soviets Have No Idea What U. S. Life is Really All About,” *Baltimore Sun* (Baltimore, MD), Sept. 25, 1973). Quoted in: J. Miller. Soviet and Eastern European Reactions to American Exhibitions: Cultural Exchange and the Cold War. 1961–1976, p. 20.
5. Stephenson S. ‘The Kazan Leviathan. Russian street gangs as agents of social order’. *Sociological Review*, Vol. 59, Issue 2, May 2011, pp. 324–347.
6. Richmond Y. *Practicing Public Diplomacy: A Cold War Odyssey* (Explorations in Culture and International History) (Berghahn Books, 2008), 192 p., pp. 137–138.

Submitted 15.09.2016; revised 15.10.2016

Aleksei E. Fominykh, Ph. D. (Political), Associate Professor, Mari State University, Yoshkar-Ola, alex fom@volgatex.net

УДК 9.94

**ГРАЖДАНЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
В СЛОВАЦКОМ ДВИЖЕНИИ СОПРОТИВЛЕНИЯ****С. Мичев**

Материалы содержат обширную информацию об участии советских граждан в антифашистском движении Сопротивления в Словакии в 1942–1944 годы, сохранившуюся в Музее словацкого национального восстания в Банской Быстрице, директором которого является автор публикации. Антифашистское движение в Словакии представляли партизанские отряды, куда входили и советские военнопленные, бежавшие из немецких концлагерей. Партизанское движение находило огромную поддержку у местного населения в горах и деревнях Словакии. Советские солдаты и офицеры приняли участие в подготовке и проведении Словацкого национального восстания 1944 года. С конца октября 1944 года партизанские части во главе с советскими командирами участвовали в партизанской войне. Несмотря на современные интерпретации исторических событий, можно констатировать, что участие советских граждан в партизанском движении и Словацком национальном восстании способствовало его успеху и разгрому фашизма.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Словацкое национальное восстание, движение Сопротивления.

Для цитирования: Мичев С. Граждане Советского Союза в словацком движении Сопротивления // Запад – Восток. 2017. № 10. С. 245–251.

DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-245-251

Словацкое партизанское движение формировалось и развивалось в период с 1942 г. до начала Словацкого национального восстания 1944 года. Первые вооруженные группы партизан на территории Словакии начали возникать в 1942 году. В них входили подпольщики, дезертиры из рядов словацкой армии, преследовавшиеся по политическим и расовым мотивам. Но особенно много было советских военнопленных, бежавших из немецких концентрационных лагерей и лагерей в Польше, Чехии, Австрии и Германии, а также советских людей, отправленных на принудительные работы. Первые беженцы появились в Словакии уже в 1942 году. Сотнями они пересекали Словакию в восточном направлении, укрывались в словацких горах и деревнях. Их поддерживало местное население и движение Сопротивления. После ознакомления с обстановкой они оставались в Центральной и Восточной Словакии для вооруженной борьбы с фашизмом.

Уже весной 1942 года беженцы начали создавать лесные лагеря в Северо-Западной и Центральной Словакии с помощью различных частей движения Сопротивления и подпольных революционных народных комитетов. Уже к лету 1944 года советские беженцы, сосредоточившиеся в лесных лагерях, имели в своем распоряжении благодаря бойцам движения Сопротивления достаточное количество оружия и боеприпасов. В первых партизанских группах основную часть составляли офицеры и солдаты Советской Армии (50–60 % их состава).

Первоначально население Словакии встречало их вдоль моравско-словацкого и польско-словацкого пограничья. Самое большое количество баз и лесных лагерей было создано в Центральной Словакии. До начала Словацкого национального восстания в этом регионе в различных партизанских соединениях было сосредоточено свыше тысячи советских беженцев. Подпольный Революционный народный комитет и силы Сопротивления взяли на себя задачу по их снабжению и вооружению. О том, как их встречали словацкие жители, рассказывает один из беженцев: «После годов и месяцев страданий, голода, болезней, мороза, изнурительной работы, после бесконечных дней и ночей побега, преследуемые чужой речью, треском выстрелов, лаем собак, босые, ободранные, изголодавшиеся, мы очутились в сказочной стране, жители которой говорили на близком нам языке. Словаки предоставили нам все: продукты, одежду, лекарства и деньги, но в первую очередь возможность воевать с оружием в руках против нашего врага. Мы знали, что хоть и погибнем в этом бою, мы погибнем за свободу братского народа и будем лежать в прекрасной словацкой стране».

Многие из советских солдат и офицеров стали организаторами партизанского движения и командирами партизанских частей. В схватках с опытным врагом они проявляли чудеса отваги, храбрости, героизма и самоотверженности, служа примером для словацких и других партизан. Местные жители высоко их ценили, видя в них авангард Советской армии.

Подавляющее большинство советских граждан, совершивших побег, стремилось в Восточную Словакию, куда уже к 1943 г. частям Сопротивления удалось переместить около 200 беженцев. Еще 100 человек прибыло в район Липтова. Весной 1944 года в Восточной Словакии действовало уже четыре группы партизан, во главе которых стояли советские офицеры. В начале апреля 1944 года командиром самой многочисленной и значительной группы – ганушовской – был назначен И. К. Балюта-Ягупов, а начальником штаба – словак Л. Кукорелли. Из этой группы была позднее создана самая значительная партизанская часть в Восточной Словакии – партизанское соединение «Чапаев», в рядах которого воевали сотни советских солдат и офицеров, бывших военнопленных. Командиром второй партизанской группы – врановской – стал Ш. А. Пучков, гуменской – А. Г. Емельянов по кличке Пугачев, и четвертой – бардеевской – Н. М. Литвин-Рокоссовский. Подавляющее большинство партизан в этих частях весной и летом 1944 г. составляли представители Советской армии.

Бывшие советские военнопленные были ударной частью и первой группы партизан под командованием В. Жингора в районе Турца, возникшей весной 1944 года. Лесными партизанскими базами в г. Врутки, в Нецпальской, Требостовской и Канторской долинах командовали советские офицеры Н. А. Сурков, П. Ф. Колесников, И. М. Высоцкий и Н. Поляков. Еще до появления этих баз командиром первого лесного лагеря в Валчябской долине был П. В. Анцупов. Из этих партизанских объединений в августе 1944 г. была сформирована 1-я Чехословацкая партизанская бригада им. генерала М. Р. Штефаника, в рядах которой ведущие командные посты занимали вышеназванные советские офицеры.

До начала Словацкого национального восстания в районе Турца сосредоточилось несколько сотен партизан, составивших ядро 1-й и 2-й чехословацких партизанских бригад. Помимо словаков и французов, значительную их часть составляли советские партизаны, бывшие военнопленные и беженцы. Огромную помощь советские офицеры и солдаты (особенно офицеры П. А. Баранов, И. Й. Шабля и И. Й. Часнык) оказали партизанской группе «Ситно» в районе верхнего течения реки Нитра.

В районе Липтова в Западных Татрах в начале июня 1944 г. возникла партизанская группа под командованием А. Н. Каличенко, в рядах которой насчитывалось около 50 советских солдат. В августе 1944 года эта группа создала первый отряд, позже первый батальон 1-й Чехословацкой партизанской бригады им. И. В. Сталина.

Советские офицеры занимали важные командные посты в самых разных партизанских соединениях в Словакии. Например, И. Ф. Рябикин являлся командиром второго отряда партизанской бригады «Яношик», Д. П. Вознюк был командиром третьего отряда той же бригады, С. Ф. Кирчанов – командиром отряда «Тельман» партизанской бригады «За свободу славян». Так же следует упомянуть М. Й. Вотинцева, К. Х. Данилова, командира партизанской роты батальона «Суворов» 1-й чехословацкой партизанской бригады имени генерала М. Р. Штефаника (с ноября 1944 г. командира второго партизанского полка им. Яна Швермы), П. К. Андрущенко, комиссара партизанского отряда «Кантор» 1-й Чехословацкой партизанской бригады им. И. В. Сталина, и В. Медведева-Фурманова, организатора партизанского отряда «Яворина» в районе Мыявских хуторов, вместе с которым он присоединился к отряду «Гурбан» 2-й Чехословацкой партизанской бригады им. И. В. Сталина. В общей сложности сотни советских солдат и офицеров участвовали в Словацком национальном восстании и партизанской войне в горах. Десятки из них навсегда остались в Словакии, погибнув в боях против фашизма. Без них невозможно представить себе зарождение партизанского движения в Словакии, а также его боевую и прочую деятельность в годы Второй мировой войны.

Второй большой приток советских людей, участников Словацкого национального восстания, связан с летними и осенними месяцами 1944 года. На помощь словацкому партизанскому движению с территории СССР приходили десятки организованных партизанских групп, которые со временем превратились в многочисленные партизанские части – отряды, бригады, соединения. Их членами были советские партизанские командиры, офицеры, сержанты и солдаты Советской Армии, которые накопили опыт партизанской войны на оккупированной территории СССР. Позже эти части пополнили словаки и чехи, прошедшие обучение в специализированных центрах Украинского штаба партизанского движения (УШПД) в Киеве. Помимо специальных разведывательных, диверсионных и партизанских организованных групп УШПД направлял в штабы партизанского движения в Словакии представителей 1-го и 4-го украинских фронтов (особенно в зимние месяцы 1944–1945 гг.).

В ночь с 25 на 26 июля 1944 г. в Липтовску Осаду высадилась первая партизанская группа из СССР во главе с П. А. Величко, политруком А. К. Ляхом и начальником штаба И. Й. Черногоровым. В ее составе было девять советских граждан и двое словаков. В Низких Татрах, где была создана партизанская база, в последующие две недели десантировались другие партизанские группы. В ночь с 5 на 6 августа 1944 г. 15 членов группы Л. Калины с начальником штаба Е. П. Волянским (семь советских граждан), 7 августа 1944 г. группа из восьми человек Э. Биелика с начальником штаба И. В. Ермаковым (четыре советских гражданина), в ночь с 7 на 8 августа 1944 г. – 22 члена группы А. С. Егорова с политруком И. П. Мыльниковым и начальником штаба А. П. Ржецким (19 советских граждан) и в тот же день еще восемь членов группы М. Сечанского с начальником штаба П. И. Химичем (четыре советских гражданина).

64 партизанских руководителя, из которых из СССР было 43 человека, представляли для словацкого партизанского движения значительную помощь. В Словакии

сложились чрезвычайно благоприятные условия для формирования и деятельности партизанского движения. После установления контактов с силами Сопротивления и революционными народными комитетами, а также с существующими партизанскими группами начался массовый приток словацких граждан, советских и других беженцев в организуемые партизанские части. В этот период, вплоть до начала Словацкого национального восстания, были сформированы знаменитые партизанские части, сыгравшую выдающуюся роль в обороне свободной повстанческой территории и позднее в партизанской войне в Словакии зимой 1944–1945 годов. Это были 1-я Чехословацкая партизанская бригада им. генерала М. Р. Штефаника с командиром П. А. Величко, которая отличилась в боях за Стречнянскую ложбину, у села Приекопа, в обороне Турца, долины реки Грон и у села Сеноград, партизанская бригада «За свободу славян», командиром которой с сентября 1944 г. стал И. П. Волянский, и отряды которой воевали у сел Тельгарт, Приекопа, Кошуты и в районе Гемера, далее 1-я Чехословацкая партизанская бригада им. И. В. Сталина во главе с С. А. Егоровым, отличившаяся в обороне Турца и долин горного хребта Большой Фатры, а также партизанская бригада им. капитана Яна Налепки с командиром М. Сечанским, которая перекрыла продвижение немецких частей в район верхнего течения реки Нитры и в долину реки Грон. В упомянутых партизанских бригадах воевали сотни советских партизан. До начала Словацкого национального восстания в Словакию десантировалось несколько партизанских частей и организованных групп, которые способствовали расширению сопротивления и партизанского движения в целом.

27–28 августа на базу в г. Склавния прибыла авиадесантом организованная группа с начальником штаба В. И. Клоковым и заместителем начальника Д. М. Резумом, образовавшая позднее ядро партизанского соединения «Ян Жижка». Оно развернуло свою боевую деятельность в районе верхнего течения реки Нитра, в Стражовских горах и в Западной Словакии. В начале февраля 1945 г. из нее выделилась партизанская бригада «Суворов» под командованием Д. М. Резуты и В. И. Клокова.

В ночь с 28 на 29 августа 1944 г. в Склабине десантировались восемь членов диверсионно-разведывательной группы М. П. Осипова-Морского, переместившейся в район Оравы и сформировавшей там партизанский отряд «Вперед». В первые дни восстания партизанская база в Склабине приняла 21 бойца организованной группы Й. Ушака с начальником штаба Д. Б. Мурзиным. Эта группа пробилась в Западную Словакию, переправилась через реку Ваг, после чего действовала в Моравии. Она стала основой 1-й Чехословацкой бригады им. Яна Жижки, которой с декабря 1944 г. командовал Д. Б. Мурзин.

До начала Словацкого национального восстания в район сел Балаже-Приеход в Центральной Словакии прибыла партизанская группа А. Воробьева, которая позднее действовала как партизанский отряд в бригаде «Смерть фашизму». 1 сентября 1944 года в Комятной на Ораве высадились восемь членов группы А. Шаропова-Шарова, преобразованной в партизанский отряд «Сигнал». В район Оравы из Польши еще 10 августа 1944 г. перебазировался партизанский отряд П. С. Тихонова, организовав партизанскую базу в Личивной.

В течение августа 1944 года из Польши и Украины на территорию Восточной Словакии были переброшены многочисленные партизанские части, насчитывавшие сотни советских партизан. Первой вновь с 3 на 4 августа 1944 г. десантировалась часть под командованием В. А. Карасева-Степанова, на базе которой было создано партизанское соединение им. Александра Невского. Оно сражалось в Восточной

Словакии, отличилось в обороне повстанческой территории на юго-западном направлении у городов Крупина, Банска Штявница, поселков Швабы и Жибритов. Его составной частью была десантная группа под командованием Г. Д. Авдеева-Смирнова, десантировавшаяся с 5 на 6 августа 1944 г. на Чергове. В дальнейшем из него была образована Нитранская партизанская бригада. В ночь с 8 на 9 августа 1944 г. у села Шарбов в Восточной Словакии границу пересекли диверсионная группа и партизанская бригада под командованием В. А. Квитинского, позже переименованная в Самостоятельную партизанскую бригаду им. Клемента Готвальда. Последняя действовала зимой 1944–1945 гг. в районе Низких Татр и Словацкого рудогорья. 25 августа 1944 года у г. Медзилаборце на территорию Словакии перебралось 700 членов партизанской бригады им. И. В. Сталина, которой командовал М. И. Щукаев. В Словакии бригада, пополнившаяся словацкими солдатами и офицерами и другими добровольцами, была реорганизована в партизанское соединение им. И. В. Сталина. С октября 1944 года по февраль 1945 г. это соединение осуществляло боевые действия в районе Словацкого рудогорья, хотя некоторые из ее частей действовали в Низких Татрах, Старогорских горах, Словацком раю, на Чергове и в Сланских горах. Это партизанское соединение относилось к числу самых многочисленных в Словакии, в составе которого были десятки советских командиров и сотни советских партизан.

Среди не столь многочисленных партизанских частей, перебазировавшихся в августе 1944 г. в Восточную Словакию, были партизанский отряд Л. Я. Беренштейна (отряд «Пожарский»). И. С. Майорова (отряд «Майоров»), позднее составная часть партизанского соединения «Чапаев» Р. С. Стрельцова-Курева (отряд «За родину»). На территорию Восточной Словакии десантировались партизанские группы А. А. Мартынова (отряд «Сталин», позднее бригада «Сталин»), П. Н. Михалюсенко (отряд «Ястреб») и В. П. Логвиненко (отряд «Щорс»).

Во время Словацкого национального восстания на аэродром «Три Дуба» приземлились разведывательные и организационные группы С. С. Петрова-Корпулева (отряд «Петров» бригады «Смерть фашизму»), А. Меньшикова-Соколова (отряд «Победа»), П. В. Федорова-Фаустова (бригада «Заря»). В других районах Словакии советские легчики высадили девять диверсионно-разведывательных и партизанских групп, среди которых самыми известными были группы И. Д. Диброва (2-я Чехословацкая партизанская бригада им. И. В. Сталина), А. М. Садиленко (бригада «Хрущев»), Н. В. Волкова (бригада «Смерть фашизму»), В. М. Козлова (бригада «Народный мститель»), М. Я. Савельева (отряд «За родину») и А. Й. Нищименко (отряд капитана Балвского). Помимо этого, из Польши на территорию Словакии перешла партизанская бригада «Сергей» под командованием Н. А. Прокопюка (Восточная Словакия) и партизанский отряд «Яромов» под командованием В. П. Яромова (Орава).

Координацией деятельности партизанских отрядов, бригад и соединений руководил с 16 сентября 1944 г. Главный штаб партизанских отрядов в Словакии (ГШПО) в Банской Быстрице, где работали опытные советские офицеры. Сначала это был В. И. Храпко, а с 30 сентября 1944 г. А. Н. Асмолов, заместитель командира Карола Шмидке. В разных отделах ГШПО действовали И. В. Акаловский, Й. Г. Филатов, М. С. Царьградский, М. Клоков, В. П. Сурков, В. П. Седненков. После отступления в горы с 29 октября 1944 г. партизанской деятельностью на всей территории Чехословакии руководил Главный штаб партизанского движения в Чехословакии в Ломнистой долине. Его начальником оставался А. Н. Асмолов, кроме него важные посты занимали И. И. Скрипка-Студинский (первый заместитель начальника),

С. Г. Терехов (начальник разведки), И. В. Акаловский (начальник группы радистов), М. С. Царьградский (начальник партизанского лагеря) и В. И. Кузнецов (начальник охраны штаба). Этот высший руководящий орган партизанского движения соединился с частями Советской Армии 19 февраля 1945 г. в городе Брезно.

С конца октября 1944 года партизанские части в Словакии с советскими командирами участвовали в партизанской войне, считающейся вторым этапом Словацкого национального восстания. Кроме уже перечисленных частей в зимние месяцы 1944–1945 гг. в словацких горах воевали и другие партизанские отряды и бригады, укомплектованные советскими командирами и партизанами. Например, Самостоятельный партизанский отряд «Родина» («Семья») под руководством А. А. Парницкого (Кисуце), партизанский отряд «Киров» с командиром А. Ф. Гуровым (Низкие Татры), отряд «Белов-Коваленко» под руководством А. Д. Коваленко (Восточная Словакия), самостоятельный партизанский отряд «Пламя» под руководством Н. С. Лаурика-Путилова (Северо-Западная и Западная Словакия), самостоятельный партизанский отряд «Колодежный» во главе с Н. Ленташем (Гемер-Малогонт), партизанская бригада «Сталин», которой руководили Г. М. Лошаков и М. Кучера (Низкие Татры), самостоятельный партизанский отряд «Победа» под руководством А. Й. Макаренко (Прашива), Словацкая народная партизанская бригада во главе с К. К. Поповым (Малая Фатра, Западная Словакия, Моравия) и другие.

В партизанских частях присутствовали было много советских женщин, прежде всего это радистки, врачи и медсестры. Например, Л. Андреева-Коновая, радистка бригады «За свободу славян», Г. Булавина, врач партизанской бригады «Сталин» (Маргынов), Н. Дунайская и Н. Кириллова, радистки 1-й Чехословацкой партизанской бригады им. Яна Жижки (Ушак-Мурзин), А. Яхинуна, начальник медицинской службы бригады «Яношик», Л. Копылова, радистка бригады капитана Яна Налепки, Н. Кудина и А. Ряховская, радистки партизанского соединения «Сталин» (Шукаев), А. Негасимова, радистка 2-й Чехословацкой партизанской бригады им. И. В. Сталина, А. Столярова, медсестра 1-ой Чехословацкой партизанской бригады им. генерала М. Р. Штефаника, А. Тимохова, радистка партизанской группы Я. Ушака и многие другие.

В партизанских частях в Словакии на разных этапах Словацкого национального восстания воевало от 2500 до 3000 советских граждан. Сотни из них, в том числе и партизанские командиры, отдали свои жизни в борьбе против фашизма. В селе Бошца 13 октября 1944 г. погиб И. Д. Дибров – командир 2-й Чехословацкой партизанской бригады имени Й. В. Сталина. 29 сентября 1944 г. у Ясеновой на Ораве погиб И. Архипов-Парашенко, начальник штаба партизанского отряда «Сигнал». И. М. Грошев, начальник штаба партизанской бригады капитана Яна Налепки, погиб 18 октября 1944 г. в боях за Бабину. Р. С. Стрельцов, командир партизанского отряда «За родину», отдал свою жизнь 23 ноября 1944 г. у Габуры. П. В. Васильев, комиссар бригады «Сталин» (Маргынов), погиб в январе 1945 г. у Балажей, радист бригады «Яношик» В. Бобкин (Бабкин) – еще в ноябре 1944 г. под Дюмбьером. Н. Кириллова и Н. Дунайская, радистки 1-й Чехословацкой партизанской бригады им. Яна Жижки (Мурзин), погибли 31 марта 1945 г. уже на территории Моравии, так же как и сотни других советских бойцов.

Кроме партизанских частей, советские офицеры, солдаты и летчики прибывали в повстанческую Словакию в рядах чехословацких войсковых частей из СССР, перевозку которых они и организовывали и обеспечивали. Особо стоит упомянуть членов Советской военной миссии в Банской Быстрице во главе с И. И. Скрипкой-Студинским, которая прибыла на повстанческую территорию 6 сентября 1944 г., оперативную

авиагруппу аэродрома «Три Дуба» во главе с Б. Ф. Чирсковым, которая обеспечивала прибытие и отправление советских самолетов, военного кинооператора и кинокорреспондента М. М. Глидера, который прилетел вместе со 2-й Чехословацкой десантной бригадой, военных корреспондентов Б. Полевого и С. Крушинского. Между аэродромами в Кросно и на советской территории и повстанческими аэродромами «Три Дуба» и «Золна» ежедневно летали десятки советских летчиков, перевозивших оружие, материалы, бойцов бригад, а в обратном направлении – сотни тяжелораненных повстанцев в советские тыловые госпитали, где им спасали жизнь. Члены наземного техперсонала 1-го Чехословацкого самостоятельного истребительного полка из СССР на повстанческом аэродроме «Золна» – В. В. Богилов, Г. С. Коровушкин, В. А. Кулаков, В. М. Вилимов и другие – обеспечивали боевую готовность чехословацких летчиков, а в конце октября 1944 г. ушли в партизанские отряды в словацких горах.

Вопреки изменению общественно-политической обстановки и разным интерпретациям исторических событий за последние пятьдесят лет, мы можем констатировать, что участие советских граждан в движении Сопротивления, партизанском движении и Словацком национальном восстании, несомненно, содействовало его успеху.

Поступила 12.07.2017; принята к публикации 12.08.2017

Мичев Станислав (Mičev Stanislav), доктор философии, директор Музея Словацкого национального восстания (Múzeum Slovenského národného povstania), г. Банска Быстрица, stano@stanomicev.sk

CITIZENS OF THE SOVIET UNION IN THE SLOVAK RESISTANCE MOVEMENT

S. Mičev

The most numerous and, certainly, the most considerable part of the foreign citizens participating in the Slovak national revolt was made by representatives of various nationalities of the Soviet Union, including Russians, Ukrainians, Belarusians, Georgians, Armenians, Tatars, Azerbaijanians, Kazakhs, etc. All authors investigating participation of foreigners in the Slovak resistance movement meet in his quantitative assessment – 30 thousand persons. Participation of the Soviet people in the Slovak national revolt has been closely connected with political, military, financial and other aid of the USSR to the Slovak resistance movement in the years of World War II. Participation of citizens of the USSR was especially brightly shown at the organization of activity of the Slovak guerrilla movement in 1942–1945.

Keywords: World War II, the Slovak national revolt, resistance movement.

Citation for an article: Mičev S. E. Citizens of the Soviet Union in the Slovak resistance movement. West – East. 2017, no. 10, pp. 245–251.

DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-245-251

Submitted. 2017; revised. 2017

Stanislav Michev, Ph. D. (Philosophy), director, Museum of the Slovak national uprising (Múzeum Slovenského národného povstania), Banská Bystrica, stano@stanomicev.sk

УДК 94(47).084.2"1917"

**МЕЖДУНАРОДНАЯ ЛЕТНЯЯ ШКОЛА
«1917 ГОД: НОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ»
ДЛЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ-ИСТОРИКОВ СТРАН СНГ, БАЛТИИ И ЕВРОПЫ**

Для цитирования: Чикалова И. Р. Международная летняя школа «1917 год: новые взгляды и новые подходы» для молодых ученых-историков стран СНГ, Балтии и Европы // Запад – Восток. 2017. № 10. С. 252–253.

DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-252-253

С 5 по 10 июня 1917 года в Санкт-Петербурге состоялась Международная летняя школа молодых ученых-историков стран СНГ, Балтии и Европы «1917 год: новые взгляды и новые подходы». В качестве ее главных организаторов выступили Институт всеобщей истории РАН, Санкт-Петербургский государственный университет и Международная ассоциация институтов истории стран СНГ. Проведение мероприятия стало возможным благодаря финансовой поддержке Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ и Российского научного фонда.

В работе школы приняли участие более 85 молодых ученых-историков и опытных преподавателей из Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Латвийской Республики, Литовской Республики, Республики Молдова, Республики Таджикистан, Республики Узбекистан, Украины, Федеративной Республики Германия, Французской Республики, Чешской Республики и Японии. Российская Федерация в географическом отношении была представлена слушателями и преподавателями из Архангельска, Выборга, Екатеринбурга, Москвы, Новгорода, Петрозаводска и Санкт-Петербурга.

В центре внимания школы находились проблемы, связанные с национальными и региональными особенностями протекания революционных процессов в Российской империи. Большой блок вопросов касался новейших исторических источников, прежде всего архивных, и подходов к изучению истории Революции 1917 года. Так, в лекции профессора кафедры всеобщей истории РГПУ им. А. И. Герцена, доктора исторических наук Ю. З. Кантор детально, буквально день за днем, описывались события большевистского переворота 1917 года, идущие вразрез со сложившимися в общественном сознании историческими стереотипами. В лекции профессора кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории Белорусского

государственного педагогического университета, доктора исторических наук И. Р. Чикаловой обсуждались гендерные аспекты революции. В выступлениях ведущего научного сотрудника Института всеобщей истории РАН, доктора исторических наук В. В. Дамье и руководителя Сектора истории России, Украины и Белоруссии Института всеобщей истории РАН, доктора исторических наук А. В. Шубина были затронуты фундаментальные проблемы истории Великой российской революции и обозначены основные направления современной научной дискуссии. Благодаря лекциям профессора Филиппа Комта из Университета Сорбонны и профессора кафедры истории ШАГИ ИОН РАНХиГС, доктора исторических наук К. Н. Морозова слушатели получили возможность поразмышлять над причинами, ходом и последствиями Революции 1917 года в духе альтернативной истории.

Большинство лекций было посвящено национальной и региональной составляющей революции 1917 года в Российской империи. Слушатели познакомились со спецификой протекания революционных процессов в Армении, Бессарабии, Литве, Финляндии и в различных частях Центральной Азии. Выступавшими были озвучены современные научные оценки ключевых проблем истории революции и обозначены основные направления современной научной дискуссии в отношении ее событий. На занятиях также были затронуты проблемы формирования и сохранения исторической памяти о Великой российской революции.

Фоторепортаж, лекционные материалы и полная программа работы летней школы опубликованы на ее сайте: <https://euruss.ru>

И. Р. Чикалова

Поступила 20.10.2017; принята к публикации 20.11.2017

Чикалова Ирина Ромуальдовна, доктор исторических наук, профессор, Белорусский государственный педагогический университет, г. Минск, Республика Беларусь, irinachikalova@gmail.com

**INTERNATIONAL SUMMER SCHOOL
“1917: NEW VIEWS AND NEW APPROACHES”
FOR YOUNG SCIENTISTS IN CIS, BALTIC AND EUROPE**

Citation for an article: Chikalova I. R. International Summer school “1917: new views and new approaches” for young scientists in CIS, Baltic and Europe. West – East. 2017, no. 10, pp. 252–253. DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-252-253

Submitted 20.10.2017; revised 20.11.2017

Irina R. Chikalova, Dr. Sci. (Philosophy), Full Professor, Minsk, The Republic of Belarus, irinachikalova@gmail.com

УДК 94(4)+911.3

**НОВОЕ РОССИЙСКО-СЕРБСКОЕ ИЗДАНИЕ
ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ БАЛКАН**

Для цитирования: Абрамова И. Ю., Обидина Ю. С. Новое российско-сербское издание по истории и культуре Балкан // Запад – Восток. 2017. № 10. С. 254–257.

DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-254-257

Будучи одним из самых интересных локусов взаимодействия Запада и Востока, Балканский регион не так уж и часто исследуется в длительной исторической перспективе. Антиковеды и византилисты, слависты и тюркологи (перечень открыт) регулярно обращаются к различным стратам культурного наследия Балкан, не слишком задумываясь о пересечении исследовательских вопросников и подчас не фокусируя внимание на принципиальной проблеме соотносительности тех многочисленных «имагинальных географий», сплетение которых некогда и позволило заговорить о причудливом «балканском мире», понятом в качестве то ли «истинной и утраченной», то ли «несостоявшейся» Европы, и уж, во всяком случае, – Европы *иной*. Должна ли эта *иная Европа* восприниматься как поле сугубо антикварных штудий либо может выступать актуальным ориентиром в процессах (кросс)культурного диалога и созидания – предмет нескончаемых дискуссий и для профессионального сообщества, и для публичных интеллектуалов, не говоря уже о политиках или журналистах.

Именно сложный диалог разнообразных социокультурных традиций – наряду с практиками их разграничения (как в реалиях повседневности, так и в оптике соответствующих субдисциплин и дискурсивных форматов) – стал объединяющей темой для авторов нового периодического издания «Балканские тетради – Балканске свеске. Ежегодник по истории и культурной географии Балкан» (<http://www.bt.unn.ru/>), которое с 2017 г. реализуется на базе Университета Лобачевского (Н. Новгород, Россия) и Университета г. Нови Сад (Сербия) при поддержке крупнейших научно-просветительских ассоциаций двух стран – Российского исторического общества (РИО) и Матицы Сербской. Инициированный с целью развития партнерских отношений между вузами городов-побратимов, этот издательский проект, по заверению редакторов, быстро перерос рамки сотрудничества двух университетов и может восприниматься как площадка «обмена мнениями и обсуждения результатов исследования для широкого круга специалистов, занятых балканской тематикой в странах региона, России и мире» [1, с. 6]. На деле перед нами относительно рыхлый по структуре и качеству представленных текстов альманах, которому только предстоит выработать и собственный стиль и узнаваемый (а не декларируемый) предметный профиль.

Впрочем, некоторые из программных установок и заявленных редакцией регулярных рубрик ежегодника заслуживают осторожного одобрения уже сейчас. Например, разделяя положение об условности региональных границ и дистанцируясь «равным образом от идеологически и практически мотивированных спекуляций с привкусом старой геополитики, субстанциональной редукции и инструментального форматирования региональных различий» [1, с. 8], редакторы «Тетрадей» ратуют за понимание того, «как соотносятся... исторические процессы различной длительности в одном из главных очагов изменчивой европейской культуры» [там же], что оправдывает и включение в альманах статей по истории / культуре античности (см., напр., [3; 5]) и раннего средневековья, а также интерес издателей к «очищенным от стигмы ориентализма» востоковедческим сюжетам. Вполне обоснованно могли бы смотреться в новом сборнике и развернутые критические обзоры историографии, подобные материалу специалиста по Византии Ирины Ващевой [2]. Наконец, крайне полезной (в условиях все нарастающего объема специальных текстов) была бы и публикация на страницах «Тетрадей» аннотированных указателей новейшей исследовательской литературы (тем более что соответствующий раздел «Библиография и критика» уже представлен в структуре издания, но выглядит довольно скромным, – если учесть, что вошедший сюда очерк Андрея Шемякина ранее публиковался в качестве *Post scriptum* к монографии «Человек на Балканах» [9]).

В рамках небольшого обзора вряд ли уместно перечисление всех материалов, составивших пилотный выпуск ежегодника (благо, его цифровая версия доступна на сайтах двух университетов). Отметим, что его «сербская» часть представлена публикациями самого широкого тематического спектра – от исследований, посвященных специфике культов св. Саввы и св. Стефана Милютина [6; 9], до комментированного перевода рапорта о поездке в Сербию барона Дибича (1811) [7] и статьи об отношениях между Россией и сербами, подвластными Австро-Венгрии, во второй половине XIX в. [4]. Если акцент на развитии трансрегиональных связей и взаимодействии балканских стран с Россией, обозначенный редакторами, будет усилен в следующих выпусках, новый российско-сербский альманах имеет все шансы превратиться в оригинальный издательский проект на стыке истории, антропологии и культурной географии.

И. Ю. Абрамова, Ю. С. Обидина

Список литературы

1. Белов М., Васин Г., Маслов А. Новый ежегодник о Балканах – реальных, воображаемых, созидаемых // Балканские тетради – Балканске свеске. 2017. Ежегодник по истории и культурной географии Балкан. Н. Новгород – Нови Сад, 2017. С. 6–9. Далее – «Балканские тетради. 2017». URL: http://www.bt.unn.ru/files/2017/08/2017_02_belov_vasin_maslov.pdf (дата обращения: 15.09.2017).
2. Ващева И. Балканы в эпоху поздней античности (IV–VII вв.). Степень изученности проблемы // Балканские тетради. 2017. С. 137–148. URL: http://www.bt.unn.ru/files/2017/08/2017_14_vasheva.pdf (дата обращения: 15.09.2017).
3. Марков К. Дион Кассий о паннонцах и своей службе в качестве наместника Верхней Паннонии // Балканские тетради. 2017. С. 13–20. URL: http://www.bt.unn.ru/files/2017/08/2017_03_markov.pdf (дата обращения: 15.09.2017).

4. Микавица Д. Русија и Срби у Хабзбуршкој монархији у време склапања аустро-угарске нагодбе 1867 // Балканские тетради. 2017. С. 72–81. URL: http://www.bt.unn.ru/files/2017/08/2017_09_mikavica.pdf (дата обращения: 15.09.2017).

5. Негин А. Бородатый шлем-маска из коллекции Национального музея в Белграде как образец взаимовлияний оружейных традиций на римском пограничье // Балканские тетради. 2017. С. 21–34. URL: http://www.bt.unn.ru/files/2017/08/2017_04_negin.pdf (дата обращения: 15.09.2017).

6. Половина Н. Свети Сава као музички инструмент. Један вид симболичког представљања хришћанског просветитеља // Балканские тетради. 2017. С. 35–41. URL: http://www.bt.unn.ru/files/2017/08/2017_05_polovina.pdf (дата обращения: 15.09.2017).

7. Рапорт одного императорского русского офицера о Сербии и о положении ее во всяком отношении (перевод, вступ. ст. и комм. М. В. Белова) // Балканские тетради. 2017. С. 85–97. URL: http://www.bt.unn.ru/files/2017/08/2017_10_belov.pdf (дата обращения: 15.09.2017).

8. Стојковски Б. О једној руској римокатоличкој рецепцији култа краља Милутина // Балканские тетради. 2017. С. 42–51. URL: http://www.bt.unn.ru/files/2017/08/2017_06_stojkovski.pdf (дата обращения: 15.09.2017).

9. Человек на Балканах: Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1920 гг. / отв. ред. А. Л. Шемякин. М., 2016.

Поступила 20.09.2017; принята к публикации 20.10.2017

Абрамова Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, irabra@yandex.ru

Обидина Юлия Сергеевна, доктор философских наук, доцент, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, basiley@mail.ru

NEW RUSSIAN-SERBIAN YEARBOOK OF BALKAN HISTORY AND CULTURE

I. Yu. Abramova, Yu. S. Obidina

Citation for an article: Abramova I. Yu., Obidina Yu. S. New Russian-Serbian Yearbook of Balkan history and culture. West – East. 2017, no. 10, pp. 254–257. DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-254-257

References

1. Belov M., Vasin G., Maslov A. Novyj ezhegodnik o Balkanah – real'nyh, voobrazhaemyh, sozidaemyh [A new yearbook about the Balkans - real, imaginary, created]. *Balkanske tetradi – Balkanske sveske*, 2017. *Ezhegodnik po istorii i kul'turnoj geografii Balkan* = Balkan notebooks – Balkan overhang. 2017. Yearbook on the history and cultural geography of the Balkans, N. Novgorod – Novi Sad, 2017, pp. 6–9. (Below – «Balkanske tetradi. 2017»). Available from: http://www.bt.unn.ru/files/2017/08/2017_02_belov_vasin_maslov.pdf (accessed 15.09.2017). (In Russ.).

2. Vashcheva I. Balkany v ehpohu pozdnej antichnosti (IV–VII vv.). Stepen' izuchennosti problema [Balkans in the era of late antiquity (IV–VII centuries). Degree of study of the problem]. *Balkanske tetradi* = Balkan notebooks. 2017, pp. 137–148. Available from: http://www.bt.unn.ru/files/2017/08/2017_14_vasheva.pdf (accessed 15.09.2017). (In Russ.).

3. Markov K. Dion Kassij o pannoncah i svoej sluzhbe v kachestve namestnika Verhnej Pannonii [Dion Cassius on the Pannonian and his service as governor of the Upper Pannonia]. *Balkanskie tetradi* = Balkan notebooks, 2017, pp. 13–20. Available from: http://www.bt.unn.ru/files/2017/08/2017_03_markov.pdf (accessed 15.09.2017). (In Russ.).

4. Mikavica D. Rusija i Srbi u Habzburshkoj monarhiji u vreme sklapanja austro-ugarske nagodbe 1867 [Russia and Serbs at the Habsburg monarchy at the time of the Austro-Ugrian settlement of 1867]. *Balkanskie tetradi* = Balkan notebooks, 2017, pp. 72–81. Available from: http://www.bt.unn.ru/files/2017/08/2017_09_mikavica.pdf (accessed 15.09.2017). (In Slovak).

5. Negin A. Borodatyj shlem-masko iz kollekcii Nacional'nogo muzeya v Belgrade kak obrazec vzaimovliyanij oruzhejnyh tradicij na rimskom pogranič'e [Bearded helmet-mask from the collection of the National Museum in Belgrade as a model of mutual influences of arms traditions on the Roman borderland]. *Balkanskie tetradi* = Balkan notebooks, 2017, pp. 21–34. Available from: http://www.bt.unn.ru/files/2017/08/2017_04_negin.pdf (accessed 15.09.2017). (In Russ.).

6. Polovina N. Sveti Sava kao muzički instrument. Jedan vid simbolichkog predstavljanja hrishchanskog prosvetitelja [St. Sava as a musical instrument. One kind of symbolic representation of the Christian Enlightener]. *Balkanskie tetradi* = Balkan notebooks, 2017, pp. 35–41. Available from: http://www.bt.unn.ru/files/2017/08/2017_05_polovina.pdf (accessed 15.09.2017). (In Serbian).

7. Raport odnogo imperatorskogo ruskogo oficera o Srbii i o položenii ee vo vsyakom otnoshenii (perevod, vstup. st. i komm. M. V. Belova) [Report of an Imperial Russian officer about Serbia and its situation in every respect]. *Balkanskie tetradi* = Balkan notebooks, 2017, pp. 85–97. Available from: http://www.bt.unn.ru/files/2017/08/2017_10_belov.pdf (accessed 15.09.2017). (In Russ.).

8. Stojkovski B. O jednoj ruskoj rimokatolichkoj recepciji kulta kralja Milutina [About one Russian Roman Catholic receptionist cult King Milutina]. *Balkanskie tetradi* = Balkan notebooks, 2017, pp. 42–51. Available from: http://www.bt.unn.ru/files/2017/08/2017_06_stojkovski.pdf (accessed 15.09.2017). (In Serbian).

9. Chelovek na Balkanah: Osobennosti «novoj» yuzhnoslavyanskoj gosudarstvennosti: Bolgariya, Serbiya, CHernogoriya, Korolevstvo SKHS v 1878–1920 gg. [Man in the Balkans: Features of the “new” southern Slavic statehood: Bulgaria, Serbia, Montenegro, the Kingdom of the CCC in 1878–1920]. Ed. by A. L. Shemyakin, Moscow, 2016. (In Russ.).

Submitted 30.10.2017; revised 30.11.2017

Irina Yu. Abramova, Ph. D. (Philology), Associate Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, irabra@yandex.ru

Julija S. Obidina, Dr. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, basiley@mail.ru